

**ДМИТРИЙ
КОЛОДАН**

**КАРИНА
ШАИНЯН**

ЖИЗНЬ ЧУДОВИЩ

ЖИЗНЬ
ЧУДОВИЩ

КАРИНА
ШАИНЯН
ДМИТРИЙ
КОЛОДАН

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

ЛАБИРИНТ

ЗВЕЗДНЫЙ

ДМИТРИЙ КАРИНА
КОЛОДАН ШАИНЯН

ЖИЗНЬ ЧУДОВИЩ

ИЗДАТЕЛЬСТВО **act**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
К61

Серия «Звездный лабиринт» основана в 1997 году

Серийное оформление А. Кудрявцева

Художник Е. Деко

Компьютерный дизайн С. Шумилина

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 27.01.2009.

Формат 84×108¹/32. Бумага газетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 21,84. Тираж 3000 экз. Заказ 708.

Колодан, Д.

К61 Жизнь чудовищ: [фантаст. рассказы] / Дмитрий Колодан, Карина Шаинян. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. — 410, [6] с. — (Звездный лабиринт).

ISBN 978-5-17-057348-6 (ООО «Изд-во АСТ»)

ISBN 978-5-403-00672-9 (ООО Изд-во «АСТ МОСКВА»)

Эта книга — опасное и увлекательное путешествие в невероятный мир, населенный гигантскими кальмарами и чудовищными рыбами, птицами-призраками и растениями-людоедами, зловещими крабами и фантастическими рептилиями. Это — реальная жизнь чудовищ. Сборник удивительных историй от самых интересных авторов новой волны российской фантастики.

ISBN 978-985-16-6998-7 (ООО «Харвест»)

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© Д. Колодан, К. Шаинян, 2009

© ООО Издательство «АСТ МОСКВА», 2009

РАСТЕНИЯ

Далеко не всегда комнатные цветы и растения приносят одну лишь радость. Это живые существа, которым требуется постоянный уход. Они могут болеть, поражаться вредителями и даже просто капризничать.

Сайт «Комнатные цветы в нашем доме»

Выдернув растение, собака подышает.

Борхес. «Книга вымышленных существ»

Карина Шаинян ЗЕЛЕНЫЙ ПАЛЕЦ

Зимняя темнота не действовала на папоротник: он снова выпустил несколько свежих завитков, покрытых серебристым пухом. Оливия запустила руку в сплетение ветвей, потрогала землю — суховата; потянулась за кувшином. Его стеклянные стенки покрылись зеленым налетом, и за ним колыхались пушистые нити. Муть раздражала, но в глубине души Оливии нравилось, что даже в воде, отстаивающейся для поливки, что-то растет. Каждый раз, наполняя кувшины, она опасалась, что хлорка из-под крана убьет водоросли, но они только разрастались.

Что-то мешало воде литься. Оливия наклонила кувшин сильнее, и в горшок обрушился маленький водопадик. Она опасливо склонилась над цветком. В сухих листьях билась, быстро покрываясь землей, крошечная рыбка. Набравшись храбрости, Оливия двумя пальцами схватила трепыхающееся тельце. Рыбка извивалась, пытаясь вырваться, и едва не выскользнула, когда Оливия, не разжимая руки, опустила ее в воду. Грязь смылась, открыв радужную полосу на боку, круглый желтый глаз, прозрачные плавнички — присмотревшись, Оливия узнала аквариумную тетру.

С растерянной улыбкой она запустила рыбку обратно в кувшин. Тетра вильнула хвостом и скрылась в мутной воде.

Оливия даже не помнила, с чего все началось. С отростка хлорофитума, принесенного подругой. С косточки авокадо, зарытой в землю и проклюнувшейся жирным гладким ростком, который очень быстро превратился в деревце с крупными, голубоватыми с изнанки листьями. С кактуса-подкидыша, подобранного в подъезде... Под руками Оливии все росло и расцветало, бурно и необъяснимо. Вскоре ее знали все садоводы города. Как только таял снег, телефон начинал разрываться от звонков. Стоило ей дотронуться здесь, поправить там, посадить пару кустов — дальше шло само. Поначалу Оливия смущалась, говоря, что у нее нет никаких особых знаний и умений, но в конце концов покорила и прикрыла свой

странный дар скромным словечком «озеленитель», аккуратно напечатанным на визитке.

Ко всем этим будничным клумбам, живым изгородям и альпийским горкам она относилась с ласковой насмешкой, и радовалась, когда наступала зима и поток работы в чужих садах иссякал. Каждое утро Оливия просыпалась все позже, наслаждаясь тем, что никуда не надо идти и почти никто не тревожит ее. Друзья уезжали из города на рождественские каникулы. Звали Оливию, но она не соглашалась. «Мне не на кого оставить цветы», — объясняла она. Друзья возражали — мол, можно что-нибудь придумать, договориться... «Да, но...» — отвечала Оливия, придумывая причины все изощреннее. «Это превращается в манию», — говорили ей, но Оливия только тихо улыбалась в ответ. Ехать никуда не хотелось. Ей холодно было выходить на улицу. Оливии хотелось в джунгли, а джунгли были дома.

Темноватая квартира заполнялась все новыми и новыми горшками, и Оливия целыми днями бродила среди зарослей с кувшинами и лейками, подрезала, подвязывала, подливала подкормку, а чаще — просто любовалась, предвкушая мелкие чудеса: свежий росток, невесть как забредшего в куст паучка, новый бутон, пушистую кисть орхидеи, источающую запах карамели.

«Мои джунгли», — говорила Оливия редким гостям. «Зимы не будет», — говорила она, блуждая в зарослях. Иногда она запускала в сухую листву, прикрывавшую землю, резиновую, но очень похожую на настоящую, змейку. Иногда, не удержавшись и не замечая настороженных взглядов, врала знакомым про попугая, поселившегося в безымянной лиане, про мелькнувшего ночью мотылька, про услышанное однажды мяуканье, — веселая чепуха, невинное развлечение.

И вот — аквариумная тетра. Амазонская тетра... Оливия всмотрелась в мутноватую воду и нервно рассмеялась. Забарабанило по окну — на улице мело, и злой ветер швырял в стекло горсти снега. Но здесь, внутри, стояла влажная жара, по окну стекали крупные капли, и в них отражалась зелень листвы. Оливия провела пальцем по стеклу, и капли соединились в ручеек. «Зимы не будет», — прошептала Оливия. Из комнаты послышалось хлопанье птичьих крыльев. «Голубь возится снаружи на подоконнике, — объяснила себе Оливия. — Просто замерзший голубь».

* * *

Вечерами она выключала верхний свет и с ногами забиралась в кресло. Третий год шел дождь над Макондо, книжка выскальзывала из вялых рук, и торшер отбрасывал на потолок резные лиственные тени. Оливия вспоминала котенка, который был у нее в детстве. Настоящего котенка, однажды оказавшегося вдруг на месте любимого плюшевого, — маленькое непрошеное чудовище, наверняка подsunутое родителями, хотя — кто знает? Они ведь так и не признались. Вновь подступал радостный ужас, и Оливия, спасаясь от страха и разочарования, снова и снова говорила себе: ничего необычного. Школьникам дарят рыбок, школьники ленятся за ними ухаживать — помнишь, как ты не хотела возиться с котенком? Рыбки надоедают, и дети спускают их в канализацию. (И перепуганные взрослые тоже, добавлял ехидный голосок.) А оттуда они запросто могли попасть в водопровод. Как? Не знаю, пожимала плечами Оливия; наверняка — очень просто: вспомни, какая гадость льется иногда из-под крана. Или розыгрыш. Розыгрыш! Сестра вечно посмеивалась над ее выдумками. Теперь Оливия припоминала, что Алекс как-то особенно хитро улыбалась перед уходом; а ведь была в гостях совсем недавно. Оливия сердито хмурилась. Нет уж, она не станет звонить: пусть сестрица думает, что шутка не удалась.

В окно барабанил тропический дождь, и в мгновения тишины между ударами капель был слышен тихий шорох. Оливия знала, что это растут цветы. В последнее время они множились особенно бурно, и стоило прикоснуться к любому побегу, как он начинал тянуться и ветвиться, набухая липкими почками. «Амазонская тетра, надо же, — думала Оливия, — славная шутка». Плюшевый котенок вдруг становился теплым и гибким, беззвучно разевал розовую пасть, полную зубов-иглоочек, и выворачивался из рук. «Я же играла, — говорила Оливия, — я просто играла», — но не знала, верит ли себе. Она задремывала, и через опущенные ресницы видела тучи желтых бабочек, кружившихся над влажными листьями бегоний.

* * *

Несколько дней спустя, ясным утром, полным ледяного золотистого света, Оливия увидела, что стена на кухне покрылась паутиной трещинок. Штукатурка осыпалась, обнажив рыжий кирпич. Сквозь проплешины пробивались толстые белесые нити. Они тошнотворно колыхались на сквозняке и на первый взгляд казались червями — живыми и извивающимися. Оливия долго смотрела на них, будто загипнотизированная, а потом в ужасе бросилась в комнату.

В углу у окна, вплотную придвинутый к стене, стоял гигантский прямоугольный горшок с бугенвиллеей — багровое облако цветов на мощных узловатых побегах. Оливия раздвинула стебли и всмотрелась в заросли. Земли почти не осталось — все пространство занимали плотно переплетенные корни. Обожженная глина горшка давно раскрошилась под их напором, и корни впились в стены, взламывая кирпич.

На плечи посыпались малиновые лепестки, защекотало в носу. Оливия выбралась наружу. На пальцах осталась сухая пыль — Оливия машинально потянулась к кувшину с отстоявшейся водой. Задумчиво покачала его, глядя, как колыхнется зеленая пленка на поверхности воды. Сломанная стена — страшно, но объяснимо, сказала она себе. Это не рыбка. («Розыгрыш!» — испуганно закричала внутри Оливия Разумная.) От бугенвиллеи придется избавиться — жаль, но ничего не поделаешь: не позволять же растению разрушать дом. Оливия со вздохом взглянула на пышную шапку цветов, наклонилась, чтобы поставить кувшин на пол, и замерла.

Стена под подоконником раскололась, и сквозь трещину с улицы пробивался мягкий зеленоватый свет. Оттуда тянуло влажным, прелым жаром — скользкой палой листвой, синими поганками на гигантском гниющем бревне, мясистыми цветами с гладкой, восковой сердцевинкой. Парная тишина взорвалась хлопаньем крыльев и хриплым птичьим воплем. Пол качнулся и медленно ушел из-под ног.

Телефон был усыпан сухими листьями. Оливия вдруг поняла, что он молчит уже неделю — с тех пор, как в кувшине нашлась тетра. Будто очнувшись, она оглядела комнату. В зе-

леном полумраке пахло сыростью и плесенью, потолок и стены покрывали разводы, и пол был усеян опавшими листьями и комочками земли.

Она смахнула с телефона мусор и сняла трубку.

— Бугенвиллея сломала стену на улицу, и теперь мне страшно, — говорила Оливия автоответчику, набрав очередной номер. — В стене щель, и из нее пахнет джунглями.

Сестре она позвонила последней.

— Ты совсем заигралась, — тревожно ответила та, и тогда Оливия рассказала про рыбку.

— Я принесла ее в пакете с водой, — сказала Алекс, — извини.

— Мне придется избавиться от растений, — сказала Оливия.

— Достаточно выкорчевать этот здоровенный куст. Жалко, конечно, но...

— Нет. Ото всех, — тихо ответила Оливия. — Ото всех. Мне страшно.

— Глупо. Но как хочешь. — Сестра помолчала и добавила: — Может, оно и к лучшему. Ты совсем заигралась.

Оливия осторожно положила трубку и прикусила губу, чтобы не заплакать. Ни выкинуть, ни тем более выкорчевать свои джунгли она не могла — не поднималась рука, и Оливия решила просто засушить их. «Дождь кончился, — сказала она себе. — Дождь кончился, небо очистилось; хватит сходить с ума».

Она методично обошла квартиру, собирая пластиковые бутылки, лейки и любимые стеклянные кувшины. Отстоявшуюся воду выливала в раковину — из одного выскользнула еще одна тетра и судорожно забилась на дне. Оливия, брезгливо кривясь, ногтем подтолкнула ее к сливному отверстию. Она драила стекло металлической мочалкой, пока на кувшинах не осталось и следа водорослей. Запихала лейки и ведра в самый дальний угол стенного шкафа. Сгребла в пакет пузыри и пакеты с удобрениями и вывалила в мусоропровод. Еще раз обошла квартиру. Схватила было за пылесос, но махнула рукой: все равно скоро все засыплет сухими листьями. Оливия забилась в кресло и, стараясь не смотреть на растения, долго слушала удары капель и шорохи между ними: цветы допивали последнюю в своей жизни воду.

* * *

Она проснулась от жажды. На кухне нашлись лишь остатки минералки — пара глотков, которые едва смочили пересохший рот. Оливия провела языком по шершавым губам и открыла кран. Она гулко глотала, давясь и обливаясь; вода холодным шаром прокатывалась по горлу и падала в желудок тяжелым комом. От нее несло хлоркой и металлом, но Оливия смогла остановиться, только почувствовав, как раздулся живот.

Она оглядела батарею пустых пластиковых бутылок. Прозрачный голубоватый пластик напоминал о горных озерах, полных вкусной воды. Бутылок было много. Неестественно много — столько не могло накопиться за какие-то три дня, и все же... Всего три дня, как она решила избавиться от растений; всего три дня, как страх зайти слишком далеко, всегда таившийся в глубине души, стал зримым и осязаемым. Но новые звуки уже наполняли квартиру — сухое потрескивание, тихие щелчки, песчаный шелест, колкое старческое покашливание.

Ее джунгли умирали. Это было невозможно, неправильно — иногда Оливии случалось не поливать растения и по неделе, и с ними ничего не случалось, но сейчас джунгли умирали. Зеленень сменили оттенки коричневого. Мясистые листья тигровой бромелии стали болезненно-белесыми, почти прозрачными. Папоротник осыпался ржавым кружевом. Все стало ломким и хрупким, и каждый шаг, малейшее сотрясение воздуха приносили новые разрушения.

Оливия подошла к подоконнику — и с шорохом упал еще один лист. Она провела пальцем по стволу граната, покрытому ключьями отслоившейся коры. Оторвала сухой побег, смяла. Стебель рассыпался в скрипучую пыль. Хотелось заплакать — но слезы не шли, лишь резало глаза и до боли сводило горло, и опять страшно хотелось пить.

Вновь наглотавшись из-под крана, Оливия набрала воды в пустую бутылку — вкус тот же, но хоть на вид приятнее. Звонок в дверь застал врасплох — Оливия вздрогнула всем телом и застыла. Открывать не хотелось — казалось, за дверью поджидают чужаки, которые будут всюду совать свой нос, не понимая, что засуха — только ее дело, ее и растений, и больше никого не касается. Будут задавать дурацкие вопросы, как то-

гда — с котенком. Тот тоже был... слишком живой, но никто этого не понимал, никто, кроме Оливии.

Она уже решила сделать вид, что ее нет дома, когда вспомнила, что ждала сестру. Сама попросила прийти — и едва не оставила на пороге. Обтерев испачканные древесной трухой пальцы о джинсы и не выпуская из рук бутылку, Оливия пошла открывать.

— Жалко, — сказала Алекс, оглядевшись. — Может, все-таки не стоило так резко?

— Нет уж, хватит. — Оливия отхлебнула воды, тщательно завинтила крышку. — Ты сама говорила, что я заигралась. Больше никаких растений. Вообще никаких. Ни дома, ни в садах... хватит.

— И что ты теперь будешь делать?

Оливия пожала плечами.

— Понятия не имею, — сказала она. — Я не просила этого умения, я его не хочу. — Подбородок Оливии затрясся, но глаза остались сухими. Она судорожно вздохнула и сжала губы. — Пойдем чаю попьем, — подтолкнула она сестру.

Алекс мрачно смотрела, как Оливия возится с чашками. С сестрой явно творилось что-то неладное. Скулы, будто обтянутые пергаментом, воспаленные губы в трещинах, тусклые волосы, руки, похожие на птичьи лапки... Оливия нажала на кнопку чайника, опять жадно глотнула минералки. Алекс не выдержала.

— Не нравится мне, как ты выглядишь, — сказала она. — И пьешь все время. Ты не заболела случайно?

— Нет.

— Уверена? С тобой явно что-то не то. Может, сходишь...

— Нет! — Оливия сжала руки, выдохнула. — Со мной все в порядке.

Они помолчали, настороженно поглядывая друг на друга. Потом Оливия тихо заговорила, опустив глаза:

— Я все думаю про эту дырку в стене... Я ведь могла бы просто подглядывать, правда? Ведь если ты выходишь на балкон — это не значит, что надо обязательно с него прыгать?

— Что за чушь несешь... — Алекс повертела в руках ложку. — Покажи-ка мне ее. Выдумываешь бог знает что...

— Я ее заделала. Мне показалось, что она становится шире, и я ее заделала.

Они вернулись в комнату. Оливия с натугой отвела в сторону стебли бугенвиллеи, и Алекс расчихалась от сухой пыли и лиственной трухи. Вытирая заслезившиеся глаза, она нагнулась и заглянула под подоконник. Белесый нарост, покрытый сеткой трещин, сначала показался ей огромным уродливым грибом-трутовиком, и она вздрогнула. Но иллюзия быстро рассеялась; присмотревшись, Алекс поняла, что это цемент, грубо нашлепанный прямо поверх обоев. По краям он был темнее — видимо, Оливия добавляла все новые слои.

— Он постоянно отходит, как будто что-то давит с той стороны, и приходится заново замазывать края, — объяснила Оливия.

— Может, просто усыхает и сжимается?

— Может быть, — недоверчиво пожала плечами Оливия.

По ночам Оливии снилось, что ее джунгли все еще живы. Джунгли хотели пить. Они просили. Они требовали — и за ними чудились другие, тонны и тонны зелени, густое органическое варево. Это были лишь тени — но тени, готовые вырвать право на существование любой ценой. Им не было дела до Оливии — она была лишь дверью, через которую жадно ломилась буйная, всепоглощающая, чуждая жизнь. Этот бурлящий, горячий поток готов был вырваться на нее — и сквозь нее, и Оливия с криком просыпалась.

Снова наваливалась жажда, впивалась в стянувшуюся кожу тысячей иголок, песком пробиралась под веки. Оливия шаривала в темноте воду и, с трудом разлепив спекшиеся, потрескавшиеся губы, пила, стараясь не смотреть на окно — из-под подоконника пробивалось зеленоватое свечение, и уродливая цементная нашлепка отбрасывала на стену черную тень, похожую на бездонный колодец. Это продолжение сна, уговаривала себя Оливия, глотая, обливаясь и чувствуя, как вода прохладными струйками стекает по груди. Она на ощупь возвращала бутылку на тумбочку, обессиленно роняла голову на подушку и тут же отключалась, проваливаясь все в тот же сон.

В одну из таких ночей Оливия забыла проснуться.

* * *

Утром она увидела, что цемент под подоконником снова осыпался по краям и лучи, пробивавшиеся из щели, стали как будто ярче. Они примешивались к свету ночника, приглушали его, сплетались в зеленую сеть, сгущая воздух. Зрение Оливии словно раздвоилось: она одновременно видела усохшие стебли, побеги, рассыпающиеся ржавой трухой, пыльные горшки — и призрачную листву, глянцеви́то поблескивающую в темноте зимнего утра. Моргая и потирая глаза, Оливия включила люстру, но яркое электричество не рассеяло тени — наоборот, они сгущались, становились зримее, и уже можно было различить узор фиолетовых жилок на листе, колонну муравьев-листорезов, деловито шагающих по гладкой белой коре, мелькнувшую в ветвях древовидного папоротника разноцветную птицу, пеструю мышь, выскочившую из-под ног. Воздух гудел от насекомых, где-то рядом застрекотала цикада. Все еще призрачные, полупрозрачные, джунгли напряженно ждали, когда Оливия придаст им плоть.

— Ну уж нет, — сказала Оливия. Шарахнулась от эфемерного геккона, суетливо пробежавшего по стене. — Надо проснуться, — приказала она себе. Ресницы слипались, под веками щипало, и очень хотелось зажмуриться, но закрыть глаза было страшно.

Стараясь не задевать засохшие кусты, Оливия проскользнула в ванную и задвинула защелку, радуясь, что так и не собралась поставить там пару кустов попышнее и лампы дневного света, как хотела когда-то. Ванная одна во всей квартире была чиста, пуста, стерильна. Здесь не было ни призраков, ни мертвецов. Здесь пахло шампунем и стиральным порошком. Столик вокруг раковины был уставлен баночками и тюбиками с увлажняющими кремами. Уже привычно напившись из-под крана и умывшись, Оливия наугад открыла один из них и намазала лицо, заранее зная, что это не поможет. Присела на край ванны и уставилась на дверь, будто ожидая, что та сейчас распахнется.

— Надо проснуться, — повторила Оливия.

Она стянула одежду и встала под душ. Трубы натужно загудели, но не пролили ни капли. Оливия удивленно подняла голову, и в этот момент душ, натужно всхлипнув, выплюнул

ей в лицо струи воды настолько мутной, что она больше походила на жидкую грязь. Заорав, Оливия шарахнулась, поскользнулась и растянулась в ванне, одной рукой пытаясь протереть глаза, а другой — дотянуться до крана. Упавший душ вертелся и извивался, то и дело обдавая красными густыми струями, но в конце концов ей удалось перекрыть воду. Оливия осела и разрыдалась, размазывая по груди грязь. Кое-как вытерла лицо, разлепила веки. Сток с протяжным хлюпом втянул в себя остатки воды. На дне ванны остался слой жирного ила. В нем плавали прелые листья и копошились головастики, темные и глянцевиые, как шоколадные конфеты. Взвизгнув, Оливия одним прыжком вылетела из ванны и распахнула дверь.

— Да оставьте же меня в покое! — заорала она.

Квартира встретила ее настороженной тишиной и глухим стуком невидимых капель. Вокруг шептались тени. Под ногами хрустела опавшая листва, сухие веточки кололи ступни. Оливия медленно прошла в комнату. Бугенвиллея в багровой пене цветов вновь загораживала стену, но заглядывать под подоконник не пришлось. Сумрачные зеленые лучи, лившиеся из-под окна, наконец взломали стену. Цементная нашлапка беззвучно взорвалась облачком пыли; доска подоконника медленно приподнялась и рухнула на пол, на глазах рассыпаясь в труху. Рама стремительно темнела; краска как будто растворилась, и стало видно дерево, источенное причудливыми ходами жуков-древоточцев. Стекло вдруг помутнело, рассыпалось в водяную взвесь и ручьем пролилось под ноги Оливии. В оконный проем медленно вползло щупальце лианы. Джунгли стояли на пороге.

Оливия отступила. Резкая боль пронзила косточку на лодыжке, загремела перевернутая ведерная алюминиевая лейка, до сих пор надежно спрятанная в шкафу. Рука сама потянулась к изогнутой ручке, но Оливия, стиснув кулаки и прикусив губу, снова шагнула назад.

— Я не хочу! — прошептала она, нашаривая взглядом хоть какую-нибудь одежду. Издалека донесся глухой рокот. Босые ноги заскользили по полу, усыпанному листьями — но уже не сухими, а влажными, мягкими, почти черными, перемешанными с землей. Оливия опустила глаза и почувствовала, как дыбом

поднимаются волоски на позвоночнике: в перегное, покрывшем паркет, четко виднелся след огромной кошки. Легкий мускусный душок скользнул в воздухе и растворился в запахе грибов.

— Явился, — хихикнула Оливия и медленно выпрямилась во весь рост.

Заросли лиан раздвинулись. Сочно хрупнул под тяжелой лапой стебель бегонии. Заструилось в полумраке пестрое золото меха, и листовые тени пролились на шкуру черными кольцами. Ягуар прогнулся, припал к полу вислым мохнатым брюхом. Разинул клыкастую пасть, показав пунцовое, в темных пятнышках небо, похожее на лепесток орхидеи. Прищуренные глаза распахнулись, обдав фосфорическим пламенем. Оливия улыбнулась и шагнула навстречу.

Никто не знает, что увидела Оливия в глазах ягуара. Известно лишь, что вскоре в квартире этажом ниже сосед раздраженно свернул газету и прислушался к доносящимся сверху звукам. Там лили воду, с дробным громом швырялись пустыми ведрами, били посуду, истерически всхлипывали и орали головами, лишь отдаленно похожими на человеческие. Грохот стоял невыносимый, и сосед сердито посмотрел на часы.

— Что-то садовница сегодня разбуянилась.

— Гости? — предположила его жена. — Нет, вряд ли. Может, уборку затеяла?

Снова грохот и плеск, как будто кто-то выплеснул целую цистерну воды, и металлическое гроыхание. Потом вдруг все затихло, остался лишь неясный фон, тревожный шорох и жужжание на грани восприятия, и только прислушавшись, можно было различить шум льющей из кранов воды и торопливое шлепанье босых ног. Потом душераздирающе заорал попугай; в ответ раздался стремительный стрекот, прерываемый звонкими щелчками. Явственно процокали маленькие копыта, кто-то с шумным хрюканьем заелозил по полу и взвизгнул, когда фыркание перекрыл оглушительный рев.

— Да что у нее там, зверинец, что ли! — соседка страдальчески закатила глаза и подскочила. — Что за черт! Нас заливает!

Потолок сочился мутной водой. Густые капли набухали на потемневшей штукатурке, и вот первая шлепнулась на ска-

терть и впиталась, оставив на светлой ткани налет красновато-го ила. Побагровев от ярости, соседка бросилась к телефону.

Она набрала номер Оливии, выждала несколько гудков и бросила трубку. Выглянула на лестничную площадку, — муж, отчаявшись звонить, уже стучал в дверь кулаками. Вздыхнув, она вернулась на кухню и с ужасом поглядела на потолок. От побелки не осталось и следа; разбухшая штукатурка растрескалась, и из щелей свисали какие-то коричневые и зеленые веревки. Среди них, растопырив прозрачные пальцы-присоски, застыла крошечная лягушка с удивленной физиономией. Перекрестившись, соседка отступила к телефону и принялась судорожно листать блокнот, радуясь, что когда-то Оливия оставила на всякий случай телефон своей сестры.

Когда подоспевшая Алекс открыла дверь, на нее выпорхнула стая бледных мотыльков и осыпалась на плиты лестничной клетки, не выдержав холода. Побегу уже заполонили вход в комнату, цеплялись тонкими усиками за стены и выплескивались на пол в коридоре. В нос ударил горячий запах мха и перегноя; из комнаты в подъезд повалил пар и осел на лица мельчайшими каплями.

— Да она совсем свихнулась, — проворчал сосед, заглядывая через плечо Алекс. Отстранив девушку, он брезгливо раздвинул мокрую листву и встал на пороге комнаты, почесывая в затылке. Алекс приподнялась на цыпочки, чтобы рассмотреть хоть что-нибудь из-за широкой спины, но увидела лишь мокро блестящую, колеблющуюся листву. Она окликнула Оливию, уже не надеясь на ответ. Что-то влажно шлепнулось на пол, сосед шумно втянул воздух и отступил, едва не сбив Алекс. Под ногами, тошнотворно колыхая бахромчатыми краями, стремительно проскользнула огромная плоская многоножка и забилась под плинтус.

— Вроде перестало лить, — деловито крикнули снизу.

— Ну вот и славно, — с явным облегчением откликнулся сосед и поспешно вышел из квартиры.

Оставшись одна, Алекс сделала несколько робких шагов вглубь комнаты. Споткнулась о толстый корень, жадно впившийся в скрытый под листьями и грязью паркет, и останови-

лась. Джунгли подступили со всех сторон; Алекс оглянулась, и приходящая, еще не заполоненная растительностью, показалась ей страшно далекой. Противоположной стены не было видно — лишь на месте окна в листве виднелся просвет, обрамленный трухлявыми, поросшими мхом стволами. От теплой земли поднимались струйки испарений, вились вокруг деревьев и растворялись в лучах зеленоватого света, лившегося с потолка. Алекс еще раз окликнула сестру, но собственный голос показался ей глухим и едва слышным, будто она говорила в мокрую, теплую вату. Тонко чирикнула какая-то пичуга; будто в ответ, откуда-то донесся раскатистый рев. Под ногами зашуршало, и Алекс, всхлипнув, бросилась прочь.

На пороге она оглянулась и сквозь прелый туман, сквозь густую листву увидела, как на прогалину вышла Оливия с огромной лейкой в руке. Алекс едва узнала ее — голую, перепачканную, с ветками и травой, запутавшимися в волосах. Она застыла, прижав ладонь к губам.

Оливия заметила сестру. Приостановившись, она грустно улыбнулась и пожала плечами.

— Наверное, я могла просто подглядывать, — сказала она, будто продолжая старый разговор.

— Ты и сейчас...

— Поздно. — Оливия смотрела на буйствующие вокруг нее джунгли. На ее лице мешались страх, досада и облегчение. Она махнула сестре рукой и беззвучно бросила на мягкий перегной ненужную уже лейку. Издалека снова донесся рев; в нем слышалось торжество.

Больше не оглядываясь, Оливия шагнула в проем бывшего окна и тотчас растворилась во влажном зеленом полумраке, где никогда не бывает зимы.

Алекс тщательно закрыла квартиру. Постояла, прислонившись к двери и прислушиваясь к звукам за ней — влажный шорох, хлопанье крыльев, нервный вскрик мартышки. На всякий случай еще раз потрогала ручку, убеждаясь, что замок крепко заперт, и начала медленно спускаться по лестнице.

Дмитрий Колодан
ЗУБ ЗА ЗУБ

Гарик терпеть не мог «Голуаз». Искренне ненавидел пригорно-кислый вкус, от которого за версту несло портовыми борделями, и волоочащийся за ним шлейф дешевого коротасаровского эстетства. Да только Юлькины приятели, художники-писатели, других сигарет просто не признавали. Всякий раз, когда ее компания собиралась на кухне — попеть песен да распить пару бутылок дешевого, но обязательно чилийского вина, — квартира неизменно пропитывалась «богемным ароматом». Потом Гарика еще неделю мутило и кружилась голова. Юля и сама курила именно «Голуаз», естественно жеманную «ультру», и всячески противилась попыткам Гарика уговорить ее бросить дурную привычку.

— Все потому, что ты стоматолог, — отвечала она на это. — У тебя нарушена система ценностей — вместо того чтобы заглянуть человеку в душу, ты смотришь на зубы.

— Да причем тут моя работа! — возмущался Гарик, раздражаясь из-за женской склонности к неверным толкованиям.

— Ты же не можешь смириться с курящей девушкой, — не унималась Юля. — Как же! Никотин портит зубы! Скоро и конфеты есть запретишь, да?

Дальнейшие попытки что-либо объяснить заканчивались скандалами, хлопаньем дверьми и очередной порцией противного дыма, сочащегося через балконную дверь.

Последний такой разговор случился не далее как вчера, и Гарик до сих пор ощущал неприятный осадок. Рабочий день закончился, но домой идти не хотелось. Юля наверняка еще дует, так зачем спешить? Целый вечер терпеть колкости да давиться макаронами на ужин? Нет уж...

Гарик сидел за столом, заполняя карточки, когда в дверь робко постучали. Не дожидаясь ответа, в кабинет заглянула похожая на землеройку женщина.

— А доктор еще на месте?

Гарик отложил ручку.

— Слушаю.

Женщина растерянно моргнула. Кончик ее носа суетливо дернулся, словно она хотела поморщиться, но не решилась. Гарик давно смирился с тем, что многие мамы не воспринимали его как нормального врача — все-таки возраст еще не тот, — но порой это действовало на нервы. И кроме того, он был готов поклясться, от дамочки несло «Голуазом».

— Вы чего-то хотели?

Женщина вздрогнула и выдавила:

— Нам бы зубик удалить.

Гарик демонстративно посмотрел на часы. Работа в поликлинике требует соблюдения ряда неписанных правил, и излишняя строгость с пациентами в их числе.

— Между прочим, мы работаем до восьми.

— Но доктор, — женщина жалобно улыбнулась. — Мы просто не успели, пробки, и трамваи плохо ходят...

«Конечно, — подумал Гарик, — они не успели! А отправиться с работы на час пораньше, сводить ребенка к врачу, никто не догадался?»

— Как я погляжу, бахилы купить вы тоже не успели? — Гарик вздохнул. — Ладно уж, проходите.

Женщина втянула в кабинет щуплого мальчика лет семи с распухшими от слез глазами.

— Садитесь.

Мамаша помогла ребенку забраться в кресло.

— А ему не будет больно?

— Нет, конечно. Мы даже кричать не будем, правда? — Гарик заговорщицки подмигнул мальчишке. — Покажем маме, что мы уже большие и уколов не боимся?

Ребенок затравленно смотрел на Гарика, вцепившись в подлокотники, как цыганка-гадалка во влюбленную девицу. Он вяло кивнул, но колени заметно дрожали. Гарик повернулся к женщине.

— Анестезия бесплатная или платная? — Гарик щелкнул перчатками.

Естественно, платная. И, естественно, мальчишка кричал — не от боли, конечно, а от надуманного страха. Зуб, нижняя шестерка, почти развалился. Гарик мысленно выругал мать ребенка — надо сильно постараться, чтобы запустить все до такого состояния. Вот до чего доводит «главное — загля-

нуть человеку в душу, а уж потом смотреть на зубы». Проклятый «Голуаз». Однако удаление прошло легко и быстро, и вскоре, вручив мальчишке пластиковую бутылку со льдом, он отправил его в коридор.

— Пусть подержит минут пятнадцать. Если дома будет болеть, выпейте таблетку импортного парацетамола или — аккуратно! — прополощите рот отваром крапивы или коры дуба. Вот памятка. — Гарик вырвал из блокнота лист с рецептом. — За анестезию восемьдесят рублей.

Дамочка торопливо отдала деньги и поспешила успокаивать сына. Гарик вернулся к карточкам. Ровно через четверть часа снова вошел мальчик, прижимая к щеке бутылку. Оставленный ею след заметно белел на раскрасневшейся коже.

— Ну вот и все. Сильно болит? — спросил Гарик, забирая лед. Мальчик замотал головой. — А ты боялся! Можешь идти домой. Поторопишься — успеешь на «Спокойной ночи».

Паренек робко топтался на пороге.

— Что-то забыл? — поинтересовался Гарик, непроизвольно оглядываясь.

Мальчишка испуганно кивнул.

— А можно я заберу свой зуб?

Гарик поморщился. Все-таки дети напрочь лишены элементарных представлений о гигиене.

— Это тебе зачем? Делать больше нечего, как тащить домой всякую гадость.

— Они за ним придут, — тихо сказал ребенок, опустив глаза. — А у меня его нет. Что я отдам за монетку?

Гарик растерянно уставился на мальчишку.

— Кто придет?

— Клубни. Разве вы не знаете? Когда зубику больно, он кричит и плачет. Тогда приходят клубни и его забирают, а взамен оставляют монетку.

Гарик с самым серьезным видом кивнул. Бывает же. Наверняка ведь пацан уже в школу ходит, а до сих пор верит в подобные глупости. Это все плоды телеамериканизации. Зубные феи из пошлых комедий — вот истинный позор стоматологии. Вдалбливают детям, что деньги можно делать даже на больных зубах. Хуже Санта-Клауса да гамбургерного клоуна. Правда, здесь не феи, а какие-то клубни, но суть от это не меняется.

Гарик покопался в карманах.

— Держи. — Он протянул ребенку двухрублевую монету. — Зуб твой я сам передам.

Мальчик осторожно взял деньги.

— Честно передадите?

— Конечно, — заверил его Гарик.

— Вы обещали. — Мальчик выскользнул за дверь.

Вздыхнув, Гарик вернулся к документам. Спустя час зашел старик-охранник и грубо напомнил, что через десять минут клиника закрывается, а лично ему, доктору, вообще уже давно пора быть дома.

— Я сейчас, — ответил Гарик. Он громко захлопнул тетрадь и убрал её в ящик стола. — Пять минут.

Охранник что-то пробурчал, но удалился. Гарик торопливо переоделся, собрал рюкзак и уже закрывал кабинет, когда вспомнил про последнее удаление. Черт! Сам же думал о гигиене, а прибраться забыл. Вот к чему приводит работа в неурочное время, да еще и без сестры.

Оставив ключи в замке, он вернулся. Зуб лежал в эмалированном поддоне, в окружении мокрых валиков ваты. Желтый, маленький, в пятнах крови на корнях и с отвратительным дуплом. Надо бы показать Юле, какие зубы бывают у детей тех, кто курит «Голуаз». Гарик усмехнулся — делать больше нечего! Еще бы отправился — как там? — клубней искать, небось они без этого зуба совсем жить не могут...

Гарик быстро навел порядок и вышел. Охранник уже погасил свет в коридоре, лишь вдалеке желтело уличным фонарем окно. Ближайший выход наверняка закрыт, так что придется идти через весь этаж. Гарик почувствовал себя неудобно — один, ночью, в пустой клинике. Самое время узнать, что один из коллег на самом деле маньяк-убийца... Гарик остановился, вслушиваясь в гудящую тишину коридоров. На втором этаже нервно хлопнула форточка. Ему показалось, что он слышит шаги охранника, проверяющего кабинеты в соседнем крыле. И что-то еще?

Гарик тряхнул головой, прогоняя наваждение. Нет, помешалось. Однако шаг он прибавил.

Дойдя до середины коридора, он снова остановился. Впереди определенно кто-то был. Прятался в темноте совсем рядом. На грани слуха Гарик уловил некое движение.

— Кто здесь? — тихо спросил он.

Охранник? Вахтерша? Уборщица? Мысль о коллегах-маньяках уже не казалась забавной — все-таки они зубные врачи, а если верить фильмам ужасов, со временем каждый второй стоматолог становится маньяком. Почему-то вспомнились мускулистые руки Алевтины Юрьевны из ортодонтии.

— Кто здесь?

Как и в первый раз, ответа не последовало. Гарик шагнул вперед, и в этот самый момент, словно в ответ на его движение, кто-то рванулся из полумрака. Смазанный силуэт мелькнул на фоне окна и исчез за углом.

Гарик замер, судорожно глотая воздух. Страх липкой змеей заворочался в низу живота. Каждый удар сердца гулко отдавался в горле. Проклятье, что это было? Уж точно не Алевтина Юрьевна, с ее комплекцией уже не бегают. Да и ростом незнакомец не вышел — от силы по пояс Гарику.

Держась за стену, он подкрался и заглянул за угол. Коридор был пуст. Но ведь не показалось же ему! Галлюцинациями он не страдал, так что... Мысли жалобно метались в поисках ответа.

Ну конечно! Гарик едва не рассмеялся от облегчения. Как же он сразу не догадался — это просто ребенок. Наверняка вахтерша опять привела на работу своих внуков-близнецов, вот дети и играют в прятки в пустом здании.

Под ногой что-то мерзко хрустнуло. Гарик нагнулся и поднял с пола гнилую развалившуюся картофелину. Ну и что они здесь устроили? Что за игры такие — пятнашки овощами? Надо сказать вахтерше, чтобы следила за детьми, все-таки работает в поликлинике, а не на овощебазе. Он быстро пошел к выходу, ощущая в глубине души непонятное беспокойство.

— Что-то вы припозднились, — сказала вахтерша, забирая ключи.

— Так получилось, — ответил Гарик. — Как ваши внуки?

— Да хорошо вроде, не болеем,

Она пошаркала к двери и долго гремела тяжелыми засовами. С улицы тянуло сыростью. В воздухе застыла холодная взвесь. Свет фонарей расплывался тусклыми радужными кругами, дрожал, сверкая дешевой мишурой. Гарик поднял ворот и поправил шарф.

— Вы им скажите, что клиника не место для игр. Хотят кидаться овощами, пусть идут на улицу.

Оставив изумленную вахтершу на пороге, он поспешил к остановке.

Трамвай как раз вынырнул из-за поворота и, разбрызгивая искры, остановился. Выругавшись, Гарик побежал и еле успел заскочить в заднюю дверь. Тяжело дыша, он рухнул на сиденье. Трамвай вздрогнул и задребезжал по пустынному проспекту.

— Проездной, — крикнул Гарик дремавшему на переднем сиденье кондуктору, но тот даже не поднял головы. Рыться в карманах в поисках билета Гарик не стал.

Он устало закрыл глаза. В рюкзаке лежал «Клоун» Беля, но читать совершенно не хотелось. Ладно, ехать до самого кольца, остановку не проспит, можно и вздремнуть.

Гарик проснулся от толчка в плечо. Над ним склонился кондуктор, зевая во весь рот. Обе нижних семерки — обширный кариес.

— Приехали? — спросил Гарик.

— Конечная, — кивнул кондуктор.

Гарик глянул в окно и увидел дрожащие сквозь морось окна своего дома.

— Спасибо. — Слегка шатаясь с полусна, он вышел из вагона.

— Эй! — закричал вслед кондуктор. — Вы пакет забыли.

Гарик удивленно обернулся.

— Какой пакет? У меня не было никакого пакета.

Кондуктор стоял на ступеньке, протягивая пухлую полиэтиленовую сумку.

— Это ведь ваше?

— Нет, — ответил Гарик.

Дно пакета неожиданно лопнуло, и на ступеньки трамвая, на рельсы и асфальт выплеснулся поток картофелин. Многие тут же разваливались от удара, растекаясь бледно-желтой жижей. Резкий запах гнили ударил в ноздри.

Кондуктор грязно выругался.

— Сами собирайте. — Он швырнул бесполезную уже сумку вслед Гарику.

— Это не мое, — тихо ответил тот, пятясь от тошнотворной россыпи испортившихся овощей. Трамвай возмущенно

звякнул и тронулся, давя попавшие под колеса клубни, как ребенок противных гусениц. Порыв ветра подхватил рванный пакет, и потащил следом. Гарик резко развернулся и быстрым шагом пошел к дому, сиюсь выбросить картофель из головы. Бесплезно.

Дождь усилился, и прежде чем Гарик добрался до парадной, он успел основательно промокнуть. Дом встретил его издевательской надписью «HELLO» на табло домофона. Лампочка над дверью моргала, с трудом освещая сырые бетонные скамейки и крошечный пятачок асфальта, окруженный кустами сирени. Тусклые блики играли на темных листьях.

Гарик перевесил рюкзак на плечо, перед собой, и расстегнул боковой карман. Как назло и как всегда, ключи запутались в проводах от плеера. Он возился, наверное, с минуту, прежде чем смог их освободить. Домофон довольно пискнул, разрешая открыть дверь. Придерживая ее ногой, Гарик обернулся.

Оно стояло всего в нескольких шагах, на самой границе зыбкого полукруга света. Какое-то чудовищное, нелепое создание, ростом не больше ребенка. Словно кто-то попытался вылепить человечка из вывернутого наизнанку мешка с картошкой. Странное нагромождение грязно-коричневых клубней, кое-как скрепленных белыми клейкими жгутами, дрожало, как желе под ураганом. У него не было ни глаз, ни рта, лишь слабые намеки на голову и конечности. И пальцы: длинные, корявые, с уродливыми крючьями и шипами. Они безостановочно шевелились.

Гарик вжался в стену, готовый закричать и не находя в себе сил. Желудок судорожно сжимался, желчь подступила к горлу. Раскачиваясь, существо двинулось к Гарику. «Бежать, надо бежать», — мысль тупо билась в голове, как шмель о стекло, но обмякшие ноги не могли сделать и шага.

Существо остановилось прямо перед Гариком. Медленно подняло руку. Длинные пальцы коснулись груди, осторожно ощупали, скользнули по шее, щекам. Холодные и липкие. Гарик хотел отключиться, молился о том, чтобы потерять сознание, но что-то прочно держало его в сумасшедшей реальности.

Извивающиеся черви пальцев скользнули по губам, настойчиво пробираясь в рот. Гарик почувствовал, как ему настойчиво разжимают челюсти. Пальцы скользнули внутрь и принялись старательно ощупывать каждый зуб.

Продолжалось это, должно быть, считанные секунды, но время тянулось как «Орбит». Наконец существо отпустило его. Голос зашелестел палой листвой.

— Тихие зубы, тихие. Они не кричат. Нужны другие, которые кричат...

Существо шагнуло назад, и в то же мгновение белесые жгуты лопнули. Клубни разлетелись во все стороны, разваливаясь, не успев даже удариться о землю. Скользкие брызги ударили в лицо. А прямо посреди растекающегося по асфальту жуткого месива осталась лежать смятая оранжевая сигаретная пачка. «Голуаз». «Ультра».

Гарик попятился в парадную, споткнулся о ступеньку и схватился за перила. Пальцы задели что-то холодное и склизкое. Гарик отдернул руку, сквозь кожу чувствуя мерзкий запах гниения и сырого крахмала.

Которые кричат? Он замер.

Никотин разрушает зубы. «Когда зубику больно, он кричит и плачет. Тогда приходят клубни. Честно отдадите?»

Он побежал, падая и перепрыгивая через ступеньки. Дверь была открыта. Юлия стояла на пороге, скалясь пунцовыми деснами сквозь разодранные в лохмотья щеки. Кровь стекла по шее, бурела пятнами на блузке. Кисло пахло «Голуазом». Медленно Юлия протянула Гарику сложенные лодочкой ладони. Меж пальцев на паркет сыпались монеты.

Карина Шаинян КУКУРУЗА, ПЕРЕЖАРЕННАЯ С МЯСОМ

Когда ты отрываешь взгляд от обгорелой спички, завалившейся под сиденье, оказывается, что автобус стоит, за окном темно, и по нему медленно стекают капли конденсата. Не проснувшись толком, идешь к выходу, кто-то бесцеремонно протискивается мимо — крепкие ладони на секунду замирают на твоих плечах, «грасиас, чика», смуглая рука тянет из кармана сигареты. В темноте перевала светится дверь придорожной забегаловки, потрескивает, остывая, мотор, и борта автобуса блестят, уже схваченные инеем. В горле стынет от запаха эвкалиптов. Водитель, присев на корточки, пьет кофе торопливыми мелкими глотками, от картонного стаканчика валит пар. После застрявшей в автобусе влажной жары низин бьет дрожь; шаршишь в кармане, нащупывая мелочь и прикидывая: успеешь добежать до кафе или автобус уйдет без тебя. Колеблясь, делаешь несколько шагов в темноту. Светлое пятно двери вдруг становится страшно далеким; решаешь не рисковать и застываешь посреди дороги крошечной, почти кукольной фигуркой, задавленной тишиной. За спиной — надежная туша автобуса, впереди — свет единственного на километры жилья, и влажно блестит асфальт. Гор не видно в темноте, но их присутствие чувствуешь, как чувствуешь большое животное, притаившееся рядом, — тяжелые лапы давят серебристую траву, в мощных легких шелестит разреженный воздух. От звериного дыхания колышутся гигантские стрелы агавы, и пахнет древней пылью, въевшейся в кожу. Разрываешься: то ли схватить сумку и рвануть в темноту, то ли спрятаться в светлом тепле автобуса. Горы с шорохом валятся с неба, и вздрагиваешь, когда кто-то дергает тебя за рукав.

Всего лишь индейская девочка лет десяти. Пухлые губы, скуластое лицо, черные спутанные волосы падают на глаза, шаль по-взрослому обернута вокруг плеч. «Три доллара, синьора», — говорит она. Под пальцами — грубая мешковина, шерстяные стежки, толстые нитки. Хочешь спросить, что это, и вдруг понимаешь, что девочка говорит по-испански не лучше тебя. Ошалело суешь ей деньги — оказывается, ты давно

уже мусолишь в кармане именно три доллара, собиралась же купить кофе и что-нибудь поесть. Жаль глупышку, затеявшую продавать сувениры в таком безнадежном месте: гринго не часто ездят ночным автобусом через перевал. Что же, значит, шутовина в руке была сделана для тебя. Тянешься погладить растрепанную детскую голову и тут же жалеешь: долгую секунду кажется, что девочка сейчас вцепится в руку зубами. Отшатываешься; девочка молча идет к автобусу, и ты наконец замечаешь на ее груди лоток, набитый пакетиками, и чувствуешь нестерпимо соблазнительный запах — аромат кукурузы и мяса, пережаренного до хруста. Пассажиры радостно гомонят — ни одного знакомого слова, лишь оживленный щебет кечуа. Рот наполняется слюной, но подойти к девочке и купить у нее еды кажется невозможным, и ты лишь стискиваешь купленную вещицу, слыша, как шуршит в мешковине зерно.

В тепле автобуса рассматриваешь покупку: три девочки, три выпуклые фигурки, нашитые на грубый холст, — овальные головы, лица и волосы из цветной шерсти, платица из лоскутов — белое, оранжевое, синее. У них нет рук. Глаза малиновыми и черными кругами. Съешь игрушку в рюкзак и дремлешь под завывания автобуса, несущегося в долину. Когда просыпаешься в следующий раз, за окном уже мелькают огни пригородов и тощий мальчишка, повиснув в дверях автобуса, выкрикивает остановки.

Лошадиные лица стюардесс, кофе в Скиполе, зимняя слякоть в Шереметьево, привычная круговерть, в которую погружаешься неприятно просто. Спустя полгода в поисках идеи для нового рассказа упираешься взглядом в кукол из мешковины, забытых на полке. От них еще пахнет пылью с другой стороны земли, зерно внутри по-прежнему шуршит, как сухая трава на перевале. Вспоминаешь маленькую глупышку, продававшую кукол у ночного автобуса, и решаешь написать о ней. Ты давно уже пишешь только правду, и здесь врать и выдумывать не собираешься. Видишь эту девочку глазами глупого гринго, который ничего не понимает в ее жизни. Он лишь однажды прикоснулся к зябкой ночи, услышал сухой шепот эвкалиптов, заглянул в черные глаза — и отравился

разреженным воздухом Анд, пока водитель автобуса пил кофе на перевале. Текст не идет, не получается взять нужный тон, и куклы строго смотрят на тебя малиновыми шерстяными глазами. Приходит с работы муж, ты суешь ему игрушку (он держит ее чуть брезгливо — никогда не любил этих кукол) и просишь говорить о девочках, пока готовишь ужин. Он посмеивается и стряхивает сигаретный пепел в цветочный горшок. Как всегда неожиданно наступает ночь; он так и не сказал ничего, что могло бы навести на мысль. Поцелуй на ночь; ты нехотя возвращаешься к рассказу и вдруг обнаруживаешь, что кукол на столе нет. Ищешь на кухне, потом обшариваешь всю квартиру, но игрушка бесследно исчезла. Махнув рукой, пытаешься вспомнить, как выглядели девочки, и понимаешь, что осталось лишь ощущение зерна под мешковиной. С тщательно задавленным облегчением закрываешь файл: придется отложить на завтра.

Но завтра, и послезавтра, и еще много дней забываешь спросить о куклах: ужин, болтовня, секс, посмотрим кино? В полночь он уходит спать, а ты открываешь файл с рассказом и спохватываешься — но будить ради такой глупости жалко. Откладываешь рассказ и вновь возвращаешься к нему. Стоит набрать хоть слово, и в комнате становится зябко, горло перехватывает от эфирной прохлады, а за окном слышен сухой шорох. Ты понимаешь, что больше всего нужно не увидеть игрушку, а узнать, что за зерно шелестит у нее внутри. По ночам снится, как ты с покрытыми инеем ножницами в руках гонишься за маленькой индейской девочкой. Щелкаешь лезвиями, почти дотянувшись, — но каждый раз в руках оказывается лишь грязноватый лоскуток, белый, оранжевый или синий, а девочка убегает на темнеющий перевал, насмешливо шурша; там слишком высоко, ты задыхаешься. Сон всегда кончается одинаково: посреди темной, влажно блестящей дороги девочка останавливается. Догоняешь ее, заносишь ножницы. Она через плечо говорит с тобой на кечуа — безумно важно понять, что именно. Застываешь, напрягая слух и память. Девочка медленно оборачивается — на груди у нее лоток, и капает слюна с блестящих клыков, торчащих из-под пухлых губ. В ужасе ты бросаешься бежать — и просыпаешься.

Устав от кошмаров, стираешь файл с набросками рассказа. Этой ночью ты не убегаешь от клыков, а тянешься, чтобы погладить девочку по голове, забыв о ножницах в руке. Лезвия распаривают смуглое личико, и из раны с шорохом высыпается кукуруза. Перед тем как упасть, кукла успевает вцепиться клыками в твою руку — но вместо крови видны пережаренные до хруста волокна.

На следующий день плюешь на давнее обещание ничего не выдумывать. Переселяешь индейскую девочку на перевал, обводишь глаза кукол малиновой шерстью и набиваешь их туловища жареной с мясом кукурузой. К вечеру в комнате начинает невыносимо вонять. Источник запаха находишь за кроватью — кусок мешковины, блестящей от жирной гнили. Давя тошноту, прихватываешь его пакетом и отправляешь в мусоропровод, а потом долго сидишь на кухне, ожидая, когда вскипит чайник. Возвращаться в комнату не хочется: на мониторе притаился открытый файл с недописанным, но уже мертвым рассказом. Взгляд рассеянно останавливается на цветочном горшке. Из земли, обсыпанной пеплом, торчит обгорелая спичка, но ты не в силах рассердиться — просто смотришь и праздно размышляешь о том, что жареную кукурузу с мясом готовят на открытом огне.

Когда ты отвлекаешься от спички, оказывается, что автобус стоит на перевале и за влажным окном темно. Пока водитель пьет кофе, ты берешь сумку и выходишь. Горло перехватывает от эвкалиптовой прохлады. Покупаешь у индейской девочки пакетик кукурузы, неторопливо идешь к забегаловке. Откидываешь шерстяную занавеску в оранжево-сине-белую полоску, пропитанную кухонным чадом. Пьешь кофе из картонного стаканчика, а когда автобус, взревев, уезжает, выходишь на обочину и, пройдя немного по дороге, сворачиваешь в сухую траву. В темном небе качаются кисти агавы. Бросив сумку под колючим мясистым листом, ты поднимаешься в гору, слушая, как в легких шелестит разреженный воздух Анд.

БЕСПОЗВОНОЧНЫЕ

...У всех раньше описанных позвоночных животных основой тела является костяной или хрящевой скелет, который служит опорой всем мягким частям тела, но сам всегда скрыт внутри последних. Совершенно иное построение тела видим мы у беспозвоночных, к описанию которых теперь переходим...

Альфред Брем. «Жизнь животных»

Дмитрий Колодан ТЯЖЕСТЬ РЫБ

Трудно сказать, чем привлек Маршала тот залив. Он выехал из Хобарта, намереваясь за пару дней добраться до Кокл-Крик, а уже оттуда к заливу Прайон — фотографировать китов. Но когда за очередным поворотом показалось море, Маршал, неожиданно для самого себя, остановил машину.

Залив был самым обычным — узкий фьорд, глубоко врезавшийся в берег, каких немало на южном побережье Тасмании. С дороги открывался в меру живописный вид на тягучее серо-зеленое море и крутые скалы. При желании на их вершинах можно было разглядеть изломанные ветрами эвкалипты и южные буки. Над деревьями кружила пара черных буревестников, выглядевших зловеще на фоне серого неба. Пряди утреннего тумана, уже слишком тонкие, чтобы казаться таинственными, тянулись над водой. Легкая морось на ветровом стекле «хонды» делала их почти невидимыми.

Взяв с заднего сиденья камеру, Маршал вышел из машины. Он ещё не понимал, что именно хочет сфотографировать, однако ощущал смутное беспокойство, охватывавшее его всякий раз, когда должно было случиться что-то важное. Похожее чувство посещало его на Суматре, когда на лесной тропинке он столкнулся с тигром, и на Аляске, когда, готовя материал по морским котикам, успел снять атакующую козатку. Работа фотографа-анималиста во многом состоит из подобных случайностей, и Маршал привык доверять своим чувствам.

Он подошел к обрыву. Море внизу лениво лизало узкий пляж. Маршал различал тонкую полоску серой пены, извивающуюся между обглоданным волнами плавником и зарослями сухой травы. Несколько растрепанных чаек прохаживались по краю воды в поисках моллюсков и плоских червей. Настроив камеру, Маршал сделал пару пробных фотографий. Глядя на залив через видоискатель, он тщетно силился увидеть что-нибудь необычное — быть может, блестящую китовую спину или ската, на мгновение вырвавшегося из воды... Но море было спокойным и пустынным.

У самого обрыва стоял старый трейлер. Давно снятый с колес, он почти врос в землю. Из-под днища неряшливыми пучками выбивалась желтушная трава. Белая краска на боках трейлера пузырилась, лопаясь, и слезала жуткими струпьями. Эти раны краснели пятнами ржавчины. Стекла выходящих на море окон были выбиты, и вместо того, чтобы вставить новые, их просто заменили толстой вошеной бумагой. На двери черной краской кто-то написал, что трейлер является собственностью управления природных ресурсов. Похоже, Маршал далеко не первый, кто здесь останавливается, если уж они позаботились о каком-то жилище. Поразмыслив, Маршал решил, что разрешение на съемку китов, полученное в том же управлении, дает ему полное право поселиться здесь на некоторое время.

Каплевидные очертания трейлера напоминали старого кита, уставшего ждать в пучине своего Ахава и выползшего на берег. Шутки ради Маршал назвал его «Пекодом». Внутри было холодно, сыро и пахло плесенью. На вторую ночь он перебрался на заднее сиденье своей «хонды» — спать приходилось согнувшись в три погибели, к утру затекали ноги и ныла спина, но по крайней мере в машине не было сквозняков.

Погода стояла гадкая. Небо затянули плотные тучи. Резкий южный ветер приносил ледяное дыхание Антарктики, наполняя воздух капельками воды и крошечными льдинками. Над морем клубился туман, скрывая залив и оседая белесым инеем на прибрежном кустарнике. По ночам температура опускалась ниже нуля, к утру мелкие лужи на пляже покрывались ледяной пленкой. Сентябрь подходил к концу, а потепления не предвиделось и, судя по метеосводкам, такая погода могла продержаться вплоть до середины октября.

В то утро Маршал курил, сидя на ступеньках трейлера. На фильтре сигареты черными крапинками выступила горькая смола. В стилом воздухе дым извивался тонкими петлями, похожими на татуировки маори. Туман понемногу рассеивался, уползая в сторону океана. Время от времени издалека доносился одинокий гул туманной сирены.

Маршал встал и, засунув руки в карманы, спустился к морю. На пляже ветер был заметно слабее. Рассеянно глядя по сторонам, Маршал направился в сторону скал. На морском берегу иногда встречаются интересные вещи — раковины,

странные камни, отшлифованные морем осколки стекла. Пару лет назад Маршал нашел старую куклу Барби. Ее искусственные волосы переплелись с морской травой, а в пластмассовом предплечье застрял акулий зуб. Из уважения к игрушке, не побоявшейся встретиться с опасным хищником, Маршал забрал куклу домой и поставил на книжную полку.

Но в этот раз сокровища не попадались. Маршал шел медленно. Маленькие волны заливали его следы, и за спиной образовалась цепочка крошечных луж, заполненных мутной жижей. Маршал заметил, что в одной из них уже обосновался ярко-красный краб. Впереди по песку прыгали чайки. Повинуясь внезапному порыву, Маршал разбежался, чтобы напугать птиц. Чайки взлетели, но через пару метров вновь опустились.

Побережья всегда манили Маршала. Было что-то чарующее в границе воды и суши, задевавшее неведомые струны его души. Находясь на берегу, он каждый раз ощущал, будто стоит на краю нового удивительного мира, полного чудес и загадок.

Пляж резко заканчивался, упираясь в стену черного камня, покрытого блестящей пленкой водорослей. Кое-где на скальных выступях пестрела охра, росли клочья мха. Обернувшись, он разглядел рядом с трейлером крошечное желтое пятнышко своей машины. Маршал хотел было уже вернуться, но в этот самый момент его внимание привлек странный узор на камнях метрах в пяти от берега. Ожидая увидеть очередное творение моря и ветра, он подошел поближе и с удивлением обнаружил, что рисунки, без сомнения, сделаны человеком. Волны не рисуют на камнях рыб, открывая тайны океана.

Картинок было не меньше десятка. Крупные и удивительно точные изображения рыб, вырезанные на камне и обведенные по краям охрой. Маршал сначала решил, что это дело рук аборигенов, но, подумав, отказался от этой мысли. На Тасмании уже лет двести, как нет коренных жителей, — за это время волны давно бы стерли картинки, не оставив и следа. Наверняка, работа какого-нибудь местного чудака-художника...

Маршал сделал несколько снимков, чувствуя нарастающее напряжение и смятение. Ему вдруг стало не по себе. В рисунках было что-то неестественное, неукладывающееся в голову. Должно быть, подобное чувство испытывали папуасы Новой Гвинеи, когда Маршал показывал им их фотографии —

аборигены никак не могли понять, как можно находиться в двух местах одновременно.

Ему вдруг захотелось увидеть рисунки как можно ближе, прикоснуться к ним. Набежавшая волна скрыла камни, а когда вода отхлынула, Маршал был готов поклясться, что рыбы изменили свое положение.

Сняв ботинки, он закатал брюки до колен и, опираясь рукой о стену мокрого камня, шагнул в море. Накативший вал хлестнул Маршала, едва не сбив с ног. Медленно, то и дело останавливаясь, ощупывая ногой дно, Маршал побрел к камням. Там оказалось немного глубже, чем это представлялось с берега, и, когда он добрался до рисунков, вода доставала Маршалу до груди. Море было настолько темным, что он практически не видел дна и боялся провалиться или напороться на острый камень или раковину. Камеру приходилось держать высоко над головой, чтобы, не дай бог, ее не накрыло волной. Водонепроницаемый чехол остался в машине. Маршал выругал себя за то, что не догадался захватить чехол, но возвращаться и не подумал.

Волны толкали его к скалам, он едва держался на ногах. Страшно было подумать, каких усилий стоило художнику, изображавшему рыб, находиться здесь. Вблизи рыбы были еще более поразительными. Солнечник, морской конек, тунец и глубоководный удильщик были вырезаны с точностью до последней чешуйки. Маршал провел рукой по одному из рисунков, почти ожидая, что вместо скалы под ладонью окажется скользкая рыбья плоть. Но камень остался камнем. К пальцам прилипло немного охры.

Маршал никак не мог уследить за рисунками. Ему казалось, что рыбы все время двигаются: то — чуть шевельнется плавник, то — на мгновение откроется рот. Но стоило ему начать присматриваться — рисунки замирали. Рискуя испортить камеру, он все же сделал несколько фотографий и только после этого направился к берегу.

Оставшийся день он провел в трейлере. К счастью, там обнаружилась маленькая железная печка. Задувавший в щели ветер сводил на нет попытку обогреть помещение, но одежду Маршал все-таки высушил. Заодно он обшарил все углы, в надежде найти хоть что-нибудь связанное со странными рисунками, но его единственной добычей стал ежегодник двух-

летней давности, разбухший от влаги. Шесть страниц, посвященных рыбалке, были вырваны.

Ночью ему не спалось. В толстом спальнике было душно и жарко, но без него Маршал тут же замерзал. Он ворочался на неудобном сиденье, попеременно считая то овец, то кенгуру, но раз за разом возвращался к рыбам.

В конце концов Маршал не выдержал. Натянув свитер, он отправился на пляж. Ночь была на удивление ясной. Луна, похожая на измятый грязными пальцами ломоть творожного сыра, плыла над заливом. Море блестело, переливаясь в призрачном свете. Серебристая лунная дорожка тянулась к горизонту. Возможно, именно по ней и забрались на небо все эти Киты, Крабы и Летучие рыбы. Маршал усмехнулся нелепости мысли и подошел к обрыву.

Странную белую массу, извивавшуюся у скал, он заметил сразу же. Маршал уставился на нее, не понимая, игра это лунного света или его воображения. Десятиметровое торпедообразное тело почти не двигалось, а щупальца беспрестанно спутывались и переплетались, как клубок угрей на сковородке. Гигантский кальмар.

Маршал бросился к машине за камерой, боясь, что, когда он вернется, спрут исчезнет. Но ему повезло — кальмар все так же копошился, упираясь в скалу. Толстое щупальце поднялось над водой и медленно проползло по камням. Уж не хочет ли спрут забраться наверх и прыгнуть со скалы?

Образ гигантского кальмара, ныряющего, словно заправский ловец жемчуга, показался Маршалу настолько забавным, что он рассмеялся. Сделав серию быстрых снимков, Маршал начал торопливо спускаться по тропинке.

Только на половине пути он понял, что кальмар был в том самом месте, где нарисованы рыбы. Неужели чудовище поднялось из глубин, чтобы взглянуть на рисунки?

Начался прилив, воды на пляже было уже по щиколотку. Не обращая на это внимания, Маршал встал за толстой корягой на одно колено и до конца отжал зум. Он запоздало сообразил, что оказался слишком близко к одному из самых опасных морских созданий. С такими чудовищами сражался капитан Немо, такие монстры топили целые корабли. А если кальмар решит атаковать? У Маршала не было даже ножа,

чтобы защититься. Однако спрут если и заметил фотографа, то виду не подавал. Маршал приник к видонескателью.

В свете луны было отчетливо видно, как щупальце с роговым крюком на конце скользнуло по камню, оставив за собой тонкую черту. Затем еще раз и еще, пока линия не приобрела нужную глубину. Другие щупальца заполнили ее охрой, скобленной с ближайших камней, а крюк тем временем уже вычерчивал новую линию.

Маршал ошарашенно опустил фотокамеру. Он не мог поверить своим глазам. В этом было что-то чудовищно нелепое — кальмар, по ночам вырезающий на камнях рыб. Он прочел немало статей о сообразительности головоногих моллюсков; об их невероятных размеров мозге; о лабиринтах, которые осьминоги строят на дне океана; о каракатицах, танцующих в солнечных лучах для собственного удовольствия... Но образ рисующего кальмара не укладывался в голове. Легко поверить в разумность китообразных, особенно дельфинов. В дельфинах вообще есть что-то уютное, домашнее. Но представить сознание, скрывающееся в этой почти бесформенной массе, в этом чудовищном сплетении щупалец... Какие мысли колышутся в мозгу этого создания? Медленные, в такт приливам и отливам, подобные лентам бурых водорослей, непостижимые, как Саргассово море? Зачем оно рисует рыб? Вопросы вихрем проносились в голове Маршала, и ни на один он не находил ответа.

Кальмар неторопливо отплыл, на секунду замер, видимо любуясь своей работой, а затем беззвучно погрузился в пучину. Маршал еще долго сидел на песке, ожидая, что море вспенится и кальмар появится снова. Но спрут не вернулся. Не было его и на следующую ночь.

Спустя два дня Маршал проснулся от стука в стекло. В окно автомобиля заглядывал незнакомый человек. Прямо над головой у него висела половинка луны, будто незнакомец надел ее как шляпу. Человек поднес руку ко лбу, и Маршалу почудилось, что сейчас таинственный гость снимет луну в знак приветствия, но этого не случилось. Маршал опустил стекло.

— Доброй ночи. Я Эб, человек—морская звезда.

Маршал с удивлением смотрел на пришельца, почти ожидая увидеть признаки иглокожих. Однако в его облике не бы-

ло ничего похожего — высокий, тощий и нескладный, Эб скорее походил на пожилого кенгуру.

— Морская звезда?

— Ну, не совсем, конечно. Но моя прапрабабка была морской звездой.

Эб оттопырил губу, словно это должно было подтвердить его кровную связь с аборигенами. Маршал рассеянно кивнул, плохо соображая спросонья.

— Я инспектор управления природных ресурсов, — сказал Эб. — Извините, что разбудил, но здесь нельзя останавливаться. Это охраняемая территория. Надеюсь, вы рыбу не ловили?

Маршал замотал головой.

— Нет-нет, я фотограф. У меня есть разрешение управления...

Перегнувшись через сиденье, он достал из бардачка бумаги и передал Эбу. Тот бегло просмотрел их и нахмурился.

— Это же разрешение на фотосъемку китов. Здесь никогда не было китов... С тех времен, когда на этой земле жили только люди—морские звезды ни одного не видели.

— Я просто фотографировал залив. Очень красивый вид.

Эб тяжело вздохнул.

— Еще бы.

Он достал из кармана мятую сигарету и закурил. Маршал заметил, что у инспектора дрожат руки — то ли от холода, то ли от волнения. Маршал вылез из машины.

— А что здесь охраняют? — спросил он. — Залив, как залив...

Он не хотел говорить Эбу, что знает про кальмара, рисующего рыб.

— Это святилище моего народа. Здесь жил морской человек с десятью руками.

Маршал вздрогнул.

— С десятью руками? — сказал он как можно непринужденнее.

— Когда мир был только создан, на юге и на севере было поровну земли и воды. И жили два брата, один на севере, другой на юге. Тот, что жил на севере, украл у брата жену. Брат рассердился и начал швырять ему вслед землю и камни, так почти все и перекидал. Земли на севере стало больше, она на-

клонились, и люди—морские звезды попадали в небо. Тогда человек с десятью руками сделал большую рыбу, такую же тяжелую, как вся земля на севере. Но большая рыба стала есть людей—морских звезд. Поэтому человек с десятью руками разбил ее на множество маленьких рыб и выпустил их в море. А потом нарисовал этих рыб на скале и сказал, что рисунок рыбы — это и есть рыба, и что одна рыба — это все рыбы. И пока это так, земля не опрокинется.

— Милая история.

Эб криво усмехнулся.

— И заметьте, это — история народа, за которым не признавали способность к абстрактному мышлению. Математики совсем недавно дошли до подобных понятий. — Эб сплюнул. — А вот людей—морских звезд больше нет. Только я, да и мне недолго осталось. Уезжайте отсюда. Пять километров по шоссе — и будет другая красивая бухта. Там порой бывают киты.

Эб направился к своему грузовичку, стоящему рядом с трейлером. Маршал некоторое время смотрел ему вслед, а затем завел мотор «хонды».

Он проехал всего пару километров и вдруг резко затормозил. По обочинам шоссе сплошной стеной росли эвкалипты и древовидные папоротники, с их ветвей свисали лохмотья мха. Луна робко пряталась в густой листве доисторического леса. Маршал не удивился бы и динозавру, появившись тот сейчас в свете фар.

Сердце бешено колотилось. Маршал чувствовал странную слабость. Навалилось тяжелое ощущение надвигающейся беды. Он закурил, но поперхнулся дымом, закашлялся и выронил сигарету. Горящий уголек упал на сиденье. Маршал хлопнул по нему и тут же отдернул руку. Подул на ожог и уставился на пересекавшую ладонь полоску охры.

Взрыв он услышал, уже подъезжая к заливу. Над землей пронесся глубокий низкий гул. Закричали птицы. Похоже на раскат грома, но на небе не было ни облачка. Маршал чуть не врезался в трейлер. Выскочив из машины, он бросился к пляжу.

Спрут корчился на песке. В его боку зияла огромная дыра, из которой хлестала темная жидкость. Скалы с рисунками раскурочило так, что не осталось даже надежды, что какая-то

часть изображений уцелела. Рядом с умирающим кальмаром танцевал Эб.

Маршал подбежал к инспектору. Тот ему ничуть не удивился.

— Вот он, человек с десятью руками, — хихикнул Эб, пиная кальмара. — Легенда моего народа.

В его глазах плясало безумие.

— Зачем? — спросил Маршал, садясь на камень.

— Зачем? А зачем вы, люди с севера, пришли на нашу землю? Зачем вы убивали людей—морских звезд и охотились на нас, как на зверей? Зачем делали из нас чучела для своих музеев? Зачем насиловали наших женщин, а потом еще живыми скармливали их собакам? Резали головы нашим детям, сотнями засаливали их в бочках и отправляли вашим ученым, а они спорили, как назвать этот вид обезьян? Теперь люди—морские звезды ответили. Теперь уже ничто не держит землю, теперь вы все попадаете в небо.

В это мгновение толстое щупальце обвилось вокруг инспектора. Он закричал. Кальмар дернул его к себе. Чудовищный клюв сомкнулся на голове Эба, раскрошив череп. Человек—морская звезда дернулся и затих. Кальмар извивался еще несколько часов, прежде чем испустил дух. Его щупальца рисовали на песке рыб: акул, скатов, мурен и звездочетов. Десятки картинок, смываемых волнами. Маршал даже не пытался оттащить кальмара к воде, в этом уже не было смысла. Он лишь сидел рядом и смотрел на исчезающие страницы книги воды и песка.

К вечеру следующего дня из Хобарта приехал грузовик. Тело кальмара погрузили в цистерну и увезли. Заодно забрали и Эба. Вопросов никто не задавал. Все это время Маршал слушал в машине радио, считая землетрясения, происходящие в разных странах практически одновременно. Когда извержение вулкана уничтожило целый архипелаг в Полинезии, Маршал уже перестал удивляться.

Он взял камеру и вышел на пляж. Отлив был низкий. Отступившее море оставило глубокие лужи и небольшие озерца. Присев на корточки перед одной из ям, Маршал долго всматривался в темную воду. Крошечные серебристые мальки шныряли меж плетей бурых водорослей. Он ждал. Прошел,

наверное, час, прежде чем из зарослей морской травы — медленно, с достоинством — выплыл конек-тряпичник. Щелкнул затвор фотоаппарата. Маршал не знал, смогут ли его снимки привести планету в равновесие, но это все, что он мог сделать.

Над головой пронзительно крикнула чайка. Маршал посмотрел вверх и в ослепительном свете солнца увидел парящую птицу.

— Хороший знак, — сказал он себе.

Чайка, кружась, поднималась все выше и выше, а далеко, у горизонта, вода и небо, расплываясь в тонкой дымке, сливались воедино...

Дмитрий Колодан ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ КРАБЫ

Рыба была очень храброй. Или просто глупой — тут уж как посмотреть. Людвиг Планк постучал пальцами по выпуклому стеклу аквариума, тщетно пытаясь привлечь внимание. Рыба игнорировала его с вызывающей наглостью. Вот и сейчас она лишь глянула круглым глазом и с азартом Кусто углубилась в изучение керамических останков игрушечного галеона. Плавнички трепыхались часто, словно крылышки колибри. Это был пузатый тетрадонт, рыба-шар, похожая на гибрид батисферы и старенького «нюпора»; на боках даже виднелись опознавательные знаки RAF — красные и синие круги. Должно быть, причастность к Королевским военновоздушным заставляла рыбу держаться столь надменно и смело. Битые полчаса Людвиг старался нагнать на нее страху: раздувал щеки, пучил глаза, кривил рот, прижимаясь носом к холодному стеклу — и все без толку. Конечно, ужимки и гримасы забавляли дочь, но Людвиг хотел, чтобы Даника подивилась, как тетрадонт надуетса, точно мыльный пузырь.

Круглый аквариум стоял посреди обеденного стола, в окружении солонок, салфетниц, подставок для яиц и прочих кухонных мелочей. Соседство должно было насторожить рыбу — во всяком случае, Людвиг на это рассчитывал. Он бы почувствовал себя крайне неудобно, если бы какой-то великан поставил рядом перечницу. Однако нервы у тетрадонта были железные. Рыба не вздрогнула, даже когда Даника схватила ложку и громко заколотила по столу.

Дочь стояла на стуле, одной рукой опираясь о спинку, и подпрыгивала. Она уже начала скучать и пыталась развлечь себя, как умела: двенадцать месяцев не тот возраст, когда водная фауна увлекает надолго.

— Да, подвел ты нас, приятель, — вздохнул Людвиг и снова постучал по стеклу, уже не рассчитывая растормошить тетрадонта.

Рыба обошлась ему в четыре сотни. На первый взгляд, сделка казалась удачной, а в итоге выяснилось, что в зоомага-

зине его облапошили. Подло воспользовались неведением и подсунули бракованный товар.

Даника, похоже, это поняла: рыба с самого начала не вызвала у нее энтузиазма, и дочь оставалась на стуле только из вежливости. Вся в мать — Венди с тем же смиренным принимала выходки мужа. Правда, Даника не так часто закатывала глаза.

Субботнее утро заканчивалось, Венди вот-вот должна вернуться из магазина. Стоило об этом подумать, как с улицы донесся автомобильный гудок, а следом — шорох шин по гравию подъездной дорожки. Выглянув в окно, Людвиг увидел красную крышу «орикса». Венди вышла, прихватив бумажный пакет с продуктами, и направилась к дому.

— Вот и мама приехала, — сказал Людвиг, беря дочь на руки. Они вышли в прихожую, когда открылась дверь. Придерживая ее ногой, Венди проскользнула в дом, улыбнулась.

— Привет, — непослушный локон упал на лоб. Венди строго посмотрела на него. Телекинез не сработал. Она подула, но локон упал снова. Даника засмеялась, неумело захлопав в ладоши. Венди показала ей язык, вызвав новую бурю восторга. Куда уж тетрадонту! Людвиг сам не смог сдержать улыбки.

Прижимая к груди пакет, Венди прошла на кухню. Людвиг с опаской покосился на бледно-зеленые стебли сельдерея и клубящиеся рядом хлопья цветной капусты — набор не предвещал ничего хорошего. К овощам Людвиг относился с предубеждением. Давно установленный факт — пятьдесят процентов людей ненавидят цветную капусту. При подобном раскладе Людвиг не мог взять в толк, зачем вообще потребовалось ее изобретать? Разве что из-за таинственных витаминов и «неоспоримой полезности» в детском возрасте — хотя Даника воротила нос от разваренной до состояния пюре растительной массы. Человечество, впрочем, падко на бессмысленные изобретения.

— Там еще в машине, — сказала Венди, ставя продукты на стол и забирая дочь. — И чем вы тут занимались?

— Рыбу пугали, — ответил Людвиг.

— Успешно? — жена бросила рассеянный взгляд на аквариум. Людвиг махнул рукой.

— Да ну ее. Какая-то неправильная рыба, бракованная. Надо вернуть ее. Есть ведь закон о замене неисправных товаров...

— А он распространяется на аквариумных рыб? — удивилась Венди.

— На то и закон, — уверенно сказал Людвиг.

Венди с сомнением пожала плечами, но спорить не стала.

Когда Людвиг вернулся с остальными покупками, Венди перекладывала продукты в холодильник. Даника из детского стульчика увлеченно наблюдала за матерью, постигая азы домашнего хозяйства.

— Тебе, кстати, пришла бандероль, — сказала Венди. — Я заскочила на почту за журналами, а она лежит, тебя дожидается. Я забрала, чтобы она не скучала. Посмотри в пакете с апельсинами, а заодно передай их сюда.

— Бандероль? — переспросил Людвиг, подавая жене фрукты.

Он достал пачку глянцевого журнала по цветоводству, благоустройству сада, икебана и акварельной живописи: Венди серьезно подходила к своим увлечениям. Среди прессы Людвиг откопал небольшую коробку.

Посылка была обернута плотной коричневой бумагой, испещренной почтовыми штемпелями и рыжими марками. Людвиг содрал обертку, заранее зная, что под ней скрывается.

Благородный красный цвет вспыхнул ярче огонька рыб-удильщика. Это был коллекционный вагон игрушечной железной дороги, точная копия того, на котором легендарный цирк Барсума колесил по миру. «Долоко» выпустила тираж в двести штук, из которых полторы сотни даже не поступили в продажу, разошлись среди влиятельных коллекционеров. Писали про одного султана, который заполучил аж четырнадцать вагонов — Людвиг никогда не понимал такой жадности. То, что удалось достать хотя бы один, было несомненной удачей.

Конечно, вагон влетел в порядочную сумму: теперь на год можно забыть об обновлении подвижного состава. Но оно того стоило — вагон был само совершенство. Детализация завораживала: пружины, доски обшивки, стекла и ручки на окнах, даже миниатюрные потеки краски! Поднеся вагон к глазам, Людвиг разглядел крошечные гайки на колесах. Завинчивали их под микроскопом. Про гайки Людвиг прочитал в реклам-

ном проспекте, сам бы он до такого не додумался. На боках вагона пышным желтым шрифтом пылала надпись: «Невероятный цирк Барсума». Все нарисовано вручную — произведение искусства не терпело декалькирования.

— Красивый, — сказала Венди, заглядывая из-за спины.

— В этом вагоне возили настоящую русалку с Фиджи, — согласился Людвиг. — А еще белого слона...

— Альбиноса? — Людвиг усмехнулся.

— Не совсем. Барсум покрасил того, который оказался под рукой.

— Интересный подход к поговоркам, — признала Венди. — А это не пассажирский вагон? Вот окошечки...

— Ну... слону выделили отдельное купе, — сказал Людвиг.

— Надо же, — Венди покачала головой.

Даника, заметив игрушку, вскрикнула, попыталась встать, протягивая руку. К досаде девчушки, страховочные ремни удержали ее на месте. Дочь завертелась в тщетной попытке выбраться из плена.

— Тебе еще рано, — строго сказал Людвиг, пряча вагон за спину. В глазах дочери мелькнуло недоумение. Людвиг поспешил пояснить:

— Там много мелких деталей...

— Это папина игрушка, — сказала Венди. — Тебе не понравится.

В грозном взгляде Даники явственно читалось: «Позвольте мне самой судить!». Выгнувшись, словно Прометей на скале, дочь протестующее взвизгнула.

— Не похоже, что она тебе поверила, — сказал Людвиг.

— Естественно, — развела руками Венди. — Сама не убедится — не успокоится. Сходи лучше проверь, как он работает. А мы займемся обедом...

Венди была права. Как-то Людвиг прочел в «National Geographic» большую статью о белых носорогах. Животные эти обладали фантастическим упорством и шли к намеченной цели, не считаясь с препятствиями, не важно — лев то, баобаб или незадачливый охотник. А годовалый ребенок даст фору любому носорогу. Даника уверенно подбиралась к границе, за которой начинались крики и слезы. Людвиг попятился к двери.

— Кстати, а что на обед? — спросил Людвиг, вспомнив о цветной капусте. — Если тушеные овощи, то я не голоден. Я перекусил, пока ты ездила...

Венди улыбнулась.

— Рыба под грибным соусом. Иди, я позову.

Лаборатория представляла собой деревянный сарай, прилепившийся к задней стене дома. От старости здание покосилось, а широкие доски приобрели цвет сухого асфальта, который, по слухам, притягивает пауков и призраков. Ни тех, ни других пока не наблюдалось, но Людвиг допускал, что рано или поздно они появятся. Быть может, когда прохудится жестяная крыша и тучи с океана начнут заливать сарай осенними дождями. Давно подмечено — привидениям нужна сырость; паукам, наверное, тоже. Но пока можно было спокойно заниматься исследованиями, не отвлекаясь на таинственные шорохи, звон цепей и замогильные крики.

Венди называла лабораторию «детской», хотя Людвиг предпочитал более весомые слова. Впрочем, жена Резерфорда точно так же называла кабинет великого ученого.

В сарае Людвиг создал настоящую железнодорожную страну. Она раскинулась на трех соединенных столах, покрытых газоном из крашеного мха. Посередине возвышалась гора из папье-маше с тремя туннелями, вокруг извивались две речки из эпоксидной смолы. Общее число железнодорожных мостов — девять. Рельсы оплетали столы хитроумной паутиной, столь сложной и плотной, что кое-где между колеями невозможно было поставить и игрушечного деревца. Но три станции обслуживались всего двумя составами. У Людвига были «Юнион-Пацифик», модель 1903 года, и новенький СТ-2000. Разница почти в сто лет ничуть не смущала: поезда все равно ездили с одинаковой скоростью, а для опытов это было самое главное.

Жену поезда особо не увлекали. Ей больше нравилось склеивать и раскрашивать домики да расставлять пластиковые деревца и аккуратненькие клумбы. По сути, она всю жизнь этим и занималась — склеивала дом, разве что в более крупном масштабе. Про отрицательных крабов Людвиг ей не рассказывал, не хотел пугать. Сложно готовить ужин, зная, что в любую секунду мир может разлететься в калейдоскопическом блеске осколков.

Первого и пока единственного краба Людвиг поймал случайно. Ничего удивительного: все великие открытия совершаются неожиданно, это заложено в их природе. А разговоры о долгой предварительной работе — лишь форма научного кокетства. Ньютон не ждал под деревом, когда на него упадет яблоко.

В то утро Людвиг занимался решением одной забавной математической задачи по теории графов. Проще говоря, пытался провести поезд по всем мостам, не проехав по одному и тому же дважды. То ли он напутал в расчетах, то ли задача и в самом деле не имела решения, но сколько бы Людвиг ни шелкал тумблерами, переключая стрелки, всякий раз приходилось возвращаться к уже пройденному.

Все случилось, когда поезда промчались навстречу друг другу, жужжа, как сердитые шмели. Людвиг на секунду отвлекся, рассчитывая маршрут. Раздался сухой треск, в воздухе пахло электричеством. «Юнион-Пацифик» подскочил на рельсах, завалился на бок, да так и остался лежать, вращая колесами. Людвиг уставился на рухнувший поезд, ожидая, что из электрического моторчика повалит густой дым. За всю историю железнодорожной страны это была первая катастрофа. Второй поезд покати́л дальше, а на рельсах остался лежать крошечный краб из голубоватого стекла.

Это была ничем не примечательная поделка, вроде тех, что втридорога продают туристам на побережье. Не меньше десятка подобных стеклянных зверушек — жирафов, рыбок и собачек — стояло у Венди на книжной полке еще в относительной недосыгаемости для Даники; но среди них не водилось членистоногих. Появление краба было необъяснимо. Людвиг, не задумываясь, поставил бы сотню: секунду назад краба здесь не было.

Он взял игрушку, неприятно теплую на ощупь. Выпученные глаза блеснули, словно подмигнув, и Людвиг выронил краба. Закатившись под стол, тот замер, переливаясь в свете электрической лампочки.

Людвигу потребовался почти месяц, чтобы найти объяснение таинственной материализации. Он уже склонялся к тому, что стал свидетелем спонтанного холодного синтеза, однако такая гипотеза не объясняла, почему конечный продукт появился именно в виде стеклянного краба. Остановиться на очередной шутке природы — не самой удачной, гораздо хуже

муравьедов, — означало признать себя никудышным исследователем. Людвиг на это пойти не мог.

Подсказка пришла неожиданно, с первым летним номером «Популярной науки». В заглавной статье журнала разбирались некоторые нестыковки в теории относительности. Автором значился кембриджский профессор, нобелевский лауреат, к несчастью, лишенный способности внятно излагать свои мысли. Уже на четвертом абзаце Людвиг заблудился в хитросплетениях терминов и формул, а дочитав, не смог вспомнить, с чего все начиналось. Он вернулся на пару страниц назад и наугад просмотрел один абзац:

...Поле́м Ди́раком было предложено существование ненаблюдаемого моря электронов, обладающих отрицательной энергией. Если выудить из этого моря один электрон, то в результате образуется дырка, принимаемая за положительно заряженный электрон — позитрон. Считается, что эта идея пришла к Дираку во время решения знаменитой задачи с отрицательными рыбами...

Людвиг захлопнул журнал. Невидимое море и отрицательные рыбы — образ мгновенно пленил его. Было в нем что-то величественное, как на знаменитой фотографии Дэвида Дубиле, где вокруг одинокого аквалангиста кружат тысячи морских щук. Может быть, сейчас рядом с ним тоже плавают рыбы и именно из ненаблюдаемого моря пожаловал краб?

Но в работах Дирака не обнаружилось ни слова о крабах: только отрицательные рыбы и мучительные попытки примирить теорию относительности с квантовой механикой. В итоге, конечно, ученому дали Нобелевскую премию, на пару со Шрёдингером. То, что одному она досталась за несуществующую кошку, а второму — за отрицательных рыб, свидетельствовало только о чувстве юмора Нобелевского комитета.

Пришлось признать: Дирак не довел работу до конца. Глупо погнался за первой ассоциацией. В дальнейшем его ошибку повторил Эшер на знаменитой мозаике из переплетающихся черных и белых рыб. Конечно, картине нельзя отказать в наглядности: художник старательно изобразил пересечение материи и антиматерии. Однако столь плотное наполнение пространства противоречило наблюдаемой гравитации. Даже школьнику ясно, что такое количество невидимой трес-

ки абсурдно. И ученый, и художник забыли, что водная фауна не исчерпывается рыбами.

Мысль о прочих отрицательных созданиях, населяющих невидимое море, показалась Людвигу логичной. Она замечательно вписывалась в симметричную картину мироустройства. То, что вместо живого краба ему досталась стеклянная поделка, Людвиг не смутило. В статье, посвященной античастицам, он прочитал, что они являются стабильными величинами и в пустом пространстве могут существовать бесконечно долго. Чего-чего, а стабильности у игрушки было не отнять. Но если следовать теории, ее столкновение с обычным крабом должно приводить к аннигиляции с колоссальным выходом энергии и образованием пары примитивных созданий. Дафний, быть может. Проще говоря, крабы взорвутся, как Алиса, наглотававшая зазеркального молока.

В таком ключе появление краба вселяло нешуточное беспокойство: Людвиг случайно стал обладателем самой мощной бомбы в мире. С ядерной физикой он был знаком поверхностно, но прекрасно понимал: последствия распада даже незначительного членистоногого будут катастрофическими. От города ничего не останется. Людвиг допускал и более страшные сценарии. Вселенная, хотя и выглядит прочной, на деле весьма хрупкая штука. По сравнению с ней Шалтай-Болтай просто верх устойчивости — даже если бы он скакал по стене. Да и королевская рать внимательно присматривала за этим парнем. А кто присмотрит за Вселенной? Достаточно неловкого шага, чтобы мир полетел в тартарары.

Людвиг запер краба в жестяную коробочку из-под леденцов, обмотал скотчем и спрятал среди инструментов в дальнем углу сарая. Если в дом пожалуют положительно заряженные ракообразные, им придется изрядно повозиться, чтобы добраться до своего антипода. Защита, конечно, несовершенная, но лучшей Людвиг придумать не смог.

Оставалось выяснить, как удалось поймать краба. Вышло один раз, может получиться и снова. А где гарантии, что в следующий раз чудовищное оружие не попадет в руки какому-нибудь неучу?

Единственным разумным ответом были поезда. Краб появился, когда паровозики пробегали рядом. Очевидно, их

взаимодействие и привело к таким неожиданным последствиям.

В глубине души Людвиг был горд. Ученые годами бьются, пытаясь поймать жалкие крупички антиматерии на многокилометровых ускорителях; ему же удалось добиться серьезных результатов куда как с меньшими затратами. Каждой рыбке своя снасть. Ловить сельдь гарпунной пушкой — занятие бессмысленное.

Основательно все обдумав, Людвиг решил, что причина в жужжании и перестуке колес. Звуки приманили краба, как приманивает его сородичей шум прибора или удары по консервной банке: из-за особого устройства вестибулярного аппарата ракообразные чутко реагируют на ритмические колебания. Проводили даже эксперименты по воздействию на них популярной музыки; в итоге удалось заставить крабов танцевать.

Приманить краба оказалось несложно, а чтобы вытащить, хватило слабого поля, создаваемого парой электромоторчиков. Открытие Людвиг не обрадовало. Игрушечная дорога — уменьшенная копия настоящей, а значит, и там могли появиться отрицательные крабы. А учитывая масштабы, вероятность такого происшествия довольно высока.

Раньше, во времена паровых машин, крабы могли сколько угодно щелкать клешнями в своем ненаблюдаемом море безо всякой надежды оттуда выбраться. Сейчас же, когда появились мощнейшие электродвигатели, все изменилось. Складывалось впечатление, что истинное назначение технического прогресса — не облегчать человечеству жизнь, а свести его в могилу самым извращенным способом. За жалкие сто лет простая поездка в соседний город превратилась в рискованное предприятие. Играть в футбол на минном поле и то безопаснее.

Людвиг не знал статистики железнодорожных аварий, но помнил фотографию острова Рождества, на которой грязный поезд пробирается через колонну мигрирующих красных крабов. Догадывался ли бедняга-машинист, как ему повезло, что он вел старенький дизель? А не за горами тот день, когда ему придется пересесть в электровоз. Вроде бы защитники природы собираются издать закон, запрещающий любые двигатели, загрязняющие атмосферу. Понять их можно, но, как известно, благими намерениями...

У Людвига оставалось не так много времени, чтобы придумать, как избежать катастрофы. Сидеть сложа руки, пока Вселенная раскачивается на стене, было не в его правилах. Кто-то должен стать королевской ратью, и хотя Людвиг чувствовал себя так, будто теннисной ракеткой пытался остановить камнепад, отступить он не собирался.

Для начала нужно окончательно разобраться с появлением крабов. Теория теорией, но без экспериментальных фактов грош ей цена. Меж тем попытки повторить опыт не складывались. Людвиг гонял поезд, увеличивал длину составов, и все без толку. Вся надежда на новый вагон. Скрупулезное исполнение максимально приближало эксперимент к реальности. Уж эти-то колеса стучали как настоящие. На секунду Людвиг подумал о султанах с четырнадцатью вагонами: кто знает, может, его дорога уже завалена стеклянными крабами? Оставалось надеяться, что это не так.

Людвиг аккуратно поставил вагон на рельсы и закрепил сцепку. Затем сосчитал до пяти и щелкнул трансформатором. Поезд дернулся и пополз вдоль пластикового перрона, набирая скорость. С противоположной станции тронулся другой состав и скрылся за горой. Людвиг перевел стрелки, выводя паровозики на параллельные пути.

Первая встреча прошла без происшествий. Взаимодействие длилось считанные секунды: поезд пронеслись мимо друг друга и ушли на новый круг.

— Ту-ту, — тихо сказал Людвиг по старой привычке. Его всегда огорчало, что игрушечные паровозики не умеют гудеть, и каждый раз он старался им помочь. Раньше Людвиг хотел завести фуражку, как у машиниста, однако отказался от этой мысли. Он исследователь, а Эйнштейн не носил глупых шляп.

Не сбавляя скорости, поезд с новым вагоном проехал мимо станции. На перроне стояли два оловянных солдатики: им снова не удалось уехать. Бедолаги ждали третий месяц, проявляя завидную стойкость. Вот у кого стоило поучиться терпению.

Через минуту поезда опять встретились и снова с нулевым результатом. Людвиг передвинул рычажок, увеличивая скорость. Казалось, с самой границы различимого звука доносится ритмичный перестук. И что-то еще... Скрип суставчатых лапок, шорох трущихся панцирей?

Прикусив ноздь мизинца, Людвиг следил взглядом за поездами. Время выписывало такие кренделя, что Эйнштейн зубами бы скрипел от зависти. Людвиг думал — прошло не меньше часа, оказалось — всего двадцать минут. Поезда носились на пределе скорости. Вблизи Людвиг не различал вагоны, все смазывалось в разноцветную ленту.

Вдоль состава пробежала голубоватая молния. Воздух над рельсами сгустился, а сами паровозики точно ползли сквозь варенье. Затаив дыхание, Людвиг наклонился вперед. Воображение живо дорисовало, как, словно всплывая из темных глубин, проступают нечеткие контуры отрицательного краба. Или он появится мгновенно, в ослепительной вспышке?

Дверь сарая оглушительно закричала на несмазанных петлях. Людвиг подскочил как ужаленный, оборачиваясь. В светлом прямоугольнике дверного проема стояла жена.

— Я звала, но ты не слышал, — сказала Венди.

Людвиг взглянул на железную дорогу. Поезда разошлись, но на рельсах не осталось никаких признаков стеклянных крабов. Черт! А почти получилось. Должно быть, их вспугнул скрип двери.

— Обедать пора, — напомнила Венди.

Людвиг выключил трансформатор. «Юнион-Пацифик» так и не успел выбраться из туннеля.

— Довел бы хоть до станции, — усмехнулась жена. — У тебя слон остался под горой, как его будут вытаскивать?

— Слон? — переспросил Людвиг, поглощенный своими мыслями. — Какой слон?

— Крашенный, — ответила Венди. — Какой же еще?

Людвиг разгладил вилкой картофельное пюре. Когда площадка стала ровной, зубчиками прочертил четыре аккуратные дорожки. Потом еще четыре, создавая кулинарный аналог японского сада камней. Говорят, успокаивает, помогает сосредоточиться... Японцы, наверное, очень рассеянный народ, раз придумали столько способов для концентрации внимания. Бонсай, оригами, вычурная каллиграфия и сады камней... Людвиг постарался припомнить другие знаменитые изобретения Страны восходящего солнца, но на ум пришли только караоке да гигантский огнедышащий динозавр.

Подцепив кусочек рыбы, Людвиг положил его в центр композиции и украсил веточкой петрушки.

— Не хочешь есть, так и скажи, — немного обиженно произнесла Венди. — Не надо играть с едой, когда за столом дочь.

— А? Извини, — Людвиг наколол рыбу на вилку, макнул в густое озерцо соуса и отправил в рот, не доведя шедевр до логического завершения. — Задумался... о Японии.

— Надеюсь, не из-за рыбы? — спросила Венди. — Мне сказали — это лосось, да и выглядит она как лосось. Думаешь, фугу?

По лицу Венди было совершенно непонятно, шутит она или нет. Впрочем, как всегда.

— Если она была надута как футбольный мяч, то точно фугу.

— Ну конечно! — обрадовалась Венди. — Фугу ведь тоже рыба-шар. Хотя, судя по нашей рыбе, совсем непросто заставить ее надуться...

Аквариум с тетрадонтом все еще стоял на обеденном столе. Иллюстрация была более чем наглядной.

— Может, фугу перестали надуваться? — продолжала Венди. — И теперь их не отличишь от лосося. Похоже, ты прав — рыба действительно немного горчит...

— Это соус горчит, — заметил Людвиг. — Как ему и положено. Венди покачала головой.

— Думаю, все из-за того, что в океан сливают радиоактивную гадость. Под водой кишмя кишат мутанты. Насмотришься на них и больше ничего не испугаешься.

— Просто наша рыба бракованная. Сегодня же обменяю... Венди подняла руку.

— Не спорь. Час назад я видела в универмаге живого камчатского краба. То есть на ценнике было написано, что это камчатский краб, а на самом деле...

Людвиг насторожился. Рука с вилкой застыла на середине пути, и хвостик петрушки раскачивался зловеще, точно маятник. В появлении краба в магазине не было ничего странного, но Людвиг воспринял это как предзнаменование.

— И кто же это на самом деле?

Жена выдержала паузу и произнесла драматическим шепотом:

— Марсианин.

Никак не ожидая такого поворота событий, Людвиг закашлялся. Рука дернулась, рыба шлепнулась обратно в тарелку.

— Прости, кто?

— Марсианин. Все признаки налицо: десять ног, клешни, жуткие шипы и наросты... И красный, как пески далекой родины.

— Это признаки крабов. На Марсе живут зеленые человечки с гипертрофированным мозгом.

— Кому ты больше веришь, мне или Тиму Бартону? У пришельца был очень внимательный взгляд... Прямо читалось: скоро мы вас поработим, недолго осталось! Известный факт: каждый марсианин рождается с мыслью поработить пару-тройку землян, хотя совершенно не представляет, зачем ему это нужно. Жертвы инстинкта...

Не выдержав, Венди расхохоталась, утирая глаза тыльной стороной ладони. Людвиг тоже засмеялся, но замолчал, опасаясь выдать себя наигранностью. В крабовой угрозе он не видел ничего смешного, но рассказывать об этом жене не стоило. Венди, конечно, не болтушка, но новость, известная одной женщине, известна и ее лучшей подруге, — а там пошло по цепочке.

— Сейчас они готовят вторжение, да, — продолжала Венди, уже не пряча улыбки. — Сидят себе на дне и ставят опыты на рыбах и морских звездах. А люди в своей беспечности поставляют им материалы. Сколько мутантов можно сделать из одной бочки ядерных отходов? Еще они тренируются: ходят маршем и выдают это за миграцию, я по телевизору видела. Одна надежда на енотов-крабоедов.

Людвиг поперхнулся. Жена пыталась изобразить крабовое вторжение иллюстрацией к наивному фантастическому роману, но Людвигу оно представилось жутким, как картины Босха. Марширующие ряды крабов, и каждый — бомба невероятной мощности. Марсиане и мечтать не могли о подобном оружии. Поработить землян? Как бы не так! Если Венди права, и Марс действительно населен крабами, то их истинные цели совсем иные: уничтожить Землю, чтобы не портила вид на звезды. Тут никакие еноты не помогут.

— Кстати, о енотах, — сказала Венди, словно отвечая на его мысли. — В Бернардо будет трехдневная выставка Вебба Гаррисона...

— Вебба Гаррисона? — нахмурился Людвиг.

— Художник-анималист, — пояснила Венди. — В «Арт-Вестнике» напечатали рекламу и пару репродукций. Думаю, стоит сходить...

— Погоди, выставка же в Бернардо, а не у нас. Венди дернула плечом.

— И что? Шесть часов на поезде — зато не буду всю жизнь жалеть, что пропустила.

Людвиг замер. Тревожный колокольчик тихо звякнул на краю сознания, а потом разразился громогласным набатом. Шесть часов на поезде... Сквозь невидимое море, полное отрицательных крабов. Проклятье! Не знай он об угрозе, все бы было в порядке. Можно сколько угодно ходить по краю пропасти, пока не подозреваешь о ее существовании. Но стоит крикнуть: «Осторожно!» — твердой почвы как не бывало.

— Ну, покажи своего Гаррисона, — сказал Людвиг нарочито небрежно.

Венди внимательно посмотрела мужу в глаза. Сделав вид, что заинтересовался содержимым тарелки, Людвиг отвел взгляд. Потыкал вилкой пюре, провел глубокую дорожку, пуская ручеек соуса в обход рыбной скалы... Когда он поднял голову, Венди все еще глядела на него.

— Смотри, — сказала она, растягивая слово, словно в нем спрятался с десяток смыслов и значений. Передала журнал, заложив страницу пальцем.

Людвиг взял его осторожно, словно боялся, что животные с репродукции укусят за палец. На картинке печального вида енот выглядывал из рабочего башмака. Зверю явно не нравилось позировать, но воспринимал он это с несвойственным для животных смирением.

Людвиг придал лицу кислое выражение. Ему никогда не удавались обходные маневры, но попытаться стоило.

— По-моему, ничего выдающегося. По стилю тот же Роквелл, только вместо девиц опоссумы да еноты. Ну, сама подумай: что за искусство — енот сидит в дырявом башмаке, ха! — смех прозвучал, словно галка каркнула.

— А мне нравится, — сказала Венди, и Людвиг понял, что возразить нечего. Есть совсем расхотелось, и он отодвинул тарелку.

— Ну что ты обижаешься? — примиряюще сказала жена. — Сам подумай, до каких пор анималисты должны слепо копировать Дюрера?

— Эдвард Лир не копировал Дюрера... во всяком случае, в картинках к стихам. Но это не помешало ему прослыть лучшим анималистом своего времени и учить королеву Викторию рисовать.

— Так в чем дело? Людвиг глубоко вздохнул.

— Обязательно ехать на поезде? Почему нельзя взять машину или поехать на автобусе?

Венди грустно покачала головой.

— Не вариант. Автобус не выдержу ни я, ни Даника. Чем тебя не устраивает поезд? Быстро и дешево, а главное — не укачивает.

— Знаешь, сколько железнодорожных катастроф происходит каждый день?

— Понятия не имею, — сказала Венди. — Но точно знаю, что автомобильных — на порядок больше. Если верить статистике, поездка на машине не далека от самоубийства... С чего вдруг такая поездобоязнь? Ты же любишь поезда.

— У меня поезд сошел с рельсов, — буркнул Людвиг. Венди прыснула от смеха.

— О да, — согласилась она. — Не иначе как высшие силы решили послать знак. Оставь ты эту ерунду — нет ничего глупее, чем искать тайные смыслы. Совпадения на то и совпадения, что не значат ровным счетом ничего. Успокойся, все будет в порядке.

— Конечно, — Людвиг выдавил улыбку. На краю сознания скреблись невидимые крабы.

За годы супружества Людвиг твердо усвоил одно: если жена что-то решила, переубедить ее нельзя. Раз уж она собралась ехать на поезде, значит, так оно и будет. Людвиг подозревал, что если бы он пошел на крайние меры и запер их с Даникой в спальне на втором этаже, Венди бы и это не остановило. Сбежала бы, связав лестницу из разрезанной на полосы простыни. Очень аккуратную лестницу.

Все, что он мог, это попытаться остановить крабов; выяснить, как прогнать их от поезда. Беда в том, что человечество за всю свою историю ни разу не задумывалось над вопросом

отпугивания крабов — его больше интересовало, как их приманить, желательно уже готовых к употреблению, с рисом, зеленью и соевым соусом.

После обеда Людвиг битый час слонялся по дому, пытаясь найти выход. Но мысли разбегались, как пугливые мыши. Мерный перестук башенных часов в гостиной напоминал о железной дороге. Кукушка, выскочившая отрапортовать о новом часе, прокричала глумливое «ту-ту». Эйнштейн сто раз прав насчет относительности времени. Сонные сутки летней субботы и сутки до того, как чудовищный взрыв разнесет поезд, на котором едут любимая жена и дочь, — совершенно разные сутки. Выглядывая в окно, Людвиг видел Данику, играющую на заднем дворе с пирамидкой из разноцветных колец. Рядом в плетеном кресле сидела Венди и листала журнал; легкий бриз колыхал ленты на соломенной шляпке. Почти пастораль, но Людвиг в кровь сгрыз ногти.

Чтобы успокоиться, он решил съездить в зоомагазин. Аквариум Людвиг поставил на переднее сиденье, на всякий случай пристегнув ремнем безопасности. Кто знает, какие правила распространяются на рыб. Не хватало еще лишиться прав из-за подобной глупости.

Ехать все равно пришлось медленно, иначе вода бы расплескалась. Кроме того, Людвиг сделал изрядный крюк — вместо центральной улицы проехался вдоль окраины, по узеньким аллеям, у которых вместо названий были лишь номера. Вдоль обочины стояли похожие как две капли воды белые домики с неизменной красной черепицей и аккуратно подстриженными лужайками. Изредка встречались добропорядочные отцы семейств, как на подбор лысоватые, полные и в клетчатых рубашках. Перед каждым стояла новенькая блестящая жаровня, прямо из каталога заказов. Людвиг старался не смотреть по сторонам, уставившись в воображаемую точку метрах в пяти впереди машины. Главное, чтобы они не начали махать и скалиться в улыбках — верный признак того, что дело плохо. Сколько фильмов ужасов начинается с подобной идиллии? Людвиг поймал себя на том, что опять ищет дурные знаки там, где их нет и в помине.

Он свернул на Сосновую улицу, проехал два квартала и ударил по тормозам. Из-за вишневых деревьев красный краб размером с небольшой автомобиль махал увесистой клешней.

Чудовище то ли приветствовало, то ли подзывало на пару слов. Людвиг запоздало понял, что принял за монстра вывеску морского рестораника. Можно было догадаться: настоящие крабы не носят капитанских фуражек.

Перегнувшись через руль, Людвиг уставился на вывеску. Ничего особенного: крашеная фанера да электрические гирлянды. Единственная подвижная клешня вращалась на выпуклом шарнире, к ней прилепилась пара рыбок из гнутых неоновых трубок.

Людвиг вздохнул. Вселенная определенно решила свести его с ума, подсовывая крабов в самых неожиданных местах. Нервы того и гляди лопнут. Можно уже набирать номер лечебницы: Людвиг не сомневался, там его примут с распростертыми объятиями. С другой стороны, на то он и исследователь, чтобы подмечать мельчайшие детали. Один-два краба — еще случайность, третий — уже закономерность.

Раздался протестующий гудок; в зеркальце Людвиг увидел груженный досками пикап, которому он перегородил дорогу: ширина улицы не позволяла разминуться. Людвиг проехал вперед, и вывеска скрылась за деревьями. Когда он снова ее увидел, взгляду предстал неприглядный задник — вздувшаяся фанера да серое дерево.

В магазин он успел за полчаса до закрытия. Посетителей не было, а продавщица лет пятидесяти, полная женщина в очках, собиралась уходить. Высыпав на прилавок содержимое своей сумочки, она с пугающей методичностью раскладывала пудреницы, тюбики губной помады и прочие хитроумные приспособления, призванные обмануть время. Двигаться с околосветовыми скоростями она вряд ли догадывалась.

— Вот, — заявил Людвиг, ставя аквариум на прилавок. Продавщица еле успела отодвинуть баночки и тюбики.

— Простите? — она сделала вид, что не догадывается о целях визита Людвиг. За ее спиной в пыльных аквариумах копошились противные на вид белые мыши и морские свинки. Коричневая игуана грелась под раскаленной лампой.

— Вы продали мне бракованную рыбу, — с вызовом сказал Людвиг. — Я мог бы сразу обратиться в суд, но решил пойти вам навстречу...

Продавщица сняла очки и склонилась над аквариумом. Она шурилась и морщила нос, словно недовольный грызун.

— И что не так? — наконец спросила она.

— Вы посмотрите, — Людвиг нагнулся к аквариуму, и, выпучив глаза, громко выкрикнул: — Бу!

Продавщица отпрянула, будто ее ударило током. По широкому лицу пробежал испуг, мешаясь с недоумением и отзываясь дрожью в дряблом подбородке. Часто моргая, она уставилась на Людвига.

— Что вы делаете! — сказала она, запинаясь. — У меня слабое сердце!

В подтверждение продавщица схватилась за грудь, но Людвиг отступать не собирался. Тетрадонт парил над корабликом, и было очевидно: ничто в мире не в силах нарушить его спокойствия.

— Вот! Видите? — Людвиг ткнул пальцем в аквариум. — Вы испугались, а ему хоть бы что!

— Я не поняла... — начала продавщица, но Людвиг было уже не остановить.

— Это рыба-шар, она обязана надуваться, когда испугается. Однако она этого не делает. Вы подсунули мне крашеного слона!

Продавщица хмыкнула.

— А доставать не пробовали?

Взяв из-под прилавка сачок, она ловко подцепила рыбку и вытащила из воды. Тетрадонт протестующее пискнул и часто захлопал ртом, заглатывая воздух. Белесое брюшко вздулось, словно внутри вырос мячик для пинг-понга, голова и хвост оттопырились. Шаром рыбу мог назвать только человек, начисто лишенный представлений о стереометрии.

— Довольны?

Людвиг смущенно отступил. Как он сразу не догадался: внутри должен быть воздух? Исследователь называется... Пугай — не пугай, а водой рыба не надуется. Все равно что надувать мыльные пузыри из поливального шланга.

Продавщица опустила сачок обратно в аквариум. Тетрадонт некоторое время полежал на поверхности, затем сдулся и погрузился, как батискаф. Иллюминаторами сверкнули выпученные глазки.

Поездка обернулась фарсом — только выставил себя полным неучем. Хотя на лице продавщицы и застыла вежливая гримаса, Людвиг видел, что в глубине души она потешается над ним. Бормоча невразумительные извинения, Людвиг взял аквариум и попятился к выходу.

— Ничего покупать не собираетесь? — строго спросила продавщица. — Водоросли, корм для рыбы? Тетрадонты предпочитают живой корм, особенно улиток. У вас дома достаточно улиток? А дафнии для прикорма?

— Нет... — Сказать по правде, в холодильнике лежала упаковка мороженных французских улиток в чесночном соусе. Третий месяц Людвиг не решался попробовать деликатес, но делить его с рыбой не собирался. — Я, пожалуй, возьму немного, а еще...

Он оглядел прилавок. Нужно купить еще что-нибудь, задобрить продавщицу. Если повезет, она больше не вспомнит о его конфузе; иначе — будет посмеиваться всякий раз, когда Людвигу придется заходить в магазин.

Взгляд упал на выстроившиеся у кассы тюбики с мыльными пузырями. Глупая безделушка, рассчитанная успокоить разбушевавшихся детей, которым не купили говорящего попугая или пушистого кролика.

— А еще две банки мыльных пузырей, — сказал Людвиг. — Для дочери.

Он замолчал, сообразив, что нет никакого смысла оправдываться. Взрослые имеют глупую привычку стесняться, покупая игрушки. В играх нет ничего предосудительного, но, по словам Уайльда, «как важно быть серьезным». А в итоге все выливается в нелепые отговорки, якобы способные объяснить, зачем человеку на третьем десятке потребовался набор оловянных солдатиков и игрушечный поезд. Дети, племянники, внуки — не более чем ширма, Людвиг это знал точно.

Уголки губ продавщицы чуть дернулись — пузыри напомнили ей о рыбе-шаре. Людвиг мысленно отругал себя за неудачный выбор. Захватив покупки, он поспешил выйти из магазина.

Солнце катилось по дальним крышам, окрашивая черепицу и жесть багряным золотом. Пора было возвращаться, но Людвиг решил заскочить в рыбный ресторанчик. Особой нужды в этом не было: дома ждал сытный ужин, а Венди готовила так, как не снилось лучшим поварам. Поездка в крабовый рес-

торан была скорее бравадой. Так дети идут посреди ночи на кладбище или в заброшенный дом: доказать друзьям и себе, что не боятся привидений и мертвецов. Антиматерия антиматерией, бомбы бомбами, но всему должен быть предел. Не считая его сарая, в этом ресторанчике — самая большая концентрация крабов в городе, но там научились с ними справляться. Венди была права, когда говорила про енотов-крабоедов. Подумав о енотах, Людвиг вспомнил, что времени на поиски почти не осталось. Вселенские часы оглушительно тикали, и адская машина была готова разнести мир в клочья. Даже если не мир, а всего один поезд — суть не менялась.

Людвиг выехал на Сосновую, когда прогремел взрыв.

Столб ярко-рыжего пламени взметнулся в небо, прямой, точно прицельный удар из космоса. Если бы из-за деревьев показался марсианский треножник, Людвиг не удивился бы. Он вдавил в пол педаль тормоза. Пронзительно заверещав, «орикс» крутанулся на месте и чиркнул задним крылом о бордюр. Людвиг швырнуло на руль. Удар пришелся в солнечное сплетение и верхнюю губу. Из легких точно выбили весь воздух; струйка крови поползла по лицу.

Пламя плясало за кронами деревьев. Сквозь густую листву пробивались оранжевые отсветы, жуткие в своей неестественности. Огонь съезжился и почернел, затерявшись в клубах маслянистого дыма. Людвиг с ужасом понял: горит ресторан. Только он об этом подумал, как громыхнул еще один взрыв. На дорогу, вращаясь, вылетел кусок фанеры и рухнул у капота — клешня с вывески: даже погибая, краб пытался до него дотянуться!

Людвиг выругался. Если бы он ехал чуть быстрее... Если бы не задержался в магазине, покупая мыльные пузыри! Они спасли ему жизнь. Людвиг хихикнул, провел по лицу рукавом, размазывая кровь.

Нервный смех уступил место панике: в ресторанчике наверняка полно посетителей, не говоря о поварах, официантах и подсобных рабочих. Людвиг выскочил из машины и бегом бросился к полыхающему зданию, не представляя, чем может помочь, но зная, что должен предпринять хоть что-то.

Навстречу, воя как выпь, вылетела пожарная машина. Секундой позже промчалась «скорая». Объятый пламенем краб

накренился вперед, качнулся и рухнул на стоянку, рассыпая искры. Перед кафе стояло минимум шесть автомобилей, и пожарные заливали их хлопьями пены во избежание новых взрывов. Кого-то пронесли на носилках — толстая медсестра едва попевала с капельницей.

Из-за поворота вырвалась черная полицейская машина и устремилась прямо на Людвига. Затормозила в последний момент, разворачиваясь боком и перегораживая дорогу. Спологи мигалки ударили по глазам. Людвиг остановился, стукнувшись коленом о крыло. Чтобы устоять, пришлось схватиться за зеркало. Из машины выскочил коренастый полицейский и грубо оттолкнул Людвига.

— Куда?! Жить надоело?!

— Я думал помочь...

— Вот и не путайтесь под ногами!

— Но...

— Ваша машина?! — полицейский указал на «орикс». — Чтоб через секунду не было!

Людвиг мысленно хлопнул себя по лбу. Идиот! Бросил машину посреди дороги, не подумав о том, что «скорой» надо уезжать. На узкой Сосновой это равносильно преступлению. Он вернулся бегом.

Забравшись на сиденье, Людвиг дернул рычаг переключения передач, давая задний ход. Мотор взревел, Людвиг резко отпустил сцепление, развернулся к Центральной. Мимо, надрываясь сиренами, проехали две «скорые».

Людвиг не помнил, как добрался до дома. Машину он вел на автомате, совершенно не следя за дорогой; чудом не попал в аварию.

Взрыву не было никаких разумных объяснений. Бандиты, террористы — на кой черт им сдалось кафе в крошечном прибрежном городке? Единственным вариантом была спонтанная аннигиляция.

Фактически, взрыв подтвердил его теорию. В одном китайском ресторанчике он видел, как повара работают с рыбой и морепродуктами. Тогда его еще позабавило, до чего быстрый стук ножей по разделочным доскам похож на звуки несущегося поезда. Сейчас он понимал, насколько был прав — сходства оказалось достаточно, чтобы подманить отрица-

тельного краба. Нужное электрическое поле обеспечила пара микроволновок.

Странно, что взрыв не случился раньше. Видимо, на появление крабов влиял неучтенный фактор. Магнитные бури, вспышки на солнце, силы Кориолиса?

На ум пришла строчка из детского стихотворения, которое Людвиг читал Данике: «Краб, не зная почему, любит полную луну». Полная луна... Она может влиять на отрицательных крабов. Лунный свет — отражение солнечного. Может, причина в отраженных под определенным углом фотонах? Луна, как опытный теннисист, посылает на землю хитро закрученные мячики элементарных частиц, и эта энергия выманивает крабов? Бомбардировка невидимого моря странными фотонами... Подобными методами пользуются в физических лабораториях, получая новые бозоны и мезоны и щелкая Нобелевские премии, как семечки. А если метод работает с элементарными частицами, он, возможно, применим и к крабам.

Впрочем, дело могло быть в обычной гравитации, силе приливов и отливов. Невидимое море могло подчиниться этим законам, вздымаясь на зов Луны и вынося к поверхности своих загадочных обитателей. Лунного календаря под рукой не было, но, кажется, вчера действительно сияла полная луна, яркая, как свежееотчеканенная монетка. Или это шутка воображения и всю ночь небо было затянуто плотными тучами?

Он не стал заводить машину в гараж, да и забрать тетрадонта не было сил. Людвиг поднялся на крыльцо и долго возился с ключами, прежде чем понял, что дверь не заперта.

Держа дочь на руках, Венди вышла в прихожую. Она хмурилась, но стоило ей увидеть мужа, как на лице отразились испуг и беспокойство.

— Что случилось? — даже Даника напугалась: посмотрев на отца, она скучилась, готовая вот-вот разреветься.

Людвиг краем глаза глянул в зеркало. Вид ужасный — бледный как смерть, щека вымазана засохшей кровью и сажей, круги под глазами. Встретил бы себя на улице — не задумываясь подал бы монетку.

— Взрыв, — выдохнул он. — Ресторан на Сосновой...

— Ты был там?! С тобой ничего...

— Проезжал рядом, — поспешил успокоить жену Людвиг. — Ничего страшного...

Не выдержав, он сел на тумбочку в прихожей. Слабость прокатилась ледяной волной; задрожали руки. Венди опустила дочь на пол и присела на корточки. Обняв мужа за колени, она долго смотрела на него.

— Огонь был выше деревьев, — наконец сказал Людвиг. — Я никогда не видел столько пламени...

— Взрыв газа, — сказала Венди. — Сообщили по радио. Списки пострадавших уточняются. Страшное дело: субботний вечер...

— А потом приехали пожарные, врачи, полицейские. Я хотел помочь, а мне сказали — не путайся под ногами.

— Тебе нужно отдохнуть и успокоиться, — сказала Венди. — Был тяжелый день. Давай-ка ужинай и отправляйся спать.

Людвиг вяло кивнул.

— Там в машине аквариум и...

Венди приложила палец к губам.

— Умойся и иди на кухню. Я все заберу и сделаю, договорились?

— Спасибо, я... — хотелось крикнуть, чтобы она ни в коем случае не садилась на поезд. Особенно сейчас, когда крабы близко, когда полная луна вздымает отрицательное море в невидимом приливе, а вселенский эфир под завязку наполнили неправильные фотоны; когда самое обычное кафе готово взлететь на воздух... Взрыв газа! Да что они понимают! Никакие еноты и башмаки не стоят такой цены. Однако он промолчал.

Ужин показался сухим и безвкусным. Битых полчаса Людвиг ковырялся вилкой в куриной ножке и гонял горошины. В итоге Венди забрала тарелку и прогнала его в спальню.

Под одеялом было жарко. Задыхаясь, Людвиг барахтался на скомканной простыне, пытаясь как можно глубже нырнуть в призрачный мир сновидений. Но сна ему не досталось — так, волчья дрема. Людвиг отчетливо понимал, что может открыть глаза, слышал рядом ровное дыхание Венди. И в то же время в реальность вплетались таинственные и болезненно яркие образы.

Гремя колесами, новенький СТ-2000 неся по зеленой равнине. Вдалеке виднелась одинокая гора. Людвиг не мог

видеть, но точно знал — сквозь скалу прорублено три туннеля. Такая расточительность (кроме горы в округе не было ни одной заметной возвышенности) не казалась чем-то неправильным и странным. Математика сновидений проста: раз есть гора и есть поезд, значит, имеются и туннели. Людвиг знал, что на поезде едут Венди и Даника.

Откуда взялся краб, Людвиг не понял. Пурпурное чудовище возникло рядом с поездом, покачиваясь на суставчатых лапках и потрясая клешнями. Глаза на стебельках безостановочно двигались. На крабе была капитанская фуражка, но это не выглядело ни удивительным, ни смешным. Краб рос — только что был с автомобиль, потом с дом, а спустя мгновение оказался настолько огромным, что на его фоне поезд выглядел игрушечной моделью.

Людвиг понял, что если переключить тумблер, то поезд поедет гораздо быстрее, и тогда никакой краб его не догонит. Трансформатор лежал под ногами, но когда Людвиг поднял его, оказалось, что провода вырваны с корнем. Отбросив бесполезную коробку, Людвиг побежал к поезду, размахивая руками, чтобы хоть на мгновение отвлечь внимание краба.

Бугристая клешня вцепилась в вагон, вырвала его из состава. Поезд вспыхнул, как спичка, расцвел рыжими лепестками пламени. Краб пару раз потряхнул вагон, и тот громко зашуршал, словно жестяная банка с рисом. Они там, в вагоне... Людвиг прибавил ходу, глотая на бегу воздух, и понял, что надувается, точно вытасченный из воды тетрадонт. Чудовище следило за ним взглядом, не переставая трясти своей погремушкой. Вокруг толстой, как ствол старого дуба, ноги краба суежилась давешняя медсестра с капельницей. Людвиг оторвался от земли, и ветер погнал его в сторону... Вскрикнув, Людвиг открыл глаза.

Сквозь щель в занавесках луна заливала спальню серебристо-молочным светом. «Полная», — механически отметил Людвиг. По темному, как чернила каракатицы, небу расплескались ослепительные звезды. Он не разбирался в сплетениях созвездий, но, похоже, мутное пятно справа от обрезанной занавеской луны — Крабовидная туманность. Вроде просто скопление космического газа, а по сути — жуткое напоминание о нависшей угрозе. Духота уступила место пронизывающему холоду. Зыбкий лунный свет будто вытягивал частички тепла.

Людвиг повернулся на бок и неловко задел жену. Венди заворочалась.

— Не спишь? — прошептала она. Ее глаза влажно блеснули в темноте комнаты.

Людвиг покачал головой.

— Да у тебя жар, — сказала Венди, коснувшись его лба кончиками пальцев. Она приподнялась на локте. — Кошмар?

— Да. Что-то вроде... — Людвиг сел на кровати. Его бил озноб, капля холодного пота сползла между лопатками. Перед глазами еще стояли краб, клацающий чудовищными клешнями, и искореженный вагон. Сейчас казалось, из поезда доносились истошные вопли. Но он ничего не смог сделать...

— Принести воды?

— Проклятье, мне холодно! — выкрикнул Людвиг. Венди вздрогнула, и Людвиг отвел взгляд.

— Прости, — сказал он. — Мне нужно подышать свежим воздухом.

— Хорошо, — кивнула Венди.

Просто сон... Игры подсознания, нелепый коктейль из переживаний и событий прошедшего дня. Ничего же не случилось: Венди рядом, Даника спит в кроватке. Тут Людвиг вспомнил о взрыве в кафе. Случилось. И если он не сможет это остановить, случится снова.

Людвиг встал, натянул джинсы и свитер, вздрогнув от уколов колючей шерсти. Он должен работать. Нельзя терять ни минуты: он не имеет права тратить время на сон. Слишком многое поставлено на карту.

Венди сидела, укрывшись одеялом, и молча смотрела на его сборы. Небось думает, что муж повредился умом и пора вызвать врача. Быть может, она и права, но если б она знала!

— Все будет хорошо, — пообещал он. Венди грустно улыбнулась в ответ.

Громко жужжа, игрушечные поезда носились по просторам крошечной страны. Освещенная лунным светом железная дорога ожила: Людвиг то и дело примечал краем глаза движение, но это были не крабы. Уставшие оловянные солдатики разминали ноги, а пластиковые коровы незаметно щипали ис-

кусственную траву. Игра воображения, глупые шуточки усталого мозга.

Он давно потерял счет времени. Ночь отступала, и в щели между досками пробирались первые лоскутки утреннего тумана. Людвиг продрог до костей, — через пару дней сляжет с простудой. Если у Вселенной будет эта пара дней. Голова раскалывалась, черепную коробку словно набили липкой сахарной ватой. Любые мысли путались в ней и пробирались не быстрее улитки.

Сколько он ни старался, опыты не принесли никакого результата. Не было ни молний, ни вспышек, ни, на худой конец, обычных искр. Крабы попрятались в свои невидимые норы и упрямо не хотели вылезать. А ведь все условия на месте — стук колес, электрическое поле и свет полной луны. Людвиг был на грани отчаяния. Прав был Гераклит, сравнив время с рекой. А он, не вняв разумному совету, пытается остановить поток решетом. Вместо того, чтобы оставить бесплодные опыты и заняться поисками другого решения, продолжает гонять поезда. Людвиг готов был схватить топор и разнести железную дорогу на куски. Ему стоило больших усилий держать себя в руках и продолжать эксперимент.

— Ту-ту...

Дверь сарая тихо скрипнула. Подскочив от неожиданности, Людвиг обернулся. Он бы не удивился, если бы увидел гигантского краба, но на пороге стояла Венди в одной ночной рубашке.

— Ты здесь? — Не дожидаясь ответа, она прошла в сарай и остановилась рядом с железной дорогой. Некоторое время молча смотрела на носящиеся по кругу поезда. — Ты как?

Людвиг пожал плечами. Можно соврать, мол, все в порядке, однако Венди слишком давно его знает. Поезда жужжали, но было ясно, что опыт провалился.

— Я хочу знать, что происходит, — сказала Венди. — Я не слепая. Дело не только во взрыве, ведь так? Я понимаю, подобное любого выведет из равновесия, но на тебе лица нет...

Прикусив губу, Людвиг некоторое время обдумывал ситуацию. Наконец он кивнул. Пройдя в угол сарая, откопал корбочку со стеклянным крабом. Потребовалось время, чтобы снять скотч — клейкая лента упорно не хотела отдираться и липла к пальцам. На одно жуткое мгновение представилось,

что коробочка пуста и краб исчезнет, точно шрёдингеровская кошка. Но стеклянная поделка оказалась на месте.

— Вот, — выдохнул Людвиг, демонстрируя жене свое таинственное и страшное сокровище. Венди склонилась над коробочкой, затем взяла краба, повертела в пальцах. Голубоватое стекло переливалось в лунном свете.

— Симпатичный, — сказала жена. В стеклянных зверушках она знала толк. — Я ожидала более жутких скелетов...

— Куда уж страшнее? — сказал Людвиг, забирая у нее краба. — Внешность обманчива, самые опасные вещи выглядят мило и безобидно. Закон природы...

Он глубоко вздохнул и пересказал Венди всю крабовую эпопею. Жена ежилась от холода, но слушала внимательно, не перебивая.

— Вот видишь, — подвел итог Людвиг. — Вселенная трещит по швам. Взрыв в кафе — начало. А поездка на поезде в Бернардо? Безопаснее слетать куда-нибудь на ракете с ядерной боеголовкой. Еноты и башмаки того не стоят.

Венди некоторое время молчала, обдумывая его рассказ.

— Помнишь у Лира? — наконец сказала она:

*Один Старичок из Уэста
Гулял у причала с Невестой,
Мимо краб пробежал,
Старичка напугал:
Он с тех пор ни ногою в то место.*

Людвиг криво усмехнулся. Поэт жил задолго до того, как Дирак открыл невидимое море, однако уже тогда понял исходящую от крабов угрозу. Говорят, люди искусства тоньше чувствуют мир, и в этом было разумное зерно. Джойс, в конце концов, предсказал существование кварков раньше ученых.

— Искать смысл в бессмысленных стихах глупо, — продолжила Венди. — Но все же... Испугались и убежали, как портняжки от улитки. У страха глаза велики, но разве это повод больше не гулять по бережку?

— Нет, но...

Венди остановила его взмахом руки.

— В твоей науке я ничего не понимаю, но сам подумай: если ты прав, то рестораны с морской кухней должны взры-

ваться через день. Япония давно взлетела бы на воздух... Уж там-то крабов, поездов и электроприборов как нигде в мире. Однако, если верить новостям, Токио ничего не угрожает.

— Ну, есть еще другие факторы, — возмущился Людвиг. Восхитительно стройная теория громко трещала, налетов на рифы экспериментальных фактов. Людвиг забарахтался, выискивая разумное объяснение несоответствию. — Наверное, крабы боятся японцев? Там столетиями только и делали, что ели крабов. Вот и выработался рефлекс.

— Вот чем мне нравится научный подход, — сказала Венди. — Для всего найдется убедительное объяснение.

Людвиг смотрел на носящиеся поезда. Он уже не надеялся на синие молнии и искры и все равно ждал, что краб вот-вот появится, привлеченный жужжанием и светом луны.

— Знаешь, у меня такое чувство, что я строю замок из песка во время шторма. Стараешься, лепишь башенки и балконы, возводишь крепкие стены, прорываешь ров. И знаешь ведь, что накатит волна и не останется ни балконов, ни башенок. Песчаные стены не остановят цунами... Вселенная ползет к катастрофе с упрямством осла, и ее не удержать. Сколько не воюй с термодинамикой, черт бы ее побрал, со вселенской энтропией, все без толку. Солнце остывает, звезды сжимаются, галактики разбегаются, как тараканы, пространство завязывается в узлы. Темная материя, искажения гравитации, — мало, что ли? А тут еще эти крабы... Что прикажешь делать? Венди пожала плечами.

— Продолжать строить песчаный замок. Если постараться, получается очень красиво. А бояться просто и скучно. Нет ничего легче, чем запереться в четырех стенах, жалеть себя и ждать, когда все рухнет. Ну, а если рухнет, значит надо начинать сначала. Иначе — всхлип и пепел на рукаве старика...

Немного подумав, она неожиданно предложила:

— Давай съездим к тому ресторанику? Может, там найдется ответ на твою крабовую загадку?

Людвиг вздрогнул. Как он не сообразил! Именно во взорвавшемся кафе крабы проявили себя во всей красе. Конечно, пожарные уничтожили большую часть улик, но что-то должно остаться.

— Прямо сейчас? — переспросил он, заранее зная: ждать до утра не сможет.

— Только надену что-нибудь потеплее и попримечнее, — сказала Венди.

Спустя десять минут Венди вышла к машине. Ярко-желтая ветровка с капюшоном почти светилась, точно вымазанная флуоресцентной краской. Людвиг тихо выругался — неужели не нашлось ничего менее заметного? В конспирации жена ничего не смыслила.

Он уже весь извелся, ерзая на переднем сиденье. Людвиг несколько раз включал радио, но из динамиков доносился лишь треск помех. Коробочка с крабом стояла на приборном щитке: Людвиг решил захватить ее с собой, но смотрел, как на спящую гадюку, способную в любой момент проснуться и ужалить.

— У нас есть часа полтора, — сказала Венди, садясь в машину. — Пока дочь не проснулась.

Съехав с подъездной дорожки, Людвиг развернулся и включил фары, осветив пустынную улицу. Мотор тихо рявкнул, машина направилась к Сосновой.

— Что это? — вдруг спросила Венди.

Покрутившись на сиденье, она достала мыльные пузыри, о которых Людвиг и думать забыл.

— Купил в зоомагазине, — пояснил он.

— Смотри-ка, — усмехнулась Венди и вслух прочитала надпись на этикетке, стараясь передать истеричный пафос, свойственный многим защитникам природы:

Покупая эти пузыри, вы помогаете спасти красного краба на островах Тихого океана!

Каждый год во время миграций миллионы красных крабов гибнут под колесами автомобилей и поездов! Каждый год незаконно вылавливаются тонны крабов, панцири которых идут на производство дешевых удобрений! В ближайшем будущем мы можем окончательно лишиться этих поразительных созданий! Люди, одумайтесь!

Часть средств от продажи этих пузырей пойдет на создание крабового заповедника и миграционных коридоров.
СПАСЕМ КРАБА ВМЕСТЕ!

Людвиг вздрогнул. Предчувствие слизнем заворочалось в груди. Вселенная упрямо продолжала кричать ему о крабах,

выбирая самые неожиданные методы. Впрочем, Венди была настроена более легкомысленно.

— Не такие они опасные, твои крабы, раз для их спасения потребовались мыльные пузыри...

Она встряхнула флакон, отвинтила крышку. Немного помедлив, выдула пузырь размером с кулак. Едва ли стоило делать это внутри машины, но Людвиг знал свою жену — она не могла противиться искушению. В свете автомобильной лампы по тонкой пленке расплзались оранжевые отблески, напомнившие Людвигу о пожаре.

— Мыльная пленка считается одной из прочнейших вещей во Вселенной. Поверхностное натяжение...

— Неужели? — Венди ткнула в пузырь пальцем. — Ничто так не хрупко, как самые прочные вещи. И в тоже время...

Закончить она не успела. Фары высветили ползущего по разделительной полосе краба величиной с блюдце. Людвиг едва успел среагировать. Машина рванулась к обочине, чиркнула боком по бордюрному камню и остановилась. Венди швырнуло вперед, содержимое флакона с пузырями выплеснулось ей на джинсы. Хорошо еще догадалась пристегнуться, иначе бы ударилась лбом о приборную панель.

— Ты чего? — выдохнула она испуганно и удивленно.

Людвиг сдал назад, мечтая, чтобы никаких крабов не было. Ему почудилось, галлюцинации на нервной почве... Краб по-прежнему сидел на разделительной полосе. Крупные клешни подняты над головой, а сам замер, точно взломщик, застуканный на месте преступления.

Вспотевшие ладони скользили по пластику руля. Воздух сгустился, каждый вдох требовал усилий. Температура в салоне упала на пару градусов, несмотря на гудящий обогреватель. Людвиг кожей чувствовал бурлящие потоки странных фотонов лунного света. Коробочка со стеклянным крабом мелко завибрировала...

— А вы похожи, — рассмеялась Венди. — Глядите друг на друга и пучите глаза, словно увидели привидение.

Опомнившись, краб засеменил к придорожным кустам. Людвиг откинулся в кресле, провожая взглядом членистоногое. Появление краба не было случайным. Вселенная играла с ним, точно маньяк, подбрасывая многозначительные намеки на преступление. Вот только сыщик из него никудышный.

Холмсу хватило бы и половины имеющейся у Людвига информации, чтобы найти выход.

— Зачем крабы переходят дорогу? — сказала Венди.

Людвиг нервно пожал плечами; он был не в состоянии отвечать на глупые вопросы.

— Никто не знает, — вздохнула Венди. — Одна из тех задачек, которые не имеют правильного решения. Или имеют бесконечное множество правильных решений. Я к тому, что не забивай голову. Это просто краб, просто проползал мимо: отсюда до океана от силы четыре километра. Кстати, его судьбе не позавидуешь — далеко забрался от воды. Бродячие собаки, еноты и опоссумы не упустят такого шанса. И клешней от него не останется. Бедняга... Может, стоило дать ему мыльных пузырей?

Как всегда, Венди умудрилась разбавить серьезную тему шутками. Людвигу самому ситуация показалась смешной и глупой. Сковывающее напряжение отступило, и он улыбнулся.

— Ну, долго будем стоять? — поинтересовалась Венди. Она щелкнула по часам на приборной панели, напоминая: времени у них немного.

Вскоре Людвиг остановил машину рядом с чернеющим на фоне неба каркасом сгоревшего здания. С улицы стоянку перед пепелищем огораживала желтая целлофановая лента, трепыхавшаяся на ветру, точно змея в припадке эпилепсии. В приоткрытое окно машины прокрался запах мокрого угля, сажи и горелой резины.

— Выключи фары, — посоветовала Венди. — Слишком заметно. Не хочу, чтобы нас приняли за кладбищенских воров...

— Так мы еще больше будем похожи на мародеров, — ответил Людвиг, но свет все-таки выключил. Некоторое время они сидели в темноте, но их ночной визит не привлек внимания. Тишина лежала на Сосновой, как саван. Наконец, когда ожидание практически зазвенело в воздухе, Людвиг громко прошептал:

— Пошли.

Он достал из бардачка карманный фонарик и открыл дверь. Сырой ветер чиркнул по лицу водной взвесью, точно наждачной бумагой.

— Ты знаешь, что ищешь? — спросила Венди.

— Да, — Людвиг уверенно кивнул. — Хотя нет... Когда найду — пойму.

— Лучший из раскладов, — сказала жена. — А как ты поймешь, если не найдешь?

— Там посмотрим, — захватив коробочку, Людвиг зашагал к стоянке. Спустя пару секунд к нему присоединилась Венди.

Луна клонилась к закату и едва виднелась над деревьями. Хлюпая по лужам, они прошли на стоянку. На площадке громоздился горелый хлам: обломки мебели, остовы стульев, битая посуда и съездившийся пластик. Мусор прикрывал обглоданный пламенем кусок фанеры — остатки вывески.

Людвиг огляделся, не зная, с чего начать. Отпихнул ногой барный стул, пошарил фонариком по асфальту. Что он надеется найти? Оплавившихся стеклянных крабиков? Вряд ли — от них ничего не могло остаться. Как, впрочем, и от обычных, положительных крабов. Но должно быть что-то вроде реликтового излучения... Представить реликтовых крабов было сложно. На ум приходили только трилобиты.

Венди осталась посреди стоянки, пряча ладони в рукава и оглядываясь. Людвигу и самому было неуютно рядом со сгоревшим зданием. Нужно скорее заканчивать с этим делом. Вцепившись в липкую от копоти железную трубку, Людвиг выволок ее из общей кучи.

Вся конструкция рухнула с отвратительным лязгом. Он замер. Вот и все: перебудили половину квартала. Какая-нибудь бдительная старушка не замедлит вызвать полицию, и продолжать поиски крабов придется уже в участке. Некоторое время он стоял, не шелохнувшись, прикрыв фонарик ладонью.

— Ты слышишь? — громким шепотом спросила Венди. Людвиг прислушался, готовый к далекому вою сирены или хлопанью соседских дверей. Но вместо этого различил сухой хруст, будто сотни кроликов яростно грызли капусту. Звуки доносились со стороны дома.

— Да, — ответил он. Луч фонарика скользнул в темноту, осветив обуглившиеся балки, гнутые перекрытия из черного железа. Пятно света уперлось в стену, поползло вверх и остановилось, поймав свою жертву. Круглую и красную, с четырьмя парами ног и овальными клешнями. Краб полз по горизонтальной балке, бешено вращая глазами. С границы тени появился еще один и поспешил следом.

Фонарик в руке дернулся, высветив колышущуюся живую массу. Бугристый красный ковер раскинулся на десяток метров. Крабы: тысячи, сотни тысяч, а то и миллионы. Треск клешней, удары панцирей сливались в ритмичный рокот. Они приближались с неотвратимостью цунами.

Людвиг и Венди переглянулись и, не сговариваясь, бросились к машине. Крабы выплеснулись на стоянку, растекаясь по асфальтовой площадке и скрывая мусор под грудой хитиновых тел.

Людвиг не понял, как очутился на крыше автомобиля. Вроде бы стоял среди горелых обломков, а уже помогает Венди забраться следом. Спустя секунду крабы, подобно волнам, штурмующим затерянную в океане скалу, ударились о борта машины.

«Орикс» предательски зашатался. Людвиг запоздало выругал себя за то, что не догадался залезть внутрь. Ничего не стоило взять и уехать, а они оказались на тесной и скользкой крыше, окруженные крабами, точно миссионеры каннибалами. Но в критической ситуации рефлексy работают быстрее мозга. Люди чаще вышибают двери, чем проверяют, не открываются ли они в другую сторону.

Крабы бессильно скреблись, соскальзывая с металла. Людвиг подумал, не разорвут ли они клешнями шины, но решил, что это маловероятно.

— Что им от нас надо-то? — голос Венди заметно дрожал.

— Отрицательный заряд, — громко сказал Людвиг. — Мог бы сразу догадаться, он притягивает их как магнит. Плюс к минусу.

Он потряс коробочкой в подтверждение своих слов. Делать этого явно не стоило: все равно что размахивать тряпкой перед мордой носорога. Крабы устремились к машине с утренней яростью.

— Больше так не делай, — попросила Венди, вцепившись в крепление багажника.

Людвиг нервно кивнул. Хотя крабы пока не могли до них добраться, крыша машины перестала казаться надежным убежищем. Членистоногих было слишком много, и при усилии им ничего не стоило опрокинуть «орикс». Прояви они чуть больше сообразительности, ситуация стала бы плачевной.

— И что теперь делать? Сидеть до утра и ждать, пока нас кто-нибудь спасет? Даника скоро проснется. Из кровати

она не выберется, однако расплатится... Не хотелось бы ее огорчать.

— Пока у нас отрицательный краб, они не уйдут, — покачал головой Людвиг. — Если мы отсюда выберемся, крабы последуют за нами. Будут ползать по дому, пока не найдут. Примитивные создания... Слышала про животный магнетизм? Вот он во всей красе.

— Так отдай им эту игрушку! Что ты за нее цепляешься?! Людвиг дико посмотрел на жену. Венди отшатнулась.

— И все взлетит к чертовой матери?! Из всех извращенных способов самоубийства... У тебя под носом самая наглядная демонстрация неосторожного обращения с крабами.

Он махнул на горелый остов бывшего рестораника.

— Не кипятись, — сказала Венди. — Я только предложила. Должен же быть выход?

Некоторое время Венди хмурилась, обдумывая ситуацию. Маленький проворный краб умудрился забраться на капот. Но вскарабкаться на крышу было выше его сил: он соскальзывал с лобового стекла. Бесплодные попытки ничуть не уменьшили энтузиазма. Точно десятиногий Сизиф, он упрямо лез наверх.

— Мыльные пузыри? — сказала Венди. — Если верить этикетке, они защищают крабов?

— А не от крабов, — заметил Людвиг. — Есть разница... Обхватив голову руками, он пытался заставить себя думать. Треск клешней, стук и шорох мешали сосредоточиться. Мысли проплывали и исчезали в неведомых глубинах. Он будто пытался в крошечной темноте поймать руками скользкого угря. Сколько ни старайся, а получалось выудить только плети водорослей.

Столкновение частицы и античастицы приводит к их аннигиляции с образованием пары гамма-квантов. И как ни переноси это на крабов, схема оставалась той же. Теория была беспощадна.

— А если все-таки попробовать с пузырями? Мы ничего не теряем, а если получится...

Пузыри. Людвиг ухватился за эту мысль. Он вспомнил надувшегося тетрадонта и поездку в зоомагазин. Немного улиток и дафнии для прикорма... Людвиг радостно вскрикнул. Венди удивленно посмотрела на него, а угорь уже бился в руках рыбакова.

При участии гамма-квантов электрон и позитрон образуют устойчивую пару. И если распад краба и антикраба приводит к появлению пары примитивных ракообразных, то, возможно, дафнии помогут нейтрализовать крабов.

— Улитки, — сказал Людвиг. — Когда ты забирала аквариум, ты брала улиток? Там еще был пакетик...

— Не помню никаких улиток, — сказала Венди. — И пакетиков тем более. Я вот думаю, как достать пузыри? Они в машине, а мы сверху.

Он положил дафний в «бардачок»... Людвиг взглянул на бурлящее крабовое море. Рано или поздно придется в него прыгнуть. Нельзя всю жизнь стоять на берегу.

— Держи, — сказал он, вручая Венди коробочку. — Не позволяй им до нее добраться!

— А ты... — начала она. Людвиг поцеловал жену и прыгнул с машины.

Под ботинками хрустнуло. Его пребольно ущипнули за лодыжку; если бы не плотная ткань джинсов, вырвали бы кусочек мяса. Людвиг отпихнул тварь ногой. Распахнув дверь, забрался на сиденье. Следом за ним в машину пролез десяток крабов, размерами от монеты до кулака.

Людвиг открыл «бардачок» и принялся шарить среди дорожных карт, рекламных проспектов и прочего хлама, годами скапливавшегося в недрах «орикса». Бумажный пакетик с дафниями обнаружился в дальнем углу. Людвиг бережно открыл его и удовлетворенно ухмыльнулся при виде желто-коричневого порошка.

Опустив стекло, он по пояс высунулся из машины и столкнулся нос к носу с Венди.

— Достал пузыри?

— Лучше, — ответил Людвиг. Перегнувшись, он выбрался на крышу машины. — Открой коробочку.

Венди приподняла крышку. Встряхнув пакет, Людвиг высыпал содержимое на стеклянного краба. Затем перебрался на капот и поймал ползающую по нему тварь. От близости к заветной цели и невозможности ее достичь краб совсем ополоумел. Он яростно сучил лапками и размахивал клешнями; глаза раскачивались маятниками. Людвиг пихнул его в коробочку, одновременно хлопывая крышку, и отшвырнул далеко, насколько хватило сил.

Людвиг ждал взрыва, но обошлось: никаких вспышек и грохота, столбов пламени и лучей до неба... Коробочка покати́лась по асфальту, закружилась и остановилась возле бордюра. Людвиг выпрямился. Сработало?

— И все? — спросила Венди.

— Думаю, да. Дафнии образовали соответствующее...

Коробочка подпрыгнула на месте, как от удара. Треск клешней и панцирей стих внезапно, словно кто-то выкрутил ручку громкости. Крабы застыли, будто боясь пошевелиться, и от их неподвижности Людвигу стало не по себе. Неужели ошибся? Вместо дафний надо было использовать креветок?

Людвиг мысленно отсчитывал секунды: три, два, один, взрыв? Коробочка не шелохнулась. Зато ожило крабовое море; перестук клешней ударил как гром. Крабы отхлынули от «орикса». Их организованность и ярость будто испарились. Крабы расползались, спеша вернуться к своим делам.

Людвиг слез с машины и помог Венди спуститься. Лавируя среди разбегающихся под ногами членистоногих, они подошли к коробочке. Людвиг нагнулся, поднял ее; жест оказалась теплой. Он открыл крышку и расплылся в улыбке. Внутри оказалась пара стеклянных игрушек, вцепившихся друг в друга клешнями и сливающихся на стыке. Стабильная пара с нейтральным зарядом. Венди заглянула через плечо.

— Ого! — сказала она. — Красиво получилось. Их можно будет поставить на полку?

Людвиг улыбнулся.

— Думаю, там им самое место.

Они вернулись к машине, и Венди взяла с сиденья мыльные пузыри. Вереница блестящих шариков полетела за расползающимися крабами. Она некоторое время смотрела им вслед, затем повернулась к Людвигу.

— Все же, несмотря на суицидальные наклонности, у Вселенной есть инстинкт самосохранения. И знаешь что? Мне кажется, мой муж — часть этого инстинкта.

Мыльная пленка, тонкая и хрупкая и в тоже время невероятно прочная, как и сама Вселенная, расплывалась голубыми разводами. Пузыри плавно опускались на землю, и Венди выдула еще немного.

— Поехали домой, — сказал Людвиг.

Дмитрий Колодан СКРЕПКИ

Самое глупое в этой истории то, что Ральф Крокет терпеть не мог китайскую кухню. Ненавидел искренне и во всех проявлениях, не делая поблажек ни пекинской, ни кантонской, ни сычуаньской кулинарии. Неприязнь была давней, и Ральф держался за нее, как клещ, несмотря на попытки друзей и знакомых склонить его к экзотике. У них китайская кухня была в чести, но переубедить Ральфа оказалось не легче, чем проломить кирпичную стену, кидая в нее шарики для пинг-понга. Ральфу приписывали отсутствие вкуса, тайное вегетарианство, а то и вовсе отвращение к еде, вызванное комплексом по поводу лишнего веса... Последнее было уж полной чепухой — поесть Ральф очень даже любил. И потому к этому процессу относился серьезно. Всяческие эксперименты с продуктами питания он воспринимал с той же безразличностью, что и вивисекцию, считая их звеньями одной цепи. Разумный человек не станет есть крыс, скорпионов и птичьи гнезда, закусывать лепестками хризантем и запивать змеиной желчью. Не говоря уже о супе из медуз — сама мысль об этом блюде повергала Ральфа в трепет.

Впрочем, супу из медуз еще предстоит сыграть свою роль; сама же история началась несколько раньше — солнечным воскресным утром, на песчаной дорожке Центрального парка. И в тот момент Ральф Крокет не представлял, как скоро и странно китайская кухня ворвется в его жизнь.

Солнце едва поднялось над пирамидальными кленами, окрасив макушки деревьев в оттенки лилового и розового. Утро наступало медленно — в воскресенье спешить некуда, вот оно и не торопилось. Да и зачем? Безоблачное небо намекало на прекрасный день, а пока можно расслабиться и поваляться лишний часок в постели. В парке было тихо. Легкий ветерок гонял бумажки и окурки, играя сам с собой, пока его никто не видит.

Ральф Крокет бежал по дорожке, извивавшейся вокруг искусственного пруда. Впрочем, «бежал» в данном случае условность. Он просто быстро шел, попутно убеждая себя, что

бег трусцой — лучший способ провести воскресное утро. Закаляет тело и дух, воспитывает характер.

И все бы хорошо, но с характером не заладилось. По официальной версии, Ральф занимался спортом, чтобы держать себя в форме. По более близкой к реальности — чтобы избавиться от пары-другой лишних килограммов. К сожалению, упрямства хватало только на выходные.

Ральф был не толстым, скорее, просто упитанным. Ни разу весы не показывали запредельных цифр, но из-за низкого роста он выглядел толще, чем это было на самом деле. Масла в огонь подливала рассеянность, а как следствие — неуклюжесть. Чем-то Ральф напоминал шар для боулинга: отчасти из-за округлости, но главное — из-за манеры передвигаться с пугающей целеустремленностью, забывая смотреть по сторонам. Добром это не заканчивалось — на его счету значились разбитые тарелки и чашки в кафе, опрокинутые столы, стулья и редчайшая амфора в городском музее... Друзья и знакомые никогда не забывали прятать хрупкие вещи.

Но при этом сам Ральф словно жил в центре циклона. Неприятности держались неподалеку, но вплотную не подходили. Единственное исключение — собаки.

В то утро Ральф шел уже на третий круг — личный рекорд. Самое время подумать о том, что для человека его комплекции длительные пробежки сулят больше вреда, чем пользы. Впрочем, он мог найти с десятков не менее убедительных самооправданий.

Покончив со спортом, Ральф намеревался покормить птиц и захватил для этого пару сэндвичей с тунцом. Но жирные утки пока спали и покидать середину пруда не собирались. Потому сэндвичи оставались невостребованными. Ральф сперва решил, что плохо жевать на ходу, а позже физические упражнения отбили малейший аппетит.

От нечего делать Ральф глядел под ноги, взбивая носками кроссовок песчаные смерчки. На земле нередко попадаются интересные штуки. Чаще всего — монеты, но иногда — действительно стоящие вещи. Один его приятель собирал потерянные ключи и игральные карты. Но для серьезного коллекционирования Ральф был чересчур ленив и рассеян, хотя сама идея и была ему по душе.

В то утро улов состоял исключительно из бутылочных крышек, окурков да алюминиевых колец от пивных банок. Негусто, надо признать. Потому Ральф и остановился, заметив в пыли яркое пятнышко. Присев на корточки, Ральф поднял свою находку. Ею оказалась обычная канцелярская скрепка в красно-белой пластиковой обмотке, шершавая и неприятная на ощупь. То еще сокровище... но Ральф положил ее в карман.

И вовремя — не успел он выпрямиться, как за спиной раздалось хриплое рычание.

На долю секунды Ральф замер, не смея поверить в реальность. Мгновение назад поблизости не было и собачьей тени. Тварь словно возникла из воздуха — крупный лохматый терьер, рыжий, как перезрелый апельсин. Тяжелая голова низко опущена, мышцы дрожат от напряжения, крошечные глазки налились кровью, рык не смолкает ни на секунду, словно внутри собаки спрятан дизельный мотор. И десятой доли этого хватило бы, чтобы человек с крепкими нервами почувствовал себя неуютно. Ральф же боялся собак до смерти.

Он быстро огляделся в поисках хозяев пса, но никого не увидел. Как не увидел и ошейника на шее терьера. По всем приметам выходило, что пес бездомный.

— Милый песик... — сказал Ральф, начиная пятиться.

Главное, не делать резких движений. Один неверный шаг, и зубы сомкнутся на лодыжке. Побежишь — считай подписал себе приговор. Люди по своей природе существа медлительные. Если Ахиллес не смог догнать черепаху, куда уж обычному человеку состязаться в скорости с собакой? Перспектива провести воскресенье на больничной койке Ральфа не прельщала.

Медленно Ральф достал из кармана сэндвич с тунцом. Пока еще оставалась надежда откупиться: собачий род корыстен, мало кто пройдет мимо взятки.

— Не хочешь перекусить? Посмотри, что у меня есть...

Он бросил сэндвич собаке, но тунец задержал пса на считанные мгновения. Оглушительно клацнули зубы. Звук громом прокатился в тишине парка, сработав для Ральфа, как кнопка, подложенная на стул. Он подскочил на месте и решил, что медлить — себе дороже.

В Австралии кенгуру, спасаясь от динго, первым делом бегут к ближайшей реке или озеру. И сидят по шею в воде, посмеиваясь: ни одна собака не сунется следом, понимая, каково это — барахтаться, когда противник уверенно стоит на дне и собирается тебя утопить.

Подобная методика могла бы пригодиться и Ральфу, но тысячелетия эволюции вытравили из генетической памяти столь полезный навык. Он вспомнил о нем, когда со всех ног бежал прочь от пруда.

Пес устремился следом. Он мог бы догнать Ральфа в пару прыжков, но пока не приближался. Ральф решил, что терьер его выматывает. Он слышал про таких — будут гнать добычу, пока та не свалится замертво. И судя по тому, как колотилось сердце и резало в боку, до этого оставалось недолго.

— Держи, — выкрикнул Ральф, швыряя собаке второй сандвич.

Терьер поймал бутерброд на лету, как тарелку для фрисби, перекувырнулся в воздухе и покатился по траве. Ха! Ральф злорадно усмехнулся и на полном ходу врехался в кусты боярышника.

— Ай! — жесткие ветви хлестнули по груди и рукам.

Собака мерзко тявкнула, чтобы показать, что злорадство не является человеческой прерогативой. И еще не ясно, кто в этой истории будет смеяться последним.

Колючки больно царапали кожу, но выбираться из кустов Ральф не стал. Вместо этого он устремился дальше, ломая ветки и в клочья раздирая спортивный костюм. К счастью, обошлось без травм, и между Ральфом и псом возникла отличная преграда.

Терьер оказался сообразительным и в боярышник не полез. Но сдаваться не собирался. Декоративная изгородь примыкала к металлической решетке парка. По ту сторону неспешно просыпался город. Мимо ограды проехал молочный фургон — круглощекий водитель отсалютовал Ральфу початым пакетом кефира. Четверть часа, и в парк потянутся собачники, превращая его в огромную ловушку. Нужно срочно выбираться, осталось понять — как?

Кто-то, может, и смог бы протиснуться между прутьями, но для Ральфа подобный вариант оказался неприемлем. Забор

был высокий, прутья решетки венчали вычурные и острые наконечники. Нечего и думать, чтобы перелезть. Украшать ограды человеческими головами уже не модно.

Вплотную к ограде рос старый тополь. Толстый ствол сильно кренился, так что дерево большей частью очутилось за пределами парка. И выглядело таким древним, что если бы не невольные подпорки, оно бы попросту рухнуло. Серо-коричневую кору избороздили глубокие трещины, по краям ярко-рыжие от наростов лишайника. Массивный наплыв обволакивал пару прутьев решетки: тополь словно подтаял на жаре, а теперь стекал вниз.

Ральф был не в восторге от идеи ползать по деревьям, но иного выхода не оставалось. Цепляясь за трещины коры и решетку, он торопливо стал карабкаться по стволу. Терьер это заметил и разразился возмущенным лаем — подобный поворот событий не входил в его планы. Собака забегала вдоль живой изгороди в поисках прохода. Чем только подстегнула Ральфа.

Силы в руках почти не осталось, ноги соскальзывали, древесные крошки впивались под ногти, но Ральф продолжал ползти вверх, с упрямством лосося, идущего на нерест. Он и сам не заметил, как оказался на наплыве, вцепившись в ствол руками и ногами. Полдела сделано, осталось слезть.

Собака, поняв, что без жертв не обойтись, полезла через кусты. Рыжая морда высунулась из сплетения ветвей, глаза сверкали.

Ральф посмотрел вниз: прыгивать высоко, но сидеть, дожидаясь подмоги, глупо и небезопасно. Вопреки расхожему мнению, некоторые собаки неплохо лазают по деревьям, а взобраться по наклонному стволу им и вовсе пара пустяков. Ральф не сомневался, что терьер окажется из их числа.

Не отпуская ствола, Ральф пошарил ногой в поисках точки опоры. Безуспешно. Надо ухватиться покрепче, повиснуть на руках, а там до земли недалеко...

Тем временем пес с плотоядной усмешкой подбирался к дереву. Смекнул, что добыча угодила в западню, и смаковал ситуацию. Ральф суетливо задержался, инстинктивно пытаясь отползти в сторону. Штанина зацепилась за ржавый штырь, торчащий из наплыва. Ральф с силой дернул ногой, раздирая

ткань. Но лучше остаться в дырявых штанах, чем повиснуть вниз головой, подобно герою дешевой кинокомедии.

И все бы ничего, но в его положении резкие движения были категорически противопоказаны. Ральф не успел осознать, что летит, а уже лежал на тротуаре, вопя от боли.

Пошатываясь, он поднялся на ноги.

Громко лая, терьер бросился к решетке. Но через прутья не полез: партия осталась за Ральфом, и собака это прекрасно понимала. Она лишь хотела сообщить, что одно сражение — еще не победа, и в следующий раз так просто он не отделается. Ральф твердо решил, что следующего раза терьер не дожидется. Всему есть предел — с сегодняшнего дня ноги его в этом парке не будет.

— Пока-пока! — Ральф помахал псу и довольный собой зашагал прочь. Терьер продолжал лаять, но Ральф не обернулся.

Радость избавления длилась недолго. Не прошел он и десятка метров, как почувствовал резь в боку, усиливающуюся боль в плече, а в придачу навалилась усталость. Мышцы заболели разом, каждый вдох рвал и без того раскаленные легкие. Страшно хотелось пить, найти же воскресным утром бутылку воды не легче, чем раздобыть ее посреди пустыни.

Теоретически, вода была рядом — зашел в любой магазин и купил, но с тем же успехом она могла быть и на Марсе. Ральф долго блуждал между кафе и мини-маркетами, но те, если и работали по выходным, то открывались в лучшем случае через час. К этому времени он успеет умереть от обезвоживания. Пустые уличные столики и свернутые зонтики выглядели издевательством.

Вдалеке проехала разноцветная машина. Ральф узнал молочный фургон. Он чуть не подпрыгнул от радости: есть справедливость в этом мире! Ральф припустил к грузовичку, мысленно смакуя вкуснейшее холодное молоко. Напиток богов, лучшее, о чем можно мечтать.

Но водитель ждать его не собирался. Грузовичок скрылся за поворотом, и надежда на спасение растаяла, как мираж.

Ральф поплелся вслед за исчезнувшим фургоном. Может, тот задержался или оставил под какой-нибудь дверью пару

бутылок молока? Вряд ли хозяева расстроятся, если он положит взамен двойную цену? Но все было напрасно.

Ральф дошел до конца улицы, мысленно проклиная собак, молочников и утренние пробежки. Сидел бы дома, мог бы литрами пить молоко, соки и воду. Он свернул за угол и уткнулся в дверь китайского ресторана.

Заведение называлось «Хрустальный Карп»; вывеска из неоновых трубок тускло мигала над дверью. Фасад умело стилизовали под пагоду и украсили резными рыбами и драконами. С козырька свисали круглые бумажные фонари. Но главное — на дверной ручке покачивалась табличка «Открыто».

Открыто!

В другой раз Ральф и на пушечный выстрел не подошел бы к подобному заведению, но ему не оставили выбора. Он рванулся к двери, предвкушая, как по пересохшему горлу заструится ледяная вода. Даже если вода окажется из аквариума с голотуриями и крабами, Ральф был готов на это.

Сразу за дверью стоял гонг — огромный диск тусклой бронзы, закрепленный на деревянных столбиках. Рядом горбился невысокий человек в халате до пят и в конической тростниковой шляпе. Привратник походил на восковую куклу. По крайней мере, это было единственное достойное объяснение пустому взгляду и застывшей на губах улыбке. Пока Ральф мялся на пороге, человек не шевельнулся. Но стоило шагнуть вперед, как привратник взмахнул войлочной колотушкой и ударил в гонг.

Низкий гул прокатился по залу; Ральф аж подпрыгнул от неожиданности. Ох уж эти китайские церемонии! Человек в халате продолжал улыбаться, не спуская глаз с таинственной точки над головой Ральфа. Тот невольно пригладил волосы и, косясь на привратника, проскользнул в ресторан.

Как и следовало ожидать, посетителей не было. Обстановка зала предполагала полумрак: темные стены, массивные столы мореного дерева, красные абажуры ламп... Но жалюзи были открыты — яркое утро не оставило от мрачности и следа. Солнце дробилось в чисто вымытых окнах, и по потолку скользили спящие зайчики. Даже рыбы в настенных аквариумах выглядели жизнерадостно.

Китайские рестораны — явление уникальное; уже в самом словосочетании заложен подвох. С одной стороны, вроде

не грязная пивная и не фастфуд, но назвать настоящим *рестораном* язык не поворачивается. Полумера, наподобие шикарных туфель со шнурками из полиэтиленовой веревки. Потому там всегда темно — в полумраке не сразу заметишь нюансы. То, что в этом заведении пустили внутрь солнце, добавляло «Хрустальному Карпу» очков. Правда, немного.

Ральф уселся за ближайший столик и огляделся в поисках официантки. Та, к счастью, не заставила себя долго ждать. Девушка подошла бесшумно, со спины, потому Ральф вздрогнул, когда услышал:

— Доброе утро!

— А?! Здравствуйте. стакан воды, пожалуйста, — прохрипел Ральф. — А лучше — сразу два...

— Меню? — спросила официантка, протягивая раскрытую папку. Даже не взглянув, Ральф постучал пальцами по горлу. Он словно пробежал марафон через Сахару. О каком меню может идти речь?

— Просто воды... Главное — побольше.

Девушка не стала его уговаривать и вышла. Тяжело дыша, Ральф откинулся на спинку стула. Пластиковая ножка тут же подогнулась. Чтобы не упасть, Ральф схватился за край стола, мимоходом опрокинув вазу с искусственными цветами. По столешнице растеклась большая лужа, которая повергла Ральфа в недоумение: зачем ставить пластмассовые растения в воду?

Он быстро собрал цветы и вернул на место. Успел как раз к возвращению официантки, хотя все следы скрыть не удалось.

— Вы бы намекнули, что *настолько* хотите пить, — сказала девушка, косясь на лужу.

Официантка поставила поднос на край стола и достала из кармана тряпку. Вид у девушки был не самый довольный.

— Давайте я сам, — Ральф схватил девушку за запястье. Испугавшись собственной наглости, отпустил и резким движением сбил поднос. С грохотом тот упал на пол. Девушка вскрикнула, но отскочить не успела. Долгожданная вода выплеснулась официантке на ноги. Один стакан разбился, второй закатился под стол. Ошарашенная официантка осталась стоять в луже, растерянно хлопая длинными ресницами.

— Э... Извините... Я случайно...

Официантка глубоко вдохнула. Губы беззвучно шевелились, пока она мысленно считала до десяти.

— Ничего страшного, — улыбнулась она. Но во взгляде плясали искры — не будь она связана этикетом, ответ был бы куда более красочным.

Девушку звали Стефани; по крайней мере, именно это было написано на нагрудной табличке.

Честертон назвал бы ее «хрупкой девушкой с тонким лицом», и она бы точно приглянулась прерафаэлитам. Что-то в ее облике наводило на мысль о средневековых миниатюрах. В то же время Стефани была подвижной, как капля ртути. Сходство подчеркивали волнистые волосы металлического пепельно-серого оттенка.

Ральф совершенно не представлял, почему ее взяли на работу в китайский ресторан. Здесь же предпочитают девушек восточного типа. Но он был рад этому отступлению от канона — прежде он не видел такого красивого лица.

А спустя секунду Ральф осознал две вещи: а) он влюбился с первого взгляда; б) здесь ему ничего не светит.

В силлогизм закралось некое раздражающее противоречие. Прежде чем эта мысль улеглась в голове, Стефани успела сходить за шваброй, убрать осколки и снова принести воду.

— Ваш заказ, — мрачно сказала она.

Ральф одним глотком осушил стакан, но легче не стало.

— Можно меню? — спросил Ральф.

— А разве я вам его не предлагала? — вздохнула Стефани.

— Да. Но знаете, как бывает — сначала вроде сыт, а потом... такая приятная обстановка, что не уйти.

— Не знаю, — честно призналась Стефани, проигнорировав комплимент. Но меню принесла.

Ральф уставился на ламинированные страницы, не решаясь поднять взгляд на девушку. Есть он не хотел ни капельки, тем более в китайском ресторане, но сейчас это единственный повод задержаться.

Беда в том, что Ральф понятия не имел, как знакомятся с официантками. Пригласить ее на завтрак в ресторан? Абсурднее предложение придумать сложно: он и так завтракает с ней в ресторане. Но ничего другого в голову не приходило.

Меню его не обрадовало. Может, среди ценителей китайской кухни «Хрустальный Карп» пользовался популярностью — разнообразие экзотических блюд налицо. Но при всем богатстве выбора Ральф не видел ни одного, которое можно съесть без опаски. Вот, например, «Ча ен тан» — яйца и чай. На первый взгляд, классический завтрак, но Ральф прочитал описание: яйца, маринованные в чае... Брр... Он поежился. Или еще хуже: «Борьба дракона с тигром» — три вида ядовитых змей, дикая кошка и гарнир из листьев лимонного дерева и лепестков хризантемы. Кому только в голову пришла идея, что это можно есть? Так дойдет до того, что как приправу будут класть мышьяк, а на гарнир — цикуту. Морской гребешок, тушеный с цветами, бульон с трепангами и каракатицей... Ужас!

— Не могу выбрать, — сказал он. — Может, вы посоветуете?

— Рыбу, мясо или птицу?

— Наверное, рыбу. Или птицу. Точно, утка по-пекински...

— Ее готовят двое суток. Будете ждать?

Предложение выглядело более чем заманчиво. Но Ральф не настолько потерял голову.

— Действительно долго...

— Если нужно быстро, то у нас есть «Карп из озера Куньминху». Очень интересное блюдо — готовится четыре минуты. Когда жареная рыба подается на стол, она открывает рот и у нее двигаются жабры. Она продолжает открывать рот даже тогда, когда съедена до костей...

Это было уже слишком. Если это месть за пролитую воду, то своего Стефани добились. Ральф очень живо представил этого карпа: он разевает пасть так, что осыпается золотистый кляр, затем бросает печальный взгляд на гурманов, которые едят бедолагу заживо... Ральфу стало дурно; к счастью, под рукой оказался еще один стакан с водой. Он сделал жадный глоток, проклиная богатое воображение. Стефани виновато улыбнулась; она не рассчитывала, что шутка примет такой оборот. Ральф же подумал, что совсем на нее не злится — не ее вина, что у китайцев столь извращенный подход к приготовлению пищи.

— А сами бы вы что заказали?

— Могу предложить куриные крылышки по рецепту императрицы Гуйфэй, — сказала девушка.

Ральф задумался. Звучит, конечно, красиво, но в китайской кухне все названия звучат красиво. А про эту самую императрицу он ничего не слышал — кто знает, какие безумные идеи могли прийти ей в голову?

— Я пробовала, мне понравилось, — сказала Стефани, решив судьбу заказа.

— Вот и отлично, — Ральф захлопнул папку-меню и во второй раз сбил вазу. Стефани успела отпрыгнуть.

Курица императрицы Гуйфей оказалась вполне съедобна. Конечно, слишком сладко и слишком остро, да и к палочкам Ральф не привык, но это лишь придирки. Присутствие Стефани, пусть и в другом конце зала, окупало все. Под конец Ральф вошел во вкус и решил, что был несправедлив к китайской кулинарии.

Кура закончилась быстро, но как углубить знакомство с девушкой, Ральф так и не решил. Пришлось заказывать еще «Тань Су Ю» — кисло-сладкую засахаренную рыбу. С этим блюдом Ральф не справился. Битый час он ковырялся в карамельной подливке, но не осилил и пары кусочков.

Стефани же, устав от восхищенных взглядов, которые Ральф бросал в ее сторону, то и дело пряталась в подсобке. Стрелки настенных часов накручивали обороты, но в ресторане пока не появилось других посетителей. Проклятье — и обстановка способствует, а он не решается заговорить! Видимо, не в этот раз... Значит, пора уходить, хотя, будь его воля, Ральф просидел бы в кафе до заката. Зато он даст стопроцентные чаевые. Нет, лучше — двухсотпроцентные!

Ральф тут же осадил себя. У всех бывают глупые идеи, но по сравнению с этой любая чушь будет разумна, как толковый словарь. В системе отношений официантка—клиент подобные чаевые равносильны непристойному предложению. Стефани наверняка не из тех, кто будет терпеть грубости, пусть и высказанные столь вычурным образом. Пощечина в ответ гарантирована.

Нет, здесь нужен тонкий подход. Пожалуй, стоит ограничиться двадцатью процентами. Больше обычного, но не настолько, чтобы вызвать подозрения. Завтра, а лучше послезавтра, прийти опять...

— Можно счет?

Стефани выполнила просьбу незамедлительно. Хотелось думать, потому что умело справлялась с работой, а не из-за того, что Ральф уже сидел у нее в печенках.

— Как я погляжу, рыба вам совсем не понравилась. — сказала она, протягивая чек.

— Весьма специфическое блюдо, — согласился Ральф. — С первого раза сложно оценить все нюансы.

— Проще говоря — редкостная гадость, — усмехнулась девушка. — К китайской кухне надо привыкнуть.

— Я постараюсь, — пообещал Ральф. — Если вы...

Он полез в карман за кошельком и замер. Стало невыносимо тихо, так что отчетливо слышался лязг посуды на кухне.

Кошелек отсутствовал, как, впрочем, и сам карман. Одна большая дыра. Гадкий терьер нанес ответный удар, с коварством, непостижимым даже для собаки. Наличные, кредитки, ключи — пропало все. Вывалились, когда он перелезал через ограду или же через кусты. Осталась лишь скрепка, найденная в парке и зацепившаяся за драную подкладку. Но вряд ли этого хватит, чтобы расплатиться за завтрак, не говоря о чаевых.

Стефани терпеливо ждала, прижав поднос к груди и выбивая пальцами замысловатый ритм.

— Слишком много? — спросила она, не совсем верно истолковав побледневшее лицо Ральфа. — Я могу объяснить: тридцать пять — это куриные крылья, двадцать...

— Нет-нет, — остановил ее Ральф. — Со счетом все в порядке. Только... Да, сейчас это слишком много.

— Вы отказываетесь платить? — в глазах Стефани мелькнуло почти детское удивление.

— Э... я не отказываюсь, совсем нет! Просто я потерял кошелек.

— Но это и значит, что отказываетесь!

— Неправда! Давайте я схожу домой и принесу деньги? Это совсем недолго...

Хотя с учетом пропавших ключей пробежка за деньгами могла и затянуться. Позвонить кому-нибудь из друзей и знакомых тоже не получится — телефон Ральф оставил дома, а на память он не знал ни одного номера.

— Я спрошу у администратора, — с сомнением сказала Стефани. Она отошла к подсобке, то и дело оборачиваясь, опасаясь, что Ральф сбежит.

— Господин Чанг, вы не могли бы...

Администратор появился, как чертик из табакерки. Ральф не успел и глазом моргнуть, а тот уже стоял рядом со столиком, скаля в улыбке желтые зубы.

— Доброе утро.

Ральфу он совсем не понравился. Невысокий и сутулый, видимо, китаец. Половину лица скрывали огромные очки с зеркальными стеклами. На нем был светло-серый костюм в полоску и темная шляпа, хоть он и находился в помещении. В целом — вызывающе безвкусно, так одеваются мафиози в гангстерских фильмах. Но куда больше Ральфа смутила рукоять пистолета, выглядывающая из-за пояса. Разве по закону можно открыто носить оружие?

— Как я понял, у нас здесь небольшая проблемка, — голос у администратора был противно-визгливый.

Ральф откашлялся. Горло вновь пересохло — и толку от выпитой воды?

— Нет-нет, — поспешил сказать он. — Просто недоразумение. Я потерял кошелек и только сейчас заметил. Но я могу принести деньги...

— Ясненько, — администратор продолжал улыбаться. — Ничего убедительнее не придумаете?

— Я никого не собираюсь обманывать. Да сами поглядите!

Он продемонстрировал господину Чангу драный карман. Администратор кивнул.

— Очень убедительно. У нас дела так не делаются: поели — извольте расплатиться. Вроде ничего сложного?

— Я и предлагаю: давайте я схожу домой и принесу деньги.

— А в залог оставить нечего? Документы, ценные вещи? Сами посудите: вы предлагаете поверить на слово незнакомцу, скорее всего, мошеннику. Вы бы поверили?

Господин Чанг повернулся к Стефани.

Она бы поверила, подумал Ральф, но девушка промолчала. И что теперь? Вызовут полицию? Наверняка в участке дело будет улажено за час, но какое впечатление он оставит о

себе? После этого инцидента путь сюда заказан. И план познакомиться со Стефани поближе отправляется в тартарары.

Он посмотрел в окно в надежде, что мимо пройдет кто-нибудь из знакомых. Вместо этого он увидел написанное от руки объявление, скотчем прилепленное к стеклу: «Срочно! Требуется распространитель листовок. Оплата сдельная, обращаться к администратору».

— А если я отработаю? — ухватился за соломинку Ральф.

— И как? — насторожился администратор.

— Распространителем листовок, — сказал Ральф. — Я прекрасно справлюсь с этой работой. У меня большой опыт ведения рекламных кампаний.

Господин Чанг на секунду задумался.

— Чтобы расплатиться по счету, вам придется работать четыре дня, — сказал он.

— Не страшно, — поспешил сказать Ральф. Тем более что вечером он доберется до дома и уже сможет окончательно расплатиться. А так — считай, день вместе со Стефани. По окончании можно попытаться ее проводить...

— Тогда господин Вонг Хо готов вас принять, — администратор указал на дверь подсобки. Стекла очков грозно сверкнули. Ральф решил: спорить с этим типом себе дороже — не исключено, что тот является членом какой-нибудь триады, а в кафе подрабатывает для прикрытия. Он покосился на Стефани в поисках поддержки, но девушка хмурилась.

Расправив плечи, Ральф пошел вслед за господином Чангом. Кухня ресторана оказалась куда больше зала для посетителей. Все свободное пространство занимал лабиринт из металлических столов и газовых плит. То и дело к потолку взвивались столбы ярко-голубого пламени. Вдоль стен стояли огромные мутные аквариумы; за зеленоватым стеклом неторопливо плавали громадные рыбы, ползали длинноногие крабы и суетились каракатицы. Коллекция морской живности сделала бы честь любому океанариуму. С потолка на крючьях свисали ошипанные птичьи тушки. Не менее дюжины поваров-китайцев суетились вокруг кипящих котлов и шипящих сковородок, разделявали мясо и рыбу.

Господин Вонг Хо встретил Ральфа в самом сердце лабиринта, окутанный клубами пара, поднимавшегося над жаров-

нями и чанами, с рисом. Белые петли то и дело скрывали его лицо, придавая китайцу вид загадочный и даже inferнальный. Он походил на сома, а если быть точным — на жертву жестоких опытов доктора Фу Манчу по скрещиванию человека и рыбы. Эксперимент удался на славу. Хозяин ресторана был невысоким и рыхлым, будто изнутри его набили влажным песком. Редкие прядки точно приклеенные свисали с лысого черепа, поблескивая от окружающей влаги. На шее складками лежала бледная и дряблая кожа. Руки он прятал в рукавах широкого халата.

— Господин Вонг Хо, — администратор поклонился, хозяин ресторана ответил легким кивком. Ральф же не понял, должен ли он следовать этому ритуалу. Где-то он читал, что у китайцев существует строгая иерархия поклонов, понять которую человеку, далекому от восточной культуры, невозможно. Один неверный кивок с легкостью мог обернуться кровной обидой.

— Здравствуйте, — он шагнул навстречу владельцу ресторана.

Тот долго смотрел на протянутую ладонь, но рук из рукавов халата так не вынул. Кланясь через слово, Чанг рассказал о казусе с неоплаченным счетом и предложении Ральфа отработать долг. Владелец ресторана слушал, не перебивая, без тени эмоций на лице. С тем же успехом администратор мог обращаться к ближайшему столу. Лишь в конце речи Вонг Хо повернулся к Ральфу. Некоторое время он молча смотрел на него, так что Ральфу стало не по себе от столь пристального внимания.

— Хорошо, — сказал владелец ресторана. — Можете приступать. Листовки и костюм получите у господина Чанга.

— Костюм?!

— Разумеется. А вы думали, что встанете на углу в своих дырявых штанах. Это недопустимо — у нас заведение с репутацией.

— Какой костюм? — тихо спросил Ральф.

— Большая панда. Это символ Китая, и она очень нравится детям, настраивает на веселый и дружелюбный лад. Лучшей рекламы китайского ресторана не придумаешь.

— Панда? Да, конечно...

Появляться на улице в костюме панды совсем не входило в его планы. А если увидят друзья и знакомые? Что ни объясняй, все равно поднимут на смех. Но выхода не оставалось.

Ральф собрался. Не стоит вешать нос — костюм панды не так уж и плох. Мог бы оказаться карп, а расхаживать по улицам в костюме рыбы куда как глупее.

— И вот еще. Если вам взбредет в голову мысль сбежать — господин Чанг найдет вас *очень* быстро. Если это случится: приношу свои соболезнования.

И словно в подтверждение его слов ближайший повар одним ударом отсек голову большеглазой рыбине. С громким стуком тесак вонзился в разделочную доску.

— У меня и в мыслях не было ничего подобного, — искренне сказал Ральф.

— Вот и замечательно. Вам положен бесплатный обед за счет заведения. Хотя вы у нас вроде уже позавтракали? Но ничего, не в наших правилах держать сотрудников голодными.

Китаец сухо рассмеялся. Ральф посмотрел на аквариум, кишасший толстыми тараканами, на грязное ведро, полное мохнатых шариков — свежельвовленных губок, на склизкого угря, которого потрошил повар, и мысленно застонал.

— Если все вопросы улажены, — сказал Вонг Хо, — добро пожаловать на борт, господин Крокет.

Лишь полчаса спустя, облачаясь в неудобный костюм панды, Ральф сообразил, что владельцу ресторана не представлялся.

Не прошло и получаса работы распространителем листовок, а Ральф уже искренне ненавидел это занятие. Жизнь панды на улицах большого города оказалась невыносима. Не мудрено, что настоящие бамбуковые медведи носа не кажут из лесов. Сидеть на травке, хрустя свежим стеблем, приятнее, чем разгуливать по мостовой в тяжелом костюме, под палящими лучами солнца. Не зря китайцы считают панду мудрым зверем. Ральф же хоть и влез в звериную шкуру, а ума не прибавилось. Оставалось утешать себя мыслью, что из всех способов сбросить вес этот должен оказаться самым действенным. Полчаса — и Ральф чувствовал себя, как выжатая губка. Пот стекал сплошным потоком, сопоставимым с Ниагарой.

— Лучшая китайская кухня в городе! — кричал Ральф, размахивая пачкой листовок. — Бизнес-ланч за двадцатку! Добро пожаловать в ресторан «Хрустальный Карп»!

В голове не укладывалось, кто по такой жаре будет есть жаренную в кипящем масле рыбу или пить свежезаваренный чай. Да и какой бизнес-ланч в воскресенье? Листовки, которые Ральфу иногда удавалось вручить пешеходам, тут же оказывались в мусорных баках. Не самое приятное чувство, когда прямо на глазах плоды твоего труда отправляют в утиль.

С другой стороны — это ради Стефани. Иаков, например, терпел больше. Что такое полчаса в костюме панды, по сравнению с семью годами на полях Лавана? И если бы Ральфу сказали, что ему тоже придется гнуть шею на Вонга Хо семь лет, он бы не медлил и секунды. Да хоть десять! Главное — продержаться до вечера...

Дверь ресторана приоткрылась, и на улицу выглянула Стефани. Увидев Ральфа, она поманила его рукой. Переваливаясь, как и положено медведю, он поспешил к девушке.

— Устал? — спросила Стефани без всякого сарказма. Ральф не ответил — короткая пробежка далась ему так тяжело, что он не смог выдать ни одного слова.

— Держи, — сказала Стефани, протягивая Ральфу бутылку воды. Запотевшую, прямо из холодильника. — На тебе лица нет.

— Есть, — хрипло сказал Ральф. — Только не мое.

Он взял бутылку и пил долго, пока воды совсем не осталось.

— Спасибо. Еще чуть-чуть, и хватил бы тепловой удар.

— Из тех, кого я видела, больше часа никто не выдерживал, — сказала Стефани. — Идешь на рекорд.

— А у меня есть выбор?

За спиной девушки замаячил господин Чанг, улыбаясь зло и резко. Администратор показал пальцем на пешеходов. Ральф торопливо попятился. Не дай бог, решит, что он уваливает от работы.

— Через час тебе положен перерыв, — быстро шепнула Стефани. — Заходи, что-нибудь придумаем.

Перерыв! Естественно, господин Чанг не посчитал нужным ему об этом сообщить. Если бы не Стефани, Ральф вкалывал бы до заката!

Час до перерыва прошел в томительном ожидании. Ральф успел разругаться с яростной защитницей прав животных, порывавшейся облить его краской, и изрядно озадачил парочку юных скинхедов — те не могли взять в толк, почему внутри китайского медведя оказался совсем не азиат.

В «Хрустальный Карп», как назло, заходили только те прохожие, которым Ральф не успевал поведать о китайской кулинарии. При подобном раскладе вся его работа теряла смысл, но, стиснув зубы, он продолжал раздавать листовки.

Ральф едва дождался момента, когда вновь выглянула Стефани. Бросился к ней чуть ли не с распростертыми объятьями. Перерыв! Хотя немного тишины и покоя.

В дверях ресторана он столкнулся с господином Чангом. На долю секунды улыбка сползла с лица администратора, однако тот ничего не сказал. На этот раз привратник не стал бить в гонг. Ральф же мимоходом подумал, что с утра старик не сдвинулся и на миллиметр. Но он тут же о нем забыл, спеша за Стефани в глубь ресторана.

Посетителей прибавилось, хотя Ральф не заметил, когда они успели войти. Занят был каждый третий столик. Откуда-то появились еще три официантки, на этот раз китайки, похожие как две капли воды. Девушки суетливо семенили от посетителя к посетителю, разнося еду и напитки, и выглядели абсолютно счастливыми, хотя и запыхавшимися. Имен на табличках Ральф не разглядел.

— Мне тоже положен перерыв, — сказала Стефани, отвечая на незаданный вопрос.

Мимо столиков прохаживался и сам Вонг Хо, кланяясь посетителям, с кем-то обмениваясь парой реплик.

Оглядываясь на Вонга Хо, Ральф прошел вслед за Стефани к столику в дальнем углу ресторана, отгороженному от остального зала ширмой. Тот уже был накрыт на две персоны. К счастью, никаких изысков, вроде шевелящихся лангустов или голожаберных моллюсков. Обычная жареная рыба, и главное — никаких палочек, а нож и вилка. Ральф с благодарностью посмотрел на девушку. Есть в костюме панды палочками — верх абсурда.

Надо же, а ведь совсем недавно думал, как пригласить Стефани на обед, и вот — пожалуйста.

— В кои-то веки обед не пройдет в одиночестве, — сказала Стефани. — А то Сун со своими сестрицами меня недолюбливают.

Ральф не сразу сообразил, что девушка говорит про официанток-китайнок. Он снял голову панды, и та горбом повисла на спине.

— Как тебя вообще сюда взяли? — спросил Ральф, садясь за столик. — Ты же совсем не похожа на... восточную девушку. Или тоже не расплатилась за ужин?

Стефани махнула рукой.

— Это какой-то дурацкий закон, — сказала она. — В подобных заведениях обязаны держать сотрудников разных национальностей, чтобы не провоцировать публику. По мне — чушь полнейшая, но есть бумага, есть печать. Так получилось, что мне срочно потребовалась работа и выбирать не приходилось.

— И давно ты здесь?

— Четыре с половиной дня.

— О!

— С прошлой работы меня вышвырнули, а с моей специальностью сложно найти подходящее место. Здесь же не только кормят и платят, так еще и дали крышу на ночь.

— А что за специальность? — осторожно спросил Ральф. Стефани улыбнулась.

— Спорим, никогда не угадаешь! Ральф пожал плечами.

— Наверняка что-то связанное с искусством?

— В точку, — сказала Стефани. — Теоретическая физика.

Ответ был шокирующим. До сих пор в представлении Ральфа физики, все как один, были седовласыми старцами, всклокоченными и с полубезумным взглядом. Они курили трубки и носили очки в роговой оправе. Стефани же ни с какой стороны не вписывалась в этот образ. Ральф подумал, что в свое время многое упустил, решив не связываться с наукой. Правда, с мозгами у прочих физиков определенно не все в порядке, раз уж они выставили из своих рядов такую девушку.

— А за что уволили? — спросил он.

— Да... Доказала, что два плюс два — это четыре, и десять лет работы целой лаборатории пошли коту под хвост. В таких случаях проще избавиться от нерадивого сотрудника, чем признать, что многомиллионные гранты спустили в унитаз.

Некоторое время они молчали — Ральф ковырял вилкой рыбу, не решаясь начать есть раньше девушки, Стефани же задумчиво смотрела в потолок.

— Ты правда потерял кошелек? — спросила она. Ральф кивнул.

— Перелезал через забор и не заметил, как из кармана все вывалилось.

— Через забор?!

— Так получилось, — развел руками Ральф, чуть не сбив ширму. — За мной погналась безумная собака, и было недосуг смотреть по сторонам.

— Я так и подумала, что ты никакой не мошенник, — сказала девушка. — И господин Чанг это тоже знает.

— Тогда зачем это? — Ральф постучал по болтавшейся голове панды. — Здесь такая методика подбора персонала?

— Честно — не знаю. Но это неспроста. Спорим, если я одолжу тебе денег расплатиться за завтрак, господин Чанг их не возьмет? Выдумает какую-нибудь бессмысленную причину, лишь бы оставить тебя на работе.

— Неужели так сложно найти распространителя листовок? Девушка пожала плечами.

— Подозреваю, листовки здесь дело десятое. Не нравится он мне. Он страшный, — прошептала Стефани, быстро оглядываясь. — Не опасный, а именно страшный. Как тигр — в Китае же любят тигров?

Ральф кивнул. Господин Чанг будто услышал, что речь о нем. Он взглянул прямо на Ральфа, а потом демонстративно покосился на наручные часы. Страшный? Да уж, девушка права на сто процентов. Что он прячет за зеркальными стеклами очков?

Однако были в этом заведении личности и пострашнее господина Чанга. Например, Вонг Хо. Если господин Чанг ходил на тигра, то Вонг Хо напоминал куда более экзотичное и мерзкое создание: гигантское хищное насекомое, богомола, быть может.

— Сколько длится перерыв? — спросил Ральф.

— По закону — полчаса. Так что время есть. Ральф облегченно вздохнул.

— А ты бы действительно одолжила денег расплатиться за завтрак? — спросил он. — Ну, если бы это что-то меняло?

— Теоретически, да, — сказала Стефани. — Практически, тебе пришлось бы ждать две недели, пока мне заплатят за работу. В этом беда любой теоретической модели: на практике все неизбежно упирается в непредвиденные обстоятельства.

— Именно поэтому тебя вышвырнули с работы? — догадался Ральф. Стефани кивнула. — Чем вы занимались, если не секрет?

— Только не смейся. Выясняли, куда пропадают канцелярские скрепки. Замечал, что скрепки с завидной регулярностью то исчезают, то вновь появляются в самых неожиданных местах?

Ральф невольно постучал себя по карману, где лежала найденная в парке скрепка.

— Точно. Похожая напасть с шариковыми ручками и носками. Я и не знал, что это изучает теоретическая физика.

Стефани нахмурилась.

— Носками физика не занимается. А со скрепками действительно проблема. Представляешь, какие убытки несут фирмы из-за этих спонтанных исчезновений?

— Об этом я не подумал, — сказал Ральф. А ведь действительно: пропала одна скрепка, две — никто и не заметит. Но когда счет идет на миллионы... — И вы выяснили, почему они исчезают?

— Тут дело в форме контура, — сказала Стефани. — Слышал про опыты Майкельсона и Морли с эфирным ветром?

— Нет, — признался Ральф.

— Ну и ладно. Все равно вся их теория гроша ломаного не стоит. Они пытались обнаружить эфирный ветер, исходя из предпосылки, что тот замедляет скорость света. Эйнштейн потом здорово потоптался на результатах их исследований, камня на камне не оставил.

— А как это связано со скрепками? — удивился Ральф.

— Эфирный ветер пока не вписывается в современную картину мироустройства, зато объясняет, почему пропадают скрепки. Конечно, в данном случае представление об эфирном ветре несколько отличается от классической схемы. Изначально предполагалось, что тот не оказывает воздействия на предметы материального мира. Проходит сквозь них, как призрак сквозь стены. Ошибка большинства ученых заключалась

в том, что они считали эфир монолитной средой, тогда как он дискретен. И в общем потоке можно выделить многочисленные струи. Так вот, проходя через материальные объекты, эти струи могут отклоняться, изменять направление и так далее. И отчетливее всего это проявляется на стальной проволоке. По разным причинам, попав в проволоку, струя эфира начинает двигаться именно по ней, как вода по канализационной трубе. А теперь смотри. Если скрепка лежит под углом к потоку, то ничего не случается. Если она оказывается ему параллельна, то происходит вот что: две струи входят в скрепку с разных концов, проходят по ней и закручиваются в двойную спираль, вроде ДНК. Мы называли это микровихрями. Это двойное торнадо, которое скрепка сама же формирует, ее и уносит. Как домик Дороти в страну Оз. С учетом же скорости эфирного ветра за доли секунды она может оказаться в Антарктиде или на Луне... Мы проверяли — канцелярские скрепки действительно можно найти в космосе. Мало того, скрепка отчетливо видна на одной из фотографий, сделанных «Вояджером-2» на орбите Урана... Ну как, ответила я на твой вопрос?

— Наверное... — задумчиво ответил Ральф.

Настоящая наука занимается простыми вещами. Почему небо синее или почему нагретые предметы светятся... почему пропадают скрепки? Вопросы, которые задают дети, по сути, самые важные вопросы в мире. Но в данном случае объяснение звучало чересчур надуманно. Как у нерадивого отца, который, вместо того, чтобы честно признать, что не знает ответа на заковыристый вопрос, нагородил чепухи, лишь бы отвязаться от назойливого отпрыска.

— И вы выяснили, как справиться с этими... перемещениями?

— Единственный способ — разогнуть скрепку. Тогда с ней ничего не случится. Правда, она перестанет быть скрепкой. Но профессора лаборатории решили, что эфирным токам должно мешать полимерное покрытие. Оптимальной защитой назначили виниловую оболочку.

— Я думал, это для красоты...

— Ха! Так оно и получается. С оболочкой или без нее — скрепки продолжают исчезать. За это меня и вышвырнули. Стоило заикнуться, что никакое покрытие не сможет остано-

вить процесс, и все — прощайте лаборатория, место в общелитии. С чемоданами — на улицу...

— Жестко.

— Это наука. Она не терпит инакомыслия. А уж когда на другой чаше весов оказывается приличная сумма, пожертвованная производителем полимеров, кто станет терпеть пигалицу, которая и диссертацию-то не защитила? — Стефани вздохнула. — На самом деле все не так просто, как кажется. Убытки канцелярских фирм — одна сторона монеты. Если удастся совладать с этим явлением, научиться управлять движением эфирных струй, представляешь, какие возможности откроются перед человечеством? Это же прямая дорога к околосветовым скоростям и межзвездным перелетам. Такого прорыва в науке не было со времен изобретения колеса. Но вместо того чтобы заниматься делом, приходится, улыбаясь, разносить тарелки.

Ральф сочувственно кивнул. Картина, нарисованная Стефани, может, и была утопической, но образ звездолетов, с помощью обычных скрепок несущихся к далеким мирам, завораживал. Нет, неспроста скрепка входит в десятку величайших изобретений человечества. В Норвегии ей даже установили памятник.

Но куда больше скрепок и звездолетов пленяла сама девушка. Пока Стефани описывала схему придуманного ею эфирного паруса, ее лицо будто светилось изнутри. Научные выкладки Ральф понимал через слово, путался в терминах и не разобрался, зачем соединять скрепки с индукционными катушками, но в то же время слушал девушку, раскрыв рот. Когда-нибудь Стефани действительно построит свой звездолет, в этом можно не сомневаться. А раз так — Ральф не хотел оставаться в стороне.

Но все хорошее быстро заканчивается. Перерыв не стал исключением — Ральф и оглянуться не успел, как Стефани встала из-за стола.

— Тебе пора. А то выставят штраф за опоздание, будешь потом два дня отрабатывать.

Господин Чанг, не отрываясь, смотрел на наручные часы, отсчитывая последние секунды. Прилаживая голову панды, Ральф поспешил к выходу.

Однако в дверях администратор схватил его за рукав и развернул к себе лицом. Ральф уставился на свое отражение в зеркальных очках — вид был до безобразия глупый. Из-за изгиба стекол голова казалась непропорционально огромной по сравнению с крошечным тельцем.

В руках администратор держал темную шкатулку размером с небольшую книгу. Лакированное дерево матово поблескивало.

— Слушай внимательно, — сказал господин Чанг. — Сейчас дойдешь до угла и будешь ждать, пока к тебе не подойдет клоун. Передашь ему это.

— Передам кому? — тупо переспросил Ральф. Улыбка администратора на мгновение скривилась.

— Клоуну. Огромные ботинки, полосатые гольфы, рыжий парик и круглый красный нос.

— Ага, — кивнул Ральф. Передача таинственных шкатулок клоунам явно не входила в его должностные обязанности. Но спорить с администратором он не решился.

Ральф двумя руками взял шкатулку и вышел из ресторана. Не обращая внимания на прохожих, дошел до угла и остановился, озираясь в поисках клоуна. Но пока на горизонте не было никого похожего.

Он перевел взгляд на шкатулку. Вроде бы ничего особенного — неприметный ящичек из темного дерева. Под толстым слоем лака едва просматривался орнамент из переплетающихся спиралей. Шкатулка оказалась тяжелой. Интересно, что там внутри?

В груди шевельнулось дурное предчувствие. Наркотики?

А ведь скорее всего... Ловко придумано — ни один полицейский в здравом уме не станет обыскивать панду или веселого клоуна. Лучшего канала для наркотрафика просто не придумаешь. Мысль эта Ральфа не обрадовала: становиться преступником, пусть и невольным, он не планировал. Хорошо начался день, если остаток жизни придется провести на тюремных нарах. Просто замечательно.

Теперь ясно, что имела в виду Стефани, когда говорила: так его не отпустят.

Ральф постарался взять себя в руки. Без паники. Еще не факт, что в шкатулке лежат наркотики. В любом случае, пока

не проверит — не узнает. Чанг же не запрещал заглядывать в коробочку... Тогда что его останавливает? И уж если там действительно окажутся наркотики, то надо бежать в полицию.

Правда, Ральф понятия не имел, где находится ближайший участок. В костюме он далеко уйти не успеет. Администратор наверняка за ним следит. Стоит Ральфу хоть на секунду пропасть из виду, и господин Чанг тут же примет меры.

Тогда никаких звездолетов.

Повернувшись к ресторану спиной, Ральф открыл коробочку, уже зная, что увидит под крышкой. Плотные целлофановые пакетики с белым порошком.

Ральф едва успел захлопнуть крышку шкатулки, как из-за угла появился клоун. Все, как описал господин Чанг: рыжий парик, нарисованная улыбка до ушей и огромный круглый нос из красного поролона. Клоун шел вприпрыжку, держа в руке связку воздушных шаров с эмблемой нового торгового центра. Коллега по работе в уличной рекламе.

Не останавливаясь, клоун выхватил шкатулку из рук Ральфа и усакал вниз по улице.

И что теперь делать? Какой толк раздавать листовки, если и так ясно: ресторан не более чем ширма? Нужен для того, чтобы отмывать деньги. Самый настоящий наркопритон. И сейчас, когда он это знает, его живым не отпустят.

Здравый смысл подсказывал как можно быстрее уносить ноги из «Хрустального Карпа».

Ральф покачал головой. У господина Чанга наверняка в запасе есть средства остановить его. С администратора станет пристрелить Ральфа прямо на пороге участка. Исключительно шутки ради, когда до спасительной двери останется один шаг. Тигры всегда атакуют, когда жертва расслабилась и поверила в спасение. Такое у них чувство юмора.

К тому же в ресторане осталась Стефани. Господин Чанг наверняка видел, какими глазами Ральф смотрел на девушку, и все понял. Вот и решил воспользоваться ситуацией. Иначе с какой радости доверил бы шкатулку с наркотиками абсолютно незнакомому человеку?

Значит, придется возвращаться в ресторан. По крайней мере до тех пор, пока не решит, как им с девушкой выбраться

из этой передеряги. Придется сыграть дурачка и сделать вид, что он ничего не понял. Поверит ли господин Чанг, что Ральф не открывал шкатулку? Ну, если и дальше стоять столбом, точно не поверит.

Ральф выхватил пачку листовок и заорал что было мочи:

— Ресторан «Хрустальный Карп»! Лучшая китайская... Маленькая девочка, собиравшаяся поздороваться за лапу с удивительным зверем пандой, испуганно шарахнулась в сторону.

Ральф набросился на работу с таким рвением, что пришлось себя осаживать. Так он господина Чанга не проведет и навлечет лишние подозрения. И не стоит каждую минуту обращаться на двери ресторана. Спокойно... Нужно вести себя непринужденно, как будто ничего не случилось.

Но это легко на словах. Ральф перешел на другую сторону улицы, чтобы, с одной стороны, было видно, что он никуда не сбежал, а с другой — казалось, что он отлынивает от работы. Если повезет, администратор клюнет на эту уловку.

Мысли носились со скоростью, сделавшей бы честь эфирному ветру. Догадывается ли Стефани, что творится под крышей «Хрустального Карпа»? Что-то наверняка подозревает — неспроста же она предупреждала его насчет господина Чанга. С другой стороны, девушка так увлечена своими канцелярскими звездолетами, что многого могла и не заметить. И в первую очередь, в какой опасности она оказалась.

Листовки быстро закончились, но возвращаться в ресторан за новой партией Ральф не спешил. Он пару раз крикнул о достоинствах экзотической кулинарии, но исключительно для проформы. Ральф надеялся, что рядом проедет полицейская машина, но стражи порядка так и не появились. Как Роланд в Ронсевальском ущелье, он остался один на один с врагом.

Спустя какое-то время из ресторана вышла Стефани. Вместо униформы официантки на девушке было длинное летнее платье, и оно подходило ей куда больше кимоно.

— Еще держишься? — спросила она.

Он махнул рукой. По правде говоря, Ральф давно перестал обращать внимание на жару и неудобный костюм — хватало и других проблем.

— Ты уходишь? Я думал, ты здесь живешь...

— Живу. Но смена закончилась, а желания проводить здесь свободное время у меня нет, — объяснила Стефани. — Думаю, немного прогуляться. Когда без цели бродишь по улицам, в голову приходят интересные мысли.

— Надо поговорить, — сказал Ральф, оборачиваясь к ресторану. Господин Чанг если и следил за ними, то прятался за дверь. В любом случае, с такого расстояния их не услышать.

То, что Стефани могла спокойно уйти из ресторана, разом меняло дело. Значит, она сможет привести подмогу, вызвать полицию... Или им стоит сбежать вместе? Но тогда господин Чанг обо всем догадается и пустится в погоню. С другой стороны, он заподозрит девушку только потому, что та подошла к Ральфу. Значит, отпускать ее одну нельзя ни в коем случае.

В конце улицы мелькнуло рыжее пятно.

— Погоди, — насторожился Ральф.

Прищурившись, он посмотрел в ту сторону, надеясь, что ему померещилось. Но нет — по тротуару шла собака. Рыжий терьер из парка. Он-то как здесь очутился? Вот уж кого не ожидал снова встретить. Мало ему прочих неприятностей?

Собака шла по следу. То низко опускала голову, то вставала в стойку, принюхиваясь и поскуливая. В темных глазах плясал охотничий азарт. Ральф быстро прижался к стене.

— Что-то случилось? — спросила Стефани.

— Видишь? — громко прошептал Ральф, указывая на терьера. — Это тот пес, из-за которого я здесь очутился! Проклятье, он преследует меня!

— Зачем? — удивилась Стефани. Ральф нервно повел плечом.

— Может, это собачий маньяк? Читал я про одного сенбернара — такие ни перед чем не остановятся.

— Выдумки все это, — отмахнулась Стефани. — С чего ты взял, что он ищет именно тебя?

Как раз в этот момент терьер заметил Ральфа. Даже костюм панды не помог. Терьер выпрямился, пару раз громко тявкнул и неторопливо двинулся навстречу Ральфу, прекрасно понимая, что тому отступать некуда.

Мир ужасся до крошечного пятнышка, на котором существовали он да сумасшедший пес. Пришла пора расквитаться за все, чего он натерпелся по вине этой твари.

Широко расставив руки, Ральф шагнул навстречу псу. Сказать по правде, он рассчитывал только припугнуть его. По плану Ральфа, увидев гигантского медведя, терьер должен, скуля, убежать прочь. Пусть знает, с кем связался. Но пес оказался не робкого десятка. Опустив голову, терьер зарычал и рванулся к Ральфу.

Дальнейшие события развивались с такой стремительностью, что Ральф просто не успел их отследить. Он не понял, кто на кого налетел первым и почему он упал. Просто в какой-то момент Ральф осознал, что лежит на асфальте, прижимая к груди брыкающегося пса. Тот хрипло лаял и извивался, как уж, сиюсь дотянуться до обидчика и показать, у кого зубы острее. К счастью, костюм панды давал преимущество: прокусить толстую шкуру терьер не мог. Не рискуя выпустить пса, Ральф поднялся на ноги.

— Ну и зачем ты его поймал? — спросила Стефани. Хмурясь, она переводила взгляд с Ральфа на его добычу. Наверное, со стороны они смотрелись забавно — огромная панда в обнимку с собакой. Ральф же не видел ничего смешного, да и терьер не выглядел радостным.

— Отнесу его на кухню, будет знать, как со мной связываться. Китайцы едят собак?

— Собак едят корейцы.

— Но чау-чау — китайская собака? И вывели ее специально для еды. Силлогизм в одно действие.

— Не знаю. Но *здесь* собак не подают. Я так думаю... Надеюсь...

— Если подают змей и кошек, то почему не могут и собак?

Ральф усмехнулся, но смешок вышел мерзким, как воронье карканье. Перспектива же стать частью экзотического блюда не напугала терьера. В налитых кровью глазах смешались раздражение и ярость.

— погоди, — сказала Стефани. Она нахмурилась. — Быть того не может!

Девушка склонилась над головой собаки и схватила терьера за ухо. Пес задергался что было сил; если бы не поролоновые прокладки на костюме, он наверняка бы распорол когтями живот Ральфу.

— Держи крепче, — крикнула Стефани. Пес вывернул шею и попытался укусить девушку за запястье. Та отпрянула,

и зубы сомкнулись на руке Ральфа. Прокусить — не прокусил, но руку словно зажали в тисках и быстро закручивали винты.

— Ай! — Ральф едва не выпустил собаку.

— Осторожней! — предупредила Стефани. Она снова схватила ухо пса и оттянула в сторону.

Терьер ее словно не заметил, сосредоточившись на руке Ральфа. Методично сжимал челюсти, с явным намерением отгрызть подвернувшуюся конечность. И если это будет продолжаться пару минут, у него все шансы достичь своей цели.

Слезы катились градом, Ральф стиснул зубы, лишь бы не заорать благим матом.

— Есть! — Стефани отстранилась от пса и, широко улыбаясь, показала Ральфу канцелярскую скрепку. Но вряд ли в сложившейся ситуации это могло его обрадовать. Когда тебя пытаются съесть заживо, не до курьезов. Ральф, как мог, сжал руки, в надежде, что хоть это заставит пса открыть пасть. Без толку, терьер держал его мертвой хваткой.

— Думаешь, это все? — сказала Стефани. Она вновь нагнулась к собаке и, звено за звеном, вытащила из уха терьера длинную цепочку разноцветных скрепок.

Как и положено немой сцене, тянулась она долго. И самым озадаченным выглядел терьер. От удивления он отпустил Ральфа и жалобно заскулил. Его можно понять — не каждый день узнаешь, что у тебя голова забита канцелярскими скрепками. Мало кого обрадует подобная новость. Цепочка качалась перед собачьей мордой, будто Стефани пыталась загипнотизировать пса. Ей это почти удалось — терьер монотонно вертел головой, не спуская глаз со скрепок.

— Откуда они у него взялись? — спросил Ральф. Стефани и сама выглядела несколько растерянной.

— Занесло эфирным ветром, — пожала она плечами. Но подобное утверждение слабо согласовывалось с ее теорией. Она и сама это прекрасно понимала.

— Это что, фокус? — спросил Ральф. — Признайся, они были у тебя в рукаве?

— Где? — на всякий случай уточнила Стефани. Но Ральф уже сообразил, что сморозил глупость — платье девушки было без рукавов.

В этот момент за спиной Ральфа раздалось сухое покашливание.

— Господин Крокет?

Ральф выпрямился. Уже по тому, как изменилось лицо Стефани, он понял, что ничего хорошего его не ждет. Ральф испуганно разжал руки и выпустил пса. Упав на асфальт, терьер вскочил на лапы, но убежать не стал.

Глубоко вдохнув, Ральф повернулся. Китаец вежливо улыбался. В солнечном свете его кожа выглядела блестяще-глянцевой, словно ее покрывал толстый слой воска. Не лицо, а маска; даже глаза не выдавали истинных чувств хозяина ресторана.

Ральф судорожно сглотнул.

— Вы нашли мою собаку? — прошелестел Вонг Хо. — Как это мило с вашей стороны, господин Крокет.

— А это ваша собака? — изумился Ральф. Нагнувшись, китаец потрепал терьера между ушами.

— Его зовут Айбо, — сказал Вонг Хо. Терьер громко твякнул, подтверждая его слова.

Окажись у пса другой хозяин, Ральф бы не постеснялся высказать, что он думает о таких питомцах. Но он словно язык проглотил. Мысли вертелись вокруг безумной идеи — неужели все подстроено с самого начала? Что если пес Вонга Хо специально поджидал его в парке, чтобы в конечном итоге заманить в «Хрустального Карпа»? Нет — слишком сложная схема. Но совпадение не могло не настораживать.

— Я заберу это? — спросил Вонг Хо, протягивая руку к скрепкам. Стефани медленно кивнула, но владельцу ресторана и не требовалось ее согласие.

Тонкие пальцы китайца пробежались по цепочке, пересчитывая звенья. Скрепку, которую Стефани достала первой, он присоединил к общему ряду.

— Здесь не все, — сказал он.

Развернувшись, Вонг Хо зашагал к ресторану. Айбо, опустив голову, потащился следом.

— Что это значит? — тихо спросил Ральф, когда китаец отошел на достаточное расстояние. Стефани не нашлась, что ответить.

— Ерунда какая-то, — сказала она. — Но это не обычные скрепки.

— Естественно. Обычные скрепки покупают в магазине, а не достают из уха собаки.

— Не в том дело. Ты не представляешь, сколько скрепок прошло через мои руки? И поверь, я знаю в них толк.

— И что не так с этими? — спросил Ральф. Стефани пожала плечами.

— Не могу понять. Эти скрепки... они какие-то чужие. Звучит, наверное, глупо. По статистике, только пять процентов канцелярских скрепок используется по прямому назначению. Им находят сотни других применений. Никогда не замечал, что скрепку приятно просто вертеть в пальцах? Все потому, что когда в «Джем Мануфактуринг» доводили до совершенства изобретение Йохана Валера, они думали о том, что когда-нибудь оно окажется в человеческих руках. А с этими скрепками такое ощущение, что их делали для кого угодно, но не для людей.

Ральф нахмурился. Похоже, он понял, что имела в виду девушка. Скрепка, которую он нашел в парке, тоже была неприятной на ощупь.

— Ты, кстати, хотел поговорить? — напомнила Стефани.

Ральф быстро огляделся. Скрепки скрепками, но у них были более серьезные проблемы.

— Это не обычный ресторан, — шепотом сказал он. — Императорские куры, пекинские утки и карпы — все это на самом деле прикрытие...

— Точно! — вскричала Стефани. Она не стала его дослушивать и быстро пошла обратно к «Хрустальному Карпу».

Ральф остался стоять, глядя вслед девушке. План совместного бегства рухнул. А сказал бы сразу, что они должны уносить ноги, давно бы пили кофе в полицейском участке.

— погоди! — крикнул Ральф, но Стефани скрылась за дверью. Вместо нее на пороге появился господин Чанг. Ловушка захлопнулась.

Администратор поманил Ральфа рукой. На ватных ногах тот вернулся к ресторану.

— Передал шкатулку? — спросил господин Чанг. Будто сам не видел. Ральф кивнул.

— Замечательно, — сказал администратор.

Сейчас он спросит — не заглядывал ли Ральф внутрь. И по тому, как тот скажет «нет», без труда поймет, что правильный ответ — «да».

— Пойдем, — сказал господин Чанг и толкнул дверь, пропуская Ральфа вперед.

Ральф поискал взглядом Стефани, но девушки не увидел. Господин Чанг свернул в узкий коридорчик, ведущий к туалетам. Ральф напрягся, но все же пошел за ним. Сомнительно, что они решили избавиться от него прямо здесь. В ресторане полно посетителей, Вонг Хо не стал бы так рисковать.

Но если он ошибается? Что ж — тогда придется принять бой. Когда рука господина Чанга потянется к пистолету на поясе, он набросится на него со спины. Китаец наверняка в совершенстве владеет единоборствами, но на стороне Ральфа будут внезапность и превосходство в весе. В узком пространстве это могло сыграть ему на руку. Крики должны всполошить посетителей ресторана...

Администратор остановился перед неприметной дверью подсобки, вплотную примыкавшей к туалетам.

— На сегодня свою работу ты сделал. Можешь отдыхать. Господин Чанг открыл дверь.

— Спать будешь здесь, — сказал администратор, указывая на сваленные в углу подсобки матрасы. Тут же стояли ведра и грязные швабры.

— Спать? — Ральф застыл с раскрытым ртом, хотя знал, что так все и обернется. — Но... меня не отпустят домой?

— Домой? — удивился господин Чанг. — Ты отработал один день, осталось три. Отпустим тебя домой, и где гарантия, что завтра мы тебя снова увидим?

Ясно... Отпускать его действительно не собирались. А шансы встретить утро на дне залива подскочили до невиданных высот.

Может, по китайским меркам комната, которую ему выделили, была удобной. В перенаселенной Поднебесной и в меньших помещениях ютятся по десятку человек. А ему повезло — он был здесь один.

Осознание этого факта ничуть не утешало. До сих пор Ральф не подозревал, что у него такая сильная клаустрофобия.

Здесь же он никак не мог избавиться от ощущения, что стены сдвигаются. И если он задержится еще чуть-чуть, то они его попросту расплющат. Высокий потолок усиливал гнетущее впечатление. Окон в подсобке не оказалось, единственным источником света была тусклая желтая лампочка. Под потолком переплетались толстые блестящие трубы. Из-за соседства с туалетом подсобка насквозь пропиталась резким запахом дезинфицирующего средства.

Зато он наконец снял осточертевший костюм панды. Только избавившись от него, Ральф понял, как тот тяжел. Плечи нестерпимо ныли, шею было не повернуть. Но в то же время в теле ощущалась удивительная легкость. Что ж, сейчас он точно сбросил лишние килограммы. Пусть висят на ручке швабры.

Ральф прилег на матрас. Первым делом надо найти Стефани и рассказать ей, что за дела здесь творятся. Он должен заставить девушку его выслушать...

Он посмотрел на металлическую дверь трансформаторного щита. Череп, пересеченный молнией, смотрелся крайне символично. Жаль, никто не догадался нарисовать его сразу на дверях ресторана. Знал же, что не стоит связываться с китайской кухней. И вот наглядный итог отступления от жизненных принципов — грязный матрас в тесной камерке и крайне сомнительные перспективы.

Ральф вскочил и подошел к щиту. Не то чтобы он что-то заметил — скорее, поддался предчувствию.

Пришлось повозиться с дверцей. Ральф чуть не вывихнул запястье, проворачивая проржавевшую задвижку. От тряски казалось, что нарисованный череп клацает челюстью, пытаясь что-то сказать. Наконец щит открылся, и Ральф отступил на полшага. Все так, как он и думал. Никаким электричеством здесь и не пахло.

В этот момент в камеру постучали; Ральф захлопнул дверцу. Господин Чанг решил его проверить? Вовремя...

— Да?

Вместо администратора вошла Стефани.

— Меня уволили, — сказала она с порога. — Только что. Выдали расчет и послали собирать вещи. Еле уговорила остаться еще на одну ночь. Не хочется спать на скамейке в парке...

Не спрашивая разрешения, она прошла и села на матрас.

— Погоди, — сказал Ральф. — Как — уволили?

— Просто. Заявили, что в моих услугах больше не нужны. Не получилось из меня официантки...

Ральф задумался. Нет уж, на совпадение это совсем не похоже.

— Они заматают следы, — тихо сказал он. — Избавляются от лишних свидетелей.

— Ты тоже догадался? — спросила Стефани.

— Про наркотики? Я их видел собственными глазами.

— Какие наркотики? — растерялась Стефани.

Ральф молча раскрыл дверцу трансформаторного щита. В свете лампочки заблестел целлофан. Брови Стефани поползли вверх.

— Знаешь, что это? — спросил Ральф.

Стефани осторожно вытащила один из брикетов. Повертела в руках.

— Героин? — уточнила она.

— Вот именно, — сказал Ральф, переходя на шепот. — Об этом я и хотел тебе рассказать там, на улице... И если бы ты дослушала до конца, на руках Вонга Хо и Чанга уже были бы наручники.

— Ты сказал, что это не ресторан. Я должна была убедиться.

— Конечно, не ресторан, — кивнул Ральф. — Самый настоящий наркопритон.

— Я хотела проверить совсем другое. Притон не притон — не суть важно, а одно я знаю точно: это космический корабль. Я сделала расчеты — все сходится. Его просто замаскировали. Но если знать, что искать, составить план здания, то все становится ясно.

— Прости, что?

— И Вонг Хо, и Сун с сестрами — они не люди, — продолжила Стефани, не слушая Ральфа.

— Ну, не так грубо, — сказал Ральф, который более терпимо относился к другим национальностям.

— Они инопланетяне. Потому и выглядят, как куклы: это не настоящие лица, а маски.

— Инопланетяне, которые держат китайский ресторан и приторговывают героином? Чушь собачья.

— А много мы знаем об инопланетянах? — парировала Стефани. — Может, у них высшие цели. Они изучают биохимию или что-нибудь в этом роде. И героин им нужен для опытов.

— Хороши опыты! Стефани развела руками.

— Внеземной разум. Ты хоть представляешь, какие это открывает возможности — новые технологии, новые знания... До звезд будет рукой подать.

Проклятье! Неужели она так замечталась о своих звездах, что не видит очевидного?

— Открывает возможности? — усмехнулся он. — Всего одну — быстро отправиться на тот свет. Наркоторговцы везде одинаковы, будь они хоть с Альфы Центавра. И вот что я тебе скажу: живыми они свидетелей не отпускают. Думаешь, тебя просто так уволили? Ты уйдешь, но через пару кварталов тебя затолкают в машину и заклеят рот скотчем. Что дальше, догадайся сама. А к ресторану потом никаких претензий. Да, работала такая, но ее давно уволили.

— И что теперь делать?

— Надо бежать. Рассказать все полиции... Только сделать это не получится — стоит мне выйти из ресторана, как за ближайшим поворотом будет ждать машина с тонированными стеклами. Если вообще удастся выйти... Шанс был, но пришлось вернуться.

— Из-за меня?

Ральф заставил себя улыбнуться.

— Шанс есть всегда, — сказала девушка. — Надо уходить под утро. Когда все будут спать.

— Главное, дожидаться этого утра.

Лежать и обдумывать планы побега, вместо того чтобы действовать, было невыносимо. Стены давили, но выйти из каморки Ральф не рискнул, даже ради того, чтобы перекусить. Не стоило лишний раз напоминать о своем существовании. Ближе к полуночи заскочила Стефани и принесла холодную курицу.

— Тебе нужно поспать, — сказала она, забирая пустую тарелку.

— Думаешь, я смогу уснуть? — ехидно поинтересовался Ральф.

— Просто ложись и закрой глаза, — посоветовала Стефани.

— Ничего не получится...

— А ты попробуй, — сказала девушка, присаживаясь рядом. Ральф попробовал.

Когда он открыл глаза, ничего не изменилось. Стефани по-прежнему сидела на краешке матраса. На коленке у девушки лежал блокнот, в котором она делала торопливые расчеты или составляла план побега. Ральф сел.

— Я уже собиралась тебя будить, — сказала Стефани.

— А сколько времени? — спросил Ральф.

— Около пяти утра, — ответила Стефани. Ральф вскочил на ноги.

— Уже?!

Девушка кивнула. Ральф прошелся по камере — от стены к стене, как тигр в клетке.

— И чего мы ждем? Надо быстро добежать до двери...

— Входная дверь закрыта, — сообщила Стефани. — Я сама видела, как господин Чанг запер ее на ключ. Снаружи.

— А ты случайно не умеешь открывать замки скрепками?

— Зачем? На кухне есть запасной выход, — сказала Стефани. — И там никого нет.

— Тогда пошли, — сказал Ральф.

Некоторое время они выжидали в полной тишине, вслушиваясь в звуки, доносившиеся из-за двери камеры. Наверху пронзительно скрипнула половица, очевидно, затем, чтобы подчеркнуть ночную тишину ресторана.

Ральф на цыпочках подошел к двери. В коридоре было темно, лишь вдалеке, со стороны зала, струился тусклый желтоватый свет.

— Действовать надо быстро и осторожно, — прошептал он. — Я пойду впереди, ты — за мной. Если попадемся: я постараюсь их задержать, ты же беги, не оборачиваясь... Ясно?

Он повернулся, и швабры с ведрами с грохотом посыпались на пол. Голова панды с гулким «бом!» ударилась о стену и отлетела под ноги девушке.

Ральфу сильно повезло, что Стефани не владела пирокинезом.

— И ты еще говоришь об осторожности? — прошипела девушка. Ральф замер, боясь пошевелиться. Хотя, что толку?

Он уже поднял на ноги половину квартала. Сейчас на шум явится Вонг Хо, и все будет кончено...

— Чего ты ждешь? — Стефани прошмыгнула мимо Ральфа и выскочила в коридор.

— Эй! погоди! — Ну и кто должен идти первым?

Стефани он догнал в конце коридора. Девушка остановилась и осторожно заглянула за угол.

— Порядок, — она быстро прошла к кухне.

— А если там кто-то есть? — спросил Ральф, когда девушка взялась за ручку двери.

— Тогда будем действовать по ситуации.

Но все оказалось в порядке. Они вошли в темный лабиринт плит и кухонной утвари.

— Главное, ничего не урони, — прошептала Стефани. — Постарайся, ладно?

— Попробую...

Со стороны аквариумов раздавались таинственные всплески. Где-то в глубине помещения гудела вытяжка. Ральф поежился — в мире не так много мест, по своей мрачности сравнимых с ночной кухней китайского ресторана.

— Нам туда, — Стефани махнула рукой. Не дожидаясь Ральфа, она направилась к заветной двери, ловко лавируя между плит.

Ральфу это далось с большим трудом. Пробираясь в полной темноте, когда один неосторожный взмах рукой — и на пол летят котлы и кастрюли, ножи и сковородки... Только чудом ему удалось ничего не опрокинуть, но метафору о слоне в посудной лавке он ощутил во всей полноте.

Они почти дошли, как вдруг вспыхнул свет, больно ударив по глазам.

Ральф прирос к месту, но, к счастью, Стефани дернула его за рукав, вынуждая сесть. Не понимая, что происходит, он уставился на девушку. Та жестом приказала ему молчать и указала на щель между плитами. Ральф на корточках подобрался ближе и выглянул.

За металлическим разделочным столом посреди зала сидел Вонг Хо. У ног хозяина лежал терьер. Проклятье! Неужели владелец ресторана все это время был здесь? От одной мысли об этом засосало под ложечкой.

Китаец медленно поднял голову. Если он и догадывался о присутствии Ральфа и Стефани, то ничем себя не выдал. На столе перед ним лежал плотный пакет. Вонг Хо осторожно поднял его и методично стал раздирать целлофан.

На металлическую столешницу хлынул поток белого порошка. Вонг Хо зачерпнул пригоршню героина, поднес к лицу и принялся. Небось проверяет качество. Сейчас еще попробует щепоточку на вкус — подобные сцены ценят в полицейских сериалах...

Пробовать Вонг Хо не стал. Просто уткнулся лицом в горку порошка и быстро съел все без остатка.

Ральф ошарашенно смотрел на китайца. Он понятия не имел, какая доза героина считается смертельной, но этого количества хватило бы, чтобы отправить на тот свет стадо слонов.

Ральф взглянул на Стефани — девушка была поражена не меньше его. Впрочем, пристрастия владельца ресторана играли им на руку. После такой дозы Вонг Хо если и придет в себя, то не скоро. За это время они успеют сбежать. Осталось дожидаться, пока зелье начнет действовать. Вряд ли это займет много времени.

Тем временем Вонг Хо взял вторую пригоршню порошка и съел. Это уже не лезло ни в какие ворота. Разве что китаец решил свести счеты с жизнью. Повернувшись к Стефани, Ральф pokrutil пальцем у виска. Девушка пожала плечами.

Наркотик, видимо, попался некачественный. Даже после третьей горсти ничего не произошло. Вонг Хо ел героин, как кукурузные хлопья, спокойно и безо всякого эффекта. Если так пойдет дальше, им еще долго прятаться за плитой. А от сидения на корточках у Ральфа затекли ноги.

И нельзя забывать о терьере. Пока глаза пса закрыты, но в любой момент он может проснуться... Стоило об этом подумать, как пес тут же вскочил и глухо зарычал. Проклятье!

Причина оказалась иной — дверь кухни распахнулась, и на пороге появился господин Чанг.

— Доброй ночи.

Вонг Хо повернулся к администратору.

— Вы еще здесь? — в голосе не было и тени удивления. — Мы выдали вам расчет. Или остались вопросы?

— Не ожидали, что снова увидимся? — усмехнулся администратор. Он прошел на кухню. Ральф прижался спиной к плите. Господину Чангу достаточно чуть повернуть голову, чтобы их заметить. Но администратор смотрел на Вонга Хо, а очки сильно ограничивают боковое зрение.

— Надеюсь, что этого не случится, — сказал владелец ресторана. Он встал из-за стола.

На этот раз не было никаких поклонов. Оставшись один на один, Чанг и Вонг Хо мигом забыли о церемониях.

— Мне не понравился ваш расчет, — заявил администратор. — Сумма была в три раза больше оговоренной.

— Мне не нравится ваша идея свернуть бизнес.

— Я стар, — сказал Вонг Хо. — И мне пора уходить...

— И куда это вы собрались со всем товаром? Вонг Хо не ответил.

— В общем, я подумал: пришло время брать дело в свои руки. У вас здесь скопился такой запас товара, что ничего не стоит разом подмять под себя весь рынок. И у меня есть предложение: я этим займусь. А вы, раз уж вам так приспичило, сваливаете на свой Хайнань. Лежите себе на солнышке и получайте дивиденды. Чем не счастливая безбедная старость?

— Это невозможно, — отрезал Вонг Хо.

— А если так? — господин Чанг выхватил пистолет и выстрелил в Айбо.

Пес коротко взвизгнул и упал.

— Он мне никогда не нравился, — объяснил администратор. — Надеюсь, теперь понятно, что я не шучу?

Если владельца и потрясла гибель любимца, то вида он не подал.

— Я все рассчитал, — сказал господин Чанг. — Так или иначе, это дело я забираю. Я просто предлагаю вам уйти живым и богатым. Если не хотите — придется вас пристрелить, как вашего любимчика. Ну что, согласны?

— Я уже говорил — это невозможно.

Администратор вздохнул.

— Мое дело — предложить. Все кончено, старик, тебе пора на покой, — господин Чанг снял очки.

Ральф ничуть не удивился, когда стало ясно, что администратор не китаец. Господин Чанг взвел курок и широко

улыбнулся. Вонг Хо стоял, не шелохнувшись, выпрямившись в полный рост. Бескровные губы вытянулись в тонкую ниточку. Он же совсем не боится...

— Пока-пока! — сказал господин Чанг.

Ральф схватил с плиты кастрюлю и швырнул ее в спину администратора. Прозрачная желеобразная масса — по всем приметам, суп из медуз — разлетелась веером. И в это же мгновение прогремел выстрел — за долю секунды до того, как кастрюля достигла своей цели.

Администратор резко развернулся и встретился глазами с Ральфом.

— Так, — протянул он. — Ты что здесь делаешь? Решил ускорить процесс? А сидел бы в своей камере — может, дожил бы до утра. Зато не придется тащить сюда твое тело... Как же ты мог? Убить беззащитного старика из-за дозы героина...

Он пнул кастрюлю, и та с грохотом откатилась в дальний угол. Вот и все... Ральф печально посмотрел на Стефани, прощаясь. Девушка взяла его за руку.

— Господин Чанг, — молвил Вонг Хо. — Вы закончили? Владелец ресторана до сих пор стоял, словно и не было никакого выстрела. Все так же улыбался, руки скрыты в рукавах халата. А Чанг не мог промахнуться — стрелял он в упор. Администратор растерянно обернулся, поднимая пистолет.

— Айбо, — приказал Вонг Хо. — Ликвидируй.

Ральф посмотрел на мертвого пса. И вместо него увидел ошметки рыжей шкуры, поверх которых сидела громадная оса из серебристого металла.

— Это еще что...

Оса подняла длинные крылья из похожего на твердый целлофан материала, пару раз взмахнула, и они тут же исчезли, смазавшись в одно дрожащее пятно. Там, где должны быть фасеточные глаза, вращалось нечто похожее на барабан револьвера с линзами вместо пуль. Оса взмыла вверх.

Администратор попятился, поскользнулся на супе из медуз и упал. Металлическая оса пронеслась над плитами, с грохотом сбивая утварь.

Опираясь на руку, господин Чанг приподнялся и трижды выстрелил вслед заходящей на очередной вираж осе.

Он вскочил на ноги, и тут же в него врезалась оса. Тонкое стальное жало вонзилось в грудь администратора, выскочив со спины.

— Снимите с меня эту гадость! — завизжал господин Чанг. Схватившись за тельце механической осы, он попытался сбросить ее, но металлические лапки вцепились намертво. Господин Чанг упал на спину, попытался прижать насекомое телом. Доли секунды они барахтались в остатках супа из медуз. Затем брюшко бывшего Айбо вновь приподнялось. Второй удар был более точным — прямо в сердце. Администратор дернулся и затих.

Механическая оса ползала по телу поверженного врага. Целлулоидные крылышки трепетали с мерзким треском, будто очень быстро терли друг о друга два куска пенопласта. Наконец она затихла.

Ральф рискнул поднять голову над плитой. Вся эта кошмарная сцена заняла считанные секунды. И за это время Вонг Хо даже не пошевелился.

— Доброй ночи, господин Крокет, — сказал владелец ресторана. — Очень любезно с вашей стороны, что вы решили мне помочь.

Первой опомнилась Стефани. Девушка поднялась из-за плиты.

— Что это значит?! Он же стрелял в вас... Попал — я видела!

— Если я скажу, что пуля не задела ни одного жизненно важного органа, вас устроит такое объяснение?

— Кто вы? — спросила Стефани.

На лице Вонга Хо не дрогнул ни один мускул:

— Вы действительно хотите это знать?

— Да. И про осу... И про космический корабль, который вы выдаете за ресторан...

Вонг Хо кивнул.

— Никто вам не поверит, и это уже ничего не изменит...

И, подцепив на шею кожу, он стянул ее с головы, точно чулок.

Легко и быстро, как и положено снимать маску. Человеческое лицо упало на пол, обвисшее и сморщенное, похожее на сгнившее изнутри яблоко.

Быть может, Ральф должен был испугаться, задохнуться от отвращения, на худой конец просто удивиться. Но, глядя на блестящую хитином треугольную голову, на бесчисленные отражения в золотистых фасетках, на членистые усики, Ральф почувствовал облегчение. Все вдруг встало на свои места.

За спиной Вонга Хо развернулись ажурные крылышки. Свет ловко преломлялся в полупрозрачных пластинах, окрашивая их радужными переливами. С некоторыми оговорками существо, стоявшее перед Ральфом, можно было даже назвать красивым. Извечный человеческий страх перед гигантскими насекомыми здесь отступал — наверное, из-за того, что в этом облике Вонг Хо выглядел куда естественнее, чем под личиной старого китайца.

Раньше Ральф иногда думал: а что будет, если он встретит пришельцев из космоса? Как он себя поведет и что им скажет? Но тогда он представить не мог, что первый контакт начнется со слов:

— А вы что, едите героин? Это же яд...

— Такой уж у нас метаболизм, — прошепестело существо, которое прежде было Вонгом Хо. — Не наша вина, что на вашей планете это запрещено законом.

— Такой уж у нас метаболизм, — парировал Ральф. Вонг Хо покачал головой.

— Потому мы были вынуждены обратиться за помощью к господину Чангу. И до сегодняшнего дня он прекрасно справлялся с... обеспечением нас продовольствием. Кто знал, что в последний момент он решит сыграть в другую игру.

— Вряд ли в последний момент. Он приторговывал наркотиками за вашей спиной и, думаю, уже давно. Просто сегодня он решил взять дело в свои руки. Думал вас убить, а свалить на меня — раз уж я столь удачно подвернулся под руку. Хлоп, и господин Чанг — полноправный владелец ресторана, а заодно и запасов героина.

— Он просто знал, что сегодня «Хрустальный Карп» открылся последний раз, хотя и не догадывался, почему. Сегодня мы улетаем.

— Улетаете? — переспросила Стефани.

— Пора. Больше задерживаться мы не можем. Почти все компоненты двигателя собраны, корабль готов к полету.

— Компоненты двигателя? Скрепки! — воскликнула Стефани. — У вас ведь эфирный парус, так?

— Мы знакомы с вашими работами, — сказал Вонг Хо. — В них еще множество существенных недочетов, но в целом вы на правильном пути. По ряду причин я не могу указать вам, где вы ошиблись, даже не просите. Но рано или поздно вы найдете ответ сами.

Стефани понимающе кивнула.

— А пока действительно можно говорить об эфирных парусах, — продолжил Вонг Хо. — На вашей планете мы оказались случайно. Если здесь уместно такое сравнение — мы попали в шторм. Бури в эфирном поле не редкость, но шторм вокруг вашей планеты не имеет аналогов во Вселенной.

— Шторм? Откуда?

— Вы же его и создали. Представляете, сколько скрепок ежеминутно производится на вашей планете? Каждая из них формирует свой вихрь, который никак не регулируется. Накладываясь друг на друга, они создают мощнейшую эфирную аномалию. Корабль с хорошим двигателем, может, и справился бы, но у нас маленькое исследовательское судно. Нас попросту выбросило на вашу планету, и потребовалось четыре года, чтобы восстановить корабль и заново настроить парус. Пришлось приспособливаться, прятаться. Сами понимаете, что открыто заявить о себе мы не могли. Мы помним Розвелл, и никому здесь не хочется оказаться на хирургическом столе.

Ральф вздохнул. Да уж, хорошая репутация сложилась у Земли после того инцидента.

— Замаскироваться под китайский ресторан оказалось самым надежным. Доходов нам хватало и поддерживать существование, и делать запасы на путешествие. Само место способствовало наблюдениям... Для исследовательского корабля все обернулось даже неплохо.

— Откуда вы узнали, как меня зовут? — спросил Ральф.

— Мы ученые, — сказал Вонг Хо. — Наша задача — собирать информацию. Поскольку объектом нашего исследования был выбран этот город, мы собрали досье на всех его обитателей. Сделать это оказалось гораздо проще, чем вы думаете. Конечно, провести тесты и опыты мы смогли не со всеми.

— Опыты? На людях? — скривился Ральф.

— Не волнуйтесь. Ничего криминального или опасного для жизни и здоровья. В отличие от тех, кто был в Розвелле, мы не вивисекторы. Нам хватало той информации, которую можно получить в ресторане.

Ральф усмехнулся — стоило бы догадаться. Действительно: для опытов над людьми лучшего места, чем китайский ресторан, не придумаешь. Никто и не заметит.

Он достал из кармана найденную в парке скрепку.

— Полагаю, это ваше?

Вонг Хо осторожно забрал скрепку.

— Вчера мы проверяли парус, но слегка не рассчитали силу потока. Часть элементов унесло... к счастью, недалеко. Лететь на дырявых парусах неудобно, а рядом с Землей опасно. Пришлось посылать Айбо их собирать. Потому он за вами и увязался.

— Так и я думал, что не случайно сюда попал, — кивнул Ральф.

— Но вы же не жалеете? — лампочки в ресторане мигнули, и в фасеточных глазах заплескали озорные огоньки.

Ральф посмотрел на Стефани.

— Ничуть, — сказал он.

Из недр ресторана донесся тонкий писк. С каждым мгновением звук становился громче и громче — космический корабль готовился к старту.

— Вам пора, — сказал Вонг Хо.

Он проводил их до двери и выпустил на улицу. Горизонт уже алел на востоке, и звезды почти растворились на сером небе. Рваная улыбка месяца пряталась за крышами домов. Ральф поежился от прохладной сырости утра.

— Может, еще встретимся, — сказал Вонг Хо, повернувшись к девушке. — Если ты не забудешь самое красивое слово в мире.

Дверь ресторана закрылась. Некоторое время за толстым стеклом виднелись очертания фигуры владельца ресторана и капитана космического корабля. Черный контур на фоне прямоугольника бело-голубого света, словно фигурка из театра теней. Свет погас.

С тихим шелестом на дверь опустилась панель серебристого металла. В воздухе пронесся низкий гул. Ральф схватил

Стефани за рукав и потащил прочь от ресторана. Может, он и не понимал устройства эфирных двигателей, но одно знал наверняка: стоять рядом со стартующим космическим кораблем небезопасно.

Под ногами мелко задрожала земля. Стефани споткнулась, Ральф едва удержал девушку. Здание ресторана с возрастающей скоростью закручивалось по часовой стрелке. В стороны брызнула штукатурка; серебристые панели и ленты скользили по стенам, полностью меняя облик «Хрустального Карпа». Остался огромный шар, похожий на осиное гнездо, сплетенное из металлических лент. Неоновая вывеска рухнула на землю и лопнула в блеске электрических искр.

Неуклюже покачиваясь, космический корабль оторвался от земли. Медленно, по спирали он поднимался выше и выше. Где-то вдалеке истошно взывала сирена. Но, как всегда, полицейские опоздали. Увлекаемый волнами эфирного ветра бывший ресторан «Хрустальный Карп» полетел навстречу восходящему солнцу.

— Помнишь, как звали пса?

— Айбо, — сказала Стефани.

— Надо признать, у этого парня было чувство юмора. Как еще могли звать пса, в котором прятался робот?

Стефани улыбнулась.

— Самое красивое слово в мире... — повторил Ральф прощальные слова Вонга Хо. — Ты его знаешь?

— Звезды, — сказала Стефани.

РЫБЫ

...Все рыбы живут в воде и дышат исключительно жабрами. Наружная форма их чрезвычайно разнообразна. Тело их то вытягивается как у змеи или червяка, то сплющивается с боков, то становится лентообразным, то делается плоским, то массивным. Ни у одного класса позвоночных животных не наблюдается такого разнообразия в распределении и форме конечностей и органов...

Альфред Брем. «Жизнь животных»

*Рыба, которая живет в воде и на земле,
Огромной волной будет выброшена на берег,
Форма ее странная, привлекательная и ужасная.*
Мишель Нострадамус. «Центурии»

Карина Шаинян КАРПЫ В МУТНОЙ ВОДЕ

Андрей приехал в Ампану в сезон дождей. Жирный пряный дым от уличных жаровен растворялся в мороси, морщинистые стряпухи натягивали над столиками полосатые тенты. Уличный шум казался приглушенным — все тонуло в дожде, промокшие дома валились в ущелья улиц хлопьями плесневелой штукатурки. В душной конторе смуглый человечек в отсыревшем костюме окинул опытным взглядом джинсы Андрея и принялся перебирать адреса, то и дело протирая очки.

— Что-нибудь вдали от цивилизации, да? Простая жизнь, народные обычаи, отрезанность от мира? Подальше от курортов? Я понимаю. Сейчас это в моде — туристы хотят забраться в глушь. Они не боятся малярии, не боятся застрять где-нибудь из-за селей — им подавай романтику. И все едут в сезон дождей — надеются, что остальные приедут в сухое время. Пляжи всем надоели... Вы из России, да? На Прудах Небесного Дракона уже неделю живет русская девушка, красивая. Художница. Хотите туда?

— Подходит, — улыбнулся Андрей.

Джип с трудом пробирался по разбитой дороге. Несколько часов тряски — и Андрей оказался у Прудов Небесного Дракона, а попросту на хуторе, немногочисленные обитатели которого разводили карпов в прямоугольных, мутных, полужаросших прудах. Машина остановилась у главного дома — дерево и немного жести; его окружали несколько бамбуковых хижин для туристов. Из дверей выглядывал взъерошенный подросток. Встретившись с Андреем взглядом, он застенчиво улыбнулся и нырнул в дом. Встречать вышла хозяйка, высохшая, желтолицая, со скорбно поднятыми бесцветными бровями, в полинявшей футболке и резиновых галошах. Госпожа Ли была образованной дамой — когда-то прогрессивно настроенные родители отправили ее в Харьков учиться на инженера. Выйдя замуж, она с толком употребила мелиораторские знания, устраивая пруды на мужниной земле. А когда начался туристический бум и сумасшедшие европейцы поползли с пляжей и заповедников в

заброшенные сельские районы, госпожа Ли снова заговорила по-английски и по-русски, построила несколько нарочито простых бамбуковых хижин и оставила свой адрес в одном из турагенств Ампаны. Госпожа Ли была деловой женщиной, и это никак не вязалось с ее испуганным и несчастным лицом.

Бросив рюкзак и покончив с формальностями, Андрей пошел прогуляться. С первого взгляда было ясно, что приключений не предвидится: прогулки по прудам да катание на лодке по медлительной мутной реке — вот и все развлечения. Разве что выбраться на пару дней в горы. Андрей был человеком, преуспевающим настолько, что мог уже позволить себе потертые джинсы, длинный отпуск и экзотически унылое захолустье. Но здесь на него нахлынуло возбуждение, смешанное с тревогой, как будто он вновь превратился в застенчивого, не в меру начитанного студента, верящего в предчувствия. Андрей знал: здесь — конечная точка пути. Он долго шел, карабкался вверх — и все для того, чтобы в конце концов оказаться на этих прудах. Здесь, среди дождя и тростников, в зажатой горами долине, распахнутся все двери. Но, скорее всего, окажется, что этих дверей и не было никогда. Главное — не унустить долгожданный шанс, проверить, избавиться от многолетнего наваждения.

Проходя мимо соседнего домика, через раскрытое окно Андрей увидел сохнувшее белье — среди широких футболок и шорт висели изящные женские маечки. Похоже, художница приехала не одна. Андрей вздохнул: он бы предпочел одинокую туристку, одуревшую от скуки. Как раз то, что нужно для романтики. Просто курортный романчик, и тот, скорее всего, не удастся, напомнил он себе. Но тревожный зуд не утихал.

Андрей брел по посыпанным гравием тропинкам между прудами. Промозглая морось пропитала одежду. Несмотря на духоту, Андрея начало познабливать, и он хотел уже вернуться, но тут на узкой перемычке между прудами мелькнуло ярко-красное пятно — кто-то стоял там под гигантским зонтиком. Подойдя ближе, Андрей увидел невысокую тонкую девушку: прикусив губу, она старательно водила кисточкой по листу бумаги, приколотому к мольберту. Девушка не слышала шагов, даже когда Андрей подошел совсем близко и уже

мог рассмотреть рисунок. Сквозь дождевую вуаль поблескивал перламутр мутных прудов; светлая зелень с вкраплениями охры, нарезанная квадратами — вокруг лежали тростниковые заросли и редкие рисовые поля. Акварельные тени гор висели над горизонтом. В манере художницы было что-то от импрессионистов — впрочем, Андрей не разбирался в живописи. В мирном на первый взгляд пейзаже было что-то тревожное, и только присмотревшись, можно было увидеть: тучи, поля, пруды — все вместе складывалось в фигуру гигантской рыбы-ны, угрожающе раскрывшей пасть.

— Карп? — спросил Андрей.

Девушка, вздрогнув, резко обернулась — прядь рыжеватых выющихся волос прилипла к щеке, карие глаза широко распахнуты. Сердце пропустило удар, Андрей с трудом сохранил невозмутимый вид.

— Вы, наверное, моя соседка? Я приехал только сегодня. Андрей; — представился он.

Девушка подала ему руку. Пальцы были испачканы зеленой акварелью.

— Надя, — ответила она, рассматривая новичка и слегка хмурясь. — Хорошо, что вы приехали, — по ее лицу скользнула улыбка. — Здесь ужасно скучно.

— Именно этого я и искал, — ответил Андрей, — собираюсь вкушать лотос...

Лотос рос тут же, в канаве, протянувшейся вдоль дорожки, — под широкими листьями не видно воды, острые бутоны выстроились рядами. Похоже, его действительно ели — кое-где в розово-зеленой массе виднелись прорехи, как на грядке с поспевшей редиской.

— Ужасно невкусно, — дернула плечиком Надя и задумчиво посмотрела на рисунок. — Здесь верят, что один карп плыл против течения так долго, что забрался на небо...

— И стал небесным драконом, — подхватил Андрей.

— Ага. Драконов здесь любят, но мне кажется — они все-таки страшные... — смущенно улыбнулась Надя и вдруг вся подобралась: — Смотрите! Это муж нашей хозяйки, господин Ли.

Из зарослей тростника за прудом вышел человек, волокащий за собой бамбуковый шест. Со своего берега Андрей ви-

дел только силуэт: сгорбленную спину, нелепо болтающиеся, длинные руки, вытянутую голову с приплюснутыми ушами. При всей несуразности этой фигуры от нее веяло жестокой силой. Господин Ли с размаху ткнул шестом в воду, и до них донеслось невнятное бормотание.

— Мальчишка, который здесь работает, сказал, что Ли умеет говорить с духами, — сказала Надя. — А по-моему, просто немного того. Ким его ужасно боится, и госпожа Ли — тоже. Наверное, он ее бьет.

На том берегу появился новый человек, крупный загорелый блондин. Андрей вопросительно повернулся к Наде.

— А это Стив, — ответила она и слегка покраснела. — Он из Австрии, полицейский. Гулять ходил...

Стив остановился рядом с Ли и, уперев руки в бока и подавшись вперед, с недобрый интересом стал наблюдать за шестом, шарящим в воде. Господин Ли, казалось, еще больше сгорбился. Скорее пригнулся, поправил себя Андрей. Как перед прыжком. Полуобернувшись, Ли что-то сказал Стиву — теперь мужчины смотрели на Надю.

Андрей почувствовал, как она напряглась.

— Надеюсь, они не... — она оборвала сама себя. — Боюсь, что Стив уже надрался.

— Здесь можно добыть спиртное? — обрадовался Андрей.

— Он запасся еще в Ампане. Но с такими темпами ему скоро придется ехать за добавкой. Вот уж не думала...

— Не думала, что твой парень пьет?

— Он не мой парень, — ответила Надя. Андрей усмехнулся, и она сразу ошетибилась: — Мы познакомились в Ампане и решили ехать вместе. Что тут такого?

— Ничего. И часто ты так... решаешь поехать вместе?

— Да пошел ты... — Надя отвернулась и раздраженно сорвала с мольберта рисунок. — Пора идти, скоро обед. Стинив! — закричала она, размахивая коробкой с красками.

На веранду влетела Надя, и Андрей, уныло сидевший за пустым столом, оживился.

— Ждешь кормежки? — спросила Надя. — А вот и Ким!

— Карп и рис, — торжественно объявил Ким, и Надя насмешливо сморщила нос:

— Каждый день карп и рис. И немножко овощей, когда кто-нибудь приезжает из Ампаны, — объяснила она Андрею. — Уже из ушей лезет.

— Пахнет аппетитно... А знаешь — один французский граф, чтобы стать бессмертным, ел сырые потроха карпа.

— Фу-у-у... — сморщилась Надя. — И что, стал?

— Бессмертным? Стал. Правда, превратился в обезьяну. Жестокою, злобную обезьяну.

— Глупо, — отрезала Надя.

— Не так уж глупо. Просто открой двери восприятия, — улыбнулся Андрей, и Надя снова нахмурилась, точно так же, как тогда, на пруду.

— У меня такое чувство, что мы где-то встречались раньше, но забыли, — неуверенно сказала она.

— Ну что ты, Надя, я не мог забыть, — ответил Андрей. — А где Стив?

— Он спит. Напился и спит, — мрачно ответила Надя, ковыряя палочками рис. Кинула в рот кусочек рыбы, скривилась. Андрей молча жевал, сочувственно поглядывал. — Достал уже, — пожаловалась Надя. — Все время пьяный, а вчера подрался с Ли. Видеть его не могу уже, не знаю, как отделаться...

Она резко встала, отодвинув тарелку с изуродованной рыбой.

— Пойду еще порисую, пока светло.

— Можно с тобой? Посмотреть? — попросил Андрей. Надя заколебалась на мгновение, но потом кивнула.

— Пойду тогда переоденусь, — ответил Андрей, показывая на джинсы. — Жарко.

Раскрытый зонт валялся на перемычке между прудами, краем уйдя в воду, рядом лежал мольберт. Нади не было видно, и на секунду Андрея охватила мучительная тревога. Он испуганно завертел головой, но тут рядом с зонтом зашевелились. Надя сидела на корточках у пруда, почти скрывшись за куполом. Зеленые шорты и серая майка делали ее совсем незаметной. Андрей весело помахал ей рукой, но девушка не ответила. Подойдя ближе, Андрей увидел закрытое ладонями лицо. «Неужели плачет?» — подумал он.

— Что-то случилось? — Андрей отодвинул зонт и осекся.

На дорожке, подтянув колени к животу, лежал Стив. Его голова свесилась с берега, почти полностью скрывшись под водой.

— Ч-черт... — обалдело прошептал Андрей, — захлебнется же!

Он рванул блондина за плечи, пытаясь вытащить его из воды. Надя, опустив руки, смотрела на него пустыми глазами.

— Да помоги же! — крикнул Андрей, выдергивая Стива на дорожку. Надя покачала головой. Только теперь Андрей заметил, что плечи и шея австрийца испачканы красным. Еще не веря, он провел ладонью по границе волос и вздрогнул: из основания черепа что-то торчало.

— Щепка... Бамбуковая щепка, — наконец заговорила Надя. Слезы текли по ее щекам, оставляя блестящие дорожки.

Андрей растерянно молчал. Все казалось диким сном: запахи травы и тины, рябая поверхность пруда, в которой извилисто отражались тростники, водяная взвесь в воздухе, неестественное спокойствие Нади. Он внимательно посмотрел на девушку. Надя сидела на корточках, устремив взгляд на пруд, и шептала что-то. Андрей прислушался.

— Я... Под Москвой, несколько лет назад, на дне рождения подруги, в лесу... ну, на даче, но там такая дача, считай, что в лесу. Я приехала с приятелем... Мы все напились и поссорились, я убежала в дом с одним парнем... опять забыла, как его зовут, — нервно хихикнула Надя, повернувшись к Андрею. — А Леха обиделся и пошел гулять один... Нашли... точно так же. Какие-то бомжи позарились на кошелек. — Она с ужасом посмотрела на Андрея, словно только сейчас осознала случившееся, в ее голосе зазвенели слезы. — Как же так... Они просто подрались, он же... Стив не хотел, он просто пьяный был! Извинялся потом! А он убил его...

Надя наконец разрыдалась, ерзая по гравию голыми коленками, уткнувшись в плечо Андрея. Лепетала что-то о Ли, о том, что он чокнутый, она сразу поняла, что он маньяк, опасный маньяк... Андрей гладил влажные кудри, чувствуя, как дрожат руки. Потом осторожно отстранил Надю, заглянул в покрасневшие глаза.

— Надо сказать госпоже Ли, — тронул Надю за плечо, не давая возразить, — надо сказать ей и вызвать полицию.

Он взял Надю под руку и повел к дому.

* * *

Госпожа Ли нашлась на кухне — чистила очередного карпа. Ее глаза были заплаканы, на руке виднелись синяки.

— Стив и ваш муж вчера подрались, — сходу начал Андрей. — Почему?

— Мой муж сказал мистер Стив — Надя плохая женщина. Мистер Стив рассердился и ударил. — Ли замолчала, орудуя ножом.

— Где сейчас ваш муж?

— Не знаю. Ушел, — ответила хозяйка. Андрей раздраженно прошелся по кухне.

— Откуда у вас синяки?

Госпожа Ли невозмутимо чистила рыбу.

Андрей задумчиво взъерошил волосы. Было ясно, что синяки на руке хозяйки оставил господин Ли, и так же ясно, что она об этом не скажет. Нужно зайти с другой стороны, ошарашить.

— Мистер Стив умер. Надо вызвать полицию.

Госпожа Ли подняла бесцветные брови, по ее лицу промелькнула тень. Андрей наблюдал за хозяйкой, ожидая испуга, удивления, но госпожа Ли оставалась спокойной.

— Телефон не работает. Машина не ездит. Сель. Очень мокро, — сказала госпожа Ли и, подумав, добавила: — Ким пойдет, завтра, послезавтра приедет.

Андрей бродил по дорожкам, пытаясь отвлечься. В конце концов, говорил он себе, что тебе за дело до какого-то алкоголика из Австрии? Наслаждайся пейзажем, жуй лотос. Откройся — и смерть пройдет мимо. Правда, полиция сильно помешает, но, надо думать, они в первую очередь займутся поисками господина Ли. Конечно, остаться в стороне не получится, будет большой шумер. Никто не хочет, чтоб приезжала полиция... Андрей брел по тропинке, ведущей к дороге на Ампану. Гравий похрустывал под ногами, осыпались под дождем пурпурные цветы бугенвиллеи. Андрей поднял голову и увидел Надю, идущую навстречу.

— Я прошла по дороге, — сказала она. — Ни одной машины. Наверное, и правда сошел сель. Меня еще в Ампане

предупреждали... — Надя слегка хмурилась и покусывала губу. Похоже, ее одолевали те же мысли, что и Андрея. Она неторопливо пошла рядом, погрузившись в молчание.

Задумавшись, Андрей споткнулся так, что пришлось пробежать несколько шагов — восстановить равновесие. Возмущенно оглянувшись и замер: из кустов торчали тощие смуглые ноги. Надя остановившимся взглядом смотрела на резиновый шлепанец-вьетнамку, свисающий с пальцев правой ноги.

— Нет. Он не мог... — Она подняла глаза на Андрея, и он явственно услышал, как стучат ее зубы.

Ким был убит точно так же, как Стив — в основание черепа загнана острая бамбуковая щепка, незаметная под шапкой густых черных волос. На лице мальчишки застыла застенчивая улыбка — он явно не ждал ничего плохого, когда на него напали. Андрей огляделся. Вторая вьетнамка, испачканная в глине, валялась в кустах рядом. Андрей зачем-то подобрал ее, крепко взял дрожащую Надю за локоть и почти волоком потащил в дом.

Госпожа Ли выслушала весть о смерти Кима, не изменившись в лице. Казалось, эту женщину невозможно было вывести из равновесия. Она присела, спокойно сложив руки на коленях, и раздумывала некоторое время. Потом решительно кивнула.

— Знаю, где прячется господин Ли. Пойду скажу, чтобы выходил.

— Это может быть опасно, — ответил Андрей.

— Мой муж не убивал, — ровным голосом ответила хозяйка.

— Не убивал, говоришь? — выкрикнула Надя. — Два трупа! Здесь никого больше нет! Может, ты убила? — Желтое лицо госпожи Ли ничего не выражало. — Может, Андрей? Или я?! — Надя кричала уже в истерике. — Почему он прячется, если не убивал?

— Господин Ли боится. Он умеет говорить с духами и поэтому боится, — ответила хозяйка и добавила: — Я тоже боюсь. Нужно полицию.

— Отправьте кого-нибудь, — предложил Андрей.

— Никого. Я, госпожа Надя и вы.

— Ну на-а-адо же, — протянул Андрей, — как все удачно, да?

— Не удачно. Плохо. Утром сама иди.

— Хороший способ смыться вместе с муженьком, — пробормотала под нос Надя. Но госпожа Ли то ли не услышала ее, то ли не поняла.

Андрей нервно побарабанил пальцами по липкому столу.

— Так. Сегодня никуда не расходимся, сидим в одной комнате, ночуем здесь же. Завтра... завтра решим, кто пойдет в Ампану.

Надя сморщила нос, но, взглянув на согласно кивающую госпожу Ли, промолчала.

За окном сгушались влажные сумерки, запах мокрой земли становился сильнее. Госпожа Ли, печально покачивая головой, штопала куртку мужа. Надя раздраженно перебирала краски, за которыми они с Андреем сбежали после ужина. Андрей, мрачно чертя что-то на листе бумаги, пытался сообразить, где прячется господин Ли. Хозяйка обещала позвать его завтра... Но до завтра надо бы еще дожить, переждать ночь. Тягучую, чернильную, пропахшую зеленью и рыбой ночь. Андрей начал было задремывать, и тут Надя, резко отбросив кисточку, встала.

— Ты куда? — вскинулся Андрей.

— В сортир! — вызывающе ответила Надя. За дверью в темноте мерцали капли дождя.

— Я тебя провожу, — поднялся Андрей.

— И не вздумай даже! — Глаза Нади налились слезами. — Не смей! — Она оттолкнула его и выбежала на улицу. Андрей растерянно отступил.

— Очень плохо одна, — заметила госпожа Ли, оторвавшись от шитья. — Опасно.

Андрей медленно обернулся. Бешеное раздражение захлестнуло его, ненависть к дождю, к сырости, к глупой девчонке, за которой теперь надо бежать на улицу, и больше всего — к госпоже Ли, невозмутимой, высохшей, желтолицей госпоже Ли. Андрей сжал кулаки, чувствуя, как из горла рвется рычание.

Очнувшись, он выскочил под дождь. Тропинка к туалету вилась среди темных низких пальм, раздваивалась, огибая

пышный куст бугенвиллеи. Справа мелькнула светлая тень. «Надя!» — окликнул он, но услышал в ответ лишь шорох дождя. Оскальзываясь, он побежал по тропинке, но тут со стороны дома раздался невнятный шум, а потом отчаянный, истощенный визг. Задыхаясь, Андрей вбежал в комнату, чуть не сбив Надю с ног. Девушка заходилась в крике, а под ее ногами, скорчившись, на боку, лежала госпожа Ли — ее футболка была порвана, а из основания черепа торчала длинная бамбуковая щепка. Андрей склонился над хозяйкой. Госпожа Ли была еще жива — она тихо хрипела, веки дрожали.

— Это он! — вскрикнула Надя. — Он пришел сюда и убил! — Она упала на колени рядом с Андреем, цепляясь за его рукав. — Он, он! Она хотела идти в Ампану...

— Тихо ты! — шикнул Андрей. Госпожа Ли пыталась что-то сказать, и он мучительно напрягал слух. Под ухом раздавались истерические всхлипы Нади. Андрей поморщился.

— Муж прятать... — прошептала госпожа Ли, — третий пруд, доро... малая дорога... тростник. Найди... — Глаза хозяйки закатились, под веками видны были лишь желтоватые белки.

Они шли вдоль пруда — того самого пруда, на котором встретились сегодня днем, третьего по счету от дома. Дождь пошел сильнее, в свете фонарика сверкали золотистые нити. Надя отчаянно цеплялась за Андрея, спотыкалась, всхлипывала, просила вернуться. Андрей раздраженно подхватывал ее под локоть, бормотал успокаивающе, но продолжал идти дальше. Это было глупо, но он не мог больше сидеть в доме — ужас захлестывал его, страх сползал в мозг, как сель сползает на дорогу — еще немного, и разум смоем мутным потоком. И Андрей предпочел шагнуть навстречу страху — найти сумасшедшего господина Ли, прячущегося в тростниках. Андрей не знал, что скажет и как спросит. Не знал, что будет делать, когда услышит ответ. Он просто не мог больше сидеть на месте. А Надя... не мог же он оставить ее без присмотра!

— Там, — прошептала Надя, показывая на проход в тростниках. — Тропинка... Малая дорога.

Андрей кивнул. С узких листьев за шиворот полилась холодная вода, и он вздрогнул.

— Андрей... Давай вернемся, я не могу, мне страшно!

Он положил руку на плечо девушки. Под мокрой тканью ощущалась горячая кожа, дрожащее тело. Хотелось обнять, шептать, что все будет хорошо.

— Мы пройдем еще немного и сразу вернемся, — пообещал Андрей, обводя фонариком тростники.

— Не надо, — всхлипнула Надя, но он уже шел по тропинке.

Под ногами хлюпало, но скоро они ощутили, что идут по сухому. Андрей посветил вокруг. Они стояли под небольшим навесом, сплетенным из сухих листьев; такие же листья были набросаны внизу. Тут же валялись темные тряпки, закопченный чайник. Убежище господина Ли окружала стена тростников, в одном месте измятая и изорванная — как будто туда ворвался кто-то большой и тяжелый. Например, господин Ли. Андрей устремился к пролому, но Надя впилась ногтями в его ладонь. Он оглянулся, увидел бледное, прозрачное лицо, полные ужаса глаза.

— Я не пойду туда! — прошептала Надя. Ее губы дрожали. — Андрей, милый, пожалуйста, давай вернемся, не надо туда ходить...

Андрей нерешительно топтался на месте. Запал прошел, и было понятно: лучшее, что сейчас можно сделать, — вернуться в дом, переждать ночь, а утром идти в Ампану. Андрей понял, что ему по-настоящему страшно встретиться с Ли лицом к лицу — это была не просто адреналиновая волна, а глубокий, почти животный ужас. Страх затаился в душе Андрея много лет назад, задавленный, задушенный почти насмерть, но теперь воскрес — и готов был взломать хлипкие замки здравого смысла и рациональных отговорок, которыми Андрей когда-то закрылся от жуткой догадки. Двери готовы были раскрыться. И Андрей не выдержал, решительно повернул назад, поддерживая норовящую упасть Надю — ее коленки ходили ходуном.

Рядом с верандой стояла бочка, заполненная дождевой водой. В тусклом свете фонарика Надя отмывала заляпанные глиной руки, по воде расплывались оранжево-розовые пятна охры. Прыгая на одной ноге и держась за плечо Андрея, она полоскала измазанные ноги. Края шортов темнели, намокая. И точно так же темнели глаза Нади — когда она смотрела на

Андрея, в них был не только ужас. Когда, вся мокрая и дрожащая, девушка забралась с ногами на кровать, прижавшись горячим боком к Андрею, он уже не удивился. Приближалось утро, и ладонь бродила по мягким густым волосам, по прозрачной беззащитной шее.

Все как тогда, в подмосковном лесу, — шелест дождя по крыше, сырая узкая кровать и огромные глаза Нади, в которых плясали золотые искорки, и ее рассеянная, довольная улыбка. Только теперь...

— Теперь-то ты не спросишь, как меня зовут? — мрачно усмехнулся Андрей, и Надя отшатнулась.

— Ты... Я же знала, что мы где-то встречались!

— У тебя очень плохая память на лица, Наденька. И на имена.

Надя морщила лоб, натягивая простыню на грудь. Даже сейчас она была прекрасна — Андрей молча рассматривал ее, удивляясь тому, как долго не верил сам себе. Ему не нужно уже было спрашивать господина Ли, безумного собеседника духов, — Андрей знал все сам, двери раскрылись, и застарелый темный ужас, расплескавшись, обернулся покорным изумлением.

— Сейчас... — протянула Надя. — На том самом дне рождения, в лесу...

— Да.

— Мы тогда...

— Да.

— Ты обиделся на меня почему-то.

Андрей потянулся, улыбаясь.

— Потому что ты меня обидела, Надя. Спросила, как меня зовут. После всего... — Надя мучительно покраснела, и Андрей с болезненным удовольствием продолжал: — Конечно, зачем тебе помнить имя случайно подцепленного самца... Я был тебе неинтересен — не тот, не то, слабый, вялый, слишком мало силы, слишком мало жизни. Мне повезло — я годился лишь на то, чтобы избавиться от возбуждения. Так? — Андрей взглянул на нее. Надя, закусив губу, мотала головой. — Но карп, долго плывущий против течения, превращается в дракона, да? Теперь я для тебя гожусь... Не хуже Стива, а? Тем бо-

лее что Стив обманул тебя, оказался слабаком, пьянью, никакого толка... А мне долго пришлось плыть, чтобы снова с тобой встретиться... Я нашел тебя, Наденька. Почти случайно, но нашел. Я все про тебя знаю.

— Ты маньяк, — прошептала Надя, торопливо одеваясь, путаясь в брюках. — Сумасшедший, сумасшедший!

— Да, маньяк. Столько времени убить, чтобы вновь встретиться с такой... «Плохая женщина» — так тебя господин Ли назвал? Очень мягко, Надя. Я бы назвал тебя лярвой. Знаешь, откуда произошло это слово?

— Не знаю, и знать не хочу. Ты свихнулся, — холодно ответила Надя.

— Я тоже так думал, — улыбнулся Андрей. — Валил на разыгравшуюся фантазию... Видишь ли, Надя, Леха был моим другом... бывшим, мы разошлись, потерялись, но он был моим другом. Ты даже не заметила этого по пьяни, да? Я захотел отомстить. За себя и за Леху. Добиться, чтоб ты выбрала меня. — Андрей остановился — давно отрепетированная речь не радовала. Все слова были заготовлены на случай, если догадки не оправдаются, и потому не годились. А что он скажет, если почудившееся когда-то окажется правдой, Андрей никогда не думал. — Ладно уж, хватит притворяться, — буркнул он. — Ты попалась, Надя, — он вытащил из-под подушки острый обломок бамбуковой палки и демонстративно помахал им. — Интересно, сколько тебе лет на самом де...

Он не успел договорить: Надя, оскалившись, бросилась на него, пытаясь вырвать из рук щепку.

Надя стояла над кроватью и рассеянно улыбалась.

— Нет, это ты попался, — весело сказала она. Все вышло даже лучше, чем она рассчитывала. По телу разливалось сытое тепло, и золотые искры в глазах наконец-то гасли. Подманный когда-то в подмосковном лесу мальчик оказался сильнее, чем она думала. Надо запомнить на будущее: можно ловить карпов на удочку в диких озерах, а можно специально выращивать. Такие крупнее и вкуснее, надо только дать корм, на котором они наберутся сил. Неуместный вопрос может стать отличным кормом — главное, вовремя его подбросить. Выбрать подходящий момент. А потом просто ждать. Надя слад-

ко потянулась и потрепала лежащего ничком Андрея по голове. Случайно мазнула ладонью по темному ручейку, стекающему по шее, и небрежно обтерла руку об простыню. Покусила губу, пытаясь сосредоточиться.

— И знаешь, Андрей... Карпы никогда не превращаются в драконов, это все сказки. — Она вдруг передернула плечами, лицо исказила брезгливая гримаска. — И очень глупо есть сырые рыбы потроха! Есть способы понадежней.

Хихикнув, она выдернула из шеи Андрея щепку и вышла под дождь. У нее были еще дела: сжечь в печи одежду и обломки бамбука, а главное — надежно перепрятать труп господина Ли. Бедный Ли. Умение говорить с духами делает человека похожим на опасного сумасшедшего. С утра она пойдет по разбитой дороге в Ампану. Тридцатимильная прогулка под дождем — хороший способ стереть с лица улыбку и выглядеть измученной.

Дмитрий Колодан ПОКУПАТЕЛЬ КАМНЕЙ

Весна на пороге зимы — особое время года. Апрель, беспощадный месяц, грохотал штормами, бился в гранит границы земли. Каждую ночь море нещадно набрасывалось на берег, оставляя вдоль тусклой полоски пляжа намеки на дни творения — медузу, рыбий хребет или панцири крабов, возвращало дары — обглоданные до блеска кости деревьев, кусок весла, бессильный обломок ржавой пружины.

По утрам побережье окутывал туман. Его тугие щупальца, подхваченные бризом, скользили по краю воды, карабкались по камням к маяку и дальше, к скалам. Во влажном воздухе бухта расплывалась, как плохой фотоснимок. На пляже среди островков жесткой травы жались друг к другу старые лодки, облепленные ракушками и плетями водорослей, похожие на гигантских трилобитов, явившихся из сумрачных глубин девонского моря. Порой в непрестанном мареве казалось, что они перебираются с места на место, и я не мог с полной уверенностью сказать, что это всего лишь шутки тумана и воображения...

- Дом у моря я снял еще летом. Меня интересовала колония морских игуан — удивительных ящеров, которых Мелвилл без оснований назвал «странной аномалией диковинной природы». «Популярная наука» заказала мне серию акварелей этих рептилий. Конечно, с легкостью можно было бы взять в качестве натуры фотографии и чучела из Музея естественной истории, но я абсолютно убежден: настоящий анималист не имеет права на подобные полумеры. Чтобы нарисовать животное, надо понять его характер, заглянуть в душу, а много ли видно в стеклянных глазах?

Игуаны по достоинству оценили мое рвение, и работать с ними оказалось настоящим удовольствием. Я еще не встречал более старательных натурщиц: они были готовы часами неподвижно лежать на окатываемых волнами камнях, игнорируя нахальных крабов, ползающих прямо по их спинам. К осени набралась внушительная подборка эскизов, однако меня не покидало ощущение незаконченности работы, и я продолжал

лазать по скалам в поисках сюжета, который бы наилучшим образом завершил цикл. В итоге, поскользнувшись, я рассадил руку и надолго лишился возможности рисовать.

Этот досадный инцидент имел и другие, более неприятные последствия. Пустяковая, на первый взгляд, рана загноилась, рука распухла, и почти неделю я провел в постели в горячечном бреде. Ночами, когда ветер неустанно бился в стекла, я метался на влажных простынях, тщетно пытаюсь уснуть. Рокот прибоя навевал странные видения панцирных рыб и гигантских аммонитов — доисторических чудовищ, затаившихся в толще вод, и, как оказалось, я был недалеко от истины. Видимо, уже тогда доктор Северин начал опыты с камнями.

В «Популярной науке» Северина знал едва ли не каждый, в первую очередь из-за скандала с механическим кальмаром. Основываясь на последних достижениях механики и вивисекции, доктор сделал невозможное — создал живое существо, почти вплотную подойдя к разгадке творения. Не спорю, он был талантливым ученым, гением, но его методы вызывали у меня глубокое отвращение. Собаки и обезьянки, выпотрошенные ради пары желёзок, — это только полбеда. Я слышал от специалистов, что в создании кальмара использовались и человеческие органы. Кажется, именно тогда вивисекция была объявлена вне закона. По слухам, Северин бежал в Южную Африку, где в секретной лаборатории продолжил заниматься запрещенными экспериментами. Признаться, я очень удивился, встретив его в поселке.

Как выяснилось, Северин появился в этих краях пару лет назад, выдавая себя за отошедшего от дел ветеринара. Кое-кто из местных жителей даже обращался к нему за помощью, но это быстро прекратилось, после того как он без анестезии отрезал лапу коту на глазах у изумленной хозяйки. Я нисколько не сомневаюсь, что за закрытыми дверьми Северин занимался и другими мерзостями, которые в его представлении назывались наукой. Густав Гаспар, смотритель маяка, как-то нашел на пляже мертвую игуану со следами хирургического вмешательства — не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, кто стоял за этим.

Северин действительно проявлял интерес к ящерицам. Несколько раз поздними вечерами я видел его рядом с коло-

нией. В это время игуаны ленивы, поймать их не составляет труда. Длинной удочкой с нейлоновой петлей доктор стаскивал их с камней, каждый раз унося с собой одну или двух. Страшно подумать, что ждало их в лапах сумасшедшего ученого.

Когда боль в руке приутихла, я стал гулять по пляжу, наблюдая за игуанами, собирая раковины и интересные камни и по большому счету изнывая от безделья, ведь возвращаться к работе было еще рано. В один из таких дней, кажется в четверг, и началась история с рыбами.

В то утро меня разбудил пронзительный лай прямо под окнами. Я где-то читал, что собачий лай входит в пятерку самых раздражающих звуков, опережая даже скрип мела по грифельной доске, в данном же случае налицо была попытка побить все рекорды. Я выглянул в окно.

Открывшаяся картина носила отпечаток нездорового гротеска. Окно моей спальни на втором этаже выходило во двор, за ним начинался огород госпожи Феликс. Разделял их невысокий кирпичный забор, увитый сухим плющом, — эта граница и послужила сценой. Акторов было всего двое: зритель маяка Густав Гаспар и Лобо, старый пудель госпожи Феликс, но их вполне хватило, чтобы разыграть самый нелепый фарс из тех, что мне доводилось видеть.

Собака срывалась на визг. Сознаюсь, при всей моей любви к животным, Лобо не вызывал у меня симпатии: грязное, неопрятное и чертовски склочное создание, упивающееся собственной безнаказанностью. У бедняги был паралич задних лап, и передвигался он — надо признать, с поразительной ловкостью — на плетеной тележке с колесами от детского велосипеда. Сейчас он с торжествующим видом возвышался над своей добычей — ботинком Густава.

Самого хозяина обуви я заметил не сразу. Сначала я увидел ноги, торчащие над забором подобно беспокойной букве «V». На ветру трепыхался полосатый носок. Присмотревшись, я сообразил, что Густав свесился с забора вниз головой в лучших традициях Белого Рыцаря. Одной рукой он опирался о землю, в другой сжимал корявый сук, которым пытался подцепить ботинок. Пестрая гавайская рубашка сползла чуть ли не до подмышек. Лобо, прекрасно сознавая свое превосходст-

во, держался вне досягаемости палки и явно издевался. Стараясь перехватить обувь и рискуя свернуть себе шею, несчастный смотритель извивался словно угорь, благо сам был длинным и тощим.

Развязка наступила внезапно. Густав вытянулся и исхитрился воткнуть сук между спицами. Собаки, насколько я помню, лишены мимических мышц, однако на морде у Лобо появилось выражение крайнего недоумения. Густав неторопливо слез с забора и поднял ботинок.

Именно тогда выяснилось, что я был не единственным свидетелем этой сцены. В доме госпожи Феликс распахнулось окно и в темном проеме возникло перекошенное от злобы лицо хозяйки. Я чужд предрассудков, но верю в то, что ведьмы существуют. И госпожа Феликс — одна из них.

На смотрителя обрушился такой поток брани, что тот поспешил ретироваться. Он перемахнул через забор, что-то поднял с земли и заковылял к моему дому. Госпожа Феликс не унималась: если бы ей хватило сил, в смотрителя полетели бы тарелки и цветочные горшки или, если хотите, жабы и змеи.

Густав, тяжело дыша ввалился в дом, держа в одной руке ботинок, а в другой мятую жестянку из-под краски. По покрасневшему лицу струился пот. Смотритель плечом стряхнул запутавшуюся в бороде травинку.

— Вот, думал, напрямик быстрее будет, да...

Он был сильно взволнован, и, как выяснилось, причиной тому были отнюдь не Лобо с госпожой Феликс. Гораздо важнее оказалась его утренняя находка. По словам Густава, ничего подобного он не встречал, хотя за свою жизнь насмотрелся всяких дикушинок. Он протянул мне жестянку, наполовину заполненную водой. Эта предосторожность была излишней — три рыбки, что плавали на поверхности, судя по всему, давно сдохли. От удивления я даже присвистнул. Мне-то эти создания были знакомы — рыбы из рода *Argyropelecus*, иначе известные как топорики, — маленькие монстры, достойные кошмаров Лавкрафта. Трудно представить рыбу с более мрачной внешностью: тело, сжатое с боков так, что выпирает скелет, выпученные глаза, задумчиво устремленные вверх, и вечно угрюмое выражение огромного рта. Я прекрасно понимаю

смятение Густава — на топорика невозможно смотреть без содрогания.

Прежде я видел этих рыбок исключительно в Музее естественной истории — желтушных призраков, застывших в формалине. Обитают они на таких глубинах, что шансов быть выброшенными на берег у них практически нет. И кто бы мог подумать, что эти рыбки окажутся лишь предвестниками чудовищного и таинственного нашествия?

На следующий день Густав нашел уже больше десятка топориков, и, что самое удивительное, некоторые рыбки были живыми. Жуткие уродцы бессильно бились на песке и, по словам зрителя, их обходили стороной даже крабы. Правда, в дальнейшем я не замечал за ними подобной щепетильности. К концу недели бухта буквально кипела чайками и крабами, собравшимися, наверное, со всего побережья на жуткое пиршество, но их все равно не хватало, чтобы справиться с неожиданным обилием глубоководных тварей.

Хотя топорики оставались в большинстве, вскорости к ним присоединились и другие не менее поразительные создания: удильщики и гигантуры, мелапиды и хаулиоды, гигантские креветки и крылатые осьминоги — бухту заполонили самые невероятные чудища. Казалось, море решило выдать все свои тайны разом. Я сопоставлял это явление с фазами луны, магнитными бурями, землетрясениями и вспышками на солнце, но не находил связи.

Мучившие меня призрачные видения девона окрепли и превратились в навязчивую идею. Свою роль сыграл тяжелый запах гниющей рыбы, проникавший даже сквозь плотно закрытые ставни. По ночам я ворочался, преследуемый кошмарными фантомами оскаленных пастей, клешней и щупалец. Сон приходил лишь под утро — странное зыбкое состояние, полное туманных образов. Просыпаясь, я никак не мог избавиться от ощущения, что превращаюсь в доисторического моллюска, быть может, аммонита.

Вместе с Густавом мы расчистили небольшой участок пляжа и соорудили навес из жердей и куска старого брезента. Зритель притащил ржавый железный лист, на который мы стали складывать находки. Все свое время я проводил в этой импровизированной студии и, невзирая на боль в руке, делал

зарисовки морских чудовищ. Наверное, со времен Биба еще никому не выпадал шанс так близко познакомиться с обитателями бездны.

Как ни странно, доктора Северина нашествие совсем не заинтересовало. С тех пор как оно началось, я ни разу не видел его на пляже. Похоже, вместо науки доктор решил заняться строительством и начал покупать камни.

Я заметил это спустя неделю после того, как Густав нашел первых рыбок. К тому времени на заднем дворе Северина выросла гора щебня, высотой по пояс. В камнях не было ничего особенного — самый обычный известняк, но через пару дней гора стала раза в два больше, и доктор определенно не собирался останавливаться на достигнутом.

Однажды, возвращаясь вечером с пляжа, я увидел, как перед домом ученого остановился маленький грузовик. Повинуясь внезапному порыву, я спрятался за корявым буком. На сигнал машины, размахивая руками, выбежал Северин. Не обращая внимания на водителя, он перегнулся через бортик и принялся рыться в щебне. В этот момент доктор напомнил мне Сильвера над сокровищами Флинта — того и гляди начнет хохотать и посыпать себя камнями, словно золотыми монетами. Он откопал булыжник размером с апельсин и уставился на него с таким благоговением, что мне стало не по себе. Северин зашептал, обращаясь совсем не к водителю, а потом прижал камень к уху и замер.

Все это было настолько таинственно, что я не сразу услышал предательское поскрипывание за спиной, а когда схватился, было поздно — зубы Лобо сомкнулись на моей лодыжке. Вскрикнув, я выскочил из укрытия, но споткнулся и упал прямо у ног Северина. Эскизы разлетелись во все стороны, и Лобо разразился радостным лаем. Хотелось придушить наглого пса.

Доктор смерил меня взглядом, явно раздраженный столь внезапным появлением. Порыв ветра подхватил ближайший листок и швырнул к Северину, словно нарисованная рыба хотела вцепиться в доктора. Ученый перехватил рисунок, рассмотрел его и брезгливо поморщился.

— Мешкорот, — наконец сказал он. — Нет, не то. Но он уже близко...

— Кто близко?

Доктор не ответил. Отбросив листок, он начал отдавать распоряжения по разгрузке камней. Я не стал задерживаться.

В тот вечер Северин вел себя весьма необычно, все-таки не каждый день встречаешь человека разговаривающего с камнями. Правда, знал я одного парня, у которого была внушительная коллекция садовых жаб из терракоты. Каждую субботу он расставлял их на заднем дворе и читал им вслух Диккенса. Но у меня язык не поворачивается назвать Северина эксцентриком. Чудаки не режут по ночам ящериц, чтобы посмотреть, как они устроены и что там стоит исправить. У подобных типов хватает чувства юмора и такта радоваться миру такому, какой он есть. Оставалось только смириться с очевидным — Северин сошел с ума. Слетел с катушек, как метко выразился Густав Гаспар, выслушав мой рассказ.

Следующее утро выдалось пасмурным и холодным. Всю ночь шел дождь, к рассвету выродившийся в колючую морось, и выходить из дома совсем не хотелось. К тому же я почти не спал: Лобо определенно решил свести меня с ума и полночи выл так, что даже спрятав голову под подушкой, я не мог избавиться от этих отвратительных звуков. В итоге наутро я чувствовал себя окончательно разбитым, и добраться до пляжа мне стоило немалых усилий.

Смотрителя я заметил, только подходя к навесу. Он шел по колено в воде и с трудом тащил что-то к берегу, постоянно останавливаясь и переводя дыхание. Волны захлестывали его, норовя сбить с ног, гавайская рубашка вздымалась на ветру, словно парус жизнерадостной яхты. Увидев меня, он замахал рукой, и я поспешил на помощь.

Вдвоем мы выволокли на песок крупную рыбу. Ее плотная чешуя отливала синим металлом. Я не верил своим глазам. В голове словно взорвалась бомба — кажется, так писал профессор Смит, которому впервые выпала честь встретиться с этим созданием. Латимерия — рыба-целакант, живое ископаемое, чудовище из прошлого...

Густав устало сел на землю, раскуривая огрызок сигары.

— Это же надо, — сказал он. — Рыба с ногами...

Я рассеянно заметил, что это плавники. Густав покачал головой.

— Нет, мне не понять эту рыбу — Бог ее вне пределов моего Бога. Шекспир, кажется. Я начинаю понимать, что он имел в виду.

На мгновение зрителя скрыли клубы густого дыма. Сидя над таинственной рыбой, он был похож на Челленджера в зените славы.

— Кстати, я уже видел подобную тварь, но никак не думал, что она существует на самом деле. Тут у одного парня есть чучело — всегда думал, что это подделка. Умный парень, но со странностями. Пару лет назад он сделал железный шар, чтобы спускаться под воду и смотреть, как там рыбы живут. Думаю, вас надо познакомить.

Я перевел взгляд с латимерии на Густава.

— Ты говоришь о батисфере? У вас здесь есть батисфера?

— Ну да. А что в этом такого?

Моя бурная радость весьма озадачила зрителя. Но батисфера давала такие возможности, о которых я и не мечтал. Разгадка нашествия рыб стала близка — я ничуть не сомневался, что ответ нужно искать на глубине. Кроме того, я смог бы завершить работу над циклом для «Популярной науки» и нарисовать игуану под водой — теперь стало понятно, какого рисунка не хватает. Было решено, что, как только я закончу с латимерией, мы немедленно отправимся к хозяину батисферы.

Создателя батисферы звали Людвиг Планк и жил он на другом конце поселка. Его дом я опознал с первого взгляда: во дворе валялись шестерни, велосипедные цепи, трубки, ржавые моторы и совсем уж непонятные железные конструкции. Пробравшись через этот хлам, Густав постучал в дверь и, не дождавись ответа, предложил пройти в мастерскую.

Мы направились к небольшому сараю. Из приоткрытой двери доносился монотонный гул, время от времени прерываемый гудками и позвякиванием. Я боялся представить, какие таинственные механизмы скрывались за этими звуками — от человека, построившего батисферу, можно было ждать чего угодно. Но когда Густав толкнул дверь, я замер в восхищении.

Почти весь сарай занимал макет железной дороги, настолько большой и сложный, что в голове не укладывалось, как он функционирует. По сути, это была целая страна, смыс-

лом существования которой была перевозка грузов. Миниатюрные леса, поля и горы — все было оплетено густой сетью рельс. Разводились стрелки, поднимались и опускались шлагбаумы, перемигивались семафоры. Не менее десятка крошечных составов куда-то спешили, ныряли в туннели и карабкались по горам из папье-маше, замирали на станциях и вновь устремлялись в свой бесконечный путь. На искусственной траве паслись пластмассовые коровы и динозавры.

— Людвиг! — крикнул Густав. — Ты здесь, или как?

Из-за горы, удивительно похожей на Фудзи, выглянула растерянная физиономия.

— Да, я...

В это мгновение раздался пронзительный звонок — половинки разводного моста не успели соединиться, и над рекой из эпоксидной смолы повис состав.

— Парарам, — мрачно констатировал Густав. — А ведь катастрофа. Число жертв пока не известно.

— Сам вижу, — нахмурился Людвиг, щелкая выключателем. Поезда замерли.

— Мы тут по твою жестянку, — сказал Густав. — Ту самую, чтобы за рыбами смотреть.

— Батисферу? — переспросил Людвиг, выходя из-за макета.

Изобретатель был невысоким и щуплым. Стесняясь ранней лысины, он носил кепку с прозрачным козырьком, отчего его лицо имело странный зеленоватый оттенок.

— В точку, — сказал Густав. — Все из-за жутких рыб, что заполонили пляж. Надо посмотреть, откуда они берутся.

Некоторое время Людвиг грыз ноготь на мизинце.

— А вы уверены? Без погружения никак не обойтись?

Батисфера лежала на заднем дворе, кое-как укрытая куском брезента. Людвиг стянул полог, и чудо техники предстало во всей красе. Стальной шар чуть более полутора метров в диаметре сиял полированными боками и тяжелыми медными болтами. На меня уставились мрачные глаза-иллюминаторы из толстого кварцевого стекла. В этом взгляде было что-то запредельное, я почти чувствовал скрывавшийся за ним вечный холод морских глубин, где в непроглядной тьме живут самые невероятные и чудовищные создания.

— Точная копия той, что была у Бартон и Биба, — с гордостью сказал Людвиг, похлопав по крошечному люку. За его спиной Густав корчил рожи своему отражению на блестящей поверхности. Я осторожно провел рукой по холодному железу.

— Сколько было погружений?

Людвиг виновато улыбнулся.

— Вообще-то...

— Да ни одного не было, — перебил его Густав.

Я удивленно посмотрел на изобретателя.

— Между прочим, это чертовски опасно. Бездна полна монстрами, кто знает, что встретится на глубине?

— Тут ты прав, — сказал Густав. — Видел я вчера одну тварь — образ как из ада. Сплошные шипы и зубы. Тем парням, что сочиняют страшные истории, стоило бы на нее взглянуть.

Я замотал головой.

— Глупости. Ну кто сможет нанести вред батисфере?

В подтверждение своих слов я постучал по металлу. Изобретатель нахмурился.

— Я понимаю, истории о морских чудищах звучат нелепо, но не принимать их в расчет, планируя погружение, это глупо. Думаю, вам стоит посмотреть один поучительный опыт.

Он провел нас на кухню. У окна сверкал чистотой круглый аквариум. Внутри на большой раковине сидел задумчивый красный краб. Людвиг достал из кармана свинцовый шарик на леске и начал опускать в воду. Краб насторожился. Глаза на толстых стебельках внимательно следили за приближающимся грузилом. Неожиданно он рванулся и вцепился клешней в леску. Изобретатель разжал пальцы, шарик опустился на дно. Краб изучил его и посмотрел на нас с глубочайшим презрением.

Густав расхохотался, даже я не смог сдержать улыбки.

— Вы представьте, что это батисфера, — начал оправдываться Людвиг. — Были бы вы внутри, так бы не смеялись.

— В море нет настолько больших крабов, — сказал я.

— Между тем одно из погружений как раз закончилось подобной встречей, — заметил Людвиг. — А гигантские раки в свое время обитали в океане. И подозреваю, что они до сих пор там встречаются. Как латимерия.

— Гигантские раки? — встрепнулся Густав. — Я тут, кстати, видел огромного рака. Во сне. Думаете, сон вещий?

Людвиг поежился.

— Надеюсь, нет.

Он постучал по стеклу. Краб демонстративно отвернулся. Изобретатель вздохнул.

— Фактов, подтверждающих, что в океане водятся неизвестные науке чудовища, слишком много. Не далее чем в прошлом месяце у острова Кенгуру поймали креветку размером с автомобиль. А семиметровые личинки угрей? Каких размеров должна быть взрослая особь?! Кальмары с каждым годом становятся все больше и больше. Еще недавно считалось, что пятнадцать метров это предел, а сейчас есть свидетельства существования спрутов тридцатиметровой длины. Акулы зубы размером с ладонь... А то чудовище, что сняли в «Тайнах бездны»? Как прикажете это понимать?

Я уже видел «Тайны бездны» — один из лучших фильмов Научной академии о жизни океана, но никаких монстров там не помнил, о чем не преминул сказать Людвигу.

— Просто вы невнимательно смотрели. Я покажу.

Людвиг долго копался среди вещей, пока не нашел пыльную видеокассету. Включив старый телевизор, он некоторое время мотал фильм в обе стороны в поисках нужного места.

На экране ползло жизнерадостное оранжевое создание. Голос за кадром занудно вещал о трудностях жизни плоских червей. Ничего страшного в этом существе размером с мизинец я не видел.

— Вот оно! — Людвиг нажал на паузу. Изображение замерло, покрывшись беспокойной сеточкой помех.

Признаться, я не сразу понял, что так привлекло изобретателя. Но, в конце концов, разглядел на заднем плане неясный силуэт. С равной вероятностью это могла быть и тень скалы, и рыба, кажущаяся огромной из-за рефракции света, и неведомое морское чудовище.

— Видите? — Людвиг ткнул в дрожащее изображение. — Вот глаз, вот плавник...

— Левиафан, — с восхищением сказал Густав. — Тот зверь морской, кого из всех творений всех больше создал Бог в пучине водной...

— Все может быть, но я бы не стал делать скоропалительных выводов.

— Да ну его, — Густав махнул рукой. — Дальше-то что?

Людвиг нажал на кнопку, и фильм продолжился. Спустя секунду план переменялся, таинственная тень исчезла. Я задумчиво смотрел на оранжевого червя, продолжавшего свой путь так, словно никаких монстров не существовало. Возможно, он был прав, но в контурах неведомого существа я уловил что-то удивительно знакомое, неразрывно связанное с моими кошмарами.

— Батисфера — не подводная лодка, если что, уплыть не получится. И вы до сих пор думаете, что погружение необходимо?

Я повернулся к изобретателю.

— Я в этом уверен.

Тем временем голос диктора неожиданно изменился. Я обернулся и замер с раскрытым ртом. С экрана смотрело знакомое скуластое и злое лицо.

— Это же Северин!

— А ведь и правда! — воскликнул Густав. — Не знал, что его в кино снимали. Сделай погромче.

Доктор рассказывал о том, как мало нам известно о тайнах океана и что справиться с ними сможет лишь пытливый ум истинного исследователя. Не за горами создание новых средств познания глубин, которые откроют перед человечеством новые горизонты...

— Пытливый ум, — фыркнул зритель. — Это он про то, как котов и ящериц резать?

— Думаю, он имеет в виду механического кальмара. Изначально его создавали как раз для подводных исследований.

— Жуткий тип, — поежился Людвиг.

Некоторое время все молчали. На экране Северина сменили танцующие кальмары — зрелище забавное и прекрасное.

— Вспомнил я одну историю, — вдруг сказал Густав. — Один человек в Девонпорте играл тюленям на виолончели. Так вот, они в его сторону даже головы не поворачивали.

Он внимательно оглядел присутствующих и расхохотался.

— Проверка на чувство юмора, — выдавил он сквозь смех. — Правда, мало кто ее проходит. А по-моему, шутка не

хуже этих кальмаров. Думаю, беда Северина в том, что ему мало простых шуток. Вот вскрыть череп и набить мозги шестеренками — это как раз в его духе. Ничуть не удивлюсь, если рыбы на пляже — его рук дело.

Я усталился на зрителя. Признаться, столь очевидная мысль просто не приходила мне в голову. Если Густав прав, то с погружением нельзя медлить. Кто знает, что затеял Северин? Если для своих целей доктору понадобилось взорвать мир, он не промедлил бы ни секунды.

Мои доводы окончательно убедили Людвига. Было решено, что погружение состоится через неделю — за это время изобретатель подготовит батисферу, закупит кислород и натронную известь.

Дни перед погружением тянулись утомительно долго. Ожидание в конец измотало меня. Я перестал бывать на пляже — рисовать мертвых рыб, когда скоро мне предстояло увидеть их в родной стихии, казалось глупым.

Оставив рыб, я стал следить за Северином. Но за неделю я видел его лишь дважды — когда приезжали новые машины с камнями. К этому времени гора известняка была уже выше моего роста. Северин не делал особого различия между камнями разных партий. Все ссыпалось в общую кучу, и только несколько самых крупных образцов доктор уносил в дом. В один из вечеров я стащил несколько камней и тщательно изучил их дома. Стоит ли говорить, что я так и не нашел ничего необычного?

Мучившие меня кошмары слегка приутихли, однако в ночь перед погружением они вспыхнули вновь с неожиданной яркостью.

Весь вечер я не находил себе места. Томительное ожидание мешало сосредоточиться. Бумага, краски, карандаши и кисти лежали на столе, готовые к предстоящему приключению. Я то и дело перебирал их, проверяя, все ли в порядке. Попытался занять себя чтением, но отложил книгу уже на второй странице. В результате ничего не оставалось, кроме как отправиться спать.

Но сон не шел. Завернувшись в одеяло, я представлял погружение, выдумывая самые невероятные встречи и ситуации. Я почти видел огни рыб, проносящихся за толстыми стеклами

иллюминаторов, оскаленную пасть рыбы-дьявола, полет гигантского ската и кошмарного адского вампира. Истории Биба и Маракота, Кусто и Аронакса перемешались в голове, и я уже не мог отличить фантазии от реальности.

Я так и не понял, когда уснул. Просто в какой-то момент вдруг осознал, что на самом деле нахожусь под водой. И что я не человек. Сильное, закованное в твердый панцирь тело доисторической рыбы рассекало теплые воды девонского моря. Нас было много. Я не мог повернуть голову, но знал, что рядом сотни, тысячи таких же безымянных рыб — ибо время еще не пришло и никто не дал нам имен. Мы кружились в ослепительных лучах солнца четвертого дня.

Тень поднималась из глубин — неторопливо, уверенно. Я не видел ее, но всем телом почувствовал надвигающуюся мощь и злобу. Мне стало страшно. Я заметался, пытаюсь вырваться, уплыть, спастись, но натыкался на других рыб. И в этот момент разверзлась пасть, блеснули клыки. Изо всех сил я рванулся вверх...

И с криком сел на кровати. Сердце было готово выпрыгнуть из груди, я задыхался. Одеяло комком лежало на полу. Ветер яростно дребезжал стеклами. Я узнал то чудовище — это был монстр из фильма. Левиафан.

Было около пяти часов утра. Бледно-голубая луна пряталась меж рваных облаков, нерешительно выглядывая сквозь просветы. Я оделся и вышел из дома.

По земле ползли липкие клочья тумана, забираясь под куртку, словно пытаясь согреться. Спрятав замерзшие ладони в рукава, я обошел вокруг дома. Из-за забора пару раз твякнул Лобо, но, как мне показалось, без особого энтузиазма. В доме госпожи Феликс громко хлопнула дверь. Некоторое время я смотрел в ту сторону, но разглядеть что-либо сквозь туманную дымку не представлялось возможным. Лишь на мгновение на пороге появился расплывчатый силуэт, который я принял за хозяйку, но порыв ветра тут же развеял мираж.

Я направился к дому Северина. Несмотря на поздний час, в окне горел свет. Пару раз я прошел мимо, не решаясь подойти ближе, но потом все же собрался и отворил калитку. Под ногами неестественно громко зашуршали камни. На цыпочках я подошел к окну и заглянул внутрь.

Комната была небольшой. С потолка на витом шнуре висела тусклая лампа, едва освещая длинный металлический стол. Стены комнаты тонули в полумраке, но я разглядел, что они оклеены изображениями китов, спрутов, гигантских рыб и морских змеев. Легкий ветерок колыхал старинные гравюры, фотокопии и страницы, грубо вырванные из книг и журналов, и казалось, что таинственные создания переплывают с листа на лист, живут собственной удивительной жизнью.

«Книга Рыб, — подумал я. — Главное, не промочить ноги».

Северин, по счастью, стоял спиной. Перед ним лежала игуана, вспоротая от горла до хвоста, внутренности вывалились на стол. Ящерица дергала лапками, и это были не остаточные рефлексы — она действительно была жива. Крышка черепной коробки была срезана, и Северин длинным пинцетом прилаживал какие-то проводки прямо к обнаженному мозгу. Мне стало дурно и страшно.

Присмотревшись, я увидел еще несколько ящериц в огромных колбах у стены. Все рептилии были тщательно препарированы, внутренние органы перемешались с проводами и непонятными приборами. Они беспомощно извивались, скребли лапками по стеклу. Огромные, исполненные ужаса глаза следили за доктором.

Северин прикрепил провод парой тонких булавок и взялся за скальпель. Игуана задергалась. Доктор крепко сжал горло ящерицы и держал, пока она не утихла. Затем медленно срезал полоску ткани и отбросил в сторону. Облизав скальпель, он воткнул в разрез еще один провод.

Провода соединяли ящерицу со старинным граммофоном на дальнем конце стола. Широкий раструб был заполнен камнями и слегка прогнулся. Доктор быстро закрутил ручку. Игуана выгнулась, раздался тихий, еле слышный гул, и я почувствовал, что камни под ногами завибрировали. Не вместе, а каждый в отдельности. Я отвернулся от окна и увидел, что вся куча ходит ходуном, а над ней...

Над камнями сгущался туман, принимая странные, расплывчатые очертания огромной, чудовищной рыбы. Резко заболели виски. Задышавшись, я прижался к стене. Голова была готова взорваться. Мир таял на глазах, и вместо корявых де-

ревьев я уже видел колышущиеся стебли водорослей, меж которыми скользили неведомые мне рыбы, казалось, еще чуть-чуть — и я сам присоединюсь к их таинственному хороводу. Призрачные аммониты проплывали прямо сквозь меня, рядом шевелились гибкие стебли морских лилий. А издалека донесся ответный гул.

Закончилось все столь же внезапно. Холодный ветер швырнул в лицо горсть водяных капель. Фантомы растаяли, и я понял, что лежу на земле, барахтаясь и извиваясь в несуществующей воде. Опираясь на стену, я поднялся и заглянул в окно. Северин складывал инструменты в эмалированный поддон. Игуана, похоже, умерла — всего мастерства вивисектора было недостаточно, чтобы заставить ее выдержать подобные пытки. Доктор вырвал провода и брезгливо бросил ящерицу в ведро. Пятясь вдоль стены, я вышел на улицу.

Вернувшись домой, я пропустил две приличные порции джина и, не раздеваясь, забрался под одеяло. Меня била крупная дрожь. Мысли разбегались, боясь сложиться в общую картину. Конечно, не осталось никаких сомнений, что за всеми загадочными видениями и явлениями стоит Северин, но что за мерзость он затеял? Уснуть я не смог.

Как бы то ни было, к утру мне удалось немного прийти в себя. Есть совершенно не хотелось, но я все же позавтракал — день предстоял тяжелый, — после чего отправился к Людвигу. Густав подогнал грузовик, на который погрузили батисферу, закрепив металлическими тросами. Надо сказать, после ночных кошмаров меня одолевали сомнения. Я уже не испытывал прежнего энтузиазма перед погружением, но отступать было поздно. Людвиг с Густавом тоже выглядели неважно. Мы почти не разговаривали, ограничиваясь деловыми замечаниями.

Закончив с погрузкой, мы поехали к морю. Лишь подъезжая к дому Северина, Густав не выдержал и прервал молчание.

— У меня дурные предчувствия. Боюсь, плохо все кончится. Мне приснился сон — странный и страшный. Снилось, что я какой-то осьминог, живущий в раковине. Плаваю себе в море, и тут...

Его рассказ прервал пронзительный визг. Словно из лоскутьев тумана перед грузовиком возникла госпожа Феликс.

— Проклятье! — Густав ударил по тормозам.

Машина резко остановилась, и тут же звонко пропел лопнувший трос.

— Проклятье!

Мы выскочили из кабины. Госпожа Феликс яростно лупила по грузовику зонтиком, за ее спиной заливался Лобо, но никто не обращал на них внимания. Все взгляды были прикованы к батисфере. Тяжелый шар медленно, с достоинством завалился на бок, а затем сорвался и покатился к дому Северина. Разогнавшись, батисфера снесла забор и с грохотом врезалась в груды камней. Я уставился на разбитый иллюминатор.

— Ну вот и поплавали, — сказал Густав.

Мы осторожно подошли к батисфере. Сейчас она больше походила на голову исполинского водолаза, сраженного неведомым рыцарем. Из-под корпуса выползала струйка маслянистой жидкости.

В этот момент из дома выскочил Северин. Признаться, мне стало жутко от одного его вида. Лицо доктора перекосила страшная гримаса, волосы торчали во все стороны. Я попятился, залепетав нелепые оправдания. В воспаленных глазах сверкнула злоба. Он бросился к камням и, упав на колени, принялся разгребать кучу под батисферой, крича про точную настройку и годы работы.

— Что-то случилось? — спросил я.

— Случилось? — взвизгнул Северин. — Я потратил годы на то, чтобы создать и настроить фонограф. Он уже был у меня в руках...

Я был озадачен. Обернувшись к Густаву с Людвигом, я увидел то же недоумение.

— Смотрите, что вы наделали!

Северин бережно достал из камней стеклянный цилиндр, заполненный желтой жидкостью, которая сочилась из большой трещины. Одну из тех колб, что я видел ночью. Игуана извивалась, путаясь в проводах и собственных внутренностях. С ужасом смотрел я на бьющееся сердце. При свете дня она выглядела гораздо ужаснее и противнее — тело распухло, блестящая чешуя выцвела и отслаивалась, осыпаясь на дно цилиндра. От колбы отходил толстый кабель, теряясь среди камней.

— Что это? — раздался за спиной дрожащий голос Людвига.

Северин криво усмехнулся.

— Хотите сказать, что это было? Приемник фонографа. Лучший из всех, что мне удалось сделать. Без него все бессмысленно.

— Фонографа?

— Да! — Ученый швырнул колбу в батисферу. — Фонографа! Думаете, это просто? — Он схватил горсть камней. — Думаете, его можно поймать на удочку?

— Поймать? Кого поймать? Особенную рыбу?

Северин расхохотался.

— Особенную?! О да — Левиафана. Зверя Бездны!

Я кивнул. Стоило бы догадаться, что в своей гордыне Северин не станет размениваться на мелкую рыбешку. Это для нас топорики и хаулиоды были чудом — для него они ровным счетом ничего не значили. Доктор тем временем продолжал:

— Я сделал кальмара, но на эту наживку он не клюнул. Для него это было слишком мелко. И тогда я понял — он придет только на зов равного себе. На свой *собственный* зов. Я потратил годы на то, чтобы вновь зазвучала его песнь. Песнь, миллионы лет заключенная в камне, с тех времен, когда он безраздельно владел пучиной. Я построил этот фонограф. Я смог прочесть звуки, скрытые в тверди. Я провел сотни экспериментов, чтобы найти животное, способное стать лучшим приемником. Я нашел его песнь. И вот, когда он был почти у меня в руках... Теперь все начинать с начала...

— Да что вы им объясняете, — вдруг заверещала госпожа Феликс. — Я все сама видела. Они каждую ночь ходили, камни ваши воровали. Это они специально сделали — вам помешать хотели. У них аура черная, я в кристалл смотрела. Как прознали, что я догадалась об их замыслах коварных, так чуть не убили. Чудом спаслась...

Северин даже не взглянул на нее. Он разжал пальцы, камни упали на землю, и тут же в руке сверкнул скальпель. Доктор шагнул к нам, но в этот момент наблюдатель со всей силы ударил его в челюсть. Северин упал, и Густав, наступив ему на ладонь, отнял оружие.

— Ублюдок, — прошипел зритель. — Сумасшедший ублюдок. Ты хоть представляешь, *кого* ты хотел разбудить?

Северин корчился среди камней и бормотал что-то бессвязное.

Густав схватился за провод и резко потянул, вырвав из груды камней еще одну колбу с ящерицей. Удар ботинка оборвал мучения игуаны. Я бросился к дому Северина. Распахнув раму, я влез в окно и принялся выкидывать на улицу колбы, которые Густав и Людвиг тут же разбивали. Госпожа Феликс поспешила скрыться.

Когда мы закончили, Густав устало прислонился к батисфере. Руки его тряслись. Он поднял один из булыжников и усмехнулся.

— А ведь я видел во сне такую тварь...

Он передал мне камень — на шершавой поверхности отпечатался трилобит.

Начал накрапывать дождь.

К вечеру погода окончательно испортилась. Тяжелые тучи висели низко, почти сливаясь с волнами. Молнии вспыхивали почти ежеминутно. Косой дождь неистово барабанил в окна.

Мы сидели в каморке под маяком и пили теплый ром. Прижавшись лбом к холодному стеклу, я смотрел на море. Волны вздымались, тянулись к небу с непостижимой яростью, и за каждым новым валом мне чудился Левиафан. Бесконечно древнее чудовище, всех тварей завершение.

Неожиданно мое внимание привлек огонек, вспыхнувший на пляже. Присмотревшись, я понял, что это свет фонаря. Но только полный безумец решился бы выйти к морю в такую погоду.

— Северин!

Выскочив из маяка, мы побежали к пляжу. Дождь хлестал по щекам. Я тут же вымок до нитки, ветер валил с ног. Я падал, раздирая колени и ладони, но вскакивал и продолжал бежать. Если это действительно был доктор, в чем я не сомневался, медлить было нельзя.

Бег прекратился внезапно, и мы, задыхаясь, остановились перед доктором. Северин возился с моторной лодкой, скидывая в нее непонятные приборы. Из-за бортов выглядывала

труба граммофона, заполненная камнями. Северин нас не заметил. Должно быть, поломка механизма окончательно подкосила ученого. На его лице маской застыло безумие.

— Доктор! — заорал Густав.

Северин резко развернулся, вскинув руку. В свете молнии блеснул пистолет. Гром заглушил выстрел. Людвиг дернулся, схватился за плечо и медленно осел на песок. По рубашке расплзлось темное пятно. Мы бросились к изобретателю. Людвиг растерянно переводил взгляд с меня на зрителя.

— Я умру?

— Черта с два, — огрызнулся Густав.

— Ну что? — хохотал Северин — Кто еще хочет меня остановить? Есть желающие?

Он выстрелил в воздух. С каждой молнией лицо доктора вспыхивало бледно-зеленым светом. Густав выругался. Северин навалился на лодку, но смог лишь слегка сдвинуть ее.

— Вы, двое. — Он ткнул стволом в нашу сторону.

— Доктор, одумайтесь, — прокричал я. — Это безумие... Самоубийство!

— Заткнись! — взвизгнул Северин и снова выстрелил в воздух. Людвиг вздрогнул.

— Бесполезно, — покачал головой зритель. — Он окончательно свихнулся.

— Быстрее!

Северин забрался в лодку. Мы с Густавом столкнули ее в воду. Суденышко билось на волнах, словно предчувствуя скорую катастрофу.

— Доктор, это же верная смерть...

— И что ты знаешь о смерти?

Холодный ствол уперся мне в лоб. Лицо доктора очутилось совсем рядом. Я посмотрел ему в глаза, но не увидел ничего, кроме пустого всепоглощающего безумия.

Я так и не понял, почему Северин не выстрелил. Неожиданно он опустил пистолет и бросился на корму. Я попятился. Северин истерично дергал за шнур, заводя мотор, и попытки с пятой это ему удалось. Разрезая волны, лодка устремилась в море.

Мы выбрались на берег. Людвиг был совсем плох. Скорчившись на песке, он что-то шептал.

— Держись, парень, — наигранно бодро сказал Густав. — От дырки в плече еще никто не умирал.

Мы подняли его и направились к маяку. Напоследок я обернулся. Лодка Северина упорно боролась с волнами. Густав проследил за моим взглядом.

— Бедняга. Все-таки простых шуток ему было мало.

Я до сих пор не могу сказать, что произошло в следующее мгновение. Была ли это большая волна, или же Северин действительно разбудил Левиафана и тот явился на зов. Над лодкой нависла огромная тень и обрушилась, увлекая за собой суденышко. Я тщетно всматривался в бушующее море, силясь хоть что-нибудь разглядеть среди беснующихся вод. На долю секунды мне показалось, что над волнами промелькнула голова, но тут же очередной вал накрыл ее, и Северин скрылся там, где скверну жжет пучина.

Карина Шаинян РЫБА-ГОВОРЕЦ

Рыба всегда была связана с отцом. В детстве Сергей ждал его возвращения с рыбалки, как христиане ждут Мессию, — вот вернется и спасет Сережу от молчания комнат. Заполнит пустоту, создаст из грохочущего смеха новый, яркий, вкусный мир. Разгонит низкими раскатами голоса тишину, накопившуюся за неделю, наполнит острым и соленым скучный воздух кухни, вывалит кучу скользких серебристых тел в раковину. Мать начнет счищать чешую, брезгливо прикасаясь к длинным тушкам, а папа достанет кусок самого вкусного на свете хлеба, зачерствевшего, пахнущего дымом и водой, — «от зайчика». И Сережа, со счастливым вздохом впившись зубами в ноздреватый обломок, посыпанный крупной солью, услышит громкое шипение масла на сковородке и почувствует, как квартира наполняется соблазнительным запахом жареной рыбы.

Был и другой запах — холодный, округлый, отвратительный и заманчивый. Запах жил в узкой щели между двумя гаражами, в лабиринте сараев и разваленных домишек рядом с Сережиной пятиэтажкой. Кто-то рассыпал там желтоватые полупрозрачные шарики, пружинящие под ногой. Мальчишки называли их «рыбий глаз». Специально лазали смотреть на них. Пробирались заснеженными норами вниз, к единственной голой полоске земли. Говорили, что шарики желатиновые, что кто-то набрал их целую кучу. Но Сережа боялся трогать рыбий глаз и ни разу не видел, как это делал кто-то другой. Слишком непонятны были эти шарики, как будто из другого мира, — то ли просыпались с неба, то ли выползли из-под земли. Непонятные и противные. Иногда они снились Сереже и во сне становились глазами огромной рыжебородой рыбины. Называлась она — рыба-говорец. Рыба тихо рассказывала что-то очень важное, настолько важное, что Сережа просыпался, сглатывая слезы то ли испуга, то ли радости.

Утром Сережа закутывался в кучу тяжелых колючих одежек и шел играть во двор. Иногда он забирался в дыру один. Осторожно пинал рыбий глаз носком валенка, глубоко вдыхал приторно-соленый запах. Темная щель, заваленная по краям сугробами, казалась концом мира, а желатиновые шарики —

метками, разбросанными кем-то на пути. Сережа пытался представить, что станет, если пойти по этим следам. Становилось немного страшно, и он поднимался из гаражного ущелья в уютную обыденность заснеженных дворов, где жизнь катилась, упруго подпрыгивая на колдобинах пустоты.

Иногда отец снисходил до Сережи. Огромный, дышащий жарким водочным духом, он сгребал сына в охапку и усаживал на колени. Сережа испуганно косился на его темное, заросшее рыжим волосом лицо, а внутри живота все замирало от счастья. Отец верил, что дети должны задавать вопросы, и Сережа равнодушно подыгрывал ему, лишь бы подольше посидеть рядом, вдыхая резкие вкусные запахи.

— Пап, собачки говорят — гав-гав, кошки — мяу-мяу. А как рыбки говорят?

— А это тебе еще рано знать, сынок...

— Я вырасту, ты возьмешь меня на рыбалку, и я сам все узнаю, правда?

— Конечно, — глухо отвечал отец, уходя в себя, — но пока тебе еще рано.

Сережа осторожно слезал с отцовских колен. В этом «тебе еще рано» чудилась какая-то загадка, не хихикающий скользкий секретик, каким было рождение детей или поцелуи в фильмах, — секретик, шепотом разоблачаемый во дворе старшими мальчишками, — а настоящая, темная, мутная тайна.

Через много лет он прочел в популярной статейке, что рыбы могут общаться с помощью ультразвука. «Представьте, — игриво предлагал безвестный автор, — что вы умеете воспринимать ультразвук. Тогда, безусловно, вы бы услышали, как вам возражает карп, которого вы чистите живьем, прежде чем зажарить». Сергей почувствовал себя обманутым. Конечно, отец знал совсем другой ответ, настоящий, ничуть не похожий на досужую болтовню журналиста. Но спрашивать было уже поздно: время, позволяющее задавать любые вопросы, давно прошло.

Очередная нудная лекция по философии была посвящена представлениям о счастье. Старичок-лектор, сморщенный и пыльный, бормотал о древних символах плодородия и изобилия, которые, наверное, были равны счастью у каких-то смут-

ных народов, таких же сухих, как философ. Зевнув, Сергей закинул конспект в рюкзак и тихо прокрался к выходу. Преподаватель ничего не заметил — его водянистые глаза смотрели сквозь стены аудитории, туда, где шествовала богиня в платье, расшитом рыбами, богиня, приносящая счастье ищущим.

Сергей выбежал из института и остановился, раздумывая. Домой идти не хотелось — мать, целыми днями плавающая в пересохшем аквариуме квартиры, снова будет расспрашивать, почему он так рано вернулся с занятий. Сергей пересчитал деньги. Хватало на кружку пива, и он свернул в знакомую забегаловку.

Официантка с мутными желтыми глазами принесла пиво и пакет сухариков. С хрустящей обертки нагло подмигивал Емеля, развалившийся на печи. По его широкой, красной, довольной морде видно было, что свое счастье он уже нашел.

В прокуренном углу веселилась компания. Широкий краснолицый человек, похожий на Емелю, по недоразумению слезшего с печи, старательно рассказывал анекдот.

— ...а пошла ты, золотая рыбка, — надсаживаясь, выкрикнул краснолицый. Шершаво грохнул смех.

«Вот смеются... счастливые, наверное», — подумал Сергей. Похоже, кусок лекции, выслушанный вполуха, все-таки задел какой-то механизм в его мозгу. «А я — счастливый? Или хотя бы — был когда-нибудь счастливым?» Сергей рассеянно отхлебнул пиво, перебирая воспоминания.

Девушка с волосами, отливающими серебром. Тихая рыба-балка с отцом, когда Сергей до одури всматривался в темную прорубь, как будто в ней плавали ответы на все вопросы. Сданные экзамены в институт — и одуряющее чувство свободы и собственной взрослости. Зачерствевший хлеб «от зайчика».

«Папа, а как говорит рыбка?» — «Тебе еще рано знать, сынок». И пронзительное ощущение счастья, смешанного с обидой, — да, еще рано, но когда-нибудь наступит день, тайна будет раскрыта, и гложащая пустота, созданная собственным любопытством, заполнится.

«Вот, значит, древним для счастья нужно было изобилие, а мне — услышать, как рыбка говорит, — усмехнулся Сергей. — Золотая рыбка-говорун... говорец... Ну да, если я когда-нибудь услышу, как говорит рыба, это точно будет говорец». — Он допил пиво и вышел на сумеречную улицу.

* * *

Отец погиб глупо и странно, на очередной рыбалке — покачнулся на своем ящике и упал головой в прорубь, под лед, в быструю воду реки. Когда его вытащили, было уже поздно. В руке, покрытой тонкой коркой льда, он сжимал удочку.

Поминки наполнили дом широкими людьми с обветренными до красноты лицами. Люди темно молчали, пили водку, хмуро отворачиваясь от плачущей мамы. Сергей выпил несколько рюмок, но пустота комнат не стала выносимей, и он, буркнув что-то в оправдание, вышел во двор, заваленный льдисто подмигивающим снегом. Синие тени копошились среди до сих пор не снесенных деревянных развалин. Сугробы многозначительно молчали. Закурив, Сергей спустился по скрипящей тропинке в гаражно-сарайный нижний мир.

Темная промерзшая земля в знакомой щели источала слабый запах подмерзшего рыбьего жира (теперь Сергей понял, что рыбий жир, которым мама пичкала его давным-давно, еще в детском саду, на морозе должен пахнуть именно так). Между гаражами подвывал ветер, теребил бледные засохшие травинки, перекачивал желтые шарики, сыпал сухие снежные кристаллики. За кустик высохшей травы зацепился пожелтевший обрывок бумаги. Сергей машинально поднял его и, ломая глаза в синем сумеречном свете, начал читать.

«...нимаем, что выражение «молчит как рыба» изначально носило ярко выраженный иронический оттенок.

Гениальна метафора древних шумеров — богиня, говорящая словами-рыбами. В широкой душе русского народа рыба-говорец превратилась в говорящую шуку, исполняющую желания. А вспомните нашего великого поэта! «Пришел невод с одною рыбкой, С непростой рыбкой, — золотою. Как взмолится золотая рыбка!»

Также интересно рассмотреть с этой точки зрения и возникшую в настоящее время моду на аквариумы, обусловленную в действительности не якобы релаксирующим эффектом, а неосознанными попытками возродить старые традиции.

Итак, мы видим, что отголоски древних реалий все больше проникают во все сферы нашего бытия.

Юный читатель, ты стоишь на пороге своей новой жизни, робко заглядывая в темный лабиринт существования. Перерождение бывает болезненным, но мы верим, ты преодолеешь все трудности! Вот уже звучит тихий голос рыбы-говорца...»

Он перевернул обрывок. Под подписью «Эхолот — верный помощник моряков и рыболовов» топорщилась острыми углами какая-то схема. К ее левому нижнему углу прилип расплющенный шарик рыбьего глаза. Сергей брезгливо отшвырнул листок.

Ветер согнал масляно поблескивающие шарики в извилистую цепочку, ведущую к дальнему, заваленному снегом выходу. Ветер стлал поземку, тоненько посвистывал, будил эхо. «Пожалуй, в этом году может и эту дыру замести, зима снежная», — тупо подумал Сергей. Как в детстве, пнул рыбий глаз, замороженно шагнул вслед за откатившимся шариком. Снова накатила пустота, которую уже некому было заполнить. Сергей в отчаянии ткнул сугроб кулаком, и снег неожиданно легко обвалился. В получившуюся дыру проник слабый свет фонарей. Ветер взвыл совсем отчаянно, и Сергей медленно оглянулся.

Перед ним шевелила плавниками рыба-говорец, обросшая рыжей бородой. Рыба тихо говорила что-то очень важное, и это было уже не рано, но еще не поздно узнать. Сергей сглотнул, пытаясь скрыть слезы, скользнувшие горячими ручейками по заиндевшим щекам.

Пахло замороженным рыбьим жиром и солью. Сквозь окно в сугробе Сергей увидел черную асфальтовую реку улицы, стремительно сбегаящую вниз между обледеневшими тротуарами.

— Папа, ты ведь возьмешь меня с собой на рыбалку? — спросил Сергей, обмирая от счастья и страха.

— Конечно, — ответила рыба-говорец. В ее полупрозрачных желтоватых глазах не осталось и тени былой замкнутости.

Дмитрий Колодан, Карина Шаинян НАД БЕЗДНОЙ ВОД

Резиновая лодка покачивалась на слабых волнах подземного озера. Электрический фонарь на корме светил еле-еле. От влажности батарея быстро разряжалась, лампа то и дело гасла, но с завидным упорством включалась снова, расплескивая блики по черной, как нефть, воде.

Здесь, в самом сердце городских катакомб, было холодно и сыро. Перегрин Остер кутался в плотную ветровку, прятал ладони под мышками — и все равно не мог согреться. Зубы стучали так, что он боялся прикусить язык; изо рта вылетали рваные облачка пара. Если бы не фляжка рома с перцем, было совсем плохо. Хотя Остер уже сомневался, что верное средство спасет от простуды.

Идеально круглое озеро было больше ста метров в диаметре. Кирпич стен, крошащийся от старости и влаги, потемнел и оброс тиной. Из труб, выходящих по периметру, текла вода — где слабыми струйками, где ревущими потоками. Вены города без устали гнали темную кровь, но куда она уходила, оставалось загадкой. Остер изучил все доступные карты подземных коммуникаций, но не нашел указаний на глубину этого огромного колодца. Кое-где из стен торчали проржавевшие скобы — похоже, этими лестницами пользовались лет двести назад. Остер не решился проверить, куда они ведут: железо было слишком хрупким, а купаться здесь не хотелось ни за какие коврижки. Сам он добрался сюда по одному из многочисленных туннелей, который тремя километрами южнее соединялся с дождевой канализацией Юго-Западного района.

Над головой загрохотало метро, заглушив шелест падающей воды. Поезда проходили каждые четыре минуты — Остер привык отмерять время по далекому перестуку. Точность, конечно, относительная, но в рамках допустимой погрешности. Он механически сделал пометку в блокноте, лежащем на колене, и склонился над шахматной доской. С прошлого раза ничего не изменилось.

Припаянные к бортам доски медные струны слегка дрожали; к ним были привязаны индукционные катушки, сейчас

скрытые в воде. На черно-белых клетках в беспорядке лежали магнитные фигурки, из тех, какими украшают холодильники: два помидора с выпученными глазами, радостная груша, танцующий слон. Набор едва ли годился для игры, но будь на месте этих фигурок обычные туры и пешки, Остеру вовек бы не дожидаться объективных результатов. Потенциальные взаимодействия в шахматах слишком сильны, чтобы ими пренебрегать. Остер сомневался в непредвзятости перемещений какой-нибудь пешки, окажись она вдруг под ударом ферзя. Да и за самого ферзя тоже не мог поручиться.

Остер смастерил прибор две недели назад, прочитав в «Популярной науке» о связи эфира с магнитными явлениями. Общий смысл двадцатистраничного труда остался неясен, однако кое-что вело к весьма интересным выводам. Автор работы, профессор Рисоцки, пытаясь показать то ли неуловимость предмета исследований, то ли свою начитанность, сравнивал эфирные волны с Моби Диком. В этом ключе специально созданное магнитное поле превращалось в своеобразный «Пеккод», чья встреча с объектом охоты была неизбежна. Идея такого использования магнитных полей показалась Остеру восхитительной. Но, в отличие от зыбких эфирных колебаний, наличие которых оставалось под вопросом, его цель была конкретнее — рыба Доджсона.

Остер был абсолютно уверен в том, что в озере под городом живет огромная невидимая рыба. Для него этот факт не требовал доказательств, как Ахаву не нужны были доказательства существования белого кита. Правда, Остер до сих пор не встретил своего Моби Дика, но научное любопытство не давало покоя. Природа рыбы Доджсона — вот что занимало Остера. Реликт времен ледникового периода — или карп, мутировавший в городских стоках? Как рыба стала невидимой? Остер даже допускал, что рыба Доджсона могла быть двумерной или четырехмерной и попросту выпадала из структуры мира, но его знаний теоретической физики не хватало, чтобы доказать или опровергнуть эту гипотезу. Однако изобретение должно было сорвать завесу тайны с загадочного существа.

Индукционные катушки создавали под днищем лодки сильнейшее поле. Если в него попадал хоть сколько-нибудь значимый объект, информация тут же передавалась на маг-

нитные фигурки. Каждая клетка шахматной доски обозначала определенный участок подземного озера. Испытания, проведенные в комнатном аквариуме, дали хорошие результаты: фигурки ползали по доске, отражая перемещения двух сомиков рода астронатус. Дома прибор работал как часы. Здесь, под толщей земли, кирпича и бетона, все шло не так гладко. Остер сидел в лодке третий час, но ни один магнит так и не сдвинулся с места.

Наверху беспощадный апрель заливал город теплыми дождями. Весна пришла в тугих ливнях и синих тучах. Под землей смена сезонов почти не чувствовалась, только яростнее стали стоки, да прибавилось городского мусора в мутной воде. К бортам лодки приносило окурки, похожие на медуз обрывки целлофана и размокшие бумажки. Они сиротливо липли к резине, словно искали поддержки. Затхлый воздух пах бензином, серой и плесенью.

Снова загрохотал поезд.

Остер поставил в блокноте очередную галочку и посмотрел на доску. Ничего. Он взял фляжку и с сожалением отметил, что рома осталось на донышке. Рыба Доджсона ускользнула. Еще два поезда, и можно поворачивать к выходу. Остер вздохнул: эти «два последних поезда» тянулись уже три четверти часа, и каждый раз он решал подождать еще чуть-чуть. Забавная все-таки штука — надежда.

Улыбающаяся груша дернулась и переползла на четыре клетки. От неожиданности Остер выронил фляжку; остатки выпивки пролились на резиновое днище. Фигурка остановилась, но тут же двинулась соседняя, широкой дугой скользнув к краю доски. Остер сверился с координатной сеткой и присвистнул: объект находился в ближайшем квадрате. Некоторое время фигурка не шевелилась, а затем рванулась вперед и свалилась с доски. Метрах в пяти от лодки озеро вспенилось. Остер схватил фонарь и направил луч на бурлящую воду.

Из пучины быстро поднималась белесая туша. Страх заворочался внизу позвоночника. Это не рыба Доджсона: так просто, без оптических приборов, он бы ее не увидел. Фонарь в руке моргнул и погас — разошлись контакты. Остер стал судорожно лупить по лампе, ожидая, что вот-вот из темноты на него бросится неведомое чудище. Представив, какие твари могут явиться из черных вод, он прикусил губу.

Лампа мигнула, вспыхнула, и на матово-белой шкуре лежащего перед лодкой существа заиграли влажные отблески. Остер еле удержал фонарь: волны плескались о массивную тушу крокодила-альбиноса, огромного, метров шести в длину. На месте глаз у рептилии морщились складки тонкой кожи.

Едва сдерживая дрожь, Остер потянулся за веслом. В это время года крокодилы ленивые и вялые, еще не отошедшие от зимней спячки, однако рисковать не стоило. Мозг рептилий устроен просто, и все равно невозможно предугадать, что взбредет им в голову. Остер где-то читал, что природная злоба крокодилов определяется железами, расположенными рядом с печенью и выделяющими особый «фермент жестокости», который вроде бы собирались использовать в армии.

Остер беззвучно погрузил весло в воду, готовый к тому, что в любой момент распахнется пасть, и чудовищная рептилия разорвет лодку в клочья. Надо избегать резких движений, иначе — пиши пропало.

Крокодил качнулся. К морде прилип оранжевый полиэтиленовый пакет. Остер замер, не сводя глаз с ящера. Медленно и почти величественно тот перевернулся на спину, показав белоснежное брюхо. Чуть ниже грудины зияла черная дыра.

Остер зажмурился и снова открыл глаза. В пару гребков он подплыл к ящеру и толкнул его веслом. Крокодил не отреагировал, да и не мог — вся нижняя часть брюха представляла собой чудовищную рану с рваными краями, белеющую обломками ребер. словно кто-то невероятно огромный выел кусок, а остальное выбросил.

Грохот поезда заметался над головой. Остер вздрогнул, невольно оттолкнув тушу. Мертвый крокодил пошел ко дну, оставив Остера в полной растерянности.

На поверхности хлестал ливень. В решетки над стоками обрушивались настоящие водопады, автомобильные гудки глохли в насыщенном влагой воздухе. Тротуары заливало радужными волнами. Машины плыли тропическими рыбками: раздвигали рылами воду, поводили переливчатыми боками, плавно огибали рифы-небоскребы и сбивались в стайки перед светофорами. Остер нерешительно потоптался в метро, раздумывая, не поехать ли домой, махнул рукой и почти побежал по улице, высматривая, где бы перекусить и обсохнуть.

Брюки промокли до колен и липли к ногам, за шиворот натекло. Остер готов был сдаться и повернуть к дому, когда уловил жирный запах выпечки. Большая красно-желтая вывеска бросала маслянистые отблески на мокрый асфальт. Пригибаясь, спасаясь от струй с карниза, Остер нырнул в дверь.

В зале было битком. Остер протиснулся между столиками, спеша занять единственное свободное место: у окна в одиночестве сидела высокая девушка; ее светлые волосы, длинные и пышные бросались в глаза. Перед блондинкой на подносе, застеленном рекламкой, стояли солонка, блюдо с четвертинками лайма и рюмка. Пахло текилой. Разноцветные блики дрожали на сером пластике стола. Блондинка опрокинула рюмку и принялась жевать лайм, щурясь в залитое водой окно. Пробормотав: «Вы позволите?» — и не дожидаясь ответа, Остер поставил сумку на свободный стул и отправился к кассе.

Дохлый крокодил не шел из головы. Такую рану могло нанести только очень крупное животное. Стоя в очереди, Остер нервно притопывал. Слепая рептилия наверняка стала жертвой рыбы Доджсона, но нужны более весомые доказательства. Остеру впервые удалось подобраться к таинственному животному так близко, и он не хотел обольщаться раньше времени.

Очередь подошла. Остер ткнул пальцем в гамбургер. Вспомнив соседку по столу, спросил текилы. Рыжая кассирша прыснула в кулак и налила большой стакан колы. Задевая стулья, Остер побрел к своему месту. Ориентиром служили волосы девушки — казалось, они светятся в чаду закуской.

Остер пристроил поднос на столик и, покосившись на соседку, вытащил из сумки потертую папку. Развязал коричневые шнурки — синяя дерматиновая обложка, разбухшая от сырости, раскрылась, и Остер еле поймал рассыпавшиеся листы. Здесь были карты канализационных систем, вырезки из газет и журналов, собственные заметки и расчеты — все материалы, что удалось собрать за годы поисков рыбы Доджсона. Остер машинально откусил от гамбургера и зарылся в бумаги.

Что-то в атмосфере закуской мешало сосредоточиться. Строчки скакали перед глазами; Остер заметил, что третий раз перечитывает один и тот же абзац. Отложив статью, он откинулся на спинку стула и осмотрелся. Наверняка отвлекала ка-

кая-то мелочь. Найти ее, осознать — и помеха будет устранена. Взгляд остановился на блондинке.

Острый запах лайма смешивался со слабым ароматом водяных цветов, почему-то было понятно, что это не духи. В рюмке снова плескалась желтоватая жидкость. Стекло в царстве пластика и картона выглядело странно. Остер позавидовал девушке: промокший и замерзший, он и сам не отказался бы от чего-нибудь покрепче, но в его фляжке не осталось ни капли.

Спрятавшись за листом бумаги, Остер принялся рассматривать соседку. Очень белая кожа — будто ее прятали от солнечных лучей. Девушку легко было представить под зонтиком и в шляпке, затеняющей нежное лицо. Так выглядели знатные дамы, волей судеб и мужей брошенные на другой конец света, на жаркие берега, пахнущие солью и испарениями мангровых болот, в места, где чудеса и тайны близки и обыденны. Блондинка положила ногу на ногу, но вместо шороха плотной джинсовой ткани Остер услышал шелест кисеи и шелка. Вода билась в окно, жесткая геометрия зала растворялась во влажном мареве. Фигура девушки зыбко дрожала, и Остер почти видел, как простенькая футболка превращается в украшенный лилией корсет.

«Свободная касса!» — деловитый крик разбил наваждение. Остер отвел взгляд. Нездешний ореол исчез: за столиком сидела обыкновенная, хотя и симпатичная девушка. Остер увидел себя со стороны: небритый, с покрасневшими глазами. Рукав вымазан илом, под обкусанными ногтями — черная кайма. Кровь прилила к щекам, и Остер порадовался щетине, скрывшей краску. Он неловко пригладил волосы и исподлобья взглянул на девушку. Та задумчиво вертела рюмку, лицо было спокойным и неподвижным. Остер посмотрел на свои руки, встал, чуть не опрокинув стул, и, пряча пальцы, поспешил в туалет.

Жидкое мыло выдавливалось из дозатора крошечными каплями и не столько пенилось, сколько размазывалось скользкой пленкой. Наконец черная кайма превратилась в коричневую, и Остер закрыл кран. Раковина с чавканьем всосала остатки воды. Отверстие слива походило на дыхание кита — края слабо пульсировали, загоняя в стерильную комнату воздух подземных лабиринтов. Антисептик не мог заглушить запах гнили и мокрой ржавчины. Фундамент здания растаял,

истончился, и прямо под сверкающей плиткой пола заколыхалась вода. Остер склонился над раковиной, пытаясь проникнуть взглядом в темноту канализационных труб, и отчетливо услышал долгий вздох. Он точно знал, что в этот момент в сумке мечутся обезумевшие магнитные фигурки. Похолодели ноги. Остер опустил глаза, готовый увидеть, как кафель заливают мутной водой, потерянно посмотрел на сухие плиты и торопливо вышел.

Подойдя к столу, Остер задохнулся от возмущения. Блондинка перебирала брошенные им бумаги. Тонкие пальцы неторопливо, почти ласково прикасались к истертым листкам. Девушка то приподнимала брови, то хмурилась, покусывая губы. Одни листки откладывала, не глядя, другие внимательно просматривала, держа близко перед собой. Остер сухо откашлялся — блондинка повернулась к нему, отодвинув папку. Ни тени смущения — лишь интерес и что-то еще, совершенно невозможное. Готовый взорваться Остер вдруг понял, что это упрек.

— А вы зачем ее ищите? — спросила девушка.

— Кого — ее? — буркнул Остер.

— Рыбу.

— Какую рыбу? — Он грубо захихнул листы обратно. Девушка по-прежнему смотрела на него, чуть улыбаясь. «Да что она понимает! Глупая, нахальная девчонка. Такой и в голову не придет, как можно делать что-то из научного интереса». — Остер кипел от злости, но в глубине его души плескался ужас. Откуда-то он понял: девушка знает все и об исследованиях, и о других, более важных, вещах. С ней можно поговорить о рыбе Доджсона — еще как поговорить! Это пугало, и Остер нарочно распалял возмущение, отстраняясь от непонятной девушки.

Он затолкал папку в сумку, обдирая пальцы о застежку-молнию, зацепил доску — фигурки со стуком рассыпались по полу. Груша скользнула по плитке и остановилась под стулом блондинки. Остер присел на корточки — голова закружилась от накатившего запаха болотных цветов. Подобрав те магниты, до которых смог дотянуться, Остер бросился к выходу.

На следующий день Остер чувствовал себя совершенно разбитым. Спать он отправился поздно, проведя полночи в бесплодных попытках починить свое изобретение. Что-то раз-

ладилось и упрямо не складывалось обратно. Остер увеличивал размеры и количество катушек, менял полярность, но прибор не работал. Магнитные фигурки то стояли на месте, то без причины начинали ползть по доске, толкаясь, как щенки у миски. Особенно усердствовал суровый морж в капитанской фуражке: он с яростью набрасывался на соседние фигурки и выталкивал их с доски.

Злость на девицу из кафе мешала, как камешек в ботинке. Остер ловил себя на том, что прокручивает неприятную сцену, выдумывая все более оригинальные и беспощадные ответы. Сейчас бы он поставил нахалку на место! Как она посмела? Будто не знает об элементарной вежливости. Возмущение кипело, глубоко внутри соединяясь с растерянностью и страхом. Остер не мог отделаться от ощущения, что встреча не была случайной. Словно блондинка заранее ждала его. Остер гнал эти мысли: истинный исследователь, он с глубоким презрением относился ко всякого рода таинственным совпадениям и мистическим знакам. Всему есть рациональное объяснение. Даже рыбе Доджсона.

Рано утром, так толком и не выспавшись, Остер вышел из дома. Он собирался вернуться к подземному озеру. Сейчас, когда рыба Доджсона активизировалась, нельзя было терять ни дня. Все дело в магнитном поле: явное следствие использования доски с фигурками. Если так, то вполне можно предположить еще и эфирную природу этого существа. Правда, профессор Рисоцки настаивал на волновых проявлениях эфира, но Остер допускал проявления и в виде рыбы.

Вчерашний ливень выродился в холодную морось. Город просыпался медленно и лениво. По улицам брели редкие прохожие, безликие, как привидения. В хлопьях утреннего тумана город казался пустым и заброшенным. По лужам полз одинокий автобус, фыркая, как тюлень.

Остер добрался до крошечного проулка, упиравшегося в глухую кирпичную стену. Сбоку узкая лестница вела к приоткрытой двери полуподвала. Жесть навеса вспучилась уродливыми горбами. Раньше здесь был китайский ресторанчик, но хозяева давно разорились, помещение пустовало, и о прежних временах напоминали только скелеты бумажных фонариков под потолком. Цементный пол залило водой, в которой плавали обрывки гофрированного картона и пожелтевшие куски

пенопласта. Отсюда через сложную систему заброшенных подвалов и подземных складов можно было выйти к Большой Трубе, где Остер оставил лодку.

Он включил фонарик и нырнул в затхлый коридор. Желтый луч скользнул по стене, покрытой вязью свастик и похабных надписей. По углам свисали клочья испанского мха. Шлепая по воде, Остер прошел на бывшую кухню — там еще сохранились длинные столы, обитые ржавым железом и заваленные полусгнившими одеялами. Иногда здесь ночевали бездомные, но надолго никто не оставался: слишком холодно и сыро.

Дорогу Остер знал назубок: через пролом — в узкий туннель, где под потолком тянутся пучки телефонных кабелей, потом через склад текстильной фабрики — в сплетения катакомб под индийским кварталом, где даже камень пахнет корицей... Этим путем он ходил уже не первый год и чувствовал себя здесь гораздо увереннее и уютнее, чем наверху, на шумных и беспокойных улицах. Изредка, когда Остер подбирался совсем близко к границе миров, в тишину подземелий врывается гомон города. В остальное время единственными звуками были скрежет битого кирпича и стекла под ногами, журчание воды да сиплый шелест собственного дыхания. Луч фонарика выхватывал то скопления бурых водорослей, то колонии бледных грибов. Белый, почти прозрачный краб размером с детскую голову метнулся в щель между трубами и тихо скребся там, пока Остер не отвел фонарь. Порой очередной туннель разрезали косые полосы серого света, льющегося сквозь решетки стоков. Но вскоре о существовании остального мира напоминал лишь далекий перестук поезда метро.

Остер почти вышел к Большой Трубе, когда впереди мелькнул слабый огонек. Остер остановился и выключил фонарик. На мгновение он почти ослеп: темнота навалилась, сжав в тисках клаустрофобии. Он зажмурился и сосчитал до двадцати, дожидаясь, пока под веками исчезнут разноцветные пятна. Когда Остер открыл глаза, то уже мог различать что-то дальшее собственного носа.

Огонек то вспыхивал, то опять гас. Голубой отблеск расплывался в сыром воздухе тусклым гало. Остер нерешительно шагнул вперед и замер. Может, это горит приманка подземного удильщика, и Остера ждут оскаленные клыки неведомой

твари? Или светится фонарик на шлеме такого же, как он, исследователя подземного мира?

В стороне от первого огонька вспыхнул еще один, спустя мгновение — третий, пустой и холодный в кромешной темноте. Остер почувствовал себя астронавтом, потерявшимся в просторах дальнего космоса: на мириады световых лет вокруг — лишь бездушное сияние. Подземное созвездие, великое в малом. Адмиралу Берду и прочим адептам теории полой Земли этот образ пришелся бы по душе.

Огоньков стало больше десятка, и они приближались. Издалека донесся напряженный стрекот. Остер попятился, запнулся о торчащую из пола балку и замахал руками, пытаясь удержать равновесие. Что-то резко ударило в грудь и отлетело в сторону, будто с силой швырнули скомканной газетой.

Остер щелкнул выключателем. Фонарик пару раз мигнул, но все-таки зажегся. Прямо под ногами на цементном полу шевелил усами сверчок — огромный, почти с ладонь. Жирное брюшко пульсировало, будто насекомое никак не могло отдышаться. Суставчатые лапки дернулись — и в уши ударил оглушительный треск, вспыхнуло синим. Остер нагнулся, чтобы получше рассмотреть удивительное существо, но сверчок отскочил в сторону. Огонек рассек темноту туннеля, как метеор, а на рукав Остера прыгнул второй сверчок, немногим меньше первого.

Остер не заметил, как его окружили насекомые. Их становилось все больше; звук нарастал, как рев прибоя. От шелестящего гула заложило уши, свет бесчисленных фонариков сливался в мерцающее марево. Остер вжался в стену в надежде переждать нашествие, но насекомые прыгали на одежду, лезли в лицо и за шиворот — он едва успевал сбрасывать с себя нахальных тварей.

Очевидно, это была массовая миграция — явление таинственное и уникальное. Сверчки приходятся родственниками саранче и наверняка могли унаследовать ее привычки. Правда, до сих пор Остеру не доводилось слышать, что подобные феномены возможны под землей. В солидной монографии профессора Кларка «Фауна катакомб» об этом не было ни слова. Впрочем, в той же книге рыбы Доджсона было посвящено два абзаца, сводившихся к тому, что «с большой вероятностью это миф, не имеющий научного подтверждения».

Остер со злорадством отметил, что Кларк вновь оказался некомпетентен.

Мимо текла сверкающая гудящая река. Остер вдруг осознал, что не видит ничего, кроме разноцветных кругов. Голова раскалывалась. Пошатываясь, он шагнул вперед. В стрекоте отчетливо слышались слова: «Прочь бежать, прочь бежать, прочь бежать...» Не понимая, что делает, Остер побрел за сверчками, с трудом продираясь сквозь копошащихся насекомых.

Звонкий крик, как скальпель, разрезал монотонный гул.

— Закрой глаза!

Властные нотки прозвучали с такой силой, что Остер подчинился. Перед глазами по-прежнему крутились радужные отблески. Остера схватили за рукав и потащили в сторону.

— Только не открывай глаза!

Под ногами липко хрустело. Невидимый проводник держал крепко, уверенно и шел быстро — Остер еле поспевал за ним. Ноги заплетались, нестерпимо хотелось развернуться. Прочь бежать, прочь бежать... Остер дернул рукой, пытаясь освободиться, но хватка стала только сильнее.

— Осторожнее!

Остер споткнулся о выступающий порожек и упал на четвереньки. Какой-то сверчок воспользовался этим и запрыгнул ему на макушку. Остер замотал головой, сбрасывая нахально-го пассажира, но тот, похоже, запутался в волосах. Насекомое дергалось и больно царапало кожу.

Остера потянули за воротник; в шею впился замок молнии. Парень неловко перебирал руками и ногами, пытаясь хоть как-то ползти, но терял равновесие и падал, оскальзываясь на цементном полу. Сверчок пронзительно верещал.

Дикая цветовая пляска перед глазами постепенно утихала, и Остер рискнул открыть глаза. Он оказался в узком боковом туннеле. За спиной колыхалось светящееся море, но здесь сверчков не было. Легкий ветерок принес запах затхлой воды, к нему примешался настойчивый аромат водяных лилий. Подняв голову, Остер увидел водопад светлых волос.

Почувствовав взгляд, девушка обернулась. Сейчас она сама напоминала насекомое из-за дешевых картонных стереочков с целлофановыми пленками вместо стекол — красной и синей. Остер узнал ее сразу: нахальная блондинка из кафе!

Какого черта она здесь делает?! Городские подземелья — не то место, где ожидаешь встретить молодую симпатичную девушку. Живую, во всяком случае.

Блондинка отпустила его и чуть отступила назад, пока он поднимался на ноги. Остер подумал, как глупо он выглядит с гигантским сверчком на голове. Он как-то читал про одного коллекционера экстравагантных шляп. Помнится, у того была шляпа-клетка, в которой жил столетний говорящий попугай. Однако носить вместо головного убора живых насекомых было слишком даже для такого чудака. Остер хотел сбросить противное создание, но сверчок только больше запутался.

— Я помогу, — улыбнулась девушка.

Она легко сняла насекомое, посадила на ладонь и протянула Остеру. Фонарик на конце брюшка слабо тлел, словно в нем разрядились батарейки.

— Кажется, вы хотели посмотреть поближе?

Он отшатнулся. Девушка укоризненно покачала головой, и, вторя ей, закивал сверчок — будто перед Остером стояли королева насекомых и ее преданный шут. Длинные усы шевелились, как подхваченные приливом водоросли.

— Что вы здесь делаете?

— Ну, только что спасла ваш рассудок, — сказала девушка. Она подбросила сверчка, и тот падающей звездой скрылся в туннеле. — А то вы, похоже, решили пойти вместе с этой компанией.

— Я? — Остер посмотрел назад.

Узкий вход ярко светился: шествие не убывало. Остер и не думал, что под землей живет столько насекомых. Девушка права — он чуть не отправился в путь вместе с ними. Видимо, дело было в каких-то особых колебаниях, свойственных мигрирующим животным, сочетании звука и света. Переселяющиеся лемминги, издавая писк определенной частоты, способны увлечь за собой даже овцебыков. Очевидно, Остера накрыло подобной волной, и, если бы не девица, кто знает, где бы он мог оказаться. В ушах по-прежнему стрекотало.

— Будем знакомы, — девушка протянула руку. — Джулия Чатауэй.

Чуть помедлив, Остер пожал кончики пальцев, быстро, словно боясь обжечься.

— Перегрин Остер. Или просто... — Он замялся, осознав, что не представляет, как звучит это «просто». В школе его иногда называли Пип, но сейчас это имя никуда не годилось.

Девушка терпеливо ждала.

— Остер, просто Остер, — смутился он и тут же разозлился на самого себя. Джулия серьезно кивнула, но Остеру почудилось, что ее губы дернулись в подавленном смехе.

— Я знаю.

В целлофановой пленке очков полыхнули отражения бесчисленных фонариков. Остер вздрогнул, услышав за сухим треском насекомых громкий плеск воды. Налетевший порыв ветра всколыхнул длинные волосы Джулии. Прядки взметнулись, извиваясь, как крошечные змейки. Остеру нестерпимо захотелось сорвать дурацкие очки и либо увидеть вместо нелепой маски человеческое лицо, либо — окаменеть навеки.

— Вы так и не сказали, что здесь делаете.

— Отчего же, — удивилась Джулия. — По-моему, как раз сказала: спасала вам жизнь.

— Как вы меня нашли? Вы за мной следили, да?

Джулия хихикнула — звук вышел бодрым и фальшивым.

— В то, что я случайно оказалась рядом, вы не поверите?

— Нет, — сказал Остер. — Что вам от меня нужно?

Джулия на секунду задумалась, поправила очки. У нее были красивые пальцы.

— Предположим, я журналистка, охочусь за сенсациями. Огромная невидимая рыба — чем не сенсация?

— Это неправда.

— Конечно. Хотя звучит вполне убедительно, согласитесь. Какая шикарная фотография могла бы украсить первую полосу!

Остер не выдержал и рассмеялся. Несмотря на все странности, девушка ему нравилась, однако нужно было держать себя в руках.

— Вы уходите от ответа.

Джулия вздохнула, смиряясь с его занудством.

— Вы можете привести меня к рыбе Доджсона. Вы это хотели услышать?

Остер смутился.

— Да, я... я бы мог догадаться. — Хотелось узнать, зачем ей потребовалась рыба, не просто же из любопытства, но он

так и не решился задать вопрос. Собственная неуверенность бесила. Остер до боли прикусил губу. Ехидно и грубо спросил: — А почему я должен вести вас к рыбе?

— Наверное, потому, что я знаю, как ее увидеть, — пожал плечами Джулия.

— Что? — переспросил Остер. — Но... — Он помотал головой. — Глупости! Ее нельзя увидеть. Ее природа исключает визуальное наблюдение — можно только зафиксировать проявления при помощи некоторых приборов...

— Нужно правильно смотреть, — перебила Джулия. — Все важные вещи заметны только краешком глаза. Так что иногда неплохо взглянуть на мир через стереочки. Получается, что на все глядишь вроде как под углом.

— И мир выходит более объемным, — съязвил Остер. — Чушь.

— Но что мешает попробовать? Не вежливо отказывать девушке, которая вас только что спасла.

Остер нахмурился. Совершенно не хотелось делить рыбу Доджсона с кем-то еще, даже с Джулией. Но, как ни крути, она права: он ей обязан.

— Хорошо, — буркнул он. — Только не путайтесь под ногами. — Остер смутился, представив, как глупо это прозвучало.

«Интересно, почему сверчки на нее не подействовали? Наверное, из-за очков. Сквозь цветные пленки все воспринимается иначе, и свет фонариков на брюшках получается искаженным и ослабленным. Но считать, что это поможет увидеть рыбу Доджсона, глупо. Или нет? Если предположить, что рыба невидима потому, что неправильно отражает свет...»

Джулия сняла очки и повесила на воротник, зацепив картонной дужкой. В полумраке туннеля ее большие глаза чуть блестели. Остер отвел взгляд и достал из сумки сложенную вчетверо карту. Не без труда отыскал место, в котором они находились: на плане это была лишь тоненькая черточка. К счастью, туннель тоже выходил к Большой Трубе — далеко от лодки, но возвращаться в кишасший сверчками проход было рискованно. Остер махнул рукой в сторону сгущающейся темноты.

— Нам туда.

Он, не оглядываясь, зашагал прочь от стрекочущего туннеля. Джулия неслышно пошла следом.

Проход заканчивался широкой вентиляционной шахтой. Когда-то ее перегораживала решетка, но сейчас остались лишь ржавые лохмотья, густо поросшие мхом. Огромный, в два человеческих роста, вентилятор застыл намертво. Остер и Джулия протиснулись меж тяжелых лопастей и наконец вышли к своей цели.

Большая Труба напоминала грязный канал, уместный скорее в Венеции, чем под землей. Арочный потолок пересекали трубы, скалившиеся обломками грязных сталактитов. С проволочных растяжек свисали пучки электрических кабелей, похожих на мохнатые тропические лианы. По ним бесконечными вереницами ползли сверчки — будто в преддверии праздника Трубу украсили яркими гирляндами. То и дело насекомые падали в воду и гасли, барахтаясь в слабых волнах.

Кирпичная набережная была настолько узкой, что кое-где приходилось идти, прижимаясь спиной к скользким стенам. По краю тянулись железные перила. Местами они обрывались и, выгибаясь спиралями, уходили в воду. Кто пользовался этим лестницами, Остер не знал. С год назад он нашел неподалеку круглый стеклянный аквариум размером с футбольный мяч, с приделанным сбоку обрывком гофрированного шланга. По всем приметам это был водолазный шлем, однако он не подошел бы и ребенку. Спустя три месяца Остер наткнулся на изодранный в хлам ботинок со свинцовой подошвой — величиной под стать шлему. К счастью, за все время, которое он исследовал подземелья, похитить лодку никто не пытался. И сейчас она покачивалась на волнах там, где ее оставили, крутобокая, похожая на толстого тюленя. Внутри копошился пятак сверчков.

Остер спустился по торчащей из стены железной лестнице, подтянул лодку к берегу и помог Джулии забраться в нее. Некоторое время они отлавливали незваных пассажиров — лодка опасно раскачивалась, грозя перевернуться, но Остер не хотел плыть в компании насекомых. Достаточно общества Джулии. Он покосился на девушку — та сидела на носовой скамейке и, чуть перегнувшись через борт, водила рукой по воде, словно что-то писала.

— Будьте осторожны, — предупредил Остер. — Пока какой-нибудь крокодил не решил проверить, что здесь происходит.

Джулия повернулась с насмешливым недоумением.

— Думаете, крокодилы — самое страшное, что живет в этих водах?

— Совсем нет, — вздохнул Остер, берясь за весла. Он прекрасно помнил вчерашний случай. Действительно, здесь водятся твари пострашнее. И Остер с Джулией ищут, быть может, худшую из них.

Он вывел лодку на середину канала. Вскоре впереди маячила арка — вход в подземное озеро. Течение усилилось, и Остер отложил весла. Уровень Большой Трубы был немного выше — вода на границе кипела белой пеной в маленьком водопаде.

— Держитесь крепче, — попросил Остер. — Мы приплыли.

Под неожиданно усилившийся стрекот сверчков лодка устремилась к арке.

Нанесенный ливнями мусор прибило к стенам, и круглая поверхность озера очистилась. По смоляной ряби метались зеленые блики. Чуть выпуклый низкий потолок напоминал крышку — как будто Остер смотрел изнутри котла. Лодка покачивалась на поднятых веслами волнах, и Остеру на мгновение почудилось, что его суденышко — один из кусочков, плавающих в кипящем супе. А где-то в глубине ходит главная часть этого блюда — рыба Доджсона.

Остер расчехлил доску, опустил в воду катушки. Джулия обернулась и приподняла бровь, глядя на эти приготовления. Остер сердито сжал зубы. Стараясь не обращать внимания на девушку, он расставил магниты. Одна клетка осталась пуста — груша, наверное, так и осталась валяться под столиком в кафе. О том, как фигурки вели себя ночью, лучше было не вспоминать. Остер строго взглянул на моржа и погреб к середине озера.

Отплыв подальше от тоннеля, он поднял весла и взглянул на доску. Заломило шею, и Остер понял, что напрягает мышцы, пытаясь защититься от глаз Джулии, устремленных ему в затылок. Казалось, под этим взглядом рациональность Остера раскрывается, как ребристая раковина, под действием тепла

обнажающая розовое мясо и жемчуг своего нутра. Остер дернул плечом, стряхивая наваждение, и уставился на доску. Магниты оставались неподвижными, и проволока не отзывалась ни малейшей дрожью. Либо рыба Доджсона ушла из озера, либо ослабло магнитное поле. Ведь именно груша, вспомнил Остер, двигалась в ответ на перемещения рыбы. Он чуть поправил моржа, подвинув его ровно на середину клетки.

— Вам, наверное, не хватает этой детали, — сказала Джулия.

Остер вздрогнул от неожиданности и оглянулся: девушка протягивала недостающий магнит.

— На самом деле, — продолжала она, — вам вовсе не нужны эти... — Она махнула рукой, и Остер понял, что Джулия еле сдерживает смех.

— Эти глупости? Действие магнитов не зависит от того, в какую оболочку они заключены, — буркнул Остер, чувствуя, что краснеет — один в один помидор с доски. — Почти, — тихо добавил он, вспомнив про шахматы.

— И с надеждой искали его, и с умом, и с наперстком в руках подстеречь...

Остер аккуратно, стараясь не задевать ладонь, взял фигурку — пластмасса нагрелась и казалась живой. Он поставил грушу на пустующую клетку и склонился над доской, приготовившись ждать.

Груша слегка дернулась. Остер затаил дыхание и потянулся за листом с координатной сеткой, боясь шорохом или движением спугнуть неуловимую рыбу. Не отрывая глаз от доски, он пошарил в сумке и замер.

Фигурки обезумели. Груша, ухмыляясь, поползла по доске. Следующим очнулся морж — он налетел на весело крутящийся помидор и спихнул его. Остер еле успел поймать магнит. Уложив доску на дно лодки, он в отчаянии обхватил голову руками. Рыба была совсем рядом, но засечь ее не получалось, и это сводило с ума. «Ну почему именно сейчас? Магнитная буря?» — Остер посмотрел на Джулию. Та с интересом наблюдала, как носятся по доске магниты. В ее взгляде и движении фигурок виделась связь. Остер укоризненно уставился на девушку, раздумывая, как заставить ее отвернуться и при этом не обидеть.

— Здесь не помогут никакие приборы.

— Почему это? — спросил Остер. — Что вы знаете про эту рыбу?

Он едва сдерживал возмущение: «Глупая девчонка! Какое она имеет право учить меня?»

Остер гонялся за рыбой Доджсона столько лет, и кому, как не ему, знать, что здесь поможет, а что нет.

— Давным-давно один очень хороший человек написал для моей пра-пра-бабушки стихи про эту рыбу. Правда, он придумал для нее другое название, он любил выдумывать новые слова. Говорят, в этих стихах он хотел рассказать прабабушке про ее далекого предка — доброго и славного короля Пелинора...

Джулия прикрыла глаза, склонила голову на бок, и Остер невольно прислушался. Журчание воды в стоках превратилось в мелодию. Далекие отсветы светляков на воде, отблеск фонаря на полиэтиленовом пакете, изгиб потолка, борода тины на кирпичных стенах — все поплыло по кругу в торжественном танце. Джулия протянула руку, и Остер сжал тонкие пальцы. Лодка вздрогнула, медленно завращалась. Брошенные весла походили на раскинутые руки. Сырой воздух наполнился запахом мангровых болот, и тяжело вздохнула вода — будто озеро потягивалось, очнувшись от долгого сна. Откуда-то издалека донесся перезвон колокольчика. Бледные пятна света замелькали в глазах, и подумалось, что Джулия спасла ему рассудок лишь для того, чтобы тут же лишить его. Все это, чтобы найти рыбу, напомнил себе Остер. Он должен быть в здравом уме, когда она появится, иначе поиски окажутся напрасными.

— Ах да, рыба, — отозвалась Джулия и высвободила руку.

Лодка замерла, мелодия стихла, и окаймлявшие озеро цветные сокровища вновь превратились в плавучий мусор. Джулия свесилась через борт. Она не стала надевать очки и смотрела не вглубь, как сделал бы на ее месте Остер, а разглядывала мелкую рябь, словно морщинки на глянцевой-черной поверхности были тайными знаками. Остеру показалось даже, что Джулия чуть шевелит губами — читает, повторяя про себя слова.

— Она рядом с лодкой, — прошептала Джулия. — Хотите посмотреть?

Остер со свистом втянул воздух. Джулия передала ему очки. Остер торопливо надел их — рассуждения девушки больше не казались безумными. Сливочный свет фонаря загустел. Остер направил луч в озеро. Вода осталась темной и в то же время стала прозрачной, как крепко заваренный чай. Рядом с лодкой в водяной тьме висела плотная тень. Остер моргнул, и тень превратилась в рыбу.

Крупное округлое тело — рыба была раза в три больше давешнего крокодила. Гладкая черная кожа без чешуи, выпученные белесые глаза. Розоватые щели жабр пульсировали. Подавив растерянность, Остер поднял очки. Рыба исчезла — вместо нее под водой остался лишь прозрачный сгусток, похожий на медузу. Он снова надел очки — животное по-прежнему пучило глаза и глупо разевало большой рот. Он опустил руку в воду — ладонь скользнула по гладкой коже, и рыба лениво повела плавниками, отодвигаясь. На пальцах осталась слизь, пахнувшая тиной.

Разочарование окатило холодной волной. И за этим заурядным мутантом он гонялся так долго? Фотографиями подобных забиты и толстые научные журналы, и желтые газеты. Этот экземпляр, конечно, больше, намного больше... но и только. Остер уставился в дно лодки — оттуда ему подмигивали магниты, насмехаясь над его безумием.

Запах болотных цветов, к которому он успел привыкнуть, растворился в канализационной вони. Остер взглянул на Джулию. Заурядная, почти некрасивая девушка: на щеке мазок тины, волосы потускнели и спутались. Кожа казалась землистой. Глаза Джулии лучились сочувствием и странной неуместной надеждой. В отчаянии Остер сорвал очки и швырнул их в воду. Они поплыли, чуть покачиваясь. На целлулоидных линзах серебристой икрой осели пузырьки воздуха. Рыба поднялась поближе к поверхности — почему-то Остер продолжал ее видеть, мучаясь ощущением, что это лишь фантом, отпечаток на сетчатке глаз. Рыба открыла пасть и, вздрогнув, подалась назад. Ее морда казалась озадаченной и такой надутой, что Остер не выдержал.

Задыхаясь от злости, он обрушил на лобастую голову весло. Рыба ударила хвостом, и озеро вскипело нечистой пеной. Лодка качнулась, зачерпнув бортом. Джулия вскрикнула. Она балансировала на краю, размахивая руками. В лодку хлынула

вода. Джулия обернулась, ее лицо перекосилось от ужаса. Остер рванулся к борту, пытаясь увидеть, что ее так напугало. Лодка встала почти вертикально, и он, схватив Джулию за руку, подался назад.

— Это бу... — прошептала она. Запястье выскользнуло из пальцев Остера, и Джулия рухнула в озеро. Громкий всплеск заглушил конец фразы.

Резина под ногами Остера содрогалась, прогибаясь. Джулия неподвижно висела под водой, глаза были открыты, и Остеру показалось, что девушка не тонет, а истает, превращается в пустоту в ореоле потемневших волос. Сбросив сапоги, он нырнул за ней. Ледяная вода впилась в тело, и навалилась удушливая паника — казалось, сердце не выдержит холода, а ведь где-то рядом реяла в толще воды рыба Доджсона, и ее невидимая пасть была жадно раскрыта. Захотелось замереть, чтобы не привлекать внимания, но мысль о Джулии помогла задавить страх.

Остер открыл глаза. Под ним тяжело колыхалась прозрачная безжизненная тьма. Представилось, как Джулия погружается все глубже и глубже — вечное движение вниз, в недра бездонного озера. Остер опустился ниже, подумав, что может и не выбраться — намокшая одежда тянула ко дну. Рука задела что-то скользкое и извивающееся. Он вскрикнул, хлебнул отдающей гнилью воды и выскочил на поверхность.

За рукав зацепились очки. Надев их, Остер опять нырнул. Тьма превратилась в гигантский кристалл, поставленный перед лампой, будто кусочки целлулоида были крошечными цветными прожекторами. Остер застыл, раскинув руки, чтобы рябь не мешала смотреть, и в прозрачной темноте увидел два сгустка — вода там уплотнилась, приобретя иные свойства. Джулия и рыба Доджсона бок о бок уходили во тьму вод.

Остер вынырнул и схватился за борт лодки. Комбинезон свинцовым коконом облепил тело. Остер тяжело свалился в лодку. Зубы стучали, как кастаньеты, и Остер, сдерживая дрожь, изо всех сил сжал челюсти. Над озером повисла тишина, которую лишь подчеркивали далекое журчание и удары капель с потолка.

Рыбу Доджсона нельзя увидеть, до нее нельзя дотронуться. Остер знал это с самого начала, но предпочел забыть. Джулия намекала, но он не захотел услышать, и она ушла — ушла

вместе с рыбой, оставив ему лишь пустоту. Остер раскачивался, обхватив руками плечи. Он должен найти настоящую рыбу, — иначе этот вакуум никогда не заполнится, и холод будет вечно терзать изнутри. И никакие приборы тут не помогут. И вся королевская рать...

Шахматная доска без всплеска канула в озеро. Следом отправились магниты — Остер выпускал их из горсти по одному каждые четыре минуты, пока под сводами колодца металось эхо очередного поезда. Тодько последняя фигурка, прохладная и гладкая, прилипла к руке и все никак не хотела падать. Это была груша. Подумав, Остер сунул ее в карман и взялся за весла.

Остер шел по улице, вдыхая запахи мокрого асфальта и бензина. Скоро ему останется лишь сырой воздух подземных лабиринтов. Резиновые сапоги разбрызгивали воду — забытое детское удовольствие наступать прямо в отражения лип и вывесок в лужах и смотреть, как они превращаются в яркую рябь. На него оглядывались. Из моря зонтиков, плывущих по людному проспекту, вдруг выныривало будничное лицо, вытягивалось вопросительным знаком, и прохожий поспешно отступал в сторону. Дождь оглушительно барабанил по каске, и неумолчная дробь отделяла Остера от всего мира. Хотелось включить налобный фонарик — рассеять пасмурную хмарь, но он удержался. Запасные аккумуляторы, подвешенные к поясу комбинезона, тяжело били по бедрам, но экономить батареи все-таки было надо.

Он шагал бездумно, надеясь, что ноги сами вынесут его к нужному входу в подземелье. Воспользоваться одним из привычных путей казалось неправильным. Остер долго раздумывал, но так и не смог выбрать подходящий лаз. «Неприметная дверца на одной из станций метро? Заброшенный бункер в парке? Люк во дворе на юго-западе, среди бетонных коробов спального района?» — Остер не хотел признаваться себе, что он, исследователь, привыкший во всем полагаться на вдумчивый анализ, ждет знака.

И знак появился. Над улицей поплыл запах цветов и мангровых болот. Сердце дернулось и застыло, напуганное сбывшимся предчувствием. По другой стороне улицы шла высокая девушка. Тяжелые золотистые волосы струились по спине, и

казалось, что она пританцовывает на ходу. Остер ринулся вдогонку. Люди отшатывались, слышав громкий топот. Джулия то и дело скрывалась за спинами. Он хрипло выкрикнул ее имя, но девушка не оглянулась. Легкая фигура исчезла за мозаикой зонтов. С перекрестка неумолимо надвигался полицейский. Остер побежал, расталкивая прохожих плечами. Какой-то толстяк шарахнулся, загораживаясь зонтом, нейлон лопнул, и оголившаяся спица ткнула Остера в лицо. Он зажмурился от боли, но успел заметить блеснувшее светлое пятно. Перепуганный толстяк попятился, бормоча извинения. Остер бросился через дорогу. За спиной завизжали тормоза, в лужу посыпалось разбитое стекло. Не оборачиваясь, он нырнул в переулок.

Это был узкий безлюдный тупик. Глухие стены смыкались над головой, как своды тоннеля. Остер сник — он принял за Джулию желтое граффити. В мусорном бачке деловито рылся кот — он сверкнул на Остера глазами и скрылся между наваленными вокруг коробками. Возбуждение погони сменилось едкой горечью.

Мелкий дождь пропитался отчаянием и обволакивал, как мокрый саван. Спотыкаясь, Остер побрел к выходу из тупика. Нога зацепила волглый картон, коробка перевернулась. Из нее выкатилось несколько подгнивших груш, и одна закачалась под самым ботинком. Мятый бок пересекала царапина-улыбка.

«Все не так просто», — пробормотал Остер и огляделся. Тупик по-прежнему оставался пустым и тусклым. Единственным ярким пятном было граффити — на фоне сырой штукатурки оно почти светилось. Остер отступил к стене, чтобы рассмотреть рисунок, и обмер: бессмысленные надписи и завитушки сложились в искаженный, но явственно различимый рыбий скелет. Между разинутыми челюстями виднелась железная дверь.

Разум раскрылся, как раковина. Рыба ждет, когда Остер найдет ее — не жалкое холоднокровное существо из скользкого мяса и тонких костей, а настоящую рыбу Доджсона. Он надел очки и обернулся. Из тупика проспект выглядел далеким, словно Остер смотрел из колодца. Разноцветье машин и вывесок помертвело, превратившись в сплошные оттенки серого. Звуки города таяли в шорохе дождя, журчании ручьев, звонком стуке капель по жестяному карнизу.

Остер навалился на дверь. Мокрое железо было шершавым от ржавчины и оставляло на пальцах рыжие следы. Надрывно заскрипели несмазанные петли. Дверь приоткрылась, выпустив из темного нутра клуб холодного воздуха. Пахнуло стоячей водой, водорослями и рыбой. Сразу за порогом зиял черный провал, в него вели обросшие тиной скобы. Остер включил фонарь и начал спускаться.

Карина Шаинян МИНТАЙ

Запоздалая весна пришла в город О. воскресным утром: растеклась киселем по дворам, отразилась низким небом в лужах, запуталась среди блеклых домов туманом, пахнувшим канализацией и вареной рыбой. Это был запах из детства, запах невкусного обеда, который нужно съесть, чтобы не ругали родители, — или, если повезет, улучшить момент и тайком вывалить в унитаз. Привычная тоска, валившаяся на Артура каждое утро, от этого запаха стала невыносимой — понятно было, что она не развеется после утреннего чая. Требовалось что-нибудь действенное.

Поплескав в лицо водой, Артур прошлепал на кухню. Холодильник распахнул пахнущее нутро. Полки были пусты, лишь в углу сиротливо стояла банка горьковатой икры минтая. Артур выудил из дверцы бутылку и разочарованно вздохнул: портвейна оставалось на самом доньшке. В другой день этого бы хватило, чтобы вновь примириться с жизнью, но не сегодня: к унылым весенним запахам подмешивался аромат стружки, долетавший с площади перед мэрией, — еще вчера начали строить трибуны, готовясь к традиционному соревнованию. От этой жизнерадостной нотки Артур чувствовал себя настолько несчастным и никому не нужным, что от жалости к себе перехватывало горло. Нужно было идти в магазин.

С портвейном и мороженым минтаем на ужин (на боку обезглавленной тушки ясно виднелся отпечаток ребристой подошвы), уже предвкушая скорое облегчение, Артур шел домой. По правую руку тянулся забор: строили новую школу. Из-за ограды доносились детские голоса.

— Рыбка-рыбка, засоси, — нараспев причитал детский хор, — и назад не отсоси.

Приглушенные туманом голоса звучали торжественно и печально. У Артура засосало под ложечкой. Ворочались мысли об одиночестве и неприкаянности, о каких-то неясных возможностях, упущенных таким же туманным весенним днем, о главном в жизни соревновании, проигранном по глупости и

малодушию. Он заторопился, охваченный желанием выпить, и, повернув за угол, налетел на давнего знакомого.

— Как на пожар, — недовольно заметил Иван Петрович и, приглядевшись, воскликнул: — Артур! Куда это ты?

— Да так, гуляю, — с досадой ответил тот и сделал движение, пытаясь пойти дальше, но Иван Петрович поймал его за рукав.

— Давай вместе пройдемся. Я тоже сегодня дома усидеть не могу. Такой день! — Он увлек Артура к дыре в заборе, подтолкнул вперед и ловко протиснулся следом. — Ух, какая лужа, почти как у мэрии! — с восторгом заметил он.

По рыжей мутной воде понятно было, что дно огромной лужи сплошь состоит из размокшей грязи, густой и липкой. На берегу столпились дети, обутые в красные сапожки, — среди них были и шестилетние карапузы, и насупленные старшеклассники. Они заворуженно следили за белокрысым подростком, осторожно входящим в воду. Его лицо было сосредоточенным и напряженным. Мальчик вошел в грязь и задержал коленками, ритмично и неглубоко приседая. Привычные движения казались почти непристойными, но не вызывали и тени улыбки — в них было что-то жуткое. «Рыбка-рыбка, засоси», — донеслось до Артура. Жидкая глина всхлипнула, и мальчик провалился по пояс. Дети радостно загомонили, вытаскивая приятеля на берег.

— Далеко пойдет, — одобрительно заметил Иван Петрович и прищурился. — А вон и младшенький мой. Вовка! — крикнул он. К ним подбежал старшеклассник с взволнованным широким лицом и цепкими глазами. Окинул Артура угрюмым взглядом и презрительно усмехнулся. Иван Петрович нахмурился.

— Ты что здесь делаешь? — строго спросил он.

— Тренируюсь же, пап, — ответил Вова, — еще целых три часа до начала.

— Марш домой, — сказал Иван Петрович, — тебе еще переодеться и сапоги мыть.

— Ну пап, — заканючил Вова, но отец рывкнул:

— Марш, я сказал!

Вова побрел прочь, сунув руки в карманы. Иван Петрович развел руками:

— Переживает. Днями напролет тренируется, уроки запустил. А я разве не волнуюсь? Боюсь, как бы не переутомился...

Артур согласно покивал. Отступившая было тоска нахлынула вновь. Иван Петрович это заметил и сменил тему, спеша сгладить бестактность.

— Ты, Артур, про ремонт думал? Хотя бы ремонт для начала, а лучше и вовсе переехать. Живешь в свинарнике, ни самому расслабиться, ни девушку пригласить...

— Да какие уж девушки, Иван Петрович, — возразил Артур.

— А то не знаешь! Люда из бухгалтерии с тебя глаз не сводит. Жалее. На днях говорила — если бы Артур на меня внимание обратил, я бы ему помогла человеком сделаться. Погибает хороший парень, из-за единственной ошибки жизнь губит. — По лицу Ивана Петровича мелькнуло мечтательное выражение. — Романтиком тебя называет, — усмехнулся он.

Артур вздрогнул. Как всегда, слово «романтик» вызвало видение уныло оформленной витрины, на одной стороне которой выставлено рыбацкое и охотничье снаряжение, а на другой — спортивный инвентарь, игрушки и красные резиновые сапожки. Артур испуганно отбросил навязчивый образ: мысль о том, что его душа — прилавок, на котором пылятся в ожидании покупателя мало кому нужные вещи, была невыносима. Артур брел за Иваном Петровичем, прислушиваясь к бульканью портвейна в пакете. Эти звуки направили мысли на привычные рельсы.

— Уеду я отсюда, — сказал он. Иван Петрович удивленно взглянул на него и похлопал по плечу.

— Ничего, — сказал он. — Придешь сегодня?

Артур покачал головой, и Иван Петрович обиженно спросил:

— Неужели за моего сына поболеть не хочешь?

Артур молчал. Они шли сквозь тихие дворы; туман сгустился, оседал каплями на волосах.

— Правда уеду, — упрямо повторил Артур.

Артур Земляникин был закоренелым неудачником. Родители дали ему не терпящее сокращений имя в надежде на то, что сын вырастет серьезным, культурным человеком, а в отда-

ленной перспективе, возможно, и одним из руководителей города. Ему пророчили блестящее будущее. Когда ровесники еще очарованно застывали перед лупоглазыми куклами и кубиками замызганных оттенков, выставленными на полках «Романтика», Артур уже деловито проходил мимо, сжимая в ладоншке влажные рубли, выданные на покупку тетрадок. Ему некогда было пялиться на игрушки — он был будущим своих родителей, и забывать об этом не позволялось.

Гулять Артура отпускали часто, но тщательно следили, чтобы драгоценное время не тратилось на глупые забавы вроде «казаков-разбойников», поощряя только игру в рыбку. К огорчению родителей, Артур не обнаруживал склонности к этому виду спорта. Близились уже традиционные соревнования, совмещенные с окончанием школы, а Артуру до сих пор ни разу не удалось засосаться глубже, чем по щиколотку. Дело было в постыдном, тщательно скрываемом страхе: Артуру всегда казалось, что привычная присказка, призванная помочь войти в нужный ритм, на самом деле — просьба, которую каждый раз внимательно выслушивают... где-то там, расплывчато говорил себе Артур, имея в виду темные пространства, скрытые под жидкой глиной. Артур с ужасом догадывался, что однажды эту просьбу могут выполнить. Особенно пугала главная городская лужа, растекавшаяся каждую весну перед зданием мэрии: Артур подозревал, что окончательные решения принимались именно там. В глубине души он всегда радовался, что дети на площадь не допускались, — эта густая грязь, чуть прикрытая мутной водой, была предназначена для общегородских соревнований. Постепенно родители смирились с ожидаемым провалом, и даже известие друга семьи Ивана Петровича о том, что на жеребьевке Артуру достался счастливый седьмой номер, мало их утешило.

Ожидали провала, но не позора. Мать надеялась на то, что Артур засосется до середины голени, а может, даже и по колено: он всегда был старательным и добрым мальчиком. Отец с тяжелым вздохом признавал, что мальчику в лучшем случае удастся погрузиться по щиколотку — а может, и вовсе только подошву помажет. Действительность оказалась хуже. Подгоняемый ужасом и выстрелом стартового пистолета, Артур вылетел на середину лужи, обливаясь холодным

потом, пару раз дернул коленками, даже не обратившись к рыбке, и рванул к финишу. Весь город наблюдал, как он бежит по жидкой глине — не то что не засасываясь, а даже и не прилипая.

На следующий день раздавленные горем родители сняли Артуру квартирку на окраине, пристроили младшим помощником в архиве «Моррыбы» и вычеркнули так грубо обманувшего надежды сына из своей жизни. Артур долго искал в себе признаки раскаяния и грусти, но нашел лишь облегчение: Артуру отчаянно, до слез не хотелось быть чьим-то будущим. К тому же после позорного выступления на соревнованиях у него прошел страх перед лужами — как тренировочными, так и главной городской. Обязательную просьбу рассмотрели и категорически отвергли, а значит, опасаться больше было нечего.

Работа в архиве не требовала общения, а вне стен «Моррыбы» от Артура шарахались, как от прокаженного: давний позор на площади перед мэрией не забывался. Единственными людьми, с которым и Артур изредка перекидывался парой слов, были бухгалтерша Людочка, выдававшая Артуру зарплату, да старый друг родителей Иван Петрович — он присматривал за Артуром из благотворительных соображений. Иногда Артуру казалось, что Иван Петрович преодолевает естественное отвращение, чтобы искупить какую-то вину — поговаривали, что когда-то он засосался лишь краем подошвы, — но, судя по тому, что жизнь Ивана Петровича явно удалась, это все были слухи, распускаемые недоброжелателями.

Артур привык доверять Ивану Петровичу, видя в нем наставника, и изредка вел с ним задушевные беседы, поверяя старому знакомому свои горести. Разговоры приносили облегчение, несмотря на то, что Иван Петрович никак не хотел вникать в напряженную внутреннюю жизнь Артура, ограничиваясь размытыми советами зажить наконец по-человечески. Натякаясь на вопрос, как это сделать, Иван Петрович становился невнятен и, отводя глаза, хмыкал, что это надо самому понимать. Впрочем, обычно дело обходилось бытовой болтовней. Особенно Ивана Петровича волновала убогая квартира Артура. Артур с раздражением догадывался, что Иван Петрович

направляет беседу в такое приземленное русло нарочно, то ли из жалости, то ли из презрения, то ли потому, что о главном просто не принято было упоминать в приличном обществе, — но сам заговаривать об этом главном опасался.

В окно неслись отдаленные бравурные марши, зычные крики, искаженные микрофонами, и гул возбужденной толпы. Артур сидел у окна, на подоконнике перед ним стояла ополовиненная бутылка портвейна. «Веселятся...» — озлобленно думал он. Скопившиеся на площади люди казались ему отвратительными рыбинами, смерзшимися в магазинном холодильнике в единую массу. Артур, скривившись, налил еще и вспомнил сына Ивана Петровича; взволнованные и строгие глаза Вовы, казалось, смотрели на Артура с укоризной. Одиночество стало острым как никогда. Артур поболтал вино в бутылке, любуясь тяжелыми бурыми волнами, и встал.

— А. почему бы и нет, — сказал он пустой комнате, криво улыбаясь. Его охватила радость, смешанная со стыдом. Он представил себе Люду, как она возбужденно подпрыгивает на берегу лужи, тревожно и счастливо улыбаясь, переживая за школьников — сама похожая на школьницу, милую и озорную. Артур вдруг понял, что Людочка ждет его на площади — возможно, уже не первый раз. Он выскочил из дома, натягивая на ходу куртку, в страхе, что новое чувство может угаснуть так же быстро, как и вспыхнуло. Артур не был уверен, что ему позволят участвовать в соревновании еще раз, но прятаться он больше не будет. Это просто свинство — прятаться. У людей праздник, а он сидит над бутылкой и исходит завистью и злобой.

Туманные улицы были пусты. Несколько раз звуки, доносящиеся с площади, утихали, задавленные домами, и Артур каждый раз замирал в испуге, хотя и понимал, что соревнование не может закончиться так быстро. Наконец он добежал до последнего поворота; неожиданно громко грянул оркестр, и Артур уперся в спины людей, стоящих в проходе между трибунами.

Отчаянно работая локтями и подпрыгивая, он наконец смог встать так, чтобы видеть лужу. Его сторонились, но Ар-

тур, охваченный энтузиазмом, не обращал на это внимания. На берег лужи выходила девочка с двумя косичками — из-под синей куртки сияла белизной блузка, красные сапожки были почти не запачканы, бледное личико дрожало от подавленных слез. «Только по щиколотку засосалась, — вздохнули рядом с Артуром, — жаль, хорошая девочка». Распорядитель уже объявлял следующего конкурсанта. Артур увидел Люду — она стояла на противоположной трибуне, держа за рукав закамневшего лицом Ивана Петровича. Артур вдруг понял, что сейчас произойдет, и ему стало душно. Люди снова показались рыбами, но теперь Артур был одной из них и чувствовал, как его вмораживает в общую массу. Грянул стартовый пистолет, Вова решительно ступил в лужу; уже на первом шагу жидкая глина хлынула в его сапоги, но мальчик продолжал брести. Отойдя от берега на пару метров и провалившись уже по пояс, он остановился. Губы его шевелились, и вокруг Артура зашелестели: «Рыбка-рыбка, засоси... — Вова провалился по шею, светлая макушка покачивалась вверх-вниз, как поплавок, — и назад не отсоси!» Завороженный шепот зрителей превратился в торжествующий рев, хлынувший в уши Артура грязной водой. Он понял, что видит сейчас Вова; это было до того отвратительно, что Артура вырвало прямо на спину стоящего впереди мужчины — но тот, зачарованный зрелищем, ничего не заметил.

Артур осторожно попятился и побежал к дому. Никто его не окликнул.

Артур торопливо кидал вещи в раскрытый чемодан, валявшийся на кровати. Сладкая мечта превратилась в простое и ясное решение. Он уедет, не попрощавшись и избежав вопросов. Именно сегодня это будет просто — надо только дожидаться, пока горожане разбредутся по домам и начнут готовиться к вечернему празднованию. Сесть в первый же поезд, — и прощай, город О., навсегда; прощай, запах рыбы и канализации, прощай, вечный туман, прощайте, мутные лужи, скрывающие кошмары. Артур улыбнулся. Пусть Людочка ждет на площади — она славная девушка, но он встретит еще многих и, может быть, найдет любовь, не отравленную жалостью. Где-то стоит поезд, готовый отвезти его к свободе и простому

человеческому счастью, и Артур наконец готов купить на него билет.

Вспомнилось, как однажды он по совету Ивана Петровича пошел в церковь. Проходя через двор, купил у темной старухи свечку и держал ее на виду, поднимаясь к двери, — как будто восковая палочка была пропуском, который непременно нужно кому-то показать. В прохладной полутьме, испещренной точками зажженных свечей, Артуру стало не по себе. Лицо священника, бледное и рыхлое, не понравилось Артуру; он сосредоточился на словах и тут же покрылся холодным потом — «небеси» и «еси» отчетливо складывались в проклятую считалку. Артур задом выполз за дверь, едва не загремев по ступенькам, и долго стоял под дождем, глубоко дыша, выталкивая из легких запах ладана, который отдавал рыбой. Так провалилась единственная попытка приблизиться если не к людям, так хотя бы к Богу.

Сборы подходили к концу, оставалось только заглянуть на кухню. На столе обнаружился забытый пакет с минтаем; рыба уже подтаяла, от нее пахло весенним туманом, смешанным с вонью мокрой клеенки. Артур брезгливо вышвырнул подтекающий пакет в окно; одна рыбина вывалилась, не долетев до форточки, и шлепнулась под ноги, забрызгав тапочки. Он поспешно вышел в коридор и прикрыл за собой дверь. Чемодан был еще наполовину пуст, и Артур понимал, что оставшееся место предназначено для чего-то очень важного — только не мог вспомнить, чего именно. Наконец, хлопнув себя по лбу, он раскрыл антресоли. В углу притулился объемистый пакет угловатых очертаний. Артур сунул его на дно чемодана и захлопнул крышку.

Выйдя из подъезда, Артур глубоко вдохнул густой влажный воздух и огляделся. Только сейчас он понял, что совершенно не представляет себе, где находится вокзал: ему ни разу не приходилось ни уезжать из города О., ни встречать приезжих. Артур растерянно завертел головой и увидел спешащего к нему Ивана Петровича — он махал рукой, будто просил подождать. За Иваном Петровичем семенила Люда. Уехать по-английски не получилось.

— Куда собрался? — еще издали закричал Иван Петрович. Люда цеплялась за его рукав, путаясь в каблуках.

Артур пожал плечами.

— Уезжаю, — ответил он, дождавшись, пока они подойдут поближе.

— Артур, ты чего? — удивленно спросила Люда.

— Придумаешь тоже, — подхватил Иван Петрович. — Р-р-романтик, блин. Пошли!

— Куда? — с недоумением спросил Артур.

— К мэрии, конечно, — ответил Иван Петрович и возмущенно добавил: — Мы тебя ждали, ждали, а ты вон чего...

Артуру попятился, почувствовав, как слабеют колени. Только сейчас он заметил в руках у Людочки и Ивана Петровича желтые нейлоновые прыгалки.

— А это еще зачем? — спросил Артур, сам не понимая, что имеет в виду.

— А это мы тебя душить будем, если не пойдешь, — ответила Люда, небрежно помахивая прыгалкой. В этот момент она была как никогда похожа на резвую, чуть порочную школьницу. Артур испугался: такие скакалки не продавались в «Романтике», а значит, припрыгали из другого города, а может, даже и из другой жизни, в которой, как почувствовал Артур, его и правда могли средь бела дня придушить детской игрушкой. Он заупирался, сжимая вспотевшими руками чемодан, и Иван Петрович подтолкнул его в спину.

— Иди-иди, не позорься! — добродушно сказал он.

Артур затравленно огляделся, ища помощи, но улица была пуста. «Перед банкетом чистятся», — злобно подумал он и замахнулся, пытаясь ударить Ивана Петровича чемоданом по голове. Тот ловко подставил локоть, прикрываясь.

— Милиция! — завопила Люда, обхватывая Артура сзади.

— Добра ведь желаем... — печально сказал Иван Петрович, поднимая брови. Артур молча брыкался, хватаясь за впившуюся в шею прыгалку, но Люда была проворней. Наконец Артуру удалось попасть ногой по ее голени, и Людочка взвизгнула.

— Вот ты как, недососок! — прошипел Иван Петрович, занося кулак, но тут за его спиной откашлялись.

— В чем дело? — спросил милиционер, поглаживая дубинку. У него было лицо несправедливо обиженного добряка.

Артур вспомнил, что у него есть дочка-выпускница, и тут же понял, что это та самая девочка, которая сегодня всосалась лишь по щиколотку. Артур потер шею, переводя дыхание.

— Видите ли... — начал он, но его перебила Людочка.

— Ой, даже стыдно сказать... — вскрикнула она, отчаянно покраснев и умоляюще глядя на Ивана Петровича.

Иван Петрович взял милиционера за рукав и жарко зашептал, строго взглядывая на Артура. По лицу стража скользнуло недоверие, сменившееся удивлением; наконец он сурово нахмурился.

— Придется пройти, молодой человек, — сказал он Артуру, крепко беря его под локоть.

Ветер шевелил увядающие цветы, посвистывал на опустевших трибунах, морщил поверхность лужи. Артура подвели к изрядно затоптанной стартовой черте, и тут возникла заминка: было ясно, что в потрепанных кроссовках выйти на старт Артур не может. Мелькнула сумасшедшая надежда на то, что его сейчас отпустят и что весь этот вязкий кошмар — просто затянувшаяся шутка, а может быть, и вовсе сон. События зашли в тупик, и самое время было рассмеяться или проснуться. Артуру даже показалось, что окружающие предметы наваливаются на него, расплываясь и темнея, — Артур считал, что это происходит оттого, что давление реальности на ткань сна переходит какой-то порог, за которым сновидение становится невозможным. Как сквозь вату, услышал он слова Люды:

— А вы в чемоданчике посмотрите, может, в чемоданчике что-нибудь есть!

Трибуны отступили, снова приобретя отвратительно четкие линии. Ветер тронул щеку, принеся сырой холодный запах лужи, пугающий и привычный. Иван Петрович, присев на корточки, рылся в чемодане; прядь зачесанных поперек лысины волос подрагивала на вялом сквозняке.

Он безразлично выложил прямо на землю короткую зимнюю удочку, пакет с футболками, сборник стихов и обернутый в газету школьный дневник, и тут Люда радостно взвизгнула.

— Все ведь понимаешь, — одобрительно сказал Артуру Иван Петрович, вытаскивая из чемодана большой пакет. Из-

под черного полиэтилена матово светилась красная резина сапог.

Артура переобули, и милиционер, пошарив в кармане, вытащил смятую программку.

— Седьмым номером, — звучно объявил он, — на старт выходит Артур Земляникин, школа номер четыре, одиннадцатый «гэ» класс! Счастливый номер тебе выпал — повезло, — вполголоса сказал он Артуру. — Главное теперь — не паникуй. Воздуха набери побольше, если удачно пойдет. Ну да что тебя учить! Давай, сынок, не посрами.

Он потянул из кобуры пистолет. Грянул выстрел, и полуголошший Артур сделал первый шаг.

Он сразу провалился в грязь по щиколотку; резина и тонкие носки не защищали от холода, и лодыжки охватило ледяными кольцами. За спиной азартно засвистел Иван Петрович, и Артур побрел вперед, проваливаясь все глубже. Выйдя на середину лужи, он задергал коленками, приседая то ли от ужаса, то ли просто вспомнив нужные движения.

— Рыбка-рыбка, засоси и назад не отсоси, — механически забормотал он. В сапоги хлынула жидкая грязь.

— Рыбказасоси-и-и! — восторженно закричала Люда откуда-то издалека.

— Молодчина! — ревел Иван Петрович. — Давай-давай!

Грязь поднялась к подбородку, ее запах стал невыносим, и Артур наконец понял, почему эта вонь всегда казалась ему такой привычной и домашней: это был запах чуть подтаявшего уже минтая, пару часов как вынутого из морозильника. Артура затошнило, он закашлялся, выталкивая драгоценный воздух, и ушел в лужу с головой.

Перед тем как жидкая грязь хлынула в легкие Артура, в темноте перед его закрытыми веками проплыла рыбка. Это был среднего размера выпотрошенный и замороженный минтай. На раздавленном боку отчетливо виднелся след ребристой подошвы — на рыбзаводе на серебристо-бурую тушку наступил неаккуратный рабочий. Слепо смотрели белые глаза, неподвижный рот был открыт. Артур вдруг понял, что он впервые видит морду минтая: в магазины города О. завозили только обезглавленные тушки, — и это почему-то напугало его больше всего. Вымороженные глаза рыбки повернулись,

заглянув Артуру в самую душу, рот вытянулся в страстном поцелуе. Артур судорожно вздохнул и навсегда потерял сознание.

«Усаживайте», — шипела Люда. «Коченеет уже», — огрызался Иван Петрович, мостя чисто вымытый и переодетый в костюм труп Артура на стул. Тело, источавшее сильный запах одеколона, заваливалось на бок, никак не желая принять нужную позу. Иван Петрович отдувался и отирал пот. «Вовка, придержи!» — рывкнул он, оглядываясь, но сына за спиной не оказалось. Иван Петрович разогнулся, потирая поясницу, и выругался.

— Что ж вы при женщине ругаетесь, — осадил его Люда.

Через банкетный зал к ним спешил Вова с мотком проволоки в руках, за ним шел секретарь мэра и какие-то мужики, тащившие веревки.

— Сейчас все устроим, не волнуйтесь, — сказал секретарь и принялся распоряжаться.

Артура прикрутили к стулу, пропуская веревки под пиджаком. Один из мужиков умело прошелся пальцами по лицу Артура, придав ему строгое, но оптимистичное выражение, поправил галстук. В руку вставили стакан.

— Отлично! — воскликнул секретарь, глядя на часы. — Речь подготовили? — отрывисто спросил он у Ивана Петровича. Тот кивнул и смущенно засуетился:

— Сюда, сюда ставьте, рядом с Вовиным. Да не трясите так, опять переделывать придется!

— Бледноват, — критически заметила Людочка.

— Волнуется, — объяснил Иван Петрович, — переживает, бедняга. Стыдится прошлого. Нормально.

Отзвучала традиционная речь мэра, выступил Вова, старательно прочитав написанный секретарем текст голосом, полным горячей благодарности. Банкетный зал нетерпеливо гудел — ждали отцовского слова.

Иван Петрович встал, утирая скупую мужскую слезу, и заговорил певуче, ритмично взмахивая руками:

— Дорогие горожане! Я счастлив поздравить наших детей со вступлением во взрослую жизнь. Много предстоит испыта-

ний, многое сделать придется, чтобы стать настоящими людьми, ответственными специалистами, заботливыми отцами и матерями. Я счастлив и горд, что мой сын оказался достойнейшим, — и не стыжусь суровых отцовских слез. Мой сын оказался лучше меня — не об этом ли я мечтал! Но сегодня все наши дети, как один, сделали уверенный шаг в светлое будущее, и никто не остался за бортом!

Раздались хлопки, и Иван Петрович поднял руку, прося тишины.

— И еще одно радостное событие произошло сегодня. Поздравим и всем вам известного Артура Юрьевича Земляникина! Лучше, как говорится, поздно, чем никогда!

Зал взорвался аплодисментами, зазвенели бокалы. Иван Петрович сел, его доброе лицо сияло. Перегнувшись через стол, он стукнул об стакан, вставленный в руку Артура, и умиленно сказал:

— Ну наконец-то выпьем с тобой по-человечески. Рад я за тебя, Артурка. Не зря за тебя душу надрывал — стал ты наконец человеком! Осторожнее, осторожнее руку жмите, — отвлекся он на налетевших поздравителей, — свалите! Людочка, придерживай!

Люда подпирала труп Артура горячим бедром, обхватывала за плечи, шептала, ласково поглаживая по голове:

— Артурчик, Артурчик, видишь, как хорошо! И зачем упрямился, мучил меня, глупый мальчик... Теперь заживем...

— Вы молодчина, дядь Артур, что решились, — вторил с другой стороны Вова, — дайте я с вами чокнусь!

Людочка ловко наклоняла голову Артура, Вова кивал в ответ и фамильярно подмигивал — мальчишку уже начало развозить. Звенело стекло, и портвейн выплескивался из неподвижного стакана прямо в тарелку с жареным в сметане минтаем — его бок уже был разворочен чьей-то вилкой.

Поднявшись на холм, Артур оглянулся. Пекло затылок, по обочинам сухо шуршала серебристо-бурая трава, но сквозь нее уже пробивались нежные зеленые ростки — их запах, терпкий и незнакомый, щекотал в носу, заставляя морщиться и улыбаться. Рыжая лента дороги тянулась к лежащему позади городу, похожему на кучку кубиков, разбросанных по прилав-

ку «Романтика» нетерпеливым ребенком. Артур удивился тому, что когда-то ему было важно, в каком из этих кубиков жить. «Чемодан забыл», — вспомнил он и рассмеялся, догадавшись, что никакой чемодан ему больше не нужен. В последний раз взглянув на город, Артур отвернулся и, старательно обходя лужицы, зашагал туда, где надрывался невидимый в солнечных лучах жаворонок.

Дмитрий Колодан КРУГИ НА ВОДЕ

Часы остановились в 05:53. Заметил я это не сразу. Я удил рыбу под железнодорожным мостом в Ла-Коста, а когда смотришь на поплавок, время течет по иным законам. Над рекой поднялся такой туман, что о привычном беге секунд можно было забыть. Над водой клубился пар, густой, как взбитые сливки; с прибрежных болот ползли серые лохмотья. В тумане чудилось движение: кривились огромные лица, тянулись изломанные руки, в миг вырастали и исчезали фантастические деревья... Сюрреалистический театр бледных теней. Совсем не страшно, скорее неуютно и тоскливо. Наверное, подобное чувство испытываешь при встрече привидением. Время вязнет, как в патоке: пять минут или час — разница не заметна.

Лишь когда ветер донес гудок поезда, я всполошился. Экспресс проходит по мосту каждое утро ровно в семь, но, судя по часам, он заметно опережал расписание. Спустя мгновение я сообразил, что мигающее двоеточие, призванное отсчитывать секунды, остановилось.

Поплавок вздрогнул, проплыл против течения и нырнул в темную воду. Сразу забыв про часы, я вскочил, схватившись за удочку. До сих пор я не мог похвастаться богатым уловом. В активе значилась лишь небольшая форель, сорвавшаяся с крючка пару часов назад. Проще говоря — минус одна рыба. Все шло к тому, что единственной добычей будет сильнейшая простуда: куртка отсырела до нитки и не защищала от холода.

Правда, жаловаться на отсутствие рыбы было бы нечестно. В рыжем камне, из которого сложены быки моста, сохранились четкие отпечатки ископаемых рыб — пучеглазых панцирных уродцев девонского периода. Следы истории, в пару к затертым щербинам от пуль и осколков. Во время войны мосту досталось изрядно: здесь проходила важная магистраль, и чилийцы бомбили его каждый день. Не знаю, каким чудом он уцелел.

На мост с лязгом и грохотом ворвался состав. Я неловко дернул удочку. Из темной воды появилась серебристая спина, но рыбина сразу ушла на глубину. Леска задрожала перетяну-

той струной, удилище выгнулось. Я отпустил зажим, и катушка закрутилась, стрекоча, будто чокнутая цикада.

Над головой гроыхал поезд. Мост тряся всеми проржавевшими костями, сверху сыпалась колючая пыль. Это надолго — утром перегоняют большие составы, вагонов по сто, а то и больше. От шума рыба совсем ополоумела, заматалась из стороны в сторону — того и гляди спутает леску. Я принялся сматывать катушку, подводя рыбу к берегу.

Даже на мелководье вода была темной, словно крепкий чай. Дна не разглядеть, лишь отступающие волны обнажали глянцевые камни, да колыхались косматые водоросли. Поплавок болтался в воде, похожий на насмешливый ярко-красный глаз. На мгновение я увидел лобастую голову и полукруглый плавник. Накатившая волна швырнула рыбу чуть ли не к моим ногам, захлестнув ботинки и добавив к влажной куртке насквозь промокшие носки. Но мне было не до того. Понимая, что, когда волна отхлынет, мою добычу попросту смоеет, я дернул удочку вверх.

Рыба вырвалась из воды и ударилась о каменную опору моста. Я победно вскрикнул, но радость тут же сменилась досадой: новая волна, куда больше предыдущей, опять ударила по ногам. Я отпрыгнул, косясь на воду. Не ожидал я от реки подобной жадности — всего одна рыба, и ту не отдает. В ответ на мои стенания по темной глади пробежала третья волна. Я метнулся к опоре моста.

Волна настигла меня в паре шагов от каменной стены — поймала и схлынула, словно единственной ее целью было залить мои ботинки. Вот зараза! Я развернулся к реке, грозя кулаком, и замер с поднятой рукой, не веря глазам.

Река встревожилась не на пустом месте, и моя рыба была здесь совершенно ни при чем. Поднять такие волны способен только плывущий корабль, но к тому, каким он окажется, я не был готов.

Против течения плыла черная субмарина. Гул моторов растворялся в перестуке колес и грохоте опор моста, и казалось, лодка движется бесшумно. Туман пугливо расступался перед массивным носом, клубами скатываясь с округлых боков.

Прежде я видел субмарины только на картинках и не представлял, какой огромной она окажется. Возможно, туман

увеличивал размеры, но все равно лодка завораживала. Похожее чувство у меня было, когда я впервые увидел в музее скелет кита. Субмарина же оказалась минимум в два раза больше морского исполина.

Одними колоссальными размерами сходство с китом не исчерпывалось. Только походила лодка не на большеголового кашалота или неуклюжего горбача, а скорее на косатку, кита-убийцу. Подобие сквозило в очертаниях корпуса и в блестящей черной шкуре. Высокая рубка смотрелась как спинной плавник. Субмарина плыла так близко, что я без труда добросил бы до нее камнем. За лоскутьями тумана терялись детали, но кое-что я разглядел отчетливо: выведенный белой краской номер — U-634 — и сразу под ним рисунок отрубленной конской головы.

Удочка выпала, длинное удище колотилось о ботинки. Я наступил на него, пока не уплыло. Протерев глаза, снова посмотрел на лодку. В тумане и не такое привидится, на месте субмарины легко мог оказаться испанский галеон или живой плезиозавр... С тем же успехом лодка могла всплыть посреди бассейна или в аквариуме Отто. Дело не в том, что река мелкая, — глубины достаточно и для более внушительного корабля. Но моей фантазии не хватает представить судно, способное взобраться по плотине гидроэлектростанции.

Однако для галлюцинации лодка выглядела слишком реальной. Влажно блеснул металл, пенилась вода, я видел чуть ли не каждую заклепку и шов. Если б не грохот поезда, наверняка услышал бы и звук работающих двигателей.

Густое облако тумана окутало лодку. Некоторое время я видел темный силуэт, скользящий за белой пеленой, но вскоре пропал и он. Остались тяжелые волны — каждая следующая меньше и меньше.

Опомнился я, когда услышал за спиной громкие всплески. С подводной лодкой я и думать забыл про свой улов. Мост еще гудел, но поезд уже перебрался на противоположный берег. Незаметно рассеялся туман.

Пошатываясь, я подошел к опоре моста. Вода в ботинках не хлюпала — плескалась. Как и пойманная рыбка в маленькой лужице. Размером не больше ладони, угловатая, глаза на-

выкате и какие-то пластины вместо чешуи... Не знал, что в реке водятся подобные уродцы. Намотав леску на кулак, я поднес рыбу к лицу. Та перестала трепыхаться и лишь крутилась вокруг оси. Я ткнул ее пальцем и отдернул руку. По глазам рыбины, черным, словно их залили тушью, растекалась голубоватая поволока. Недолго она протянула на воздухе...

Под ложечкой неприятно защемило. Я вспомнил, где видел такую рыбину. Здесь же, под мостом, отпечатанной в камне. Быть этого не может... Доисторическая рыба на крючке — это посильнее любой подводной лодки. Я прошел вдоль каменной кладки, высматривая ближайший отпечаток. Сходство явное: очертания тела, плавников — все указывало на то, что рыбы принадлежали к одной породе.

Ну и дела... Получается, я поймал живое ископаемое? Реликт девонского периода? Эта маленькая рыбка — настоящая бомба, способная взорвать научный мир. Портрет на обложке «Популярной науки» гарантирован. Надеюсь, на латыни мое имя будет смотреться не слишком глупо.

— Мэд! Мэдисон! — Крик, донесшийся сверху, вернул меня к реальности.

Оторвавшись от созерцания таинственного улова, я поднял голову и увидел высокую женщину в защитной куртке с капюшоном, с большим штативом на плече. Опираясь свободной рукой о камни, она спускалась к реке. На груди болталась тяжелая сумка с оборудованием.

— Привет, мам, — помахал я.

Из-под высоких сапог посыпались мелкие камни и рыхлые комья земли. Я помог ей спуститься и забрал треногу и сумку с фотоаппаратом.

— Рыбачишь? — спросила она, кивнув на удочку.

— Вроде того.

Рыбалку мать не особо жаловала. В списке ее увлечений защита природы стояла далеко не на последнем месте. Но вслух она никогда не упрекала ни меня, ни Отто.

— Давно здесь? — спросил я.

Она пожала плечами.

— Пару часов. Работала ниже по течению. Длинная Челка водила жеребят к реке, я отсняла три пленки. Удалось сделать несколько неплохих кадров.

«Неплохих» — значит, редакция любого журнала о природе оторвет их с руками. Я не стал ее расстраивать тем, что в ближайшее время научному миру будет не до ее лошадок.

— Видела?

— Что? — удивилась она.

— Да так, — отмахнулся я.

Если б видела, то не переспрашивала. Сложно не заметить подводную лодку, но наверняка она увлеклась выстраиванием композиции и не смотрела по сторонам. С ней бывает.

Мать переехала сюда где-то года четыре назад — фотографировать мятных пони. Она хороший фотограф, и дело свое знает и любит. У нее вышло два альбома, несколько статей в журналах и настенный календарь со снимками длинногривых лошадок. Мятными этих пони прозвали за цвет шкуры. На самом деле они белые, но во влажной атмосфере прибрежных болот в шерсти заводится какая-то водоросль, потому они выглядят светло-зелеными. Редчайшие создания — в природе их осталось от силы полсотни. Мать даже основала фонд их защиты.

— Ты домой не собираешься? Завтракать пора. Сколько времени?

— Без семи... Нет, вру — не знаю. Часы остановились.

Про часы-то я совсем забыл. Я потряс рукой без особой надежды вернуть хронометр к жизни. Не будь рядом матери, зашвырнул бы подальше в воду. Но в ее присутствии не стоило так грубо вмешиваться в речную экосистему. Я понятия не имею, какой период полураспада у электронных часов.

Я смотал леску, незаметно припрятав рыбину в кармане. Матери показывать не стал — с нее станется развернуть кампанию в защиту живых ископаемых. И первым под раздачу попаду я: на моем счету уже значится одна загубленная рыба жизнь. Лучше поговорить об этом с Отто. Он живет здесь давно, да и рыболов не в пример опытнее меня. Должен же он что-нибудь знать про этого гостя из девона?

Наш дом, двухэтажный особняк в тюдоровском стиле, стоял в паре километров от железнодорожного моста. Его построил кто-то из предков Отто в конце девятнадцатого века. Не знаю, что им двигало, когда он решил поселиться в такой глухомани. Коммивояжеры и те не рисковали сюда забираться.

Для своего почтенного возраста особняк неплохо сохранился, и войну пережил без особых потерь. По рассказам Отто, здесь квартировалась часть противовоздушной обороны. С тех времен на заднем дворе остались бетонные конструкции, плохо сочетавшиеся с барочным фонтаном, да насквозь прожравевший пропеллер чилийского бомбардировщика, зачем-то укрепленный на крыше. Когда мы подходили к дому, Отто колотил по нему молотком.

Заметив нас, Отто встал в полный рост, рискуя скатиться по черепице, и помахал рукой. Ветер всколыхнул седые космы, придав ему сходство с грозным скандинавским богом Тором. Даже молот в наличии, хотя джинсовый комбинезон на подтяжках несколько портил впечатление.

Я помахал в ответ, и Отто стал спускаться по приставной лестнице. Встретились мы уже на крыльце.

— Привет, привет! — жизнерадостно сказал он. — Успели к завтраку.

Я усмехнулся. Приди мы парой часов позже — все равно бы не опоздали. Отто вытер руки о бедра и протянул мне ладонь. Он каждое утро так здоровался — словно мы не виделись неделю. Кожа у него была грубая и шершавая, как наждачная бумага, а рукопожатие таким крепким, что впору колоть орехи.

— Ну? Как прошла рыбалка? — спросил Отто, когда мы покончили с приветствиями. — Поймал речное чудовище?

Я закашлялся.

— К... Какое чудовище?!

— Разве не знаешь? — изумился Отто. — В реке объявился крокодил-мутант. Зубы с мой палец. Стоит задремать за удочкой — он тут как тут. Клац-клац — и ног как не бывало.

Я невольно опустил взгляд на ботинки. Глядя на мою растерянную физиономию, Отто расхохотался.

— Да ладно. Шучу. — Он хлопнул меня по плечу. — А ты уши развесил, да? Крокодил-мутант, ха-ха!

— Ха-ха, — хмурясь, ответил я. Посмотрим, что он скажет, когда узнает, что я действительно поймал речное чудовище.

В обществе Отто я часто теряюсь. Его дурацкая манера постоянно шутить, по поводу и без, сбивает меня с толку. К тому же я никак не мог понять, как к нему относиться. От-

чимом не назвать, все-таки они с матерью не женаты. Если честно, я даже не знаю, живет она с ним или просто у него.

Тем не менее Отто мне нравился. Забавный тип. Вроде отставной военный, или пытается себя за него выдать. У него в комнате стоит манекен в офицерской форме. Пару раз Отто намекал: форма, мол, его, личная. Однако у меня есть основания сомневаться в его искренности. Такое обмундирование носили при королеве Виктории, Отто же едва перевалило за шестьдесят. Других свидетельств его военной карьеры я не видел — солдатики и модели военных кораблей не в счет.

Я прекрасно помню наше первое знакомство. Дело было в заброшенной бальной зале на втором этаже особняка. Отто стоял лицом к огромному окну и не повернулся, когда я вошел.

— Можешь звать меня Полковником, — строго сказал он. Я невольно вытянулся по струнке. — Был такой знаменитый генерал Ли, а я — Полковник Ли. Легко запомнить.

— Ага. — Я судорожно пытался понять, зачем мать связалась с этим солдафоном.

— Кстати, — сказал он. — Ты учишься в университете? Неплохо, неплохо... Ладно, может, у тебя получится мне помочь. Меня нужна информация по одному животному...

— Вообще-то я изучаю информационные технологии, и с зоологией у меня не очень... — начал я.

— Не перебивай. Водный зверь семейства землероек с длинным носом и ценным мехом. Восемь букв, четвертая «у», предпоследняя «л».

— Выхухоль?

Повисла долгая пауза, после которой Полковник, растягивая слова, произнес:

— Повтори, как ты меня назвал?

Сердце с грохотом скатилось в пятки. Вот и познакомились...

Полковник обернулся через плечо, оценил мою бледную физиономию и расхохотался во все горло. Согнулся чуть ли не пополам, стуча кулаками по коленям. К вечеру того же дня из Полковника Ли он превратился в Отто. Метаморфоза произошла незаметно, но не последнюю роль в ней сыграла бутылка сливового бренди, очень кстати обнаружившаяся в кухонном шкафу.

* * *

За завтраком о рыбалке я старался не говорить. Отто был полезен с расспросами, а в присутствии матери этого бы не хотелось. К счастью, она без умолку болтала о своих пони. К концу завтрака я знал, как подрастают малыши Длинной Челки, что не поделили Угрюмый и Тыква и прочие истории, которым место в книжках для юных натуралистов.

Когда с едой было покончено, мать отправилась наверх, работать с пленкой. После обеда она опять собиралась к реке — жеребята растут быстро, нельзя упускать ни дня. Отто намерился снова лезть на крышу.

— Надо поговорить, — остановил я его.

— Ладно, — насторожился Отто.

Он подошел к холодильнику и достал банку пикулей.

— Ну, что там у тебя? — Он нацепил на вилку маринованный перчик и долго любовался им, прежде чем отправить в рот.

На всякий случай я взглянул на дверь.

— Такой вопрос. Когда ты здесь рыбачил, тебе случайно не попадались, так сказать... странные рыбы?

— Бывало, — сказал Отто. — Однажды я поймал хрустального карпа, такого прозрачного, что можно пересчитать все косточки. В другой раз у меня клюнул вроде сом, но вместо плавников у него оказались лапы. Представляешь — рыба с ногами!

— Я серьезно.

— Я тоже, — сказал Отто. — Поймал что-то интересное?

— Рыбу, которая вымерла несколько миллионов лет назад, — ответил я.

— Как же ты ее поймал? — растерялся Отто.

— На мучного червя, — сказал я. — погоди минутку.

Я сходил в прихожую и вернулся с курткой. Та насквозь пропахла рыбой, впору выбрасывать. Достав свой улов, я положил его на тарелку и протянул Отто. Вот уж поистине экзотическое блюдо.

— Вот тебе раз... — сказал Отто. Он брезгливо ткнул рыбу пальцем.

— Видел такую? — спросил я.

— Живьем — нет. Похожа на отпечатки в камне под мостом, — сказал Отто.

— Именно, — сказал я. — Ну и что думаешь?

Отто поскреб седую щетину.

— Для начала надо твой улов как-то сохранить. А то начинает пахнуть... После будем думать, что с ним делать. Есть у меня пара мыслишек.

Я кивнул. Действительно — толку, если рыба протухнет? Тогда ей прямая дорога на мусорную кучу — и прощайте, мечты о научной славе.

Отто переложил пикули на тарелку, а остатки рассола вылил в раковину. Затем слегка ополоснул посудину под краном, и мы запихали рыбину в банку. Похоже, успели вовремя — пластины, которые были у нее вместо чешуи, уже стали неприятно липкими.

Отто достал из шкафчика бутылку текилы. Выпивки хватило только на две трети банки, пришлось доливать бурбоном. Тот еще коктейль, осталось запатентовать рецепт. Отто плотно закрутил крышку.

— Теперь — прям хоть в музей! — сказал он, рассматривая банку на просвет. В желтой жидкости вид у рыбы был жутковатый. Словно она пробывала в заспиртованном состоянии не один десяток лет. Плавники колыхались, что совсем не прибавляло ей красоты.

— Так какие мысли по поводу рыбы? — напомнил я, когда Отто вдоволь налюбовался на мой улов.

— Пойдем в мастерскую, — сказал Отто. — Там и поговорим.

Он снова потрянул банкой, и мне вдруг показалось, что рыба подмигнула.

Мастерской Отто называл маленькую комнатку под самой крышей особняка. Раньше это была детская, и здесь прошли самые светлые годы его жизни. Сейчас комната и вовсе превратилась в мечту любого мальчишки.

Отто был страстным моделистом, и мастерская выглядела настоящим гимном его увлечению. С потолка на тоненьких лесках свисали самолеты и ракеты, на полках жались друг к другу корабли всех времен и народов, толпились армии солда-

тиков. На столе, переделанном в верстак, возвышался огромный макет испанского галеона, над которым Отто трудился последние три года. Работа близилась к концу, оставалось покрасить корабль и установить такелаж. Но Отто не спешил ставить точку, растягивая удовольствие.

Подойдя к столу, он отодвинул макет и водрузил на его место банку с рыбой. Свет из небольшого окна падал на верстак; стекло засверкало яркими бликами. Отто щелкнул ногтем по банке и спросил:

— Ну, приятель, и откуда ты к нам пожаловал?

Рыба и при жизни не отличалась особой разговорчивостью, и вопрос остался без ответа.

— Я поймал ее под мостом, — пришел я на выручку бессловесному созданию.

— Хм... Когда я говорил «откуда» — я имел в виду не столько место, сколько время...

— А! Думаю, реликт девонского периода... Такое иногда случается — выжила же латимерия?

— Хотел бы я знать, как ее предки выживали, когда здесь была пустыня с динозаврами. Или под ледником.

Я растерялся. Ведь он прав. Чтобы справиться со всем этим, рыбам пришлось бы сильно постараться. Обычно в такой ситуации эволюционируют.

— Это дело рук Германа, — сказал Отто. — Моего деда. Подкинул старикан головной боли, удружил.

— Причем здесь твой дед? — удивился я.

— Твоя рыба — случай, конечно, уникальный, — Отто постучал по стеклу. — Но далеко не единичный... Сорок лет назад здесь видели живого трицератопса. Лет пятнадцать назад на местного почтальона напал неизвестный хищник; судя по описанию — саблезубый тигр. Парень спасся только благодаря богатому опыту общения с собаками. Да я сам видел на берегу следы мамонта. Свежие.

— Прямо Затерянный Мир, — усмехнулся я. — И это связано с твоим дедом?

Отто кивнул.

— Так вышло, что он изобрел машину времени.

Некоторое время я молчал. Просто не знал, что сказать на подобное заявление. Машина времени? Ну да, конечно. Прав-

да, в самой идее «дедушки на машине времени» сквозило тонкое издевательство над ставшим уже классикой парадоксом. Но почему бы и нет?

— Она до сих пор работает? — наконец спросил я.

— Не-а. Взорвалась при первом испытании. Вместе с дедушкой.

— Соболезную, — вздохнул я.

— Я его не знал. Когда все случилось, моему отцу было лет пять. Но бабушка долго писала гневные письма Уэллсу о том, что его глупые идеи лишили ее мужа.

— Не ее одну. — Я задумался. — Погоди... Машина взорвалась? Тогда откуда взялась эта рыба? И динозавр с саблезубым тигром?

Отто пожал плечами.

— После взрыва остается воронка. Здесь — воронка во временной ткани. Большая темпоральная дыра, в которую то и дело что-то падает. Распалась связь времен. Век расшатался.

— И кто призван его восстановить?

Я подошел к полке с моделями. Мое внимание привлек макет подводной лодки, напомнив о таинственной утренней встрече. Я осторожно снял субмарину. Модельный пластик оказался холодным на ощупь; на серебристой пыли остались следы от пальцев. Я подул на макет, в воздух взвилось серое облако, и я чихнул.

— Простыл? — участливо поинтересовался Отто.

— Нет. От пыли, — ответил я, утирая слезящиеся глаза.

Подлодка как две капли воды походила на ту, которую я видел утром. Мне стало не по себе. Темпоральная дыра?

— Полагаю, твоя рыба как раз такой случай, — продолжил Отто. — Жила себе спокойно в своем девоне, никого не трогала. Вдруг — бац! Привет далеким потомкам!

Глядя на модель, я вспоминал утреннюю встречу. Казалось, я вновь вижу блестящие от влаги борта, тяжелый и шершавый металл, длинноствольное орудие и черные дыры торпедных аппаратов, швы и заклепки... Я поежился. Отто был очень хорошим моделистом. Теперь я знал это наверняка. Номер не оставил сомнений — U-634. Имелся даже рисунок отрубленной конской головы.

— Проклятье...

— Что-то не так? — нахмурился Отто. Я кивнул.

— Эта лодка... — Я повертел модель в руках.

— А что с ней? Чилийская боевая субмарина, капитан — Конрад Вайн. С этой лодкой, кстати, связана одна забавная история... Потом расскажу. Макет я делал по оригинальным чертежам. Ради максимального сходства.

— У тебя получилось. Можешь мне поверить. Я сегодня видел такую же, но настоящую.

Отто во все глаза уставился на меня. Я видел, как он проглотил вставший поперек горла комок размером с яблоко.

— Плохо дело, — упавшим голосом сказал он. — Похоже, у нас большие проблемы.

— Проблемы? — переспросил я.

Что-то в выражении лица Отто подействовало на меня как ледяной душ. По спине поползла холодная капля пота. Модель выскользнула из рук и упала на пол, но я не стал ее поднимать.

— Ты ничего не слышал про Конрада Вайна и U-634? — изумился Отто. — Чему вас в университетах учат?!

Я развел руками.

— Хех. — Отто поскреб щетину. — Ладно, попробую рассказать. Конрад Вайн был в своем роде выдающейся личностью. По мне — так лучший капитан подводной лодки, даром что чилиец. Конечно, он был полным психом и садистом. Топил все, что плавало не под чилийским флагом, — суда с ранеными, мирных рыбаков, нейтральные корабли, союзников и сателлитов... Потом всплывал и добивал выживших. Всех.

— Милый тип, — кисло сказал я.

— Не то слово. В конце концов его повесили за военные преступления. Но храбрости ему было не занимать. Ему ничего не стоило напасть на противолодочный конвой, за ним же и посланный. Именно Конраду Вайну принадлежит слава самого отчаянного и смелого рейда за всю историю войны.

Отто хмуро посмотрел на валяющийся у моих ног макет. Смутившись, я поднял субмарину и вернул на место.

— Чилийцы тогда очень хотели взорвать наш железнодорожный мост, но никак у них не складывалось. Налеты каждый день, а все без толку. Тогда решили зайти с другой стороны. Если не получается сверху, то почему бы не попробовать

снизу? Чистое безумие — подняться на подводной лодке по реке в глубь материка, по вражеской территории. Тогда плотины не было... Но не знаю, кто бы, кроме Конрада Вайна, на это решился. Самое смешное — две трети пути он прошел в наводном положении. Никому в голову не могло прийти, что кто-то способен на подобное безумство...

— Но мост не взорвали? — спросил я.

Отто покачал головой.

— В тот раз у него вышел прокол. Почему — не знаю. Я тогда был в эвакуации, да и лет мне было — года три с хвостиком. Но если они не взорвали мост тогда, они могут взорвать его сейчас.

— Так война давно закончилась... — Я прикусил язык, сообразив, какую глупость сморозил.

— Закончилась, — согласился Отто. — А кто на борту лодки знает об этом? Для них война в самом разгаре. Или ты хочешь им рассказать?

— Ну...

— Хорошая идея! Заодно можешь поведать, *как* она закончилась. И не опускай подробностей, про Сантьяго особенно. Капитан Вайн очень обрадуется.

Я прикусил губу.

— Не уверен, что здесь уместен сарказм. Одного не понимаю — ты говорил, капитана подлодки повесили за военные преступления? Но если он перенесся в будущее, то выходит парадокс...

— То, что он перенесся в наше время, не значит, что он в нем остался. Да у него бы ничего и не получилось. Он накрепко привязан к своему настоящему — закон сохранения массы, энергии и еще чего-то там. Все как с йо-йо на резинке. Взрыв машины времени придал подлодке импульс, зашвырнув ее сюда. Но резинка-то никуда не делась. Ее тянет назад, так или иначе она вернет субмарину в свое время.

— Ясно, — сказал я. — Получается, и рыба тоже вернется?

Та пока в девон не спешила. Неизвестно, правда, как это должно проявиться. Просто исчезнет? Мне казалось, сначала она начнет мерцать и переливаться радужными красками. В «Сумеречной зоне» путешествия во времени всегда сопровождались спецэффектами.

— Естественно. И куда быстрее, чем наша подлодка. Смотри: возьмем две резинки — одну растянем на метр, а вторую на пару миллиметров. Ну и где больше сила натяжения?

— Понятно. — Я задумался. — Но тогда остается дожидаться, когда субмарина вернется?

— Другими словами — когда Конрад Вайн взорвет мост.

— Не понимаю, почему он до сих пор этого не сделал?

— Другой капитан так бы и поступил. Но Конрад Вайн будет ждать, когда по мосту пойдет поезд.

— Значит, есть шанс, что он не успеет? — с надеждой спросил я.

— Есть, — кивнул Отто. — Но я бы не стал полагаться. Ты знаешь, на сколько он к нам пожаловал? Я — нет. Может, он уже вернулся, а может, задержится и на пару дней. Следующий поезд пойдет вечером. Кстати, пассажирский поезд...

Я уставился в окно. Отсюда мост не виден, но вдалеке я разглядел коричневую гладь реки, бликующую в лучах осеннего солнца. Тиха и спокойна. И не скажешь, что в глубинах притаилось чудовище. Стальной левиафан, ждущий добычу.

— Надо сообщить властям, — сказал я. — У них должны быть средства выследить подводную лодку. Глубинные бомбы, специальные самолеты... Проклятье, пусть остановят поезда!

— Сообщить властям? — Отто криво усмехнулся. — Флаг тебе в руки — телефон в гостиной. А я послушаю, как ты будешь объяснять, откуда здесь взялась чилийская подводная лодка.

— Тогда надо самим перегородить рельсы, — предложил я. — А лучше взорвать пути...

— Конечно! Не дадим Конраду Вайну пустить под откос наш поезд. Пустим его сами!

— У тебя есть другой вариант? — сорвался я. — Предложил бы, вместо того чтоб критиковать!

К чести Отто, он остался спокоен.

— Пока нет, — сказал он. — Но это не повод пороть горячку. У нас есть немного времени подумать...

Именно в этот момент со стороны реки донесся гулкий грохот. Потом еще и еще... Спустя секунду я понял, что стреляет пушка.

Не сговариваясь, мы с Отто выскочили из комнаты. Ска- тились по лестнице кубарем, толкая друг друга и перескакивая через ступеньки. Проклятье! Неужели Конрад Вайн не стал до- жидаться поезда? Или хуже — незапланированный состав? По- чему именно сегодня?! Ясно одно — надежда на то, что субма- рина сама вернется в свое время, так и осталась надеждой.

В дверях мы столкнулись с моей матерью.

— Вы слышали? — взволнованно спросила она. — Что это было?

Я замялся.

— Гости из прошлого, — сказал Отто. — Чилийская суб- марина.

Мать сурово посмотрела на меня. Я отвел взгляд.

— По кому они стреляют? — спросила она.

— Надеюсь, только по мосту... — развел руками Отто.

— По какому мосту?! Стреляли в противоположной сто- роне!

Мы с Отто переглянулись.

— Но там ничего нет, — сказал я. — Одни болота.

Отто нахмурился.

— Значит, они нашли себе цель...

Признаться, я так и не понял, что он имеет в виду. Следом за матерью мы поспешили в сторону реки, не подумав о том, что можем встретить субмарину и оказаться следующей ми- шенью. К счастью, когда мы вышли, подлодки не было. Ле- виафан затаился, но в том, что он здесь побывал, не было со- мнений. Берег изуродовали глубокие воронки, уже заполни- шиеся мутной водой. Серая грязь мешалась с комьями болотной травы. Жуткое зрелище, словно какой-то великан в приступе безумия скомкал и изорвал берег, как листок бумаги.

Мать схватила меня за плечо так сильно, что мне стало больно, но я не стал высвобождать руку.

— Это... Это же... — Она задыхалась, не в силах подоб- рать слова. Но я понял, что она хочет сказать.

В одной из воронок в грязи лежало переломанное тело мятного пони. Обернувшись, я увидел в соседней воронке ок- ровавленную лошадиную ногу. Медленно я начал считать: три... четыре... пять... Пять мертвых лошадок, включая двух жеребят.

— Твари. — Отто сплюнул.

Меня трясло.

— Но... Проклятье, не понимаю, зачем? Я могу понять мост — война, коммуникации. Но причем здесь пони?

— Помнишь, что нарисовано на лодке?

— О...

— Убийство лошадей — это роспись. Конрад Вайн — самовлюбленный сукин сын. Ему важно, чтобы все знали — это его рук дело.

— Сумасшедший...

Мать оттолкнула меня и, расплескивая грязь, прыгнула в воронку. Схватив мертвого пони за ногу, она стала вытаскивать его на берег. Поскользнувшись, не устояла на ногах и скатилась в коричневую жижу. Грязь на лице мешалась со слезами и лошадиной кровью. Я бросился к ней, но Отто удержал меня.

— Оставь ее, — сказал он. — Сейчас ты ничем не можешь.

Она вцепилась в стебли прибрежной травы и вырвала большой пласт грязи. Размахнувшись, зашвырнула его далеко в реку. Волны подхватили крошечный островок и понесли по течению.

— Пойдем, — сказал Отто. — Надо успеть придумать, как остановить эту сволочь, а времени у нас нет.

— Ты хочешь оставить ее здесь? — Я кивнул на мать. — А если Вайн вернется?

— Не вернется. Он наверняка затаился: думает, что его будут искать. Ей же нужно проститься — для нее пони были как родные.

Всю дорогу до особняка мы молчали. Не знаю, о чем думал Отто, но у меня перед глазами стоял образ оторванной лошадиной ноги. Я никак не мог от него избавиться — до конца дней он будет снится мне в кошмарах.

— У тебя есть взрывчатка? — спросил я, когда мы сидели на кухне. Отто разлил бурбон, но я так и не сделал ни глотка. Тупо смотрел на стакан, а видел воронки от выстрелов.

— Динамит для рыбы? — уточнил Отто. — Нет. Я предпочитаю честную рыбалку.

— Жаль, — вздохнул я.

— Думаешь, подводную лодку можно потопить парой шашек динамита? Бабах — и она всплывет стальным брюхом кверху?

Я пожал плечами. Мысль и в самом деле глупая. Что могут сделать два безоружных человека против боевой субмарины? Помнится, Питер О'Тул в одном фильме оказался в схожей ситуации. Но у него была бомба, гидросамолет и корабль. У нас же — резиновая лодка да пара удочек.

— Нужно устроить так, чтобы подводная лодка вернулась в свое время до того, как по мосту пойдет поезд, — сказал Отто.

— Есть идеи?

— Пока нет. Субмарине нужен толчок... Осталось понять — какой?

Я уставился в стакан. Не я первый, кто ищет там ответ. Странно, что я его нашел.

— Рыба, — сказал я.

— Что?

— Девонская рыба. Ее тоже тянет в прошлое.

— Да. И что с того?

— Если сложить натяжение? Это как столкнуть два катящихся бильярдных шара.

— Сложить натяжение? — Отто задумался. — Хм...

Он вдруг вскочил, опрокинув стул.

— Проклятье! Мэдисон, ты гений! Два бильярдных шара, говоришь? Собирай удочки — мы идем на рыбалку.

У Отто была старая резиновая лодка — темно-зеленая двухместная посудина, вся в заплатках и белесых пятнах клея. Ни разу не видел, чтобы Отто спускал ее на воду; бедняжка который год пылилась в гараже и не мечтала снова выйти в плавание. На веслах выросли густые клочья паутины.

Мы вытащили лодку и расстелили посреди двора. Пока Отто надувал ее велосипедным насосом, я сходил в мастерскую за банкой с рыбой.

Поднимаясь по лестнице, я прокручивал в голове детали предстоящей охоты на субмарину. План был прост до безобразия: выйти на середину реки, рядом с мостом, и ждать, пока всплывет подводная лодка. Только появится, швырнуть в нее рыбу и молиться, чтобы сработало.

Но при всей простоте, в нашем плане было слишком много неучтенных факторов. Во-первых, сама субмарина. Отто утверждал, что рассчитал идеальное место для выстрела по мосту, там и следует ждать лодку. Но если он ошибается? Если субмарина всплывет в паре сотен метров от места — успеем ли мы добраться до лодки прежде, чем она выстрелит?

Во-вторых — рыба. На ней строился весь план, но вдруг она вернется в девон раньше? Чилийцы здорово повеселятся — каким надобно быть идиотом, чтобы идти на подводную лодку, вооружившись одной удочкой. Впрочем, выбора у нас не оставалось.

К счастью, пока рыба не сгнула в реках времени. Я взял банку осторожно, точно готовую взорваться бомбу. Свет причудливо преломлялся в алкоголе, бликовал на стеклянных стенках и отражался от серебристых пластин. Рыбе самое место на музейной полке, но, похоже, не судьба. Вот так и рухнули мои планы войти в историю науки.

Снизу раздались голоса. Выглянув в окно, я увидел, что вернулась мать. Она плакала и что-то кричала, но слов я не разобрал. В конце концов Отто обнял ее за плечи, и я отвернулся. Через какое-то время хлопнула входная дверь.

Я спустился во двор. Отто уже надул лодку, собрал удочки и снасти.

— Как там рыба? — спросил он. Я молча показал ему банку.

К реке мы спустились где-то в километре от моста. Я залез в лодку и перебрался на нос. Отто столкнул ее в воду и запрыгнул следом. Посудина глубоко прогнулась — в другой раз я бы поостерегся на такой плавать. Волны перекачивались через округлые борта. Не прошло и минуты, как под ногами заплескалась приличная лужа.

— Вот дрянь, — Отто стянул ботинок и вылил из него воду. — Надо было надеть сапоги...

Мы выгребли на середину реки. Отто оказался прав — отсюда ажурная громада моста была как на ладони. Лучшего места для прицельного выстрела не придумаешь. Берег, где Конрад Вайн расстрелял мятных пони, скрывала излучина реки.

В мире нет ничего хуже ожидания. Тем паче когда оставались часы. По привычке я то и дело смотрел на циферблат, но видел те же 05:53. В конце концов, эти цифры стали казаться дурным предзнаменованием. А еще говорят, в числе «тринадцать» нет ничего страшного. Ведь если сложить цифры на номере субмарины Конрада Вайна, то тоже получится чертова дюжина.

Отто сидел на корме, закинув удочку в темные воды. Не понимаю, как ему хватало выдержки спокойно рыбачить, когда в считанных метрах под нами притаилось стальное чудовище. Может, рассчитывал выманить субмарину? Но блесна — не та наживка, на которую клюнет подводная лодка. Беззащитный транспорт подошел бы куда лучше.

Я отвинтил крышку банки, и лодка мигом пропахла алкоголем. Надо подготовиться к встрече с Конрадом Вайном. Просто кинуть в подлодку банку слишком рискованно. Что, если стекло не разобьется? Тогда мы мигом лишимся нашего единственного оружия. Я насадил девонскую рыбу на крючок. Все по правилам — крупная рыба клюет на мелкую. Да и размах с удочкой сильнее и легче.

— Так, — сказал Отто. — Давай повторим план...

— Что там повторять? — вздохнул я. — Подлодка всплывает — мы швыряем в нее рыбу...

— У тебя будет один бросок, — предупредил Отто. — Когда увидишь, что рыба вот-вот коснется лодки — отпускай удилище.

— Почему? — удивился я.

— Хочешь, чтобы лодка утянула тебя за собой? Решил познакомиться с дедом?

— Ну, в конце концов меня зашвырнет и обратно? Сам говорил — натянута пружина. В худшем случае погощу пару днейков в прошлом. Не так и страшно

— Пару днейков? — усмехнулся Отто. — Надейся. В свое время ты, конечно, вернешься... С наименьшими затратами энергии. Проще говоря, тебе придется это время прожить.

— Ой...

— Твоя мать меня не простит, — сказал Отто.

Если честно, у меня у самого не было ни малейшего желания возвращаться с обычным ходом времени. Слишком долго. Не говоря о том, что рыба могла утянуть меня прямиком в

девон. Что я буду делать в мире доисторических чудовищ с дипломом программиста?

Солнце катилось к закату. Макушки деревьев на противоположном берегу окрасились густым багрянцем. Свесившись за борт, я вглядывался в воду, высматривая субмарину. Река темнела с каждой минутой. Опустив в нее руку по плечо, я с трудом мог разглядеть пальцы.

— Интересно, — спросил я, — как Вайн узнает, что пора всплывать? У него же нет расписания поездов?

— Потому мы и здесь. Посмотри туда. — Он взмахнул рукой.

— Железная дорога делает крюк в обход болот, — объяснил Отто. — Любой поезд, идущий к мосту, сначала появится там. У Вайна будет предостаточно времени всплыть и подготовится к выстрелу.

— А как он за этим следит? — нахмурился я.

Отто пожал плечами.

— В перископ, наверное. Не сомневайся — у него есть средства.

— Получается, он знает, что мы здесь?

— Естественно, — сказал Отто. — С самого начала знал. Но он не знает, что и мы о нем знаем. Для него мы просто парочка рыбаков. Небольшой, но козырь.

— Да уж. — Я поежился. От мысли, что Конрад Вайн следит за нами, мне стало жутко. Я огляделся — не блеснет ли где зеркальце перископа, — но ничего не увидел. Враг умел прятаться. Я вздохнул: удачей в нашем предприятии и не пахло. Было бы легко швырнуть рыбу в перископ, но нет...

— Началось, — громко прошептал Отто.

Я поднял голову и увидел поезд.

Не знаю почему, но я начал считать. Словно взамен сломавшихся часов в голове включился собственный таймер. Как на бомбе с часовым механизмом. Когда я добрался до тринадцати и почти поверил, что ничего не случится, метрах в пятидесяти вспенилась вода. Громадные пузыри всплывали и лопались с гулким звуком.

Мы схватились за весла. Лодка сильно закачалась и едва не перевернулась. Удочка Отто осталась плавать посреди реки — он не помедлил и секунды, чтобы ее бросить.

U-634 выскочила, точно косатка, бьющая из-под воды морского зверя. Массивный нос высоко поднялся над водой, на секунду замер и потом рухнул с громким хлопком. Громадная волна подхватила нашу лодочку и отбросила далеко назад. Только чудом мы не перевернулись. Мы с Отто гребли что было сил, и все для того, чтобы остаться на месте.

Сейчас, когда субмарину не прятал туман, она казалась еще больше. Она немного проплыла вперед, разворачиваясь к мосту.

Я налег на весло. До подлодки оставалось метров двадцать — забрасывать удочку слишком далеко. А времени не оставалось. Я уже слышал лязг открывающегося люка. Сейчас они вылезут, и тогда... Пристрелят за милую душу и не спросят, как зовут.

Наша лодка зарылась носом и зачерпнула ведро воды. От толчка я чуть не свалился за борт. Не понимаю, как мы держались на плаву. Дальше грести было бессмысленно. Отто тоже это понял и отшвырнул весло.

— Давай! — крикнул он. — Пора.

Я схватил удочку. Для хорошего броска надо встать, но делать это в посудине, которая и так готова пойти ко дну, я не рискнул.

Я устоял на конскую голову, выбрав ее в качестве цели. Лошадь была белая, но подводные странствия покрыли ее тонкой пленкой водорослей. С обрубка шен стекали темные струйки воды, словно голова до сих пор истекала кровью. Нужен хороший размах...

Девонская рыба шлепнулась о воду метрах в пяти от лодки. Выругавшись, я стал сматывать леску, мысленно благодаря того гения, который изобрел автоматические катушки.

— Встань! — заорал Отто. — Так ты ее не зацепишь!

— Но...

Отто на карачках подполз ко мне и обхватил за ноги.

— Встань!

Я выпрямился. Лодка сильно накренилась, готовая перевернуться. Тяжелый люк субмарины приподнялся, и оттуда выглянул небритый мужчина в пилотке. Повернувшись к нам, он что-то крикнул, но я разобрал только слово «idiota».

Один бросок. Второго шанса не будет. Я изо всех сил взмахнул удочкой, вслушиваясь в вершение катушки, в свист,

с которым леска резала воздух... Мелькнув над головой, девонская рыба устремилась к субмарине.

— Отпускай!

Я разжал руки, отпуская удочку. Подняв пистолет, мужчина дважды выстрелил. В то же мгновение рыба ударилась о лошадиную голову.

В «Сумеречной Зоне» все врут. Не было таинственного мерцания и радужных переливов. Куда больше это походило на огромную воронку. Субмарину засосало так быстро, что я не успел понять, что происходит. Долю секунды назад она была здесь, и вдруг все...

— Проклятье! — будто издалека донесся голос Отто.

Я посмотрел на него, запоздало понимая, что в нас стреляли. Если не попали в меня, то обе пули достались...

— Этот идиот прострелил нашу лодку! — обиженно воскликнул Отто. — Теперь придется плыть самим.

Лодка сдувалась, продавливаясь под нашим весом. Воздух с шипением вырывался из простреленных баллонов. Еще чуть-чуть — и мы будем по шею в воде.

Вдалеке из-за поворота появился поезд, а спустя секунду он въехал на мост. Целый и невредимый. Желтые прямоугольники окон слились в светящуюся линию, и только глядя на них, я понял, что уже стемнело.

— Сколько времени? — ни с того ни с сего спросил Отто. Я автоматически посмотрел на часы.

— Шесть... О!

— Точно по расписанию, — усмехнулся Отто.

Я рассмеялся и прыгнул в воду. До берега всего ничего. Мы победили левиафана, что нам теперь проплыть сто метров?

РЕПТИЛИИ И АМФИБИИ

...Земноводные, или амфибии, сильно отличаются от всех вышеописанных позвоночных. В жизни их нужно различать два периода: в молодости они сходны с рыбами и дышат жабрами, а затем постепенно превращаются в животных с легочным дыханием. Таким образом, в цикле развития земноводных имеет место превращение, которое почти не встречается у других позвоночных...

Альфред Брем. «Жизнь животных»

Дмитрий Колодан ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ ЗЕМЛИ

Полуденное солнце нещадно жгло лысую макушку Барни Вторника. В укрытии, посреди живой изгороди из олеандра, было душно и влажно. От земли поднимался сладковатый запах прелой листвы и плесени, такой плотный, что, казалось, его можно потрогать руками. Дышать в такой атмосфере сложно — что ни вдох, то глоток водной взвеси. Легкие для этого едва лигодились, и Барни в который раз пожалел, что природа не наделила его жабрами, как у амфибий.

Он слизнул с верхней губы капельки кислого пота. Барни тяжело переносил жару — ничего удивительного в его возрасте и при таком весе. Подобные игры с давлением хорошо не кончатся — повезет, если отделается лишь головной болью от перегрева. А если тепловой удар? Или того хуже — сердечный приступ? Перспектива отнюдь не радовала, однако на карту поставлено слишком многое, чтобы думать о собственном здоровье. Он ведь солдат, ни больше ни меньше, считай, последняя надежда человечества. У него нет права отступить. Барни с силой прижал ладонями наушники, вслушиваясь в еле различимые звуки.

Акустическая ловушка тянулась по всему периметру изгороди. Изобретение было простым и гениальным; Барни им гордился и не скрывал этого. Основу ловушки составляли полторы сотни консервных банок, врытых в мягкую землю на три четверти и соединенных друг с другом медной проволокой; к концу провода припаян шнур от наушников. Два вечера Барни посвятил сложнейшим расчетам, вычисляя места, в которых следовало поместить банки. Почти целую неделю ночами собирал и устанавливал всю конструкцию. Зато теперь он мог перехватить малейший шорох с соседского двора. Сейчас, правда, в наушниках раздавалось только шуршание — наверное, это растущие корни вгрызаются в почву. Он приготовился ждать.

Его старая морская фуражка сейчас виднелась из-за парника. Барни с тоской поглядывал в ее сторону — для защиты от солнца она бы не помешала. Однако возложенная на нее

миссия была гораздо важнее. Час назад он сам надел ее на голову огородного пугала. Отвлекающий маневр, полный истинно шпионского изящества. Теперь анархисты никогда не догадаются, как близко Барни подобрался к их логову. Они наверняка пребывают в полной уверенности, что он пропалывает сорняки или собирает слизняков на грядке с капустой. Мнимое чувство безопасности — именно то, что хотел внушить им Барни. Оставалось дожидаться, когда они клюнут на живую.

Хотя олеандровая изгородь и выглядела как граница между дворами, она полностью располагалась на соседнем участке. По сути дела, Барни был на чужой территории, можно сказать — в стане врага. Риск кружил голову, как отменное бренди.

Двухэтажный дом едва просматривался сквозь перекрестия ветвей и густую листву. Его хозяйкой была Августа Басманти, и на месте Барни многие бы гордились подобным соседством. В шестидесятые она была легендой, и не только из-за романа с Джорджем Хариссоном. Созданный ею этнонигилизм стал предтечей чуть ли не половины существующих музыкальных стилей, а идеи, которые она пропагандировала — смесь анархо-коммунизма с восточной философией, — были весьма популярны у хиппи. Сейчас, насколько знал Барни, Басманти отошла от дел, разве что спонсировала фонд для одаренных музыкантов-вегетарианцев. При этом одаренность в поедании растений ценилась значительно выше, чем прочие способности. Но благотворительные штучки были всего лишь прикрытием.

О ее истинных целях Барни узнал случайно. Произошло это спустя месяц после того, как Басманти с очередным мужем поселилась в доме по соседству.

В то утро Барни работал в парнике — экспериментировал с японским редисом. Опыты крайне важные, в дальнейшем они должны были совершить переворот в сельском хозяйстве. В общих чертах все сводилось к построению нужной атмосферы. Проблема с овощами в том, что они часто скучают по исторической родине. Так называемый «зов соков» не дает им покоя. Великий картофельный голод, в свое время наделавший столько шороху в Ирландии, был вызван именно тем, что

ненароком залетевшая фитофтора напомнила клубням об Андах. А в итоге ирландцы заполонили полмира. Догадайся кто построить ступенчатую пирамиду, катастрофы можно было бы избежать, а заодно значительно повысить урожайность.

Впрочем, как всякий истинный ученый, Барни понимал, что любая, даже столь убедительная теория требует экспериментального подтверждения. Японский редис подходил для этого как нельзя лучше. Создать нужную атмосферу не сложно — достаточно развесить в парнике сложенные из бумаги фигурки. Познания Барни в оригами ограничивались вырезкой из «Популярной науки», где была нарисована схема складывания журавлика. Маловато, конечно, но, к счастью, редис не выглядел как овощ, склонный к разнообразию. Барни решил компенсировать недостаток качества атмосферы ее количеством, увлекся, и вскоре теплица стала походить на страшный сон оригамиста. Однако результатами эксперимента Барни был доволен. Овощи росли быстро и обещали неплохой урожай. Правда, обычный редис на контрольной грядке ничуть не отставал в своем развитии, но, возможно, причиной была тяга к чужой культуре.

От постоянной влажности журавлики быстро размокали, и приходилось все время менять фигурки. Барни как раз развешивал очередную порцию бумажных птичек, когда снаружи раздался страшный грохот. Запотевшие стекла задребезжали, на мгновение Барни решил, что началось землетрясение. Только выскочив на улицу, он понял: встряска не имеет никакого отношения к колебаниям литосферных плит. Причиной были звуки, доносящиеся из соседнего двора.

Это была музыка, хотя Барни сильно сомневался в уместности слова. Визги, скрипы, стоны, глухие удары сплелись в чудовищной какофонии, за которой невозможно было различить и намек на мелодию. Основой был низкий, тягучий гул: Барни его не слышал, но ощущал всем телом. Пошатываясь, он добрал до изгороди и посмотрел вверх клубящихся ветвей и розовых цветов.

Прямо посреди двора стояла странная конструкция, судя по всему — некий музыкальный инструмент, похожий на гибрид органа и двигателя парового трактора. Гофрированные шланги паутиной опутывали высокие закопченные трубы, тя-

желые шатуны раскачивали мехи из просмоленного брезента, вертелись толстые шестеренки. Нагромождение механизмов крепилось к восьмиколесной платформе и соединялось с клавиатурой от фортепьяно. За клавиатурой, прикрыв глаза, сидела Августа Басманти. На желтушном лице маской застыли тоска и сосредоточенность. Барни она напомнила ожившую индуистскую богиню с древнего барельефа. Изредка Басманти нажимала пару клавиш или брала легкий аккорд, в основном же пальцы оставались неподвижными. Алекс Эйхе, ее молодой муж, стоял рядом и задумчиво грыз ноготь мизинца.

Барни хотел крикнуть, чтобы они немедленно прекратили издевательства над его слухом, но понял, что голос попросту потеряется в шуме. А пока он думал, как бы привлечь к себе внимание, они сами его заметили. В какой-то момент музыка прекратилась, и Басманти резко повернулась в его сторону. Растерявшись, Барни помахал рукой. Соседи не соизволили ответить на приветствие. В глазах Алекса он прочитал глубочайшее презрение, во взгляде Басманти — скуку. Барни стало как-то неуютно, он, извиняясь, улыбнулся и отошел от изгороди, сам не понимая, почему должен чувствовать себя виноватым.

Всю ночь Барни не мог уснуть. Хотя звуки больше не повторялись, он никак не мог выкинуть их из головы. Что-то в самой структуре ритмов не давало ему покоя. Он раз за разом прокручивал их в голове, пытаясь докопаться до сути и отмечая одну теорию за другой. Озарение пришло лишь под утро, когда он попытался рассчитать, к чему приведет распространение акустической волны в перпендикулярно поверхности Земле. О взглядах своей соседки он знал немного, но сведений оказалось достаточно, чтобы со всей ясностью увидеть ее чудовищный план.

На следующий день загадочный инструмент исчез. Барни не сомневался, что причиной тому было его случайное вмешательство. Басманти и Алекс явно не хотели, чтобы кто-то еще узнал об их целях. В первый раз они допустили оплошность, во второй этого не случится. Он остался с ними один на один. Правда, кто знает, может, за Басманти стоит целое тайное общество? Про себя Барни называл их анархистами, сам не до

конца понимая, что вкладывает в это понятие. Но у врага должно было быть имя.

Оставалось найти доказательства. К несчастью, первая попытка добраться до инструмента закончилась провалом, как и две следующие. Но Барни не сдавался, и теперь, когда у него появилась акустическая ловушка, он был близок к успеху:

Время тянулось медленно, словно патока. Барни то и дело косился на часы, всякий раз изумляясь показаниям стрелок. Он был уверен, что лежит здесь не меньше часа, на деле же прошло всего двадцать минут. В наушниках по-прежнему ни одного постороннего звука. Барни мысленно перебирал свои записи, пытаясь понять, не прокралась ли в расчеты какая-нибудь ошибка. То, что он не видел изъянов, еще ничего не значило. Математика — штука хитрая; полностью полагаться на цифры — чересчур самонадеянно, слишком уж они непостоянны.

Барни вдруг замер, прислушиваясь. Показалось или? Нет. К уже устоявшейся картине явно добавился еще один звук. Что удивительно, доносился он не из наушников. Кто-то шел вдоль изгороди, насвистывая незамысловатый мотивчик. Немного повернув голову, Барни увидел приближающиеся ноги. Хватило одного взгляда на сверкающие на солнце ботинки, чтобы понять, *кто* идет. Во всей округе только у одного человека обувь выглядела так, словно стояла как новое авто. У Алекса Эйхе.

Барни едва не захлебнулся от волнения. Сердце разом перескочило на четвертую скорость; перед глазами поплыли круги. Каждый выдох звучал как рев ветра в узком ущелье. Он попытался повернуться, немного облегчить или хотя бы приглушить дыхание. Делать этого явно не стоило — комплексия Барни совсем не способствовала незаметным перемещениям. Он зацепился за какую-то ветку, и она с громким треском обломилась. Проклятье! Барни хотел вскочить и броситься бегом к дому — там-то они точно до него не доберутся. Лет двадцать назад он бы так и сделал, а сейчас даже чтобы сесть, потребовалось собрать все силы.

Алекс остановился напротив и молча ждал, пока Барни поднимется на ноги. Прекрасно понимая, как жалко выглядит, Барни все же попытался сохранить лицо:

— Я все про вас знаю. — Голос прозвучал хрипло и пискляво. Ни капли того величия, на которое он рассчитывал.

Алекс брезгливо поморщился, чуть не сплюнул.

— Старый жирдяй, — процедил он. — Опять ты здесь ползаешь? Пошел вон. Псих ненормальный.

Звонок телефона застал Нортон Филберта за ежемесячным осмотром коллекции садовых жаб. Худшей подлости и не придумаешь.

К этому дню Нортон готовился всю неделю, а начиная со среды он фактически жил предвкушением очередной встречи с чудом. Вчера он облазил самые укромные уголки двора и сада, собирая расставленные тут и там керамические и металлические статуэтки. Сейчас жабы рядами стояли на кухонном столе, за исключением трех самых больших, место которым нашлось только на полу. Всего их было восемьдесят пять; как и следовало ожидать, две жабы бесследно исчезли.

Они пропадали всегда. Каждый раз, перебирая коллекцию, Нортон не досчитывался как минимум одного экспоната. Причины исчезновений его мало интересовали. Вернее, Нортон решительно не хотел знать как, куда и почему пропадают его жабы. В этом и было волшебство, любое знание его бы убило. У самого Нортон имелось не меньше сотни самых невероятных теорий, объяснявших загадочные миграции, и его радовала сама возможность придумывать новые. Инопланетяне, гоблины, китайские колдуны и иностранные разведки... Вокруг жаб сплетались сети бесчисленных заговоров, жизнь бурлила как гейзер, и эти чудеса творились на его заднем дворе.

Редко, но случалось, что некоторые жабы возвращались. Подобные создания были у него на особом счету. Многих восхищают истории о кошках или собаках, которых увозят за тысячи километров от родного дома, а они все равно находят обратную дорогу. Бронзовой или глиняной жабе вернуться в сто крат сложнее. До сих пор, правда, еще ни одна из путешественниц не соизволила привезти из своих странствий какой-нибудь сувенир, хотя бы открытку, но Нортон верил: рано или поздно случится и это.

Телефон взвизгнул в тот самый момент, когда он протира́л тряпкой один из любимых экспонатов — почти круглую

статуэтку глазированного фарфора, заказанную по каталогу прямо из Китая. Первый раз эта жаба потерялась еще на почте, и нашлась спустя полгода на дне багажника, с грязной тряпкой в распахнутой пасти.

Звонок прозвучал столь неожиданно, что Нортон выронил статуэтку. Как и следовало ожидать, упала она на ногу. Нортон вскрикнул, скорее от обиды, чем от боли, и укоризненно посмотрел на жабу. Вот так вот: заботишься о них, лелеешь, а в благодарность они падают на ноги. Жаба откатилась под стол и остановилась. На морде застыло выражение глубочайшей задумчивости и самодовольства.

Прихрамывая, Нортон добрался до телефона, сорвал трубку и прокричал:

— Слушаю!

— Господин Филберт, я полагаю? — раздалось после непродолжительного молчания.

— Ну, естественно!

— Племянник Бернарда Вторника и его ответственный опекун? — уточнил звонивший.

Нортон насторожился.

— Да.

— Добрый день, меня зовут Грег Хокинс, старший инспектор социальной службы.

Нортон с тоской посмотрел на жаб. Ну, вот и все: конец надеждам на день выдуманных приключений.

— Час назад нам поступила жалоба на вашего подопечного. Покушение на чужую собственность, порча имущества... всего восемь пунктов.

— Опять? — только и смог сказать Нортон.

— Вы понимаете, что это третья жалоба за последний месяц?

— Да, но...

— Нам ничего не остается, кроме как принять меры. Ваш дядя опасен для общества. Боюсь, мы будем вынуждены настаивать на принудительном лечении.

Нортон проглотил застрявший в горле комок. Дело принимало неприятный оборот.

— Кроме того, — не унимался инспектор, — вы подписывали документ, в котором обязались следить за вашим дя-

дей и не допускать подобных происшествий: Не похоже, чтобы вы справлялись. Штраф — самое малое, что вам грозит.

— Я... — Нортон вздохнул. — Хорошо, я все улажу. Обещаю, это было в последний раз.

Дом Барни стоял в самом конце улицы. Нортон добрался до него меньше чем за четверть часа. Оставив машину на подъездной дорожке, он быстрым шагом направился на задний двор.

Голова дяди виднелась из-за парника. То, что он работает в саду, успокаивало. Если дядя еще находит силы копаться в земле, значит, все не так уж плохо.

— Барни! — крикнул Нортон. Ответа не последовало. Он прошел вдоль стеклянной стены и свернул за угол.

Фуражка, которую Барни не снимал даже ночью, висела на огородном пугале. Нортон застыл с раскрытым ртом, на какое-то мгновение уверившись, что дядя, окончательно растеряв рассудок, превратился в чучело. Легендарный Страшила искал ум, чтобы стать человеком, а здесь, очевидно, имел место обратный процесс.

— Ага! — раздался за спиной голос дяди. — Хоть кто-то попался на эту уловку.

Нортон с вздохом повернулся. Барни стоял, упревая руки в бока, и широко улыбался. Выглядел он помятым, но весьма довольным собой. К огромному животу словно орден прилип смятый листок олеандра.

— Привет, племянник, — пророкотал Барни. — По делу или решил пропустить стаканчик в хорошей компании? Погодка-то самая подходящая.

— По делу. Мне позвонили по поводу твоей недавней выходки. — Нортон старался, чтобы голос звучал как можно строже.

— Кто звонил? — спросил Барни.

— Из социальной службы. На тебя опять поступила жалоба от соседей.

— Так я и думал, — кивнул Барни. — Хорошо.

— Ничего хорошего, — мрачно сказал Нортон. — Тебя хотят поместить в клинику. Знаешь, чем это обернется?

— Догадываюсь, — усмехнулся Барни.

— В лучшем случае — таблетки. А то и электрошок. Согласись, не лучший способ узнать, как и о чем думают овощи.

Барни фыркнул.

— Думаю, тебе стоит недельку пожить у меня. А еще лучше — месяц. Жара плохо на тебя влияет, тебе надо успокоиться.

— Я не могу, — покачал головой Барни. — Не имею права бросить свой пост. Когда Земле грозит неминуемое уничтожение... Им ведь только и нужно, что убрать меня подальше.

— Кому? — закатил глаза Нортон, уже предвкушая ответ.

Барни указал взглядом на соседский дом и прошептал одними губами:

— Им. Анархистам...

Нортон медленно кивнул. Он и не думал, что все зашло так далеко. У тети Селесты еще получалось хоть как-то удерживать мужа в границах реальности, но два года назад она умерла, и с тех пор дела Барни шли хуже и хуже. И вот он, результат — в соседнем доме живут анархисты, которые собираются уничтожить мир. Любой врач даже не задумается, ставя диагноз.

Нортон решил зайти с другой стороны. Главное сейчас — заманить дядю к себе домой: там уж он постарается задержать его как можно дольше.

— Что ж, раз ты должен быть здесь, значит, так и надо. Ну, а на часик зайти не хочешь? По паре банок, а? У меня, кстати, есть пополнения коллекции...

— По паре банок? — задумался Барни. — Это, думаю, можно.

— Почему ты на нее взъелся? — спросил Нортон, когда они сидели у него на кухне и пили пиво в странной компании садовых жаб. Барни развалился на диване — в доме Нортон не так уж много мебели подходило такому крупному человеку. Племяннику пришлось сесть на подоконник.

— Я не спорю, Басманти неприятная особа, а уж ее... — Нортон замялся, подбирая подходящее слово, — ...кавалер и вовсе мерзок. Человек живет с женщиной, которая ему не в матери, а в бабки годится. Мерзость, согласен. Но уничтоже-

ние мира — это уже слишком. Как они это сделают? У них в подвале ядерная бомба?

— Ядерная бомба? — усмехнулся Барни. — Если бы все было так просто! Все дело в ритме.

— Каком ритме? — не понял Нортон.

— Что-то вроде: тум, ту-тум, тум, ну и так далее.

Нортон сделал маленький глоток.

— И? Звучит, конечно, зловеще, но не более. Или это одна из тех мелодий, которую раз услышишь и уже никогда не выкинешь из головы? Этаким музыкальный Заир. Басманти, кажется, славилась именно такими песенками. Новый хит на радио, а человечество сходит с ума. Угадал?

Барни смерил Нортон уничтожительным взглядом.

— Я оплачивал твое обучение в колледже. Чему тебя учили?

— Истории искусств, в основном...

Барни грустно покачал головой.

— Так я и думал, что тыпустишь деньги по ветру. Твое образование, что твои жабы: выглядит внушительно, а внутри пусто. Ладно, попробую объяснить по-простому. Есть карандаш и бумага?

— Найдется, — кивнул Нортон.

Он принес дяде пару листов, огрызок карандаша и альбом с репродукциями Уистлера, чтобы было на чем писать. Заставлять Барни идти до стола было слишком жестоко.

— Смотри, — сказал Барни, рисуя неровный круг. — Допустим, это Земля. Общее устройство, думаю, тебе знакомо? Этому учат в школе — вот кора, здесь мантия, тут ядро...

Листок заполнили концентрические круги.

— Теорию Эйлера оставим в стороне, доказательств адмирала Берда недостаточно, чтобы признать ее истинной. Про дрейф континентов ты тоже не слышал? В общем, твердая оболочка Земли плавает на жидкой магме. В центре находится кристаллическое ядро. Обрати внимание на слово «кристаллическое», то есть имеющее упорядоченную структуру. А теперь смотри... Как известно, жидкость является наиболее подходящей средой для распространения акустических колебаний. Фактически, некоторые волны способны проходить сквозь жидкость, не затухая, а усиливаясь. Видел, наверное,

как певцы разбивают голосом стаканы? Явление, известное как резонанс. Подумай, что произойдет, если на структуру ядра воздействовать резонансной волной? Взрыв! Вся планета разлетится на куски. Бабах! — и все. *Finita*. Конец истории. Только твои жабы и останутся. Как говорится, жабы наследуют землю.

— Ты искажаешь цитату, — заметил Нортон. — Речь шла...

Барни отмахнулся:

— Не суть важно. Они нашли эту волну и уже готовы запустить ее. Тум, ту-тум, тум. От Земли вот-вот ничего не останется, и то, что я единственный человек, который это понимает, ничуть не умаляет угрозы.

Нортон осторожно взял листок. Даже его скромных познаний в естественных науках хватило, чтобы увидеть всю нелепость дядиной теории. Но спорить он не рискнул — у Барни наверняка в запасе есть еще огромное количество доводов, опровергнуть которые Нортон не сможет.

— И зачем им это нужно?

— Как зачем? — удивился Барни. — Это же анархисты. Они же ненавидят мир и способны на многое, лишь бы его уничтожить. Ты посмотри на Басманти — у нее на лице написана эта ненависть. И еще скука. А скучающие люди в сто крат опаснее.

— Полей ее водой. Если она действительно такая ведьма, как ты расписываешь, она должна исчезнуть.

Барни нахмурился.

— Не уверен, что сработает. Хотя, если принять во внимание многолетнее вегетарианство и, как следствие, низкий процент жиров, при повышенной кислотности...

Нортон уже пожалел, что поднял эту тему.

— Ну хорошо, допустим, все настолько плохо. Тогда почему твои анархисты до сих пор не уничтожили Землю?

— Они чего-то ждут... — задумчиво протянул Барни. — Хотел бы я знать, чего?

— Может, они шантажируют мировые правительства? Тогда беспокоиться не о чем, получают они свой миллиард и дело с концом.

— Ты не знаешь анархистов, — Барни вздохнул. — Деньги их не интересуют.

— Тогда — удачного расположения звезд? Лишь Сириус войдет в созвездье Девы...

— Сириус? — Барни задумался. — Сириус слишком далеко, чтобы оказать на Землю хоть сколько-нибудь заметное влияние. В отличие от Солнца или Луны, которые...

Барни замолчал. На широкое лицо медленно напозла задумчивая отрешенность. Нортон прекрасно знал это выражение — свидетельство того, что в голове дяди сцепились какие-то шестеренки, направив поток мыслей в совершенно неожиданную сторону.

— Полнолуние! — вскричал Барни. Вскочив с дивана — при его комплекции зрелище феерическое, — он кругами забегал по кухне. Нортон испугался за свою коллекцию: не многие экспонаты были в состоянии без потерь пережить столкновение с дядей.

— Что, полнолуние?

— Неужели не понятно? Магма — та же жидкость, она подчиняется тем же законам. Приливы и отливы, вот в чем дело! Когда ближайшее полнолуние? Они начнут именно тогда...

Нортон облегченно вздохнул:

— Оно два дня как прошло.

Барни повернулся к племяннику:

— Точно?

— Абсолютно. Так что у тебя есть почти месяц.

Барни расплылся в улыбке.

— Почти месяц! — Он обрушился на диван, и тот затрепал от возмущения.

Новость настолько успокоила дядю, что Нортон уговорил его остаться до конца следующей недели. Они болтали до поздна, пока Барни не задремал. Нортон не стал его будить — только укрыл шерстяным одеялом и со спокойной душой отправился спать.

Ущербная луна заливала кухню мерцающим серебристым светом. Широко раскрыв глаза, Барни Вторник смотрел в потолок, слушая звуки ночи: шелест листвы, стрекот сверчков и низкое шипение собственного дыхания. Где-то далеко кричал козодой.

Бессонница вернулась около полуночи. Наверное, возраст — даже пиво не помогает сну. Одеяло казалось невероятным тяжелым, диван — страшно неудобным: Барни даже не пытался ворочаться, все равно без толку.

Итак, у него есть еще месяц. Странно, конечно, что анархисты пропустили прошлое полнолуние. Впрочем, куда ему понять, что творится в их выжженных злобой и скукой мозгах? Значит, они будут дожидаться следующего прилива магмы. А будет это...

Ужас холодной волной прокатился по телу Барни. Проклятье! Он не учел инерцию и трение — сизигийный прилив отстает от лунного цикла на два дня. Они начнут сегодня!

Барни с трудом выбрался из плена одеяла. Схватил карандаш и листок, на котором объяснял Нортону концепцию акустического уничтожения Земли, и, шлепая по холодному полу, добрался до стола. На Барни со всех сторон смотрели бесчисленные садовые жабы — в их молчаливых взглядах он почувствовал поддержку и одобрение. Давай, Барни Вторник! Мы верим в тебя, мы на тебя надеемся.

— Я не подведу, — прошептал он.

Барни впился зубами в кончик карандаша. Он должен понять, как их остановить. Если икс...

Уравнения стремительно разрастались, заполняя собой все мыслимое пространство. Это полнолуние: цифры тоже подвержены приливам. Но с ними он мог справиться, должен был. Старая добрая математика — только она способна спасти мир.

Лист быстро кончился, а искать новый не было времени. К счастью, рядом лежала книга с непонятными картинками — Барни начал с форзацев, а вскоре уже писал на полях. Если правильно подсоединить провода и создать соответствующее электромагнитное поле... Слишком сложно.

Ему нужно как-то перехватить волну. Звук, выведенный в другую плоскость, уже не представляет никакой опасности для планеты. Кроме того, если он рассчитает подходящий угол, отраженная волна вернется к источнику, и от жуткого инструмента не останется ни щепки, ни гайки. Главное — найти приемник.

Консервные банки не годились — слишком маленький объем. Барни затравленно огляделся, но вокруг были лишь

жабы. Он вцепился в последний клоч волос на затылке. Неужели все? Еще чуть-чуть, и взрыв разнесет Землю, а он так и не сможет ее спасти.

Барни в сердцах пнул ножку стола. Удар прошел мимо и достался одной из стоящих на полу жаб, которая отозвалась обиженным гулом. Не чувствуя боли в ушибленном пальце, Барни зачарованно вслушался в низкий звук и чуть не рассмеялся от счастья. То, что нужно!

Бронзовая жаба была размером с поросенка; Барни поставил ее на стол и осмотрел со всех сторон. Вроде китайская, если судить по бугристой коже, хитрому прищур и ожерелью из монет с иероглифами. Для его целей она подходила идеально: раскрытая пасть сработает прекрасным резонатором, а внутренние пустоты направят звук в нужную сторону. Если он сможет установить ее в непосредственной близости от инструмента, планы анархистов попросту рухнут. Зажав амфибию под мышкой, Барни поспешил к двери.

Нортон проснулся от громкого стука. Похоже, хлопнула дверь. Он мысленно отругал себя за то, что не догадался закрыть ее на щеколду. Вот теперь ночные сквозняки гуляют по дому.

Он перевернулся на бок и некоторое время лежал, думая, чего же хочет больше — пить или все-таки дальше спать. Жажда вроде побеждала, однако вылезать из-под теплого одеяла было лень. Но сон медленно отступал, и наконец Нортон нашел в себе силы подняться.

Зевая и щурясь, он спустился на кухню. В холодильнике нашлась банка колы. Нортон осушил ее за три глотка и прижал прохладную и влажную жестянку ко лбу. Прислонившись спиной к стене, он огляделся.

Пропажу он заметил сразу. Едва ли не самая большая жаба, патриарх его коллекции. С кем, с кем, а с ней никогда ничего не случалось. А тут — нате! Нортон отчетливо помнил: вечером она стояла под столом. Сейчас ее там не было. Это не лезло ни в какие ворота: если жабы начинают исчезать прямо из дома, значит, случилось что-то совсем невероятное.

Охваченный внезапным подозрением, Нортон повернулся к дивану. Скомканное одеяло валялось на полу. Нортон ударил по выключателю.

На столе лежал раскрытый альбом Уистлера. Нортон с ужасом уставился на репродукцию «Девушки в белом», исполосованную таинственными формулами и уравнениями. Похоже, он недооценил степень безумия своего дяди. Полнолуние! Какие к черту приливы, когда это чистой воды обострения?

Он даже не думал о том, куда направился Барни. И так ясно — к дому Басманти. И их судьба теперь предрешена: дядю ждет электрошок, а его — исправительно-трудовые работы за ненадлежащее выполнение обязанностей.

Нортон пулей выскочил из дома. Барни не мог уйти далеко — при его весе не побегаешь, — если постараться, можно догнать. Нортон рванул к машине, но вспомнил, что ключи остались дома. Пока он будет их искать, Барни успеет добраться до своих «анархистов», и тогда — пиши пропало. Нортон помчался по залитой лунным светом дороге.

Спустя десять минут он выдохся, а впереди не было и намека на широкую спину дяди. Какая у него фора? Не больше получаса, а ведь Барни бежит из рук вон плохо. Наверное, безумие придало ему силы.

Нортон бежал, спотыкаясь и проклиная себя за то, что не уделял должного внимания занятиям спортом. Легкие полыхали, бок пульсировал резкой болью. Вот сейчас он добежит до этого вяза и увидит дядю. Нет? Значит, за тем кипарисом...

Барни он догнал у дома Басманти — тот уже продирался сквозь живую изгородь. Нортон хотел крикнуть: «Стой!» — но из горла вырвался лишь жалкий хрип. Все, опоздал.

Собрав последние силы, Нортон рванул следом за дядей. Может, еще успеет все исправить? Договорится, в конце концов... Изгородь на мгновение задержала его. Раздирая руки в кровь, Нортон выскочил во двор.

Он почему-то не удивился тому, что, несмотря на поздний час, соседи не спали, а были на улице. Возможно, в глубине души он ожидал именно такого развития событий; дядя словно специально подбирал момент, когда они решат насладиться лунной ночью, чтобы все испортить.

Басманти сидела за странной версией парового органа. Рядом стоял ее муж. Они молча смотрели на неожиданных гостей.

Нортон вцепился в руку дяди и потянул назад. После дикой пробежки он не мог выдать простейших оправданий.

— Прошу... прощения... я... убытки...

В этот момент он увидел в руке Алекса пистолет и замер в полнейшей растерянности.

— Их пристрелить? — равнодушно спросил Алекс.

— Зачем лишние хлопоты? — сказала Басманти, и голос ее был полон такой вселенской скорби, что Нортону стало страшно. — Они уже не смогут ничего изменить.

— Как скажешь, — усмехнулся Алекс, убирая оружие за пояс. — Так оно, пожалуй, будет интереснее.

— Пора, — кивнула Басманти и взяла первый аккорд.

Нортон не услышал ни звука, но земля под ногами вздрогнула. Барни дернулся, освобождаясь от его хватки, и тут же упал на колени от следующего толчка. Тонкие пальцы Басманти пробежались по клавишам. Барни схватил жабу и пополз на карачках.

— И наконец, — Басманти повернулась к Алексу. — Ты готов? Прощай!

Откуда взялись силы, Барни не понял. Он вскочил и в два прыжка оказался рядом с инструментом как раз тогда, когда Басманти взяла последнюю ноту.

Расчеты оказались верны; он не учел только одного — насколько мощной окажется волна. Жаба вздрогнула, и Барни вдруг осознал, что летит. Удар отбросил его к изгороди — он и не понял, каким образом устоял на ногах.

Отраженная волна врезалась в инструмент, ломая и круша все на своем пути. Железо корежило и разрывало на части. Трубы гнулись и переплетались. А из центра металлического водоворота на Барни равнодушно смотрела Басманти. Ее муж повезло больше: Алекса отшвырнуло к стене, и он потерял сознание, ударившись головой.

Жаба не унималась. Барни крутануло, словно игрушечный волчок. Он упал на колени лицом к собственному дому. Остаточные вибрации, как в колоколах. Стекла парника разлетелись в пыль, застыли на мгновение и осыпались сверкающим в лунном свете облаком. Звуковая волна подхватила многочисленных журавликов и расшвыряла по двору. Барни больше не мог удерживать жабу, она вырвалась у него из рук и заскакала по двору.

Пляска продолжалась не долго — вскоре жаба замерла на траве кверху брюхом. Барни устало лег на землю.

Нортон подбежал к дяде.

— Господи, ты цел? Что это было?

— Я же тебе объяснял. Похоже, ты ни черта не понял. Как я и говорил, твое образование никуда не годится.

Опираясь на племянника, он поднялся.

Басманти лежала посреди обломков своего инструмента с торчащим из бедра обломком выхлопной трубы. Вряд ли она смогла уцелеть после такого, но Алекс, похоже, был жив.

— Надо вызвать скорую, — покачал головой Барни. — Какая же опасная штука эта музыка... — Он шагнул в сторону своего дома, но остановился. — Знаешь, а ведь твоя жаба спасла мир!

Нортон бережно поднял бронзовую статуэтку.

— Вроде того. Не захотела наследовать Землю — ей стало бы скучно без приключений.

Порыв ветра пронес над ними бумажного журавлика. Он поднимался выше и выше и вскоре совсем потерялся среди звездного неба.

Карина Шаинян НАСТОЯЩИЙ КОСМИЧЕСКИЙ ЦИРК-ШАПИТО

— Спешите видеть! Настоящий космический цирк-шапито! Удивительное зрелище! Только у нас — полет на загадочную планету всего за пятьдесят рублей, детям до двенадцати — двадцать! Инопланетный зверинец, женщина-змея, повелитель звезд!

Плотный лысый человек с иссиня-черными усами, слишком пышными, чтобы быть настоящими, прохаживался вдоль трассы. Завидев новый автомобиль, он поднял мегафон, и над дорогой снова раздалось:

— Космический цирк-шапито! Жуткие приключения галактических путешественников!

Несколько машин уже стояло на обочине. На пустыре между бензоколонкой и придорожным кафе раскинулся линейный брезентовый шатер, и запахи бензиновых выхлопов, чебуреков, пыльного бурьяна мешались с духом опилок, озона и неведомых зверей. Кривая подтекаящая надпись над входом: «Космический цирк синьора Николаса». Пара трейлеров в стороне. За шатким столиком, установленным прямо на пересохшей земле, продавали билеты. Кудри билетерши спускались на гигантский бюст, на темных пальцах — гроздья дешевых колец, носатое лицо под толстым слоем косметики — яркое и неподвижное, как у агамы. В подведенных глазах застыло вечное недоумение — но никто не заглядывал в ее глаза.

Фырканье, похрюкивание, шелканье, несущиеся из-за стен шатра постоянным фоном, внезапно заглушил утробный страшный рев — будто промчался мимо невидимый КамАЗ. Лысый вздрогнул и торопливо подошел к столику.

— Ну как? — тихо спросил он.

— Два десятка есть, — ответила билетерша.

— Начнем, пожалуй, — усмехнулся усач и зашел в шатер.

Распорядитель метался по шатру, готовый показать, рассказать, развеселить заскучавших и утешить разочарованных. «Вы должны расслабиться, — восклицал он, — наше шоу — лучший отдых! Самая зрелищная программа!» Усач так ста-

рался всем угодить, так стремился подогреть праздный интерес, так преданно заглядывал в глаза, что публике становилось немного не по себе. «Главное — ни о чем не думайте, — призывал Николас, — наслаждайтесь и веселитесь!.. Хотите поглазеть на трехполое животное? — хриплым интимным голосом спрашивал он. — На самых страшных хищников во Вселенной? Вы попали туда, куда нужно!»

Женщина-змея танцевала в полумраке под одной ей слышную музыку — изгибалась, извилась, застывала в нечеловеческих позах. По прозрачно-белой коже пробежала дрожь, мягкие движения завораживали. Женщина-без-костей смотрела на столпившихся вокруг мужчин надменно и печально, и горькая ирония мелькала в ее темных глазах.

— Грызуны на одной планете... мы называем ее Чумка. Юркие и вездесущие твари. Понимаете, им нужен был кальций... — голос распорядителя звучал глухо, будто бы придавленный ужасными воспоминаниями. Николас говорил машинально: все паузы, раскаты голоса и недомолвки были отрепетированы давным-давно, все жуткие подробности выучены наизусть. Почти никто не слушал — лишь один зритель вдруг равнодушно отвернулся от женщины-змеи и уставился на усаха. В его глазах было что-то оценивающее. Николас удивленно окинул взглядом лошеную фигуру — костюм, яркий галстук, темные очки. Похоже, человек забрел сюда случайно — ребенок упросил? Николас пожал плечами и двинулся к клеткам. Мужчина пошел следом, глядя по сторонам с деловитым интересом.

Тяжелая органическая вонь сменялась легким запахом сена, аромат цветов — горячей струей свежего мяса. Здесь были все цвета радуги, все формы, пушистая шерсть и скользкие щупальца, морщинистая кожа и радужная чешуя. Тонконогая птица застыла за стеклом в морозных разводах: перья вырезаны из аквамарина, глаза — стеклянные шарики, клюв — аметист.

— Они живут в хрустальных лесах Новой Исландии. Их брачные танцы на закате, когда солнце дробится в прозрачных ветвях... — Николас громко высморкался в гигантский платок. — К сожалению, мы не смогли поймать самку — они очень осторожны.

— Красивая... — протянула какая-то девушка. — Это стекло?

— Да, классно сделано, — кивнул ее парень. — И сказка неплохая, — подмигнул он распорядителю. Тот слегка поклонился в ответ, и по его лицу пробежала тень.

За прозрачным окном свинцового контейнера тяжело ворочалась кожистая туша — казалось, она шевелилась без всякого смысла и толка. Вдруг вынырнул из сплошной кучи складок и морщин глаз, яркий и чистый, как облизанный ребенком леденец. Вновь раздался утробный рев, и несколько женщин отшатнулись, пряча за спины детей.

— Он питается торфом, — успокоил Николас. — Безобиден, хоть и страшен на вид. В гнилых болотах, дымящихся бурым туманом, эти звери резвятся в лужах кислоты — чистят шкуры от водорослей. Раз в год выглядывает солнце — под его лучами они гибнут сотнями, тысячами, и их тела облепляют желтые бабочки-падальщицы. Спасаются только те, кто успел укрыться в трясине...

Лощеный зритель неторопливо обошел клетки и остановился, раздумывая. Потом вдруг хмыкнул и вытащил карманный компьютер. На секунду нахмурился, что-то припоминая, и зарылся в файлы. Николас несколько раз прошелся мимо деловитого посетителя, едва не задевая его плечом. Мужчина сосредоточенно копался в папке «Забавный спам», не замечая ничего вокруг. Лицо Николаса сложилось в оскорбленную мину. Отвернувшись от потерянного клиента, он подошел к остальным зрителям и остановился, зорко наблюдая за публикой. Как только по толпе пробежал первый холодок скуки, распорядитель громко хлопнул в ладоши.

— Валентайн, Повелитель Звезд! — торжественно объявил он, и женщина-змея соскользнула с помоста. Ее место занял всклоченный парень в потрепанных джинсах и серой футболке. Мужчины недовольно нахмурились, но их жены вздохнули с явным облегчением.

— Однажды мы потерпели аварию где-то в районе Крабовидной туманности. Нас выкинуло из подпространства. Корабль дрейфовал в ледяной пустоте, и свет далеких звезд пронзал нас насквозь... Валентайн смог выбраться наружу и

починить двигатель. Но звезды пробрались прямо в его кровь, да-да, прямо в кровь.

— Холодно, — тихо сказал Повелитель Звезд. — Холодно, — прошептал он, глядя на мерцающий в руке огонек. На его ладони разгоралось чистое белое пламя, и воздух густел, наполняясь неведомой энергией.

— Вуаля! — гордо сказал Николас, но звезда вдруг погасла, и лицо парня сделалось плаксивым. Он испуганно всмотрелся в пустоту, а потом вдруг его глаза начали вращаться. Невесть откуда появившаяся билетерша подхватила Повелителя Звезд под руку, помогая спуститься со сцены.

— Пустота, — бормотал Повелитель Звезд. Его волосы стояли дыбом и искрились. — Пусто! Пусто! Холодно! — вопил он, заглушая успокаивающее бормотание билетерши. — Звезды... колются! Больно! — он заплакал, послушно выходя из шатра. Мужчина в костюме недовольно поморщился — теперь он выглядел разочарованным. Николас поспешно оттеснил публику от помоста.

Вдруг кто-то вскрикнул: по коридору заструилось гибкое тело в мягкой золотистой с фиолетовыми разводами шерсти. Круглая голова, длинные дрожащие вибриссы. Зверь метался на мягких коротковатых лапах, мел длинным хвостом, разбрасывая опилки. Кто-то взвизгнул.

— У вас животное убежало!

Мальчик лет десяти присел на корточки. Робко протянул руку — зверь приподнял губу, обнажив мелкие острые зубы. Мать поспешно схватила сына за руку и оттащила в сторонку.

— Похоже на крашеную виверру, — сказала толстая девушка в очках. — Куда смотрит Гринпис?

Николас пробился сквозь толпу, делая успокаивающие жесты.

— Это Тони, наш пилот и навигатор. Никто не знает, отчего он стал таким. Тони неразговорчив — понимаете, речевой аппарат... очень неудобный.

Зверь присел на задние лапы, неуловимым движением достал трубку и зажал ее в зубах — черная губа насмешливо изогнулась. Нетерпеливо глянул на Николаса — распорядитель вынул из кармана спички. Дрожащий огонек отразился в раскосых глазах, и виверра довольно запыхтела, пуская клубы дыма.

— Кукла!

— Нет, дрессированный. Надо же! — одобрили в публике.

— А теперь — главный аттракцион! — бодро выкрикнул Николас. Виверра фыркнула и побежала по коридору. Распорядитель двинулся следом, зазывая посетителей.

Иллюминатор занимал всю стену и даже прихватывал часть пола. На другой стене размещался пульт — целая панель огоньков, рычажков и разноцветных кнопочек, было видно, что соорудил ее человек, плохо знакомый с современной техникой, но пересмотревший кучу старых фантастических фильмов. Там же стояла табуретка — на нее вскочила виверра и, обвив хвостом ножку, деловито пробежалась по клавишам. Зрители оживились. Тони, напряженно приподняв губу, выжидающе взглянул на распорядителя. Николас стоял, глубоко задумавшись.

— Куда? — прохрипела наконец виверра, и Николас вздрогнул, очнувшись.

— Давай на Надежду, — ответил он. — Это уникальный опыт! — обратился он к зрителям. — Такого еще не испытывал никто из ваших знакомых! Только стекло будет отделять вас от поверхности неизведанной планеты, полной чуждой экзотической жизни! Само перемещение мгновенно, но нам понадобится несколько минут на маневры в атмосфере. Извините, я пока должен закрыть иллюминатор: для неподготовленных людей вид подпространства может оказаться слишком тяжелым...

Зрители переглядывались с понимающими улыбками, чуть раздраженные задержкой, но довольные тем, как тщательно соблюдаются условности.

— Планета, на которую мы сейчас переместимся, относительно молода, — лекторским тоном заговорил Николас, — но уже находится на пике развития. Невидимые и неслышимые, вы своими глазами сможете наблюдать борьбу за выживание в самой жестокой и причудливой форме...

Рубку слегка встряхнуло, пол накрылся, и Тони фыркнул, давая сигнал. Николас нажал на выключатель. Тяжелые жалюзи разъехались, открыв джунгли — кипение, взрывы, фонтаны зелени, смутное шевеление под пологом листвы,

булькающий котел, наполненный жизнью. Ветки самых высоких деревьев задевали стекло, оставляя маслянистые капли. Зал вздохнул, удивленный неожиданной яркостью и глубиной изображения.

— А вот если сейчас, предположим, туда выйти? — спросил лохотный мужчина, приподняв бровь. Вокруг захихикали.

— Ну что вы, — испуганно ответил Николас, — до земли пятьдесят метров, вы просто разобьетесь.

— А если мы приземлимся? — с готовностью включилась в игру толстая девушка.

— Подумайте сами, — предложил Николас. — Вы собираетесь выйти на поверхность чужой планеты без всякой защиты. А ведь сама атмосфера здесь, возможно, ядовита для человека. А неизвестные бактерии и вирусы? А дикие животные? Вспомните, что случилось с женщиной-змеей!

— Продуманная фишка! — прокомментировали в толпе. Девушка кивнула, широко улыбаясь.

— В любом случае, дверь заблокирована и откроется только после возвращения на Землю, — сухо добавил Николас и повернулся к иллюминатору.

Джунгли остались за спиной, теперь за иллюминатором плыла степь. Красноватая трава была расцвечена пятнами цветов, а на горизонте колыбалась грозная черная масса в золотистом ореоле пыли.

— Миграция, — объяснил Николас. — На это стоит посмотреть поближе — очень, очень впечатляющее зрелище.

Виверра вновь пробежалась лапами по клавишам. Черное облако приблизилось, провалилось вниз и распалось на косматые туши, влажные глаза, голубые рога винтом. Вокруг стада сновали животные помельче, каждого винторога окружало облако птиц и насекомых. Казалось, рубка наполнилась горячим звериным запахом. Из динамиков несся топот, треск рогов, трубные вздохи, визг и хрюканье. Вдруг винтороги замерли на мгновение, а потом, разом развернувшись и толкаясь мохнатыми боками, понеслись прочь. Из высокой травы взлетело плоское полосатое тело и обрушилось на ближайшее животное, загибая края, подминая под себя добычу.

— Вот и все, — заметил Николас, — бедняга уже наполовину переварен.

Степь снова ушла вниз, приблизилась полоска леса. Теперь перед ними была каменистая поляна, поросшая жесткими ползучими стеблями.

— Не самое зрелищное место, — виновато сказал Николас, — но иногда здесь удается наблюдать очень забавные сценки. — Он внимательно взгляделся в листву дерева, стоящего чуть на отшибе. — Ага, вон они! Такие обезьяноподобные существа, видите?

Зрители тянули шеи, шурились, но замечали лишь шевеление листвы и пружинисто качающиеся ветви. Раздалось уже недовольное хмыканье. «Нельзя было нормально снять», — проворчал кто-то, но вдруг мальчик, который пытался погладить Тони, воскликнул:

— Обезьянка! Мама, хочу к обезьянке! — Он бросился к двери. Теперь обезьяну заметили и остальные: она сидела между корнями, прислонившись к стволу. Руки-ноги — ломкими палочками, темное мохнатое личико, еле заметный лоб. Мальчик все ныл: «Хочу к обезьянке» и дергал дверную ручку.

— Это иллюзия, — раздраженно сказал ему отец, — кино, понимаешь?

Мальчик не понимал. Он еще раз дернул заблокированную дверь и, смирившись с тем, что выйти не получится, прилип к стеклу. Весело рассмеялся: обезьяна вертела в лапах два кремниевых обломка, то медленно поднося их друг к другу, то пробуя камень на зуб. Подвижная мордочка перекосилась от напряжения. Обезьянка сосредоточенно ударила камнем о камень. Посыпались искры. Николас с шумом втянул в себя воздух.

— Смотрите, смотрите! — Он возбужденно приподнялся на цыпочки, усы задрожали.

Теперь камнями заинтересовались и другие обезьяны. Крупный серебристый самец свесился с ветки и выхватил кремни. Остальные присели вокруг, заморожено наблюдая. Самец чиркнул, полетели искры, и вокруг вскрикнули радостно и испуганно. Но скоро новая игрушка им наскучила: серебристый вяло выронил камни и повис на ветке, высматривая что-то в листве. Покачавшись, он полез наверх, уводя за собой стаю. На поляне осталась лишь первая обезьянка-паучок. Испуганно поглядывая наверх, она украдкой схватила упавшие

кремени и снова ударила. Удивленно втянула носом струю дыма, осторожно потрогала горячий осколок.

— Мама, я хочу писать! — раздался звонкий голосок. — И мороженого!

Николас вздохнул, его плечи поникли. Тихо фыркнула виверра за пультом.

— Долго еще? — озабоченно спросил кто-то, глядя на часы.

Обезьянка застыла, напряженно сморщив лицо, только пальцы ног скребли по земле, подгребая клочки сухой травы. Николас снова вздохнул и махнул Тони рукой. Поляна поплыла вниз, и в этот момент из-за деревьев высунулась гигантская клыкастая пасть на чешуйчатой шее. Сомкнулись зубы, и обезьянка, тихо вскрикнув, исчезла — лишь длиннопалая кисть подергивалась в траве, скребя коготками и силясь дотянуться до куска кремня.

— Вуаля! — после секундной заминки воскликнул Николас, протягивая руку. В рубке заплодировали.

— По-моему, над нами издеваются, — вдруг тихо сказала девушка в очках. Николас выпучил глаза и прижал руки к груди. Лицо его изображало искреннее огорчение и удивление.

— Разве вам не любопытно? Не весело? — дрожащим голосом спросил он, трагически задрал брови. Снова чихнула виверра — на этот раз громко и как будто сердито.

— Просто на хищников Гринписа нет, — поддел кто-то, и все рассмеялись.

Публика давно разошлась, и лишь мужчина в костюме бродил по шатру, задумчиво посвистывая и не обращая внимания на нетерпеливые взгляды Николаса. Наконец он подошел к распорядителю.

— Прекрасное представление!

Николас кивнул, выжидая, глядя на лошеного.

— Панорамы чужих планет — какой-то трюк с проектором? Кино? — небрежно поинтересовался тот.

— Не просто кино, — наставительно ответил Николас. — Очень качественное, великолепное, уникальное кино!

— А животные из зверинца, зверюшка с трубой?

— Куклы. Резина, папье-маше, моторчики. Воск и стекло. Куклы!

Лощеный с сочувственной улыбкой вытащил карманный компьютер. Быстро нашел нужный файл и сунул под нос Николасу.

— Это ведь вы рассылали, Николай Александрович? «Я не прошу вас поверить. Я прошу вас проверить и убедиться, — прочитал он с выражением. — Это очень простое устройство, но оно может многое. Человечество наконец-то шагнуло за пределы Солнечной системы...»

— Ничего я никогда не рассылал, — холодно сказал усач, разводя руками.

— Ну да, ну да. А в какие-нибудь организации вы пытались обратиться? Государственные, научные, коммерческие? Вижу, что нет. Боялись, засекретят? «Звезды должны принадлежать всем» — так вы писали?

— Уходите, — буркнул Николас. Сморщившись, отодрал усы, обнажив покрасневшую, раздраженную губу. — У нас уже закрыто.

— А ваши странные сотрудники — это те, кто откликнулся? — не отставал мужчина. — Я поболтал с вашей билетершей — она в панике и собирается сбежать, вы в курсе? Так их с самого начала было только трое? Я смотрю, ваша первая публика оказалась неблагодарной. — Он потер нос, усмехаясь и нагло глядя в глаза распорядителя. Потом потянул из кармана визитку. «Продюсер» — мелькнуло перед глазами. — Если вам когда-нибудь надоест валять дурака... — Лысина распорядителя побагровела, и мужчина предостерегающе подняв руки, быстро проговорил: — Здесь вам не место. — Он кивнул на пыльный пустырь. — Я не понимаю, почему вы не хотите воспользоваться другими возможностями...

— Какими такими возможностями? — сделал большие глаза распорядитель. — Я вас не понимаю.

Продюсер снова потер нос, на секунду задумавшись. Потом его лицо просветлело.

— Вы абсолютно правы, Николай Александрович. Это совершенно никому не нужно и даже опасно. Вы дальновидный и осторожный человек, мы сработаемся. Это будет самое лучшее шоу...

— Какая фантазия, какие эффекты! — желчно подхватил Николас. — Отлично расслабляет, а? Прикалывает? Как там у вас... оттопыривает, да? — Его лицо налилось кровью.

— Сейчас говорят — вставляет, — поправил ложенный. — Чуть-чуть поработать профессиональному сценаристу... Завтра вечером я подъеду, чтобы обсудить детали, договорились? Это будет великолепно!

Николас энергично кивал.

— И подумайте о том, скольким людям вы сможете принести радость! Не жалкая горстка случайных проезжих — миллионы зрителей по всему миру. Я знаю, что для вас это важно, — подмигнул продюсер, — вы романтик, Николай Александрович, признайтесь...

— Признаюсь, — согласился он с дробным неприятным смешком.

Ложенный поморщился, в его глазах мелькнуло легкое недоумение.

— Так, значит, радость людям? Миллионам? Всему человечеству? — Николас снова сухо рассмеялся. Вытащил из кармана усы, старательно приладил их на подрагивающую губу. С торжественной миной пожал продюсеру руку, прощаясь. Долго смотрел вслед уезжающей машине, а потом осел в бурьян, складываясь пополам и давясь от хохота.

— Пригодился! Пригодился! — вскрикивал он и колотил ладонью по пыльной земле.

Женщина-змея нежно держала его за рукав, рядом сидела виверра, ее гибкий хвост нервно хлестал пыль, разбрасывая мелкие сухие травинки. Повелитель Звезд совал стакан, и вода выплескивалась на усы и стекала на грудь, оставляя чернильные разводы. А Николас все смеялся, всхлипывая и утирая слезы.

ПТИЦЫ

В жизни человека роль птиц разнообразна и многогранна.

Н. И. Епифановский, И. Г. Иерусалимский,
В. М. Антонов.
«Певчие птицы и волнистые попугайчики»

К тому же, по словам утопийцев, в перьях и пухе этих птиц и в их определенном расположении, в котором они чередуются на одежде священника, заключается некий таинственный смысл.

Томас Мор. «Утопия»

Карина Шаинян КОРМ ДЛЯ ПЕЛИКАНОВ

Старуха озадаченно пожевала губами. Она-то думала, что успела привыкнуть к причудам Хозяйки!

— Ты хочешь вытащить его сюда?

— Ага. Вот этого одного. Смотри, у него симпатичная мордочка, и глаза живые...

Хозяйка по колено влезла в воду и неумело размахивала сачком, подняв маленькую бурю. Зеленые склизкие водоросли на платье — там, где успела достать вода. Тихий плеск.

— Опять ушел, ну что ты будешь делать!

— Смотри, платье испортила... — заворчала старуха. — Зачем он тебе?

— Мне скучно. Столько лет... Мне очень скучно. Я устала быть одна. К тому же он может нам помогать. В последнее время пеликаны совсем обнаглели.

«И мы взяли вина, и так клево пошло...» — подвывал Макс, призывно поглядывая на девчонку, сидевшую на кухонном столе. «В этом пьяном дыму...» Как она затесалась в их компанию, он не помнил, но это было неважно. Народ вцепился в какие-то мировые проблемы, все пытались перекрычать друг друга, языки заплетались в громоздких и страшно умных фразах.

— Я з-защититься хочу. — Макс хватал девушку за коленку, пытаясь сохранить равновесие. — Н-не то что ты там думаешь... типа — переспать и все такое... Я защититься хочу. Видишь — толпа какая? Видишь? Все умные, блин, ф-фи-лосо-фы. Они тоже боятся. И я боюсь. Потому что один. А ты меня поцелуй — я уже не один буду...

Девчонка покачивалась и обессиленно хохотала.

— Сейчас мы т-тихо-т-тихо удерем в комнату, и все будет хо-ро-шо, — с трудом выговорил Макс, сдерживая ее на пол и стараясь не упасть.

Слишком громко. Магнитофон орет, народ на кухне орет. В ушах шумит, а комната вращается с отвратительным шорохом.

Макс, пошатываясь, добрал до кровати. Рухнул на серые мягкие простыни, сбив по пути полупустую бутылку. Резко запахло пивом, перебивая ароматы застоявшегося табачного дыма и несвежих носков. Девчонка потерялась где-то по дороге из кухни в комнату. Может, еще придет... «Ну давай, раздевайся скорей», — донесся сквозь крики дегенеративный бас. «Подожду минут пять, не придет — и хрен с ней», — подумал Макс, закуривая.

Волнами накатывал пьяный сон. Макс тяжело вскидывал голову, как лошадь, одолеваемая слепнями, но бороться с забытьем становилось все труднее. Перед слипающимися веками то и дело возникала какая-то девица в перепачканном белом платье. Она явно чего-то хотела от Макса. «Кажется, это вообще какая-то другая. Уйди, я спать хочу», — пробормотал он. Воткнул окуроч в переполненную пепельницу — от груды бычков почему-то запахло морем — и отрубился.

— Это я тебя сюда вытащила, — сказала Хозяйка.

Она так и представилась: «Я — хозяйка». «Хозяйка чего?» — «Всего», — скромно ответила она и вцепилась в Макса взглядом. Иронизировать расхотелось. В глазах девушки плескалась муть бесконечных прудов. «Круто, Хозяйка, нефиговая работенка», — буркнул Макс. «Обыкновенная», — ответила она, наконец отвернувшись.

Макс довольно потянулся. Непонятно, как это она его вытащила и куда. Но совершенно ясно, зачем. Ну и ладно, девушка симпатичная, хотя платье могла бы и постирать... и вообще мыться почаще. «Хозяйка», тоже мне...

— Я буду тебя Люсей звать.

— Почему?

— Да так.

Он прижался щекой к влажной подушке и одним глазом следил, как она лениво натягивает платье. Интересно, у нее вообще другая одежда есть? Или только этот замызганный балахон?

Странное место. Станный дом с кучей комнаток и комнатушек, большей частью нежилых. Станные пруды, кишачие мелкой рыбой, которую почему-то нельзя ловить. Двор, засыпанный мелкой галькой. Единственный человек, кроме

Люськи, — всем недовольная старуха, что-то вроде служанки. Маленькая, скрюченная, с пергаментной кожей. Снует повсюду, как уродливая заводная игрушка, с метелкой из шоколадно-серых перьев в руке. Зачем? Почему? Всегда с метелкой, на месте не сидит, а весь дом в пыли и паутине...

Большинство комнат заперто. Некоторые заставлены корзинами с галькой. Одна — пустая, с чучелом здоровенного пеликана на стене. Другие забиты самыми неожиданными вещами: сачками, любовными романами, будильниками... Зачем Хозяйке столько будильников? Кого будить? Рыбу?

Наконец-то снизошла до объяснений. Нормально. Значит, рыбы — это люди, а Хозяйка, видите ли, их охраняет. От пеликанов. Чтоб, значит, всех не скушали. Хотя ей это скучно, не хочется и вообще лень... Она уставилась в потолок, о чем-то мечтая.

— Плохо охраняешь, — усмехнулся Макс, — сколько мы уже в постели валяемся?

— А они прилетают только в прилив. Скоро уже, — отчужденно сказала Хозяйка. Потом слегка оживилась: — Ты мне поможешь.

— И что надо будет делать?

— Отгонять, — и она сунула ему в руки здоровенную рогатку.

Пеликаны летели сомкнутым строем, заранее разинув клювы. От них несло душной тухлятиной. Мелькали грязные кудрявые перья, какие-то оранжевые бородавки на мешках под клювом. С трудом подавив тошноту, Макс нагнулся за первым камнем.

Подобрать камень, вложить в рогатку, выстрелить. Подобрать, вложить, выстрелить. Увернуться от перепончатой грязной лапы, выстрелить... Шум крыльев оглушал, воздух стал пыльным и липким. Хотелось вытереть лицо, но на это не хватало времени. Подобрать, выстрелить... Пока наконец последний пеликан не удрал, тяжело припадая на подбитое крыло и болтая пустым мешком под клювом.

Люся стерла с лица налипшие перья.

— Знаешь... а я тебя люблю. Я теперь не одна.

Макс ошарашенно заглянул ей в лицо, но в глазах Хозяйки отражалась только вода.

— Я тебя тоже люблю, — на всякий случай ответил он. — Не одна... И я не один.

«Уже любовь, офигеть. А что, может быть, и так...» — думал он, возвращаясь в дом.

Позади старуха посыпала двор галькой, горбясь и недовольно бормоча что-то под нос.

— Знаешь, надоело мне все это.

— Говорила уже.

— И буду говорить. Каждый день одно и то же, столько времени... Я даже не могу отсюда уйти. Нельзя пропустить прилив. Должна охранять. А смысл? Бросить бы все... Иногда кажется, что давно уже что-то не так, слишком уж бессмысленно они живут... Скучные существа. В твоём мире они такие же?

— Похожи... — усмехнулся Макс. И правда, никакой разницы. Здесь они хоть молчат... — Нет, все-таки люди немного поинтересней этой рыбешки.

— Но ведь это одно и то же, — пожала она плечами.

Спорить было лень.

— Хорошо, рыбы — это люди. Параллельный мир и все такое... Не, Люсь, я тебе верю, верю... Ладно, не параллельный, другая какая-то заморочка. А, кстати, что с рыбами... хорошо, людьми, которых пеликаны все-таки унесли? Умирают?

— Да. Но по-другому. Пеликаны хватают тех, кто плавает сверху. Они поднимаются поближе к свету. А вместо света попадают в мешок под клювом...

— Ага. А которые просто умирают — те как?

— Снулой рыбы не видел? Служанка вытаскивает, чтоб вода не портилась.

Прилив. Потом — неторопливая еда, неспешные прогулки между прудами, равнодушная болтовня, медлительная любовь, крепкий сон. Прилив. И снова — нога за ногу бродить, перебрасываясь ничего не значащими фразами. Иногда Хозяйка останавливалась, уставившись на него, как будто пыталась увидеть то, чего нет и быть не может, без всякой надеж-

ды. Ее глаза казались мутнее обычного, а привычный запах рыбы становился острее. Он не выдерживал таких пауз и за руку уводил ее в спальню. Хозяйка шла покорно, не говоря ни слова, но Макс казалось, что они идут в разные стороны.

Время просыпалось, разбуженное пеликаньими крыльями, вставало на дыбы, капризничало и бежало, чтобы потом снова бродить в полудреме по мокрой траве. Шло, никому не нужное и никем не замеченное, пока однажды не споткнулось о бортик пруда.

— Я так и знала. Я давно знала, что с ними что-то не так.

Вся рыба плавала вверх брюхом. Макс потрясенно смотрел на бледные животы, мелькавшие в мутноватой воде.

— Они что, все умерли?! — «Катастрофа? Ядерная война?» Он не хотел и не собирался возвращаться, но сейчас ему стало страшно.

— Они давно умерли. Сейчас просто стало видно.

Макс присел на корточки, пристально вглядываясь в воду.

— Смотри, они же шевелятся!

— Да? — Хозяйка с сомнением поболтала ногой в воде. Рыбы шарахнулись в стороны. — Ну, шевелятся... Это ничего не значит.

— И некоторые нормально плавают. — Макс кивнул на несколько рыбешек, снующих у самой поверхности.

— Теперь нет смысла отгонять пеликанов. — Хозяйка присела на берегу. — Да и раньше не было. Какая разница — умереть от страха в мешке или просто так. Все равно они уже передохли. Разом больше, разом меньше...

— Но не дохлые же! Посмотри... бодренько так плавают...

— Бодренько кусают друг друга, бодренько рвутся к поверхности... поближе к пеликанам, — насмешливо подхватила Хозяйка. — Сдохли, понимаешь? Все! А кто еще живой — так это ненадолго... и их слишком мало. Не стоит возиться.

— Жалко ведь...

— Чепуха.

— Я все-таки один из них. — Макс испуганно всмотрелся в ее холодное лицо.

— Никто не заставляет тебя возвращаться, любимый... Тебе же лучше здесь. А они все умерли давно, они мертвые —

мертвые глаза, мертвые мозги, мертвые руки. Плавают вроде стаей, а каждый — отдельно... Кого тут жалеть?

Макс кивнул. Здесь хорошо, так уютно, и не надо думать... Это там — все подряд важно, а здесь — всего-навсего рыбы, бессмысленные губастые морды, бессмысленное существование. Зачем волноваться? Теплый соленый ветер издалека — чуть тревожный, приятно-бередящий... Соглашайся, Макс, соглашайся — пусть девчонка несет свою философскую пургу, зачем тебе спорить? Тебе не надоело каждый день размахивать рогаткой?

— Главное, что мы любим друг друга, правда? Нам теперь не о чем жалеть...

— Угу, — ответил он, зарываясь лицом в ее колени. Пахло цветами и немного рыбой.

— Люся... Люсь! Прилив проспим!

— Ну и что? — Она завозилась, обнимая его, устраиваясь поудобнее.

— Люсь, давай просыпайся. Надо.

— Спи...

— Люська... — он зевнул, — проспим ведь пеликанов...

Теплые нежные руки обхватывают, не пускают. Уткнуться бы в плечо, заснуть...

Макс подскочил, как от удара, ошалело огляделся. По солнцу видно — до прилива еще часа три. Можно поспать.

— Люся...

— Угу... отстань...

— Давай поставим будильник.

— Не валяй дурака, я же сказала — плевать теперь на прилив. Хватит дергаться. И часов у меня нет. Спи.

А ведь врет, есть у нее будильники, целая куча. И чего она уперлась, жалко ей, что ли?

Чувствуя себя вором, Макс прокрался вниз по корявой сырой лестнице в крошечную комнатку с пыльным окошком под потолком. Попахивало плесенью, а часов было так много, что пришлось пробираться сквозь тиканье, обдираясь об острые углы звуков и цепляясь рукавами. Воздух стал густым и колючим, от тиканья во рту чесалось, как будто наелся нечищенных ананасов.

Схватить будильник, круглый, ярко-красный, с самоодвольной физиономией и смешным звонком-ушами. Осторожно выглянуть на лестницу. Старуха не должна появиться, но кто знает — вечно ее заносит в самые неожиданные места. Почему так страшно? Чего такого — одолжил у любимой девушки будильник...

Макс скользнул на лестницу, аккуратно прикрыл скрипнущую дверь. Наверху мелькнула тень. Он замер, с ужасом представляя, как скрюченные руки служанки забирают у него часы, как она поджимает губы и укоризненно качает головой. Колени стали ватными, вместо внутренностей образовалась засасывающая пустота. Обмирая, Макс вернулся к Люсе. Хозяйка спала.

Она даже не шевельнулась, когда загредел красный будильник. Макс на цыпочках выбрался из комнаты — Хозяйка только вздохнула и перевернулась на другой бок. Макс подхватил корзину с галькой, рогатку и вышел из дома. Небо на западе уже стало сизым от заполнивших его птиц.

Он стрелял и стрелял, отфыркиваясь от залепляющих лицо перьев, задыхаясь, чувствуя, как постепенно отнимается рука. Пеликаны захлебывались булькающими криками, били крыльями, но улетали. Последний камень... «Как она только справлялась одна?» — мелькнула мысль.

Позади раздалась ехидные аплодисменты.

— Смотри, — кивнула Хозяйка на ближайший пруд, — даже пеликаны не хотят их. Кого ты спасаешь?

Во взбаламученной воде лениво кружились рыбы, мелькали бледными брюхами. В этот раз их почти не стало меньше.

— Они не мертвые! Они просто уснули, и ты это знаешь! Хозяйка пожала плечами.

— Это не важно. Умерли или уснули — какая разница?

— Конечно... тебе — никакой. Тебе просто надоело!

— Мне не надоело, я просто устала.

— И они устали. Они заснули! А ты можешь их разбудить, можешь, но не хочешь... Зачем тебе столько будильников?

Хозяйка звонко расхохоталась, запрокинув лицо. Бессильно помотала головой, прикусила губу — глаза снова стали холодными и чужими.

— Да, не хочу. Почему я должна за них волноваться? И, пожалуйста, не стреляй больше в пеликанов. Чем быстрее они доедят рыбу, тем лучше.

— Т-ты... ты понимаешь, что ты говоришь? — опешил Макс.

— Прекрасно понимаю. Пруды освободятся, и мы разведем в них кувшинки. Сейчас это нельзя сделать — рыбы съедят ростки.

— Так добей сама!

— Зачем самой, если есть пеликаны? — равнодушно улыбнулась Хозяйка.

— Вытрави, перелови, съешь... Может, подавишься!

— Милый, ну зачем ты злишься? Представь, как станет красиво! Мы будем гулять вечером среди прудов, любоваться цветами, и не будет этого рыбного запаха...

— Мы не будем гулять.

— Почему?

— Я ухожу

— Уходишь? Обратно в свой мир, к этим ходячим мертвецам? — Она сжала кулаки. — Снова будешь плакаться пьяным девкам на одиночество?

— Там хотя бы есть кому поплакаться. А я и здесь был один, какая разница...

— Но мы же любим друг друга... Макс...

— Я тебя не люблю.

«Выкинула», — понял Макс, оглядевшись. В том мире не было ободранных электричек и сизых многоэтажек за стеклом. Единственный человек, оказавшийся в вагоне, походил на потрепанного бурной общажной жизнью студента. «Сам захотел вернуться», — пробормотал Макс, замороженно уставясь на бутылку портвейна в руках соседа.

— Выпьете со мной? — спросил тот, поймав взгляд.

«Люмпен-интеллигент», — хмыкнул Макс, вспомнив своих приятелей, и молча кивнул, беря протянутый стаканчик.

— Принеси мне сачок, — попросила Хозяйка, внимательно всматриваясь в воду.

— Опять... Ну, выловила один раз, только сердце разбередила, зачем тебе еще?

— Не ворчи. Мне не еще, мне нужен этот...

Сколько их здесь... Все одинаковые, все. Одни побольше, другие поменьше, светлее-темнее, но все одинаковые... сбиваются в плотную скользкую массу, увиливают от сачка, смотрят миллионами выпученных глаз, пенят воду, ускользают... Большинство вверх брюхом, лишь изредка мелькнет темная гладкая спина. Этот? А может, этот? Сачок судорожно бьется, поднимает муть, уже не увидеть, не узнать, даже если он будет рядом. Хозяйка заплакала, громко, отчаянно, лупя сачком по воде и размазывая по лицу тину. Теперь — одна, как миллионы лет до этого, как миллионы лет в будущем... Как в те дни, когда Макс был рядом, — одна.

По дороге домой она зашвырнула сачок в кусты.

— Мне страшно, понимаешь? Мне страшно. — Человек отхлебнул и судорожно закашлялся. — Вот почему я пью эту дрянь? Мне страшно. Живем как не знаю кто, кружимся в мутной воде не пойми зачем, столкнешься иногда с хорошим человеком, а его уносит... А потом мы умираем, и нас быстро закапывают, чтобы воздух не портили... Я хочу знать, зачем я кружу, какой в этом смысл? Раньше вот неинтересно было, жил как нормальный человек. Нет никакого смысла, вода мутная, света не видно...

— Ты подплыл к поверхности, — пьяно хихикнул Макс. — Хреново тебе придется.

— Мне и так хреново, — ответил тот, разливая остатки портвейна. — Тут, главное, не думать, если начнешь — не остановишься уже. Вот смотри... если я не вижу смысла... то там, — он ткнул рукой вверх, расплескивая вино, — то там — тем более... Вот это страшно. Им-то какое дело до нас?

— Это точно, никакого. Мы плохо пахнем.

— Вот именно, вот именно... Смердим, как гора тухлой рыбы. Ищем свет — а вокруг только темнее становится. Вот, например, любовь...

— Угу, любовь, — кивал Макс, не слушая. За окнами проплывали знакомые станции. Скоро он будет дома.

Уже начался прилив, но она не пошевелит и пальцем. Плевать. Они все давно умерли. Все. И Макс — один из них.

На это тоже плевать. Снова одна, но теперь хотя бы — свободна. «Наконец-то я побываю там», — подумала Хозяйка, глядя в сторону моря и прислушиваясь к нарастающему птичьему крику.

Темная стена пеликанов все ближе, затхлый удар воздуха в лицо, скребуший шорох крыльев. Пусть хватают скользкие рыбы трупы. Пусть вылавливают немногих живых. И если он среди них — что ж, ей все равно.

«Вспомни, Люся», — забормотал магнитофон.

«Щас, вспомнит она», — подумал Макс, пиная подвернувшуюся под ногу бутылку. Подошел к окну, перегнулся через подоконник, глядя на снующие далеко внизу толпы людей.

Всегда один. «Мне тоже страшно», — мысленно сказал он недавнему собутыльнику.

«Плавают вроде стай, а каждый — отдельно...»

Темно, как в мешке. Можешь кричать, можешь молча всю жизнь быть рядом — все равно будешь один. Не отразишься в глазах, мутных, как вода в прудах. Нет никакого смысла, она была права, нет никакого смысла...

Насмешливый птичий крик в голове, клопочущий, отдающий водорослями и солью. Изжеванный бычок, еще влажный от чьей-то слюны, на стремительно приближающемся асфальте. Мятая обертка от разрекламированной жвачки взорвалась цветными осколками. А потом стало темно и тихо.

Первый пеликан проворно нырнул к воде, загребая клювом. Люся подхватила рогатку и, путаясь в подоле, побежала к прудам.

Карина Шаинян СМЕЮЩИЙСЯ

Огромный порт на громохочущем железом морском перекрестке пожрал лицо города.

Города, корчащегося от тошноты в жарком болотном тумане.

Города в чудовищном устье Гуа, ленивой и мутной, вползающей в далекое море затхлыми рукавами. Города посреди рисовых полей, кормящих тысячи белых цапель, и хилых джунглей, с трусливой наглостью тянущих щупальца-лианы.

Я здесь чужак. Может быть, во всем этом есть смысл — в невыносимо широких улицах, и вездесущей плесени, и выхлопах ядовито-желтых такси. Может быть, кто-то умеет любить этот город, озверевший от душной жары и вечно занятый делом. Я — не умею.

Наверное, надо здесь вырасти, чтобы привыкнуть к стеклянным офисным глыбам, окруженным канавами с тухлой водой. С детства пропитаться духом огромных денег и ядом болот. Запахами гниющих фруктов и машинного масла. Далекими воплями корабельных сирен и унылыми причитаниями нищих.

И когда наполняешься этим до краев, тебе дают аттестат, ты надеваешь белую рубашку, мгновенно становящуюся серой от пота, и приходишь в офис. В белых стенах, покрытых синеватой слизью, передвигаешь с места на место влажные пачки долларов. В их шорохе слышен отдаленный грохот порта и рев океанских грузовиков. Пачки становятся все толще, и ты чувствуешь, что жизнь идет не зря, что двигаешься вверх и, может быть, когда-нибудь забереешься так высоко, что попадешь в прохладные и сухие места — как раз такие, в каких рекомендуется хранить продукты, лекарства и деньги. Твоя рубашка всегда будет свежей, а от галстука перестанет одуряюще нести сыростью. И тогда ты поймешь, что любишь этот город с обглоданным лицом и не променяешь его ни на что на свете.

Но я здесь чужак. Мне никто не вручал аттестат, дающий те же права, что есть у цапель, кормящихся на широких и сытных рисовых полях. Я, как и все, каждый день хожу в офис и превращаю тонкие пачки — в пачки потолще. Но в моей жизни нет любви.

* * *

Пытаюсь понять этот город. Я хочу знать его историю. Читать на здешнем языке еще трудно, разговаривать — проще. Родриго, лоснящаяся смуглая офисная крыса, брызжащая патриотизмом, с удовольствием просвещает меня. Они воевали, много, за золото, скрытое на болотах. Строили порт, а потом опять воевали, теперь — за золото, которое мог принести порт.

— А потом?

— А потом было самое главное сражение, и Гуа стала красной от крови.

Мутная вода приносила их в устье и оставляла гнить в рыжих болотах. Они покачивались в красной воде бок о бок — разбухшие и примирившиеся. Застревали в тростниках и понимали, что нет никаких сторон и вода была окрашена зря. Потом они начинали смеяться.

— Этот день мы отмечаем каждый год — День крови. Это скоро. Круглая дата. Будет праздник.

И правда смешно.

Сеси — как этот город, огромная и влажная. Она много ест и много потеет. Она может выпить целую бутылку джина, зная, что будет умирать утром. Она курит одну сигарету за другой. Ее поцелуи душат меня.

Я не могу полюбить этот город, но Сеси я почти люблю.

Сеси водит меня по странным местам. Запахи плесени и денег там сильнее, а люди больше похожи на белых цапель. Они пьют в полутьме васку, от которой становится все равно, а потом мучительно болит живот и сжимаются стены. Некоторые кричат от боли и страха. Их отвозят домой, а на следующий день они приходят снова.

Я пью с ними, а потом люблю Сеси в мокрых коридорах с цементными стенами. Иногда это делает кто-нибудь другой, оставляя меня наблюдать. Сеси смотрит мне в глаза и улыбается. В такие ночи я напиваюсь.

Утром мы идем на работу.

По городу ползут щупальца слухов. Когда мои коллеги задерживаются на работе, их жены обрывают телефон. Когда

на окна офисов наваливается душная темнота, мы стараемся не смотреть на стекла. Мы продолжаем двигать пачки денег, а потом выскакиваем на улицу и нервно ловим такси, и просим доехать до самых ворот наших домов. Мы боимся.

Из-за стеклянно-бетонных высоток выходит кто-то. Иногда эти «кто-то» выползают из слабо светящихся в темноте канав. Иногда они выбираются из мусорных куч на тротуарах широких асфальтовых улиц. Родриго говорил, что сбил одного — слишком неожиданно выскочил на дорогу. Они одеты в рваные костюмы и покрытые мерзкими пятнами рубашки. Их галстуки скручены в веревки. Они не нападают. Только смеются.

Говорят, те, кто их видел, становятся другими. Те, кто видел смеющегося, перерождаются. Если остаются в живых.

Хайме нашли на улице недалеко от офиса. Инфаркт. Слишком много работал, много переживал, хотел наверх. Сердце не выдержало влажной духоты. Он был моим начальником. Его место занял я. Оказывается, когда ты забираешься выше, не только пачки становятся толще. Ставится отчетливее шум моря. Иногда я различаю скрежет кранов. Корабельные сирены кричат чаще. Теперь я двигаю пачки почти осмысленно.

Исчез Родриго. Поговаривают, что покончил с собой, бросился под машину. Накануне прямо за рабочим столом с ним случилась истерика. На следующий день он не пришел. Родриго делал очень важную работу. Теперь нам придется трудиться за него.

Цифры и печати. Бесконечные ряды чисел и подписей. Разлинованные листы бумаги. Переговоры, похожие на таблицы. Числа. Числа обозначают деньги. Толщину передвигаемых с места на место пачек. То, что мы делаем, — очень важно и нужно. Здесь не место для истерик.

Родриго плакал и кричал, что здесь жарко, как в аду. Всхлипывал, плечи тряслись, никак не мог успокоиться.

Что же, здесь правда жарко. Но это не повод...

Пытаюсь понять, зачем попал в этот город. Меня прислала сюда компания, в которой я работал дома, далеко на севере. Но узнать мотивы высокого начальства трудно, разговаривать с коллегами — проще. Секретарша здешнего босса радостно

делится со мной секретами. У них много конкурентов. Они работают хорошо, но конкурентов слишком много.

— И что?

— Мы попросили прислать нам специалиста, и в европейских компаниях стали больше доверять нам.

Они, задыхаясь, приходили на переговоры, расплавившиеся, разлагающиеся от жары. Потом среди смуглых лиц видели мою голубоглазую физиономию и понимали, что боялись зря, здесь не только чужаки. Пили много воды и смеялись, когда переговоры заканчивались удачно.

— Скоро наша фирма будет первой. Мы работаем лучше всех.

И правда...

Сеси уволили. Разбила компьютер, за которым работала, а на переговорах швырнула в клиента бумагами. Она смеялась, когда делала это.

Я продолжаю приходить к ней. Оказывается, Сеси нравится, когда ей делают больно. Мне тоже. Поэтому я никогда не отворачиваюсь, когда другие кладут ее на пол в цементных коридорах. Я заказываю еще один стакан васки и смотрю. Я хочу разрушить нашу любовь. Сеси — тоже. Мы не хотим любить этот город. Нам надо уйти отсюда, пока не поздно.

Иногда я думаю, что уже поздно.

Говорят, смеющихся никто не видел в жилых кварталах. Больше всего их на деловых улицах. Они приходят со стороны реки. Говорят, смеющиеся не отбрасывают тени.

— Они сами тень, — сказала Сеси.

— Бабушкины сказки. Обыкновенные нищие. Вы тут совсем обалдели от жары, вот и рассказываете небылицы.

— Они ничего не просят. Только смеются.

— Сеси, хватит повторять глупости.

— Они сами тень, ваша тень. Тех, кто работает.

— Чепуха, — я поцеловал ее. — Тени не смеются.

Я видел смеющегося. Ехал в такси, когда он выскочил на обочину из-под моста. Рот широко открыт, а глаза светились в фарах узкими щелями. Почти похож на человека, но еще больше — на белую цаплю. Машина промчалась мимо, и в

открытое окно ворвался запах гнили. Сердце дернулось, и стало не хватать воздуха. Я подумал, что в последнее время слишком много пью, и не сплю по ночам, и много работаю. Не хочу, чтобы кто-нибудь заменил меня, как я заменил Хайме. У меня много важной работы.

Не буду никому рассказывать. Не хочу поддерживать дурацкие мифы. Не хочу, чтобы на меня смотрели как на отменного.

Пытаюсь понять Сеси. Я хочу знать о ней все. Разговаривать наедине трудно, в душном баре, забитом пьяными людьми, легче. Сеси уже выпила столько, что с удовольствием прощещает меня.

Она училась. Потом работала, и снова работала.

— А потом?

— А потом меня уволили.

Она много лет каждый день приходила в офис и, обливаясь потом, передвигала пачки денег. Делала карьеру. И застревала на всю ночь в кабаках, в тех странных барах, в которые водит меня. А потом поняла, что прохладных и сухих мест не бывает, и ей стало смешно.

— Скоро ты тоже будешь оставаться здесь на всю ночь. Потому что здесь плохо, очень плохо. Но в офисе хуже.

Я киваю.

Скоро День крови. Будет праздник. Будет карнавал. Люди, похожие на белых цапель, выйдут на улицы. Люди, гниющие в офисах, получат выходной и тоже выйдут. Они будут веселиться.

Мы с Сеси часто говорим об этом. Иногда мы не идем в бар, а остаемся у нее дома и подолгу лежим голыми на смятых сырых простынях. Сеси ждет этого праздника, как я в детстве ждал Рождества. Она не одна. Все, кто работают в моем офисе, тоже ждут. Похоже, они думают, что после Дня крови все будет по-другому.

По утрам включаю яркий свет в ванной и ищу свою тень. Тень на месте, насмешливо извивается за спиной. Я успокаиваюсь, но следующим утром опять осторожно оглядываюсь.

Каждое утро я ищу свою тень, а потом подолгу моюсь. Мне не нравится мой запах. Он появился недавно, запах плесени и сладковатой гнили. Я драю тело мочалкой, изводя мыло кусками, и поливаюсь одеколоном. Но как только прихожу в офис, запах появляется снова.

Мне снится, что я валяюсь в грязной канаве рядом с офисом. Во сне я уверен, что в этом намного больше смысла, чем сидеть за рабочим столом. Плещусь в тухлой воде, раздирая костюм о ржавые консервные банки. Пока сплю, это кажется забавным.

Когда просыпаюсь, мне становится страшно. Я не хочу становиться другим.

Кажется, моя работа не так уж важна. Мысль, что из-за праздника я потеряю целый рабочий день, не пугает меня. Я двигаю пачки и слышу шум порта. Корабли уходят без нас. Их моторы работают без нас, и трюмы наполняются бананами без нас. Их сирены кричат сами по себе. Запах гниющих фруктов окутывает трубы, и бьется о причал красноватая вода.

Иногда вместо обеда я беру такси и еду на мост. Подолгу смотрю на мутную Гуа, на ее ленивую рябь. Думаю о тех, кто ушел из нашего офиса и из многих других. Мне это не грозит. Я контролирую себя, у меня не бывает ни истерик, ни мыслей о самоубийстве, и сердце крепкое. А сны — что же, не удивительно, что в такие жаркие ночи мне снится вода.

Я не исчезну так, как другие. Я здесь чужой, и этот город не сможет меня сожрать.

Езжу к мосту все чаще. Гуа завораживает меня. Я жалею, что в ней нельзя купаться. Плавать в тростниках, нырять к илистому дну и всплывать под самым мостом, рассматривать его снизу. Река слишком грязная, чтобы купаться, но мне нравится смотреть на нее, с каждым разом я стою на мосту все дольше. Перерыв длится всего час, иногда опаздываю, но это не так уж и важно.

Хайме умер, потому что увидел смеющегося. Я понял это тогда, в такси. Но я сильнее. Лучше буду смеяться сам. Мы двигаем пачки денег, и это очень важно, но корабли уходят без нас. Мы им не нужны. Теперь я понимаю, что это смешно. Хайме узнал об этом перед самой смертью. А Родриго понял сам. Это не важно. Теперь они оба выскакивают на дорогу из

канавы рядом с офисом и хохочут. Их видела секретарша шефа. Растрепала всей конторе, болтливая баба.

Сеси целые ночи сидит в баре и пьет васку, но что она делает вечером, когда я и мои коллеги разъезжаемся по домам? Ее одежда пахнет плесенью и перезрелыми бананами сильнее, чем раньше. Рядом с ней я могу думать, что запах идет только от нее.

День крови наступил. Нас много, мы идем по улицам огромными толпами. Нас влечет Гуа, главное развлечение будет на мосту. Я держу Сеси за руку, ее большая мягкая ладонь вспотела, от волос пахнет сыростью. В темноте дрожат электрические огни, много огней. Кто-то обливает нас водой. Нам весело. Я купил джин; и мы по очереди отхлебываем прямо из горлышка. Из темноты выплывает трясущееся лицо шефа, и я протягиваю ему бутылку. В толпе раздается крик, мы веселимся вовсю. Босс обнимает Сеси, и они падают в мусорную кучу на обочине. Я иду дальше один.

Сеси скоро догоняет меня. Ее платье порвано, а ладони влажнее, чем обычно. Теперь мы пьем васку, и толпа становится все тесней. Сегодня праздник.

Идущий впереди клерк бьет по голове худого человека, похожего на цаплю. Толпа хохочет. Я целую какую-то красотку. Кусаю ее губы и впиваюсь пальцами в нежную, смуглую, мокрую от пота шею. Ловлю взглядом лицо Сеси. Она улыбается.

Отшвыриваю девчонку и снова беру Сеси за руку. Теперь мои ладони такие же влажные и скользкие, как у нее.

Смеющиеся среди нас. Они втекают в толпу и растворяются в ней. Они такие же, как мы. Я обнимаю Родриго, когда он выползает из канавы рядом с нами. Спрашиваю — помнишь, ты кричал, что здесь жарко как в аду? Мы хохочем, вспоминая, и по нашим лицам прыгают электрические огни. «Не напивайся, — отвечает он, — тебе завтра делать важную работу, вам всем завтра делать важную работу, двигать толстые пачки бумажек». Мы хохочем еще громче.

Крики, вырывающиеся из гула и смеха толпы, становятся все чаще и пронзительнее. К нам подходит Хайме, держась за студенистый живот, качаясь и взвизгивая от смеха. Я беру недопитую бутылку за горлышко и бью по лицу какого-то тол-

стяка в дорогом костюме. Васка, смешиваясь с кровью, заливает его рубашку. Парочка занимается любовью прямо у стеклянной двери офисной многоэтажки. Я подхожу сзади и вонзаю остатки разбитой бутылки в спину мужчины. Иду дальше, а Хайме остается с девчонкой, которой уже все равно. Ей весело. Хайме швыряет ее на асфальт, и она вцепляется ногтями в его глаза, задыхаясь от смеха.

Сеси и Родриго ушли вперед, а может, нырнули в сырую подворотню. Это не важно. От моста доносятся сухие щелчки выстрелов — единственное, что здесь есть сухое. Толстуха в кричащем платье тычет меня в бок кухонным ножом. «Я готовила мужу мясо с рисом, — говорит она, улыбаясь. — Каждый день резала мясо этим ножом. Мой муж был большим начальником. Он ушел». Повесился из-за проблем на работе, но она до сих пор его любит. Я киваю ей и машу вслед рукой, когда толстуха бросается к мусорному контейнеру, полному резаной бумаги. Она бежит, неуклюже переваливаясь, к смеющемуся, вылезшему оттуда. Она громко кричит про свое сердце и любовь, а в руке крепко зажат нож.

Я уже на мосту. Спотыкаюсь о чье-то тело, падаю. Очень болит бок, там, где его порезала толстуха. Кто-то пинает меня, поднимаю голову и вижу смеющиеся глаза Сеси. Она снова бьет меня, ногой в лицо, но мне под руку подворачивается пистолет, и я стреляю в ее распяленный в улыбке рот, а потом толпа сминает нас. Перед глазами колыхнется ядовитая вода, и я понимаю, что люблю Сеси, люблю этот город. Я больше не чужой здесь. Чей-то тяжелый ботинок наступает мне на грудь, и сердце разрывается от любви.

Все закончилось. Некоторые из нас застряли в тростниках, а некоторые — доплыли до самого порта и бьются о корабли, просятся на борт. Галстуки плавают в красной воде, как водоросли. Когда-то белые рубашки стали розовыми и покрыты пятнами ила. Мы качаемся в мутных волнах рядом — те, кто целыми ночами пил васку, и те, кто сидел в офисах, зная, что делает важную работу. Между нами нет разницы. Все похожи друг на друга и на белых цапель, кормящихся на рисовых полях вокруг города. Мы бьемся о борта кораблей и пугаем матросов. Нам смешно.

Карина Шаинян ЛОКАТОР

Девятого мая над Городом Плохой Воды пролетела стая лебедей. Снизу улыбались вслед, размахивали флажками и воздушными шариками, и Таня Кыкык смеялась вместе со всеми.

Обычно лебеди улетали на север, не задерживаясь рядом с городом. Но Пельтын помнил, как однажды большая стая, то ли измотанная штормом, то ли ведомая глупым вожаком, села на бухту. Птицы ныряли клювами в ил, выискивая пищу, и со дна всплывала маслянистая бурая пленка, пачкала перья. Лебеди почуяли неладное, когда было уже поздно: обвисшие грязными сосульками крылья не могли поднять их в воздух. Отец Пельтына заметил стаю, и они всей семьей прибежали на берег, гонялись по мелководью за вкусной птицей, били палками и камнями. Белые перья, вымаранные нефтью и кровью, плыли по взбаламученной воде.

Вволю наелись темным жестким мясом, накормили всех соседей. Угощали японского инженера со смеющимся лаковым лицом. Спали и снова объедались так, что перед глазами маленького Пельтына плыли испачканные перья.

Отца с тех пор прозвали Кыкык — лебедь. Когда через несколько лет люди с материка записывали гиляков в толстые тетради, взамен выдавая красные книжицы, отцовское прозвище стало Пельтыну фамилией.

Накануне мать испекла пирог, и Таня, возвращаясь из школы, еще в подъезде учуяла запах рыбы и лука, аромат хрустящей пропеченной корочки. Сразу стало понятно, что завтра праздник. Таня торопливо сполоснула руки и ворвалась на кухню — мама уже, улыбаясь, выкладывала на тарелку большой кусок.

Розовые кусочки горбуши, вывалившись из теста, исходили густым паром. Таня жевала, обжигаясь, и смотрела, как мать отрезает половину пирога, осторожно оборачивает пакетом, полотенцем и еще раз пакетом, чтобы не остыл.

— Отнеси деду. — Таня закивала, торопливо подбирая крошки.

— По дороге не ходи, увидят. Лучше через бухту. Сапоги надень. Приберись там. И поздравить не забудь!

Доедая, Таня смотрела в окно. С их третьего этажа видны были проблески бухты и сопка с торчащими над ней решетчатыми ушами локатора, настороженно развернутыми к городу. Снег уже почти сошел, до самого моря тянулись стланиковые заросли со светлыми пятнами марей. Под кедрами еще лежали мокрые сугробы, но по берегу бухты уже можно было пройти — первый раз с осени добраться до локатора, проведать деда.

Жизнь новорожденного города крутилась вокруг нефти, и надо было решать: уходить на север, в береговые стойбища, или оставаться на месте, переселяться в дома, зажатые в тесном кольце буровых. Японцев сменили русские начальники, приехавшие с материка. На холодном туманном болоте, открытом морским ветрам, строили бараки. В них селились смуглые люди с тоскливыми глазами и иззябшими лицами — рабочие с юга, знавшие толк в нефти. Первая скважина уже выплюнула черный фонтан.

Пельтын ходил в школу. Пельтына приняли в пионеры и объяснили, что нефть народу нужнее, чем рыба. И когда семья все-таки двинулась на северо-восток, Пельтын, первый раз в жизни поссорившись с отцом, остался в городе.

Кто-то рассказал ему, что нефть получается из мертвых животных, которые пролежали под землей миллион лет, и Пельтын сразу и легко поверил. Мечта работать на буровой потускнела и стала пугающей. Но вокруг так радовались, когда новая скважина давала нефть, так много говорили, так часто называли вонючую жидкость «черным золотом», что Пельтын успокоился и перестал различать в резком запахе, пропитавшем город, трупные ноты.

Под солнечной рябью шевелились черные водоросли. Таня разулась, пошлепала ногой. Мелкая, по щиколотку, вода уже прогрелась. Таня торопливо зашлепала вдоль берега. На дне лежал еще лед, и от холода сводило ноги. Тонкий слой прогретого ила продавливался между пальцами, всплывала

бурая пленка, прилипала к лодыжкам. К запахам соли, талой воды, брусничного листа примешивался тяжелый дух нефти.

Выбравшись с берега бухты, Таня припустила по тропе, ведущей на сопку. Пропетляв между зарослями кедрового стланика и кривыми лиственницами, свернула к покосившемуся забору с остатками колючей проволоки поверху. За оградой, в сухих зарослях полыни и пижмы прятался неряшливый бетонный куб здания, на крыше которого и стоял локатор. Таня, закинув голову, еще раз посмотрела на зеленые неподвижные решетки, прикинула направление ко входу, и, зажмурившись, побежала через двор. Поговаривали, что на территории локатора есть какое-то излучение, от которого можно ослепнуть. Таня, конечно, в это не верила, но испытывать на себе не хотелось. Она нащупала открытый засов и изо всех сил потянула. Дверь, почти вросшая в землю, подалась с тяжким скрипом, Таня заскочила внутрь и наконец открыла глаза.

— Ты с ума сошел, — говорила жена, — что я одна делать буду? А если убьют тебя на материке? Ребенка без отца растить?

— Люди помогут, — отвечал Пельтын, отворачиваясь. Жена голосила, напирая огромным животом, и он уходил из барака. Подолгу сидел, глядя на плакат. «Больше нефти для наших танков, самолетов, кораблей!» — призывал румяный рабочий. Пельтын вздыхал. В сумерках метались огненные отблески факелов — жгли газ, мешающий добраться до нефтяных пластов. Последнее время огонь пугал Пельтына.

В щелястых стенах клуба дрожал свет — там инструктор по гражданской обороне снова крутил фильм с горящими нефтяными промыслами далекого юга, объяснял, что делать, если вдруг начнется бомбежка. Получалось — сделать ничего нельзя. Рыжий, всегда бледный лейтенант, сильно хромавший на правую ногу, спохватывался и говорил, что так далеко на восток врагу не пройти. «Больше нефти, товарищи, — повторял он как заведенный, — давайте больше нефти!» Из клуба вываливались носатые рабочие, растревоженные видом родных прикаспийских степей, искореженных воронками. Над городом полз густой запах нефти, и Пельтын снова чувал в нем тухлятину.

Пельтын ждал. Посмотрев учебный фильм одним из первых, он, потрясенный, долго наседа на инструктора. Лейтенант вяло отмахивался и предлагал действовать по общему плану, но Пельтын не успокаивался. Наконец начальник, измученный отчаянными вопросами, чтобы как-то отделаться от назойливого гилияка, рассказал Пельтыну о волшебных машинах — локаторах, которые умели говорить о подлетающих вражеских самолетах задолго до того, как об этом скажут глаза и уши. В клубе висела древесная пыль, пахло тающим снегом, бензином, мертвым мясом, и Пельтыну страшно было даже подумать о том, чтобы вернуться на буровую. Он хотел работать на локаторе. Защищать и предупреждать. «Так ведь не поможет», — с отчаянием говорил инструктор, глядя на свою искалеченную ногу. «Хотя бы знать заранее», — отвечал Пельтын, хмурясь и чувствуя, как холодным ужасом сжимает сердце. В глубине души он верил, что — поможет. А еще хотел сбежать куда-нибудь, где не будет пахнуть нефтью. Все чаще Пельтын вспоминал лебедей, перепачканных маслянистой пленкой, и сам себе казался лебедем, глупым лебедем, не улетевшим от города на север, в стойбища, куда доходили только смутные слухи о войне. «Запах тухлятины приманивает хищников, — бормотал он, — но я научусь узнавать о том, что они идут, и всех предупрежу. Мы успеем улететь». По ночам ему снились самолеты, похожие на поморников, горящие сопки и лебеди, растерзанные острыми черно-желтыми когтями.

В здании локатора было сумеречно, пахло водой, плесенью, прелой хвоей. В углу светился зеленоватым экран; иногда что-то попискивало. Таня положила на стол пирог, вытащила из кармана самодельную открытку-аппликацию: звезды и самолет на бархатной бумаге.

— Вот, деда, мама тебе пирог передала. Поздравляем тебя с наступающим Днем Победы. — Она положила открытку рядом с пирогом. — Это я на уроке труда сделала. Вот.

Таня помялась, глядя на мерцающий экран. Потом засуетилась, вытащила из-под стола растрепанный веник. За зиму комнату занесло мелким лесным мусором, под дверью лежал пласт подтаявшего снега. Таня заскребла веником по цементному полу.

— Я, деда, завтра на демонстрацию пойду. У меня есть флажок и два шарика... — Она поддела совком снег и вывалила на улицу. — Позавчера задали сочинение про войну, я написала, что ты про это говорить не хочешь, и мне поставили двойку, но мама несильно ругалась. А еще завтра памятник открывают. Там будет факел все время гореть...

Таня вымела мусор за дверь и огляделась. У стены сквозь пыль масляно поблескивали банки консервов — их трогать не стоило. А вот пакеты, лежащие в углу стола, нужно было убрать. Таня потянула ближайший сверток, и в нос ударил запах гнили. Стараясь дышать ртом и не забывая жмуриться, она поволокла остатки еды к яме в углу двора. Пакетов набралось много — на локаторе не прибирались с середины лета, и гостинцы копились, превращаясь постепенно в неаппетитное месиво. Несколько пробежек по двору — и стол очистился. Таня смахнула пыль, передвинула пирог на середину и присела перед экраном, аккуратно возя тряпкой по стеклу.

— А еще, деда, я поссорилась с Юлькой... Она первая начала — сказала, что ей дедушка подарит большую куклу, а у меня дедушки нет, и куклы не будет, а она мне поиграть не даст. Ну и не надо! Я ей про тебя рассказала, что ты на локаторе работаешь, а она сказала, что локатор заброшен с самой войны, ей дедушка рассказывал, как его построили и сразу почти бросили, потому что работать некому было... Чепуха какая! А я ей сказала, что у нее дед хромой и рыжий, и старый совсем, а она меня дернула за волосы, а я ее. Мама потом сильно ругалась и отшлепала... А Юлька все равно чепуху говорила — просто у тебя же работа секретная, вот и не знает никто...

Таня болтала взхлеб, отворачивалась от экрана, хмурилась. На самом деле слова подружки сильно задели ее. «Ничего, я проверю — уже завтра, — в который раз подумала Таня. — Все она врет». Очищенный экран светился ярче, подмигивал, утешал. Таня улыбнулась и пальцем стерла последний штрих пыли в уголке.

Накануне отъезда к Пельтыну заглянул лейтенант и с таинственным видом повел на безлесый холм рядом с бараками. Ткнул рукой на восток, в сторону моря, где мягкими серыми волнами поднимались сопки. «Вон на той, самой высокой,

поставят локатор, — сказал он Пельтыну. — Выучишься — возвращайся. Будешь нас охранять».

Так Пельтын оказался на материке. Удивлялся поначалу широкой, густо-зеленой листве — только-только начинался июнь, и дома тополя стояли в прозрачной клейкой дымке, не решаясь еще распуścić почки.

На курсах, замаявшись выговаривать kloкочущие звуки, фамилию Пельтына перевели на русский и записали Петром. Пельтын не возражал. «Что-то ты, Петя, больно черен», — смеялись приятели, и он отвечал, что, мол, перья в плохой воде замарал. Едкие испарения авиационного топлива были мало похожи на запах нефти, но Пельтын продолжал чутать плоть разлагавшихся миллионы лет животных. Город Плохой Воды звал домой.

Учеба оказалась недолгой, но о возвращении не было и речи. Курсантов отправляли в глубь материка, на фронт. Пельтын радовался. Хищные самолеты, расклеивающие сопки и плюющиеся огнем, никак не уходили из его снов, и Пельтын понимал, что чем дальше на западе он их остановит — тем лучше. Запах нефти слабел, растворяясь в духе большой земли и тяжелой фронтовой вони, и постепенно стиралось из памяти лицо жены, заменялось абстрактным силуэтом родного острова, увиденного случайно на карте. Иногда Пельтына догоняли письма. Он с трудом разбирал корявый почерк, читал короткие строчки о том, что, мол, дочка растет здоровой, отец по-прежнему ходит за рыбой, нефти добывают все больше, а хромой лейтенант женился. Сидя перед экраном локатора, Пельтын пытался представить дочку. Почему-то перед глазами появлялась девочка лет уже десяти, в белом платице, машущая руками, как крыльями. Пельтын улыбался, и точки на экране казались ему мягкими лебяжьими перьями.

Таня нетерпеливо переминалась в строю. Под тусклым солнцем пионерские галстуки, поверх наглухо застегнутых курток, казались почти черными. Подрагивали края белых фартуков; мальчики неловко топтались в наглаженных брюках. На площади напротив геологоразведочного института, еще недавно бывшей пустырем, открывали памятник горожанам, погибшим в Великую Отечественную. — открывали с

речами, торжественной пионерской линейкой и оркестром. На постаменте стояли гранитные доски со списками, с фотографиями в овальных рамках; перед ними торчала блестящая ребристая труба с чашей наверху. Оставалось только зажечь вечный огонь, кормящийся подземным газом, но с этим медлили — рядом с факелом читал речь полный человек в легком пальто, с посиневшим от холода лицом. Наползавший с моря соленый маслянистый туман поднимался над городом, превращаясь в тяжелые тучи, затягивая с утра еще ясное небо. Налетел ветер, осторожно потрогал лица, а потом, будто разозлившись, швырнул пригоршню песка.

«Вечная слава героям», — торопливо пробасил человек на возвышении и огляделся.

Взвыл зажженный газ и тут же был заглушен медным ревом оркестра. В рядах оживленно зашептались. Учительница, сделав страшное лицо, замахала руками, и школьники поспешно отдали салют.

Все речи были прочитаны, все слова сказаны, гимн отыгран. Начинало моросить. Школьники поспешно расходились, четкие ряды распались на мелкие бестолковые кучки. Юлька дергала Таню за рукав, звала с собой. На другом краю площади Юлю ждал дед, тяжело опирался на палку, смотрел на девочку пристально, о чем-то вздыхал. Таня сердито прикусывала губу, отворачивалась молча — и подруга, пожав плечами, отошла к деду. «И не надо», — буркнула Таня вслед.

Вскоре она осталась одна — последняя группка одноклассников втянулась во двор, исчезнув за домами. Отворачиваясь от летящего в глаза колючего песка, Таня поднялась к памятнику.

Над головой ревел факел. Таня медленно повела пальцем по гладкой гранитной плите, вдоль бронзовых букв «К». Множество незнакомых имен. Одна фамилия, как у мальчика из параллельного класса. И одна — как у соседа. Все. Успокоенная, Таня вприпрыжку сбежала со ступеней.

Немного ниже, куда не добрался палец с обкусанным ногтем, из овальной рамки смотрел молодой мужчина с таким же, как у Тани, круглым гиляцким лицом — толстые губы кривились усмешкой, и казались хитрыми узкие припухшие глаза. «Лебедев Петр», — сообщала надпись опустевшей площади.

* * *

Пельтын встретил май далеко на материке. Жирная земля там пахла яблочным пирогом, в белой пыли шевелились резные тени. Стояли ясные, ласковые дни, и сладко тянуло ранней зеленью. Где-то за виноградниками катилась, громокая, война — и все ждали, что вот-вот, лязгнув в последний раз, свалится она в яму и затихнет. В один из таких дней, наполненных ожиданием, Пельтын заметил, что от товарищей сильнее, чем обычно, несет топливом, и чай в жестяной кружке подернулся радужной пленкой. Скоро домой, понял он. Город Плохой Воды наконец-то докричался до Пельтына. Он не успел допить — прибежал сержант с шальными глазами и приказал строиться.

Усы командира дрожали, и дрожала рука, сжимавшая узкую бумажку. Все затихли. Он начал было читать, но голос сорвался, командир откашлялся гулко, но люди уже успели понять. Пельтына трясли за плечи, хлопали по спине с размаху, он все никак не мог понять, в чем дело, не мог поверить, а потом рядом кто-то захохотал и вдруг осекся, громко всхлипнув, а кто-то выстрелил в воздух, и Пельтын на мгновение оглох. Вокруг продолжали палить, и он с удивлением понял, что сам торопливо расстегивает кобуру, и закричал, срывая голос.

Он не ушел на дежурство — кто-то сунул в руку кружку, до краев наполненную южным вином, и Пельтын, державшийся много лет, терпеливо объяснявший товарищам, что ему нельзя, выпил густую жидкость залпом. Сразу зашумело в ушах, и вдруг согрелось сердце, навсегда, казалось, замороженное словами лейтенанта в пропахшем нефтью клубе. Пельтын слонялся по плацу, глупо улыбаясь, и ему в ответ улыбались так же глупо и счастливо, и продолжали улыбаться, когда сумеречное сиреневое небо загудело.

Вино отхлынуло от сердца, но было поздно. Пельтын с тоской посмотрел на брошенный локатор, отчетливо представляя, как ползут белые точки, неумолимо приближаясь к центру экрана, и слыша тревожный писк. Он в отчаянии рванулся вперед, но ничего нельзя уже было сделать. Из-за решетчатых ушей локатора вынырнули хищные силуэты самолетов, гул превратился в рев, а потом в визг, на мгновение не-

бо заслонило перекошенное, зеленое лицо командира, и беззвучно закричали рядом, совсем не так, как кричали пару часов назад. Запах нефти стал невыносимым, и Пельтын успел подумать, что теперь-то он точно попадет домой, на вершину сопки у самого моря, — и никогда, никогда не отойдет от экрана, и еще подумал, что через миллион лет здесь найдут черную маслянистую лужицу. А потом воздух заполнился нестерпимо белыми, перепачканными кровью перьями, и все кончилось.

Иногда порывы ветра стихали, и сверху доносилось тихо — «кы-кы, кы-кы». Кричали лебеди, невидимые за тучами. Щурясь на ветру, Таня Кызык посмотрела на восток. В разрывах тумана виднелась сопка и темный силуэт локатора. Холодный воздух выбивал слезы, сопка подрагивала и плыла, но Тане почти видно было, как вращаются решетчатые лопасти. «Деда даже в праздник на работе», — думала она и пыталась представить, как на дедушкином экране выглядят лебеди. Наверное, они похожи на ослепительные искорки.

Шумела бурная весенняя вода, несла радужные пятна. В Городе Плохой Воды пахло нефтью.

ЗВЕРИ

...Млекопитающие обладают памятью, некоторой долей рассудительности и чувствительности. Они обладают способностью различать предметы, имеют представления о времени, месте, о цветах и звуках; умеют узнавать и припоминать прежде виденное, наблюдают и до некоторой степени даже рассуждают...

Альфред Брем. «Жизнь животных»

Дмитрий Колодан ВСЯ КОРОЛЕВСКАЯ КОННИЦА

Погода не заладилась с самого утра. Метеосводки давно предупреждали о приближающемся циклоне, но обещали его не раньше середины следующей недели. Сейчас была только суббота, а небо до горизонта затянула серо-рыжая пелена, сочащаяся мелкой моросью. И дождем-то не назвать, а выйдешь без зонта — вымокнешь до нитки. В случае же с Памеллой Льюис и этой защиты недостаточно: при ее размерах любой зонт был бы слишком мал.

Памелла дождь не любила; не из-за водобоязни, а потому, что в плохую погоду весь день приходилось сидеть дома. Особых планов на эту субботу у нее не было, но все равно Памелла думала прогуляться по городу, выпить чашечку кофе, быть может, покормить белок в городском парке... Да мало ли радостей у одинокой женщины? Но вместо этого ей досталось заточение в четырех стенах, под ужасающие звуки, доносящиеся со стороны соседского дома.

Время едва приблизилось к полудню и текло медленно, словно густое варенье. Памелла сидела в огромной гостиной, перебирая клавиши рояля. Хотя на дворе стояла середина мая, Памелла играла «Осеннюю песню» Чайковского. Октябрьская мелодия как раз совпадала с ее настроением — те же хмурые и беспросветные тучи.

Играла она громко, но музыка не могла заглушить врывающиеся с улицы взвизгивания и скрипы. За оконным стеклом, крапчатым от мелких капель, Памелла прекрасно видела соседский дом. Кинетический Дом Хокинса — нагромождение башенок, которые жались друг к другу, точно свечки в праздничном торте столетнего старца. Картина станет более полной, если представить, что торт угодил в ураган. За подтеками воды башенки дрожали и раскачивались из стороны в сторону.

В любом другом случае Памелла решила бы, что ей кажется. Преломление света на влажном стекле... Но башенки двигались на самом деле, не важно, шел дождь или нет. Хитроумная система блоков и противовесов приводила дом в движение сразу во всех направлениях. Словно в одном месте

собрались с десяток кукол-неваляшек и затеяли шумную драку.

Чудовищные звуки были половиной беды, Кинетический Дом еще и выглядел уродливо. Если архитектура — это музыка, застывшая в камне (а в случае Хокинса — в дереве, стекле и железе), то Кинетический Дом был мелодией для шарманки. Столь же безыскусный и аляповатый, не имеющий ни малейшего отношения к настоящему искусству. Каждую из движущихся башенок Хокинс сделал непохожей на остальные, не думая о том, как они будут смотреться вместе. Он смешивал сельскую готику с конструкциями в духе иллюстраций к «Изумрудному городу», а финальным аккордом украсил свое творение разнообразным хламом — от битой посуды и резиновых пупсов до блестящих колесных дисков и гипсовой садовой жабы. Хокинс тащил в дом все, что попадалось под руку. Подобные выходы характерны для сорок и галок, но никак не для разумного человека. Вывод напрашивался сам собой.

В окно Памелла видела вырезанное из фанеры круглое улыбающееся лицо размером с купальный тазик — вместе с раскачивающейся башенкой оно то приближалось, то удалялось, будто огромный пухлощекий младенец заглядывал в окно и презрительно отстранялся. Он не мог не раздражать. Хокинс это знал наверняка — башенку с лицом он построил исключительно с целью подшутить над соседкой. С юмором у него всю жизнь были проблемы.

Все жалобы Памеллы в муниципалитет, полицию, социальную службу и прочие организации, призванные бороться с подобным беспределом, наткнулись на стену непонимания. Бюрократия, ничего не попишешь. Хокинс хоть и был полным психом, но при том оказался скользким, как угорь. Памелла еще только писала первую кляузу, подбирала слова, живописуя свое бедственное положение, а сосед подсуетился и зарегистрировал Кинетический Дом как городскую достопримечательность. Памятник архитектуры! Конечно, Памелла воздерживалась от голословных обвинений — доказательств-то никаких, — но в том, что Хокинс не поскупился на взятки, она не сомневалась.

Два года назад Хокинс отбыл в мир иной, но с тех пор ничего не изменилось. Дом перешел в муниципальную собст-

венность с правом пользования, тем самым сильно поколебав надежду от него избавиться. Если в войне лично против Хокинса имелись шансы, против городской администрации Памелла была бессильна. Но сдаваться она не собиралась. Всегда оставалась возможность съехать, перебраться на другой конец города, а то и вовсе бежать в Сан-Бернардо. Благо, счет в банке позволял проверить это практически без потерь. Но, черт возьми, Льюисы жили здесь вторую сотню лет! Как она будет смотреть в глаза деда на пожелтевших фотографиях?

Сейчас в Кинетическом Доме жила дочь Хокинса — девица с глупым именем Теннесси. Еще одна капля в давно переполненной бочке терпения. Памелла честно пыталась наладить контакт, выстроить добрососедские отношения (втайне лелея надежду уговорить соседку остановить Кинетический Дом), но все пошло прахом. Сама виновата — надо лучше продумывать стратегию. Может, не стоило столь яростно доказывать, что девушке не подобает расхаживать в мешковатом джинсовом комбинезоне вместо платья, с руками по локоть в машинном масле. Но разве вина Памеллы, что при сильном волнении ее голос срывался на истеричный визг?

Теннесси до сих пор ее сторонилась, но пару раз Памелла краем уха слышала, как та назвала ее «сумасшедшей толстухой». Про себя она отвечала тем же, придя к выводу, что девица ничем не лучше своего отца. Теннесси, девушку стройную, «толстухой» называть было глупо, но Памелла нашла подходящее слово и именovala ее не иначе как «этой штучкой».

Себя же Памелла никогда, даже в мыслях, толстухой не называла. Когда вес переваливает за сотню, отрицать его уже нельзя, но все-таки она предпочитала слово «дородная» — в нем было куда больше обстоятельности, положенной даме ее возраста. В конце концов, не так много она и ела, причем только здоровую пищу; просто такой у нее обмен веществ. А поводов считать ее сумасшедшей и вовсе не было. Не из-за кошек же — каждый имеет право на любовь к животным.

Ее белоснежные кошки — общим числом двенадцать — спали по всей гостиной. Их выдержке можно было позавидовать: скрипов Кинетического Дома они не замечали. Зато чутко реагировали на игру хозяйки. К глубочайшему сожа-

лению Памеллы, Рахманинова кошки недолюбливали. Всякий раз, когда она бралась за любую из двадцати четырех прелюдий для фортепьяно, кошки принимались вопить, словно им разом отдавили хвосты. Они снисходительно терпели Чайковского или Сибелиуса, но в своем консерватизме предпочитали музыку, написанную не позднее восемнадцатого века.

Жаль, Памелла не знала мелодии, которой смогла бы ответить Теннесси. Но должен же быть свой Рахманинов и для соседа?

Пальцы пробежались по клавишам в простейшей гамме... неожиданно оборвавшейся на ноте «фа» громким «шмяк!», донесшимся от окна. Удар был мягким, но сильным, словно в стекло с размаху швырнули мокрую тряпку. Кошки мигом спрыгнули на пол и, не скрывая возмущения, уставились на хозяйку. Тут же зашевелились их товарки. Однако в кои-то веки Памелле стало не до любимцев.

На мгновение почудилось, что рухнула одна из башенок Кинетического Дома. Упала на крышу и того и гляди ворвется в гостиную, ломая хрупкие перекрытия. От одной мысли Памеллу прошиб холодный пот. Но не прошло и секунды, как на смену испугу пришло крайнее удивление.

Башни пока оставались на месте. В окно действительно что-то бросили, чудом не выбив стекло. А вернее, кого-то: в стекло впечатался толстый зверь, размером чуть больше кошки, похожий на мохнатый бочонок песочного цвета. Памелла успела заметить безумно вытаращенные глаза; когтистая лапка заскребла по гладкой поверхности, безуспешно пытаясь уцепиться... Пугающе медленно зверек сполз вниз, прочертив мохматым брюхом широкую дорожку среди дождевых капель. В дикое мгновение озарения, когда растерянность вдруг сменилась кристальной ясностью мысли, Памелла поняла, с кем имеет дело. Это был... сурок?!

Зверек упал на карниз и скатился на землю. Памелла вскочила со стула и бросилась к окну, но сурка и след простыл.

Памелла с усилием проглотила вставший поперек горла ком. Сурки ведь не летают? Даже после хорошего пинка... В привычной и устоявшейся картине мира наметилась изряд-

ная трещина. В груди зашевелилось неприятное чувство, нарастая снежной лавиной и вот-вот грозя обрушиться.

Противно взвизгивая, башня Кинетического Дома склонилась над окном. Фанерный младенец ехидно ухмылялся и разве что не хихикал. Памелла уставилась в огромные круглые глаза и совсем не удивилась бы, если б младенец подмигнул ей в ответ. Мысленно прочертив предполагаемую траекторию полета, Памелла с ужасом поняла: зверек выпал из Кинетического Дома. Прямо изо рта жуткого младенца.

В мире существовало не так много вещей, способных вывести Нортон Филберта из себя. Однако грузовик-дальнобойщик, проносившийся мимо и сворачивающий чуть в сторону для того, чтобы окатить его водой из лужи, точно входил в их число. И самое мерзкое, что за последний час это был третий грузовик, откалывающий подобный номер. Если это и есть та стабильность, к которой, по слухам, стремится Вселенная, то Нортон обеими руками за хаос. А еще за прижигание мозга — другого способа избавить водителей от такого чувства юмора он не видел.

Тот, кто впервые назвал дорогу в дождь хорошей приметой, был неисправимым оптимистом. Или ему никогда не приходилось крутить педали под разверзнувшимися небесными хлябями, когда нельзя лишний раз вдохнуть, не наглотившись холодной воды. Нортон тщетно утешал себя тем, что могло быть и хуже. Тропические ливни, ураганы, грозы и цунами — да мало ли на свете ситуаций, по сравнению с которыми нынешнее положение — отдых на солнечном пляже? Вот только все они существовали исключительно теоретически, Нортон же мок под колючей моросью сейчас. Купленная на распродаже ковбойская шляпа — хорошая защита от дождя, но при одном условии: тот должен лить сверху, а не идти одновременно во всех направлениях, нарушая законы физики и здравого смысла. Нортон мучили сильные подозрения, что вода уже добралась до костей. Если так пойдет дальше, то скоро он превратится в медузу. Безрадостная перспектива. В кармане куртки хлюпал размокший бутерброд, который ему дали в дорогу. Страшно представить, до каких глубин дошла

диффузия хлеба и сыра. Рискнуть и проверить Нортон не решался, хотя живот слегка сводило от голода.

Ночь он провел в трейлерном поселке рядом с сорок третьим шоссе. По сути, это была давно выродившаяся коммуна хиппи, доживающая последние годы. На крошечном пятчке жались друг к дружке два десятка хлипких трейлеров, вросших в землю так, что не было видно колес. Половина домиков пустовала, скалилась битыми окнами, точно беззубые собаки над обглоданной костью. Может, когда-то, еще до рождения Нортон, поселок и странствовал по побережью — от одного музыкального фестиваля к другому или просто по интересным местам. Но времена эти канули в Лету безо всякой надежды на возвращение.

Идея блуждающих городков Нортону была по душе куда больше, чем оставшееся унылое поселение. Не стоило им прекращать движение... В мире все просто: чуть замешкаешься — и законы вселенской энтропии не упустят шанса. А итог один — запустение.

Не сказать, что это была худшая ночь в его жизни, но на место в десятке она явно претендовала. На жесткой койке, в душной комнатухе, где даже стеновые панели насквозь пропахли травкой, сложно выспаться и при самой сильной усталости. Трейлер не отапливался, а тонкое лоскутное одеяло не спасало от холода и сырости. В соседнем домике почти до рассвета на полную катушку крутили диски «Перл Джем». И хотя Нортону удалось задремать, сон был зыбким, точно утренний туман, и полным разных несуразностей про уток. Под утро его разбудил хозяин домика, лохматый старец с рыжей от табачного крошева бородой: он решил, что пять часов — самое подходящее время, чтобы распить бутылочку местного самогона, и искал компанию.

Так или иначе, но из поселка Нортон выбрался затемно. Тогда еще ничто не предвещало беды; небо было чистым, не считая молочной россыпи звезд да тонкого росчерка месяца. Но с первыми красками рассвета пришли тучи, а с ними короткий ливень, выродившийся в бесконечный мелкий дождь. В грязно-серой пелене облаков не было ни малейшего просвета и ни малейшей надежды на то, что он скоро появится. Самый отвратительный день за все время путешествия по

побережью. Вдвойне обидно, ведь до цели оставалось всего ничего.

Неделю назад Нортон увидел прелюбопытнейший сюжет в теленовостях. Рубрика называлась «Курьезы» — пять минут о диковинках, которые можно найти на побережье. Нортон ждал сюжета про своего дядю Барни — ту еще диковинку, но вместо этого показали Кинетический Дом Хокинса, гордость туристического департамента Санта-Риты. И хотя сам дом показывали куда меньше, чем корреспондента, того, что Нортон успел заметить, оказалось достаточно. На одной из раскачивающихся башен сидела гипсовая садовая жаба... Нортону хватило одного взгляда, чтобы понять: именно такой не хватает в его коллекции. Во всяком случае, всю дорогу он убеждал себя, что целью путешествия была именно жаба, а вовсе не девушка, хозяйка странного дома, у которой брали интервью.

Дорожный указатель почти издевательски сообщил, что до Санта-Риты осталось десять километров. Нортон подналег на педали. Если подумать, — не много, даже с учетом коэффициента «плохой дороги».

Давно и не им подмечено — дорога занимает тем больше времени, чем противнее она кажется путешественнику. И от расстояния это не зависит. Нортон не знал, думал ли об этом Эйнштейн, разрабатывая Теорию Относительности, но, следуя логике, путешествие на околосветовых скоростях обещало быть приятным и комфортным. К несчастью, он совершенно не представлял, как разогнать велосипед до подобной скорости. К тому же резко возрастала вероятность проскочить нужное место, а наматывать круги по меридиану не хотелось. За спиной пронзительно загудел очередной дальнобойщик. Нортон вздохнул и сжался, готовясь к новому душу. К его удивлению, на грязном тенте грузовика было написано «Всем стихиям назло».

Когда Нортон добрался до цели, его можно было выжимать, как губку. Одежда липла к коже, по спине ползли тоненькие струйки воды, а пресловутый бутерброд дошел до состояния жидкой каши — небось придется вычерпывать из кармана ложкой. Громкие скрипы Кинетического Дома Нортон услышал с конца улицы: надрывный звук, будто кто-то пытался распилить бензопилой пианино. Соседям не по-

завидуешь! Нортону довелось жить рядом с автослесарной мастерской — те дни он до сих пор вспоминал как страшный сон.

Сквозь морось раскачивающиеся башни выглядели кривыми, будто ветви прибрежных сосен, изломанных бесчисленными штормами. Кинетический Дом и в самом деле напоминал небольшую рощицу. Правда, Нортону прежде не доводилось видеть, чтобы в одном месте росло столько непохожих друг на друга растений. Будто по соседству с тсугой выросла пальма, а рядом с эвкалиптом — юкка. Разноцветная краска облупилась и лохматилась влажными струпами, похожими на наросты лишайника. Нортон попытался пересчитать башенки, но дважды сбился со счета.

Соседний дом, словно для контраста, оказался правильным и строгим. Двухэтажный деревянный особняк в классическом итальянском стиле — подобные здания нередки в маленьких провинциальных городках. Их владельцы кичились тем, что среди предков обязательно был кто-то из отцов-основателей города, проявляя поразительную забывчивость к тому факту, что две трети городков на побережье основаны бродячими золотоискателями, беглыми преступниками, клоунами, охотниками на тюленей и прочими личностями с крайне сомнительной репутацией. Из особняка доносилась фортепьянная музыка. Моцарт, кажется, но исполняемый с такой экспрессией и яростью, что любая рок-звезда искусала бы локти от зависти.

Нортон оставил велосипед у живой изгороди и осторожно прошел во двор. И тут же испуганно отпрянул: сложно сохранить самообладание, когда навстречу несется деревянная машина, украшенная головами кукол Барби.

Достигнув угла, достойного Пизанской, башня громко лязгнула и начала выпрямляться. Обратный путь давался ей гораздо сложнее. У Нортонa засосало под ложечкой. Прежде он никогда не жаловался на приступы морской болезни, но, видно, пришла пора ее прочувствовать. Небось в Кинетическом Доме любой завтрак превращался в схватку с законами гравитации за то, чтобы удержать кофе в чашке.

Нортон пошел вокруг дома. Ощущение было странным — он никак не мог избавиться от мысли, что Кинетический Дом

вот-вот развалится. Лопнет трос или случится что похуже. Но каким-то чудом все держалось. Башни склонялись к Нортону, точно рассматривали, собирались вместе — посовещаться, и вновь склонялись.

Он нашел взглядом садовую жабу — вот она, красавица, сидит на подоконнике... Вблизи она выглядела совсем не так привлекательно, как с экрана телевизора. Одна лапка откололась, краска местами стерлась. Обычно у садовых жаб на морде написано выражение глубинного спокойствия и довольства устройством мира. Эта же выглядела так, словно ее вот-вот стошнит. Впрочем, в этом не было ничего удивительного — Нортон очень живо представил себя на ее месте.

— Эй! — Нортон вздрогнул, оборачиваясь на крик.

За спиной стояла худенькая рыжеволосая девушка. Из-за скрипов Кинетического Дома Нортон не слышал, как она подошла, и потому ее появление оказалось для него полной неожиданностью. Будто девушка была привидением и попросту материализовалась из дождя. Чуть болезненная бледность лица и глубокие серые глаза свидетельствовали в пользу именно этой версии. Ей бы чертовски пошло длинное платье, но она была одета в мятый рабочий комбинезон и клетчатую рубашку с закатанными рукавами. Руки были залепаны машинным маслом, а поперек лба протянулась черная полоса. Из кармана комбинезона торчал тяжелый разводной ключ — девушка держала на нем ладонь, как на рукоятке револьвера. В другой руке у нее было жестяное ведро, из которого выглядывали пучки моркови, репа и прочие корнеплоды.

Нортон проглотил подкативший к горлу комок. Странная все-таки штука этот телевизор. Если жабу он заметно приукрасил, то с девушкой обошелся прямо наоборот. Будь воля Нортон, за подобные выходы оператора мигом бы вышвырнули с работы без выходного пособия. Девушка, которую показали по телевизору, конечно, была симпатичной, но та, что стояла перед ним, была просто красавицей. Если верить подписи в теленовостях, ее звали Теннесси, и ей очень шло это имя — мягкое и в то же время крепкое, как виски.

— Вы читать умеете? — безо всяких приветствий спросила она. — По субботам мы туристов не принимаем. Профилактика. На вывеске все написано!

Нортон так увлекся Кинетическим Домом, что вывески не только не читал, но и не видел. А теперь ему и вовсе было не до вывесок. Он жалобно покосился на раскачивающуюся жабу в надежде на поддержку, но в выпученных глазах прочитал лишь легкое осуждение.

— Э... — начал он. Больше слов не нашлось, потому он добавил еще одно «Э» и замолчал. Разговор явно не клеился.

Девушка нахмурилась. Эффект был потрясающий — если бы сейчас разверзлась земля, пробежал кролик в жилете, а рядом грохнулась летающая тарелка, Нортон бы этого просто не заметил.

— Что-то вы не слишком похожи на туриста... — сказала Теннесси, поставив ведро с овощами на землю.

Нортон поспешил ухватиться за соломинку.

— Э... Наверное, потому, что я не турист?

Едва ли эта новость обрадовала девушку. Меж бровей залегла острая морщинка. Нортон смущенно оглядел себя. Конечно, он не похож на туриста! Помятый, мокрый и растрепанный, как кошка, задремавшая в стиральной машине. Бродяга бродягой. Если таким видом он рассчитывал произвести впечатление, то это была глупейшая из его идей.

— Тогда что... — начала Теннесси, но договорить не успела.

Ведро с грохотом опрокинулось. Нортон непроизвольно опустил взгляд и, выпучив глаза, уставился на длинную редьку, которая быстро ползла в сторону Кинетического Дома. Лишь мгновение спустя он сообразил, что овощ тащит толстый рыжий зверек.

— Держи его! — крикнула Теннесси. Она бросилась вслед за улетающей редькой, но споткнулась, пролетела вперед и врезалась плечом в стену Кинетического Дома. Только схватившись за нее обеими руками, ей удалось устоять на ногах. Башня тут же начала подниматься, будто хрупкая девушка обладала недюжинной силой и согнула ее как тростинку.

— Да держи его, уйдет ведь!

Зверек, словно издеваясь, остановился, перехватил овощ поудобнее. Склонив округлую мордочку, он посмотрел по очереди на Теннесси и Нортон и пронзительно свистнул.

Нортон прыгнул, даже не надеясь достать вора — слишком далеко тот сидел.

От удара грудью о землю перебило дыхание. В глазах потемнело, но Нортону удалось схватиться за шерсть на круглом огулке. Однако она оказалась настолько скользкой, что зверь с легкостью освободился и вперевалочку продолжил свой путь. Нортон на коленях быстро пополз за ним, ругаясь сквозь зубы и вытягивая руки. Бессмысленно пытаться поймать зверя — все равно вырвется, а вот отнять овощ можно попробовать. Сбрав силы, Нортон рванулся вперед и каким-то чудом умудрился ухватиться за пучок ботвы.

Он дернул его на себя, вырывая у зверя добычу, и в этот момент что-то ударило по ребрам. Вскрикнув от боли, Нортон упал на бок. С нескрываемым удивлением он уставился на крупную желтую репу, покотившуюся по траве. Животное, громко зашипев, юркнуло в щель под домом. Нортон так и остался лежать, сжимая в руках многострадальную редьку.

— Ради бога, прѣстите! — донесся испуганный голос Теннесси.

— Ничего страшного, — сказал Нортон, глупо улыбаясь. Он сел, потирая ушибленный бок. — Не по голове же...

Впрочем, признался он себе, даже если бы Теннесси попала в висок, он бы ничуть не расстроился. Редкие вещи помогают справиться с неловкостью так, как кидание овощами.

— Я целилась в сурка, — извинилась Теннесси. Она погрозила кулаком норе под домом.

— Я так и подумал, — сказал Нортон. Он поднялся и протянул девушке редьку. — Вот... Это ваше...

Конечно, отнимание овощей у сурков — не поединок с огнедышащим драконом, но общая схема та же? А такие вещи обычно производят впечатление на девушек. Во всяком случае, Нортон очень на это надеялся. Жаль, обошлось без глубоких и кровавых ран — для полноты эффекта. Измазанные в траве и грязи джинсы малость недотягивали.

— Сбежал, — вздохнув, сказала Теннесси. — Теперь вовек не выманишь. Слишком уж они пугливые...

Она пнула валяющуюся у ног репу так, что та отлетела далеко в сторону.

— Но все равно спасибо. — Она улыбнулась. — Вы уж извините, что так вышло, но я предупреждала — у нас сегодня профилактика. Впрочем, могу предложить вам чашечку кофе...

Отказываться было в высшей степени глупо. Нортон подмигнул жабе и вслед за Теннесси пошел к Кинетическому Дому.

Памелла Льюис не считала себя вспыльчивой женщиной. С ее комплекцией разогнаться трудно, пусть даже и эмоционально. Но, разогнавшись, остановиться было и того сложнее.

Несчастный сурок не давал покоя. То, что соседка дошла до швыряния вещей в ее окна, Памеллу не удивляло. Хокинс был психом, вот и дочка пошла по кривой дорожке. С наследственностью не поспоришь. Но до какой степени безумия надо дойти, чтобы использовать для этих целей животное?

Зверей Памелла любила с сюсюкающей нежностью, доступной только одиноким женщинам на склоне лет. Практически всех, за исключением гиен и бородавочников. Она исправно платила взносы в Общество Спасения Китов, Комитет Охраны Слонов и еще в десяток организаций подобного толка. Даже в фонд «Спасем попугая какапо!», хотя очень смутно представляла себе, что это за птица.

Фонда Защиты Сурков среди них, к сожалению, не нашлось. Играя Allegro Моцарта, Памелла напряженно думала, что же теперь делать. Писать жалобу в полицию на жестокое обращение с животными? Бессмысленно. Сколько сурков страдает, прежде чем у бюрократов дойдут до нее руки?

Памелла знала: одним зверьком дело не ограничится. Если человек начал швыряться сурками в соседей, то сам он этого не прекратит. Ее дядя по материнской линии страдал чем-то похожим — кидал в домочадцев посуду и цветочные горшки всякий раз, когда бывал не в духе.

Она обернулась к окну и погрозила кулаком ухмыляющемуся младенцу. Бедные зверьки! Почему всякий раз, когда кто-то слетает с катушек, страдают самые беззащитные? Кто-то должен за них заступиться! И если не она, то кто же?

Памелла с грохотом захлопнула крышку рояля, не обращая внимания на поднявшийся возмущенный мям. Подошла к окну, посмотрела на Кинетический Дом... и увидела Теннесси.

Сильно размахнувшись, девушка бросила что-то маленькое и рыжее.

Памелла в ужасе отшатнулась. Сердце вдруг заколотилось, точно отбойный молоток. Маленькое и рыжее... Белка?! Теперь эта штучка швыряет белок? Кто следующий? Ее кош-ки? Все к тому и шло.

Пришла пора брать дело в свои руки. Она должна раз и навсегда покончить с этим безумием. Вряд ли девица станет слушать, но Памелла знала способ сделать любые слова весомее.

От деда, завязтого охотника и рыболова, ей достался в наследство целый арсенал. Восхитительная коллекция антикварных ружей сейчас пылилась в шкафу — Памелла и подумать не могла, что придется ею воспользоваться. Но, похоже, час пробил. Когда всему, что ты любишь, грозит опасность, даже самый миролюбивый человек обязан взяться за оружие.

— Со временем ко всему привыкаешь, — сказала Теннесси. — Это как жить на корабле. Поначалу — мучаешься, а потом не замечаешь...

Они сидели на нижнем этаже одной из башенок и пили кофе, горячий и крепкий. Лучшее средство от простуды, как заверила Нортон Теннесси. Пить действительно было сложно. И дело не в том, что кофе то и дело норовил выплеснуться на брюки. Просто от качки Нортон слегка мутило. Сравнение Кинетического Дома с кораблем было верным. Правда, девушка забыла упомянуть, что судно угодило в непрекращающийся шторм. Хорошо еще, что они сидели внизу. Как было на верхних этажах, где амплитуда качки чудовищно возрастала, Нортон боялся представить.

Хокинс, как мог, постарался облегчить жизнь в Кинетическом Доме. Ножки стального стола он привинтил к полу, та же участь постигла и пару мягких кресел. Вся посуда — пластиковая, с магнитами на донышках. К столу она прилипала намертво, без усилий не отдерешь. Громко шебурша, по полу из угла в угол каталось несколько стеклянных шариков. Заметив взгляд Нортон, Теннесси пояснила:

— Что-то вроде гироскопа. Отслеживать крен. Ничего хорошего не будет, если башни начнут врезаться друг в друга. Все развалится, как карточный домик.

— Ясно, — кивнул Нортон. Мысль о том, что Кинетический Дом несет семена собственного разрушения, и все держится только на полудюжине стеклянных шариков, показалась ему забавной. — И часто крен случается?

Теннесси печально вздохнула.

— Да постоянно. Не здесь, так там что-то отклоняется или выходит из строя. За этим домом нужен глаз да глаз, иначе и оглянуться не успеешь — бабах! — и тебя откапывают из-под обломков. Слишком сложная система, чтобы работать без сбоев.

Нортон покосился на катающиеся шарики — не отклонились ли? Перспектива откапывания из-под обломков не прельщала. Теннесси тем временем продолжила:

— Этот дом — как Шалтай-Болтай. Сидит себе на стене, качается, но стоит зазеваться, и все, свалился во сне. Я же, получается, вроде той королевской конницы, которая должна его собрать. Но если дом сломается, то починить мне не хватит ни сил, ни таланта. Вот и приходится следить за тем, чтобы он не упал... А еще эти сурки... Кстати, вы так и не сказали: что вас привело сюда?

Она улыбнулась краешком губ. Нортон хотел сказать, что целью поездки было всего лишь узнать, нет ли у нее планов на сегодняшний вечер. Однако ляпнул нечто совершенно иное:

— Да так, ничего особенного. Я просто коллекционирую садовых жаб... Случайно мимо проезжал и увидел на одной из башенок... Ну и это... решил посмотреть поближе. Как-то так... В общем, я приехал из-за жабы...

— Из-за жабы? — переспросила Теннесси, с некоторым сомнением в голосе.

— Ну да, — ответил Нортон.

Идиот и придурок. Теннесси, чуть склонив голову, некоторое время изучала лицо Нортон. По тому, как внимательно она смотрела, Нортон решил, что сейчас его лицо светится. Ровным красным светом.

— А! — наконец сказала Теннесси. — А я чуть было не подумала, что из-за меня.

— Нет-нет... Так что там с сурками?

Идиот и придурок. Мало того, что сравнил ее с жабой... Он спешно отхлебнул кофе, чтобы еще чего-нибудь не ляп-

нуть. Поперхнулся, закашлялся... Если бы в тот момент башня склонилась, конец был бы печальным, нелепым и заслуженным.

— Это дом... — Теннесси пнула ножку стола. — Он их приманивает. И все из-за Генератора.

— Генератора?

— Ага, — кивнула Теннесси. — Знаете, я привыкла относиться к дому как к живому. Не поймите неправильно — с креслами или окнами я не разговариваю. С другой стороны, он все-таки двигается, ему нужен постоянный уход... Так вот. Как и у всякого живого существа, у него есть сердце. Сурковый Генератор Хокинса.

— Сурковый? — переспросил Нортон. — Он делает сурков?

Едва ли можно было покраснеть больше, однако Нортон совершил невозможное. Мысленно он дал себе зарок молчать — он и без того превысил все допустимые нормы глупости. Если до сего момента у Теннесси и были сомнения по поводу его умственных способностей, он сделал все, чтобы развеять их окончательно. Девушка, впрочем, виду не подавала.

— Это сложная штука, — усмехнулась она. — В нее тяжело поверить, а представить и того труднее.

Нортон только с наигранной непринужденностью махнул рукой.

— Сталкивался я с такими штуками, рядом с которыми любая чепуха разумна, как толковый словарь.

— Слышали про темную энергию?

— Это физика?

— Почти, — сказала Теннесси. — На самом деле в ней больше зоологии. Семьдесят пять процентов массы Вселенной не удалось найти. А ученые? Списали все на темную энергию и думают — достаточно. Знаете, как они это называют? Скрытая масса. Что же там скрыто — молчат, будто воды в рот набрали. И главная заслуга моего отца не в том, что он построил дом, а в том, что он нашел эти недостающие семьдесят пять процентов.

Она перевела дух, и Нортон не нашел ничего лучшего, кроме как спросить:

— Где?

Теннесси пожала плечами.

— Понятия не имею. Не это главное; главное — какими оказались эти недостающие проценты. — Она глубоко вздохнула. — Я знаю, прозвучит глупо, но в мире встречаются и не такие глупости. Утконосы, например... Так вот, вся недостающая масса Вселенной хранится в сурках.

Молчал Нортон минимум пару минут. Теннесси, очевидно, понимая, что не так просто сразу справиться со столь решительным изменением картины мира, дала ему время все обдумать.

— А почему именно в сурках? — наконец спросил он. — Почему не в белках, например?

Теннесси наградила его взглядом, полным искреннего сочувствия.

— Потому что сурки тяжелее. Хранить материю в белках совершенно нерационально. Да и разбегутся — в белках нет постоянства. А здесь нужна стабильность.

Следующий вопрос Нортон касался того, почему тогда не в китах или слонах — они-то тяжелее сурков. Он решил, что задавать его не стоит. Ответ наверняка будет столь же логичный, сколь и нелепый.

— На самом деле Вселенная плоская, словно лист бумаги. И искажения, искривления пространства, повороты и петли — это проявления гравитации. Все равно как взять тот лист и смять. Основная же гравитация задается именно скрытой массой...

— Сурками, — кивнул Нортон.

— Именно. — Теннесси улыбнулась его понятливости. — Вот отец и подумал: чего зря добру пропадать? И построил генератор, работающий на неучтенной энергии. Получается почти вечный двигатель. Настоящий переворот в науке.

Она задумчиво отхлебнула кофе.

— Конечно, это опытный образец. Сбои неизбежны. То и дело вместо энергии сурков эта машина тащит самих зверьков... Не знаю, как у нее получается. Ученые пытаются поймать частички скрытой массы, а здесь она выбирается постоянно. Приходится следить, отлавливать и отправлять обратно. Если оставлять здесь, то рано или поздно весь дом будет забит сурками. Сначала дом, потом город, а там, глядишь, и вся

планета. Вселенной-то чего — она не заметит. Миллиард сурков — туда, миллиард — сюда. А вот на Земле станет очень тесно... Отец сделал очень опасную игрушку. С учеными такое случается: сами не ведают, что творят, а остальным потом расхлебывай.

Это был глупейший конец света, о котором Нортону доводилось слышать. В другом случае он бы наверняка рассмеялся, услышав подобную теорию. Его дядя Барни сочинял такие по десятку за день. Впрочем, Нортон твердо знал одно: в этом мире или не стоит ничему удивляться, или нужно удивляться всему. Особой разницы нет — по сути, две стороны одной монеты. Да и Теннесси он не мог не поверить.

Ему стало немного не по себе. Жить в мире, где шагу нельзя ступить, чтобы не наткнуться на сурка, совсем не хотелось. Сегодня он уже имел счастье столкнуться с представителем их племени — бок до сих пор побаливал.

— Беда в том, что сурки тянутся друг к другу. Как магниты — все-таки коллективные животные. Появляется один, и глазом моргнуть не успеешь — их уже пять. Потом десять... Генератор сделал дыру в ткани пространства, вот они и лезут... Приходится раз в неделю устраивать профилактику и отлавливать тех, что пробрались.

— Так это что, — встрепнулся Нортон, — получается, я отвлекаю вас от спасения мира? Сидим и пьем кофе, а тем временем, того и гляди, сурки захватят Землю?

Он с опаской посмотрел на Теннесси. Девушка выждала полминуты и рассмеялась.

— Ну, в общем — да.

— Тогда чего же мы ждем?

Прячась за живой изгородью, Памелла Льюис пробиралась к Кинетическому Дому. Приклад старинного винчестера больно упирался в живот. Ружье оказалось удивительно тяжелым — во всяком случае, дрожь в руках Памелла списывала именно на вес оружия. Она ведь совсем не нервничает. Памелла вздрогнула, но заставила себя расправить плечи. Не нервничает. Да и отступать уже поздно — Льюисы никогда не отступали.

В то же время винчестер придал ей ту уверенность, о которой она и не мечтала. Ствол ружья был черным и блестящим. Капельки дождя на металле сверкали, точно бриллианты на фамильном колье. Не зря дед так любил оружие, он знал толк в красивых вещах. Черт... И почему она ждала столько лет? Давно пора было выйти на тропу войны и разом покончить со всеми бедами.

Кошки не оставили ее. Вереница белых созданий шествовала за спиной, как солдаты за своим командиром. Памелла хохотнула. Что ж, сегодня день их славы.

Сидя на корточках, Нортон напряженно всматривался в щель под Кинетическим Домом. Разглядеть что-либо в густой темноте не получалось. Вода стекала по лбу и щипала глаза.

— Он точно там?

Теннесси пожала плечами.

— Обычно они там прячутся. Темно, тепло и сухо. Самое место для маленького пугливого зверька.

Тот сурок, с которым Нортон уже встречался, совсем не подходил под это определение. Но спорить он не стал и помахал перед щелью морковкой.

— Цып-цып-цып... — слава богу, хватило ума заткнуться. Теннесси прыснула.

— Не думаю, что он на это клюнет, — сказала девушка, садясь рядом.

Нортон вздохнул.

— Прежде мне как-то не доводилось охотиться на сурков. Что они любят?

— Петь, — сказала Теннесси. — Сурки очень музыкальные животные. Почти как канарейки.

— Да? — изумился Нортон.

— Ага, — кивнула Теннесси. — Мелодию запоминают с первого раза, особенно если песня хорошая. Вот смотрите...

Склонившись над щелью, Теннесси улучила момент между скрипами дома и громко просвистела несколько первых тактов «Help!». Спустя некоторое время из темноты донесся ответный свист, в точности повторив мелодию. Теннесси ослепительно улыбнулась.

— Хорошая песня и зверю приятна. Они «Битлз» любят, а еще «Дайр Стрейтс». Встречаются, конечно, и уникамы... Однажды мне попался зверек, которого удалось выманить, только просвистев два альбома Дэвида Боуи. Но самое красивое — они и потом их насвистывают, там у себя, в мире скрытой массы... Слышали выражение — музыка сфер? Так это оно и есть.

— Здорово, — искренне восхитился Нортон. Вселенная, где мириады сурков в такт насвистывают «Битлз» и «Дайр Стрейтс», а в особых случаях еще и Боуи, была ему по душе.

Он помахал морковкой и тоже просвистел «Help!». Впрочем, со слухом у него было далеко не так хорошо, как у Теннесси. Даже сурок фальшивил меньше. К счастью, девушка помогла — вместе они минут пять свистели «Битлз», едва сдерживаясь, чтобы не расхохотаться. Пять минут, за которые Нортон окончательно уверился в полном совершенстве мира.

Сурок все-таки клюнул на уловку. В темноте блеснули влажные глазки, и зверек наконец выбрался на свет. Выглядел он растрепанным и сонным, словно только что пробудился от спячки. Впрочем, Нортон читал, что сурки спят практически всю жизнь, лишь изредка выползая из нор, чтобы подкрепиться да полюбоваться на собственную тень. Зверек почесал лапкой брюхо и широко зевнул, сверкнув резцами.

— Осторожно. — одними губами прошептала Теннесси. Нортон кивнул и медленно протянул к сурку руку. Вот сейчас... Схватить за загривок, пока не опомнился...

Дом надрывно завизжал. Сурок восторженно, на морде отразилось суровое недоумение. Он озадаченно посмотрел на людей и попятился.

— Проклятие! — Нортон прыгнул, упал и подмял зверька. Теннесси вскочила на ноги.

— Поймал?!

— Кажется, да. — Сурок яростно ворочался. Нортон мигом вспомнил когти, которыми роют норы, и едва удержался, чтобы не вскочить на ноги. Раны ранами, трогательные перевязки и прочее, но все же распоротый живот совсем не входил в его планы. — Проклятие! Вылезает. Справа...

Теннесси ловко перехватила сурка, пока тот не успел снова убежать. Зверек пару раз дернулся у нее в руках и обмяк.

— Ну-ну. — Теннесси потрепала его по загривку. — Мы тебя не обидим. Просто проводим домой...

Нортон встал и попытался отряхнуться от грязи. Без толку. Одежду теперь можно выкидывать — отстирывать ее себе дороже. Во время прыжка он преобольно ударился коленом о какой-то спрятавшийся в земле камень. Теперь нога противно ныла, и Нортон боялся даже подумать, как будет крутить педали.

— Спасибо, — сказала Теннесси, разом оправдав все его мучения, сегодняшние и будущие.

— А! Пустяки...

Они обошли вокруг башни и направились к дощатому сараю, прилепившемуся сбоку Кинетического Дома. Из крыши сарая торчала толстая жестяная труба, мятая и покрытая пятнами ржавчины. Стыки блестели свежей спайкой, но оставались щели, из которых с тихим свистом вырывался пар. Извиваясь между башнями, труба терялась в глубинах механических сочленений Кинетического Дома.

Теннесси толкнула ногой дверь и посторонилась, пропуская Нортон впереди. В сарае было темно и парно, как в бане. Кроме распахнутой двери, единственным источником света оказались щели между досками. Воздух пропах сырým деревом и горелым машинным маслом. А еще мокрой шерстью.

Глаза тут же заслезились, и Нортон остановился на пороге. Теннесси прошла к дальней стене. Так толком и не освоившись во влажном полумраке, Нортон поспешил следом.

— Вот он, — сказала Теннесси. — Сурковый Генератор Хокинса...

Генератор действительно впечатлял. Это оказался старый «форд», снятый с колес и установленный на деревянных чурках. Откиннутая крышка капота являла взору черный от масла и сажи двигатель. Мотор работал, пытая клубами дыма и пара. Куда вели ременные передачи, Нортон не понял. Место, где полагалось быть сиденьям, занимали огромные бутылки из толстого стекла и круглые аквариумы, соединенные друг с другом блестящими гофрированными шлангами. Большинство сосудов были пустыми, запотевшими от капелек конденсата, в остальных лежали опилки или пучки влажной соломы. То и

дело по сосудам и трубам проносились струи густого пара и исчезали в неведомых глубинах. Так могла бы выглядеть передвижная лаборатория особо безумного ученого.

Сурок на руках у Теннесси снова заворочался и засвистел «Help!».

— Ну ладно, ладно, — успокоила его девушка. — Пора домой, там напоешься.

Теннесси дернула торчащий сбоку генератора рычаг. Двигатель машины в ответ возмущенно хрюкнул.

— Обратный ход, — пояснила девушка. — Здесь трехступенчатая коробка передач.

Она выдвинула один аквариум и бережно опустила сурка на травяную подстилку. Зверек потоптался на месте и плюхнулся на бок. Теннесси постучала пальцами по стеклу.

— Счастливого пути, — сказала она. — Передавай привет своим приятелям...

— НЕ СМЕЙ!

От неожиданности Нортон подпрыгнул. Истеричный визг ворвался в сарай и заметался меж стен. Нортон и не предполагал, что человеческое горло способно на подобные частоты. Если бы крик продлился еще несколько секунд, стеклянные емкости Суркового Генератора попросту полопались бы.

Нортон обернулся, готовый ко всему, вплоть до оперной дивы в костюме валькирии. В мире, где гравитация задается сурками, возможно всякое.

Он почти не ошибся. На пороге сарая действительно стояла огромная толстая женщина в длинном и пышном платье. Волосы были собраны в плотный пучок на затылке, широкое лицо перекошилось в жуткой гримасе. У ног женщины вертелось не меньше десятка упитанных белых кошек.

— НЕ СМЕЙ! — снова выкрикнула она, срываясь на хрип.

Женщина задыхалась. Огромное тело ходило ходуном, как желе под ураганом. Но стояла она твердо, уперев в колышущийся живот приклад антикварного винчестера.

Первой пришла в себя Теннесси. Она шагнула в сторону от генератора, не спуская глаз с нацеленного на нее ружья. «Сумасшедшая», — прочитал по губам Нортон.

— Добрый день, госпожа Льюис, — тихо сказала девушка. В ответ толстуха громко фыркнула.

— Не позволю! — провизжала она.

Теннесси виновато посмотрела на Нортон. Хотя она знала гостью, такие выходки с оружием были для нее в диковинку.

— А в чем, собственно, дело? — спросил Нортон, стараясь, чтобы голос прозвучал грозно. Или хотя бы не дрожал.

Ствол ружья повернулся к Нортону. Ощущение не из приятных. Когда он думал о схватках с чудовищами, он совсем не рассчитывал, что этим все и обернется. В следующий раз стоит быть поосторожнее с желаниями. Если, конечно, этот следующий раз будет. Нортон выпрямился и шагнул навстречу толстухе, заслоня Теннесси.

Губы женщины скривила злая усмешка. Черт... Она держала ружье неумело и брезгливо, будто оружие было мерзким гадом, мохнатым пауком, например. Не похоже, что ей часто приходилось им пользоваться. Слабое утешение: с расстояния, что их разделяло, не промахнется и ребенок. Даже в парном полумраке сарая.

— Только не волнуйтесь, — поспешил сказать Нортон, разводя руки. — Без паники. Все можно решить...

Дама не услышала — пуча глаза, она смотрела на Сурковый Генератор. Бледные губы беззвучно двигались, точно мыслям, которые сталкивались в голове у толстухи, было тесно, и они яростно рвались наружу.

— Вот оно как, — наконец процедила она. — Оказывается, вы тут опыты ставите... Я же знала, все не просто так...

— Памелла, — предприняла еще одну попытку Теннесси. — Успокойтесь...

— Вивисекторы! — взвизгнула толстуха, подпрыгнув на месте. Вслед за метнувшимся вверх стволом ружья подскочило и сердце Нортон. Проклятие! Одно движение — и она даже не заметит, как нажмет на курок.

— Нет, вы неправильно...

— Немедленно отпусти животное, — рявкнула Памелла. — Я не позволю его мучить... Бедняжка!

Нортон вздрогнул. Любая ситуация имеет склонность развиваться от плохого к худшему, и данный случай не стал

исключением. Толстуха, похоже, оказалась из «зеленых»... По поводу защитников природы у Нортонa было особое мнение. Опасные люди. Обычный человек десять раз подумает, прежде чем нажать на курок, у этих же в голове напрочь отсутствует планка. Ради мнимого счастья животных они готовы пойти на любые жертвы. Говорят, Чингисхан был одним из них, и его походы затеяны исключительно ради того, чтобы бедным лошадам было побольше места, где пастись.

Он прикинул разделявшее их расстояние. Метров пять, не больше. Может, воспользоваться замешательством? Перехватить ружье. Успеет ли толстуха выстрелить? И решится ли? Нортон поежился. Даже не помедлит — она уже перешла границу.

Нортон быстро взглянул на Теннесси. Девушка напряглась, как перед прыжком в холодную воду. А ведь о том же думает...

— Не стоит, — остановил ее Нортон. Теннесси едва заметно кивнула.

— Вивисекторы, — вновь зашипела толстуха. — Сумасшедшие чудовища. Ставите свои мерзкие опыты на беззащитном животном, которое и ответить не может! Нет, слишком долго я терпела, давно было пора покончить с вашим притоном.

— Успокойтесь, — сказала Теннесси. — Мы не причиним сурку никакого вреда. Он и сам будет рад...

— Ха! Все вы говорите одно и то же... Норкам совсем не больно, когда с них сдирают шкуры на шубы, а коровы просто умоляют, чтобы их порезали на бифштексы. Отпусти животное. Немедленно!

— Да ради бога, — вспыхнула Теннесси. Она вынула озадаченного сурка из аквариума и протянула толстухе. — Если вам надо — забирайте...

К подобному повороту Памелла оказалась не готова. Сурок же был совсем не рад. Он задергался в руках у девушки и возмущенно заверещал. К некоторому раздражению Нортонa, в взвизгиваниях сурка прекрасно угадывалась мелодия «Help!»... Черт! Как бы толстуха не приняла это как руководство к действию...

Кошки с хозяйским видом разбрелись по сараю, с любопытством приюхиваясь и осматривая темные углы. Одна направилась к генератору — спина напряглась, уши плотно прижаты к голове. Небось учуяла добычу, вот и вообразила себя на охоте. Сурок на руках у Теннесси забеспокоился, хотя был заметно крупнее и массивнее.

Памелла шагнула к девушке.

— Теперь опусти его, — приказала она, кивнув на сурка. Девушка замотала головой.

— Он боится ваших кошек, — сказала Теннесси.

В ответ Памелла только фыркнула.

— Чушь. Нечего мне зубы заговаривать. Мои девочки и мухи не обидят.

— Они хищники, — попыталась объяснить Теннесси. — Страх перед хищником в крови у любого грызуна. И не важно,мышь это или сурок...

— Ха! — только и сказала Памелла, подтвердив тем самым давно известный факт, что защитники природы ничего в природе не смыслят.

Сурок прижался к девушке, всем видом показывая, что расставаться с ней не собирается. В отличие от Памеллы, Нортон его прекрасно понимал. Зверек продолжал испуганно верещать «Битлз». В ответ то одна, то другая кошка принималась громко вопить. Нортон не знал кошачьего языка, но и без того понял, что им не пришелся по душе репертуар сурка. Его выводы подтвердила и толстуха. Она отрешенно оглядела своих питомцев и покачала головой.

— Бедняжки... Они не любят современную музыку, — сказала Памелла. — Им нравится Моцарт.

Сурок не сдавался. Живи он в шестидесятые, у него были бы все шансы занять место в пантеоне легендарных хиппи-диссидентов.

Одна из кошек заскочила на крыло автомобиля-генератора, огляделась и прыгнула к открытому аквариуму. Долю секунды она балансировала на краю, решая, куда лучше падать, но в итоге нырнула внутрь.

В аквариуме ей совсем не понравилось. Кошка с яростью набросилась на солому, потом с силой ткнулась в стенку. Аквариум качнулся на креплениях и плавно встал на место. Ге-

нератор оглушительно чавкнул... и кошка исчезла. Растаяла, будто ее и не было.

— ЛЮСИ!!! — взывала Памелла.

Сердце Нортон сжалось. Вот и все — такого толстуха точно не простит. Сурок сурком, но любимая кошка... Сейчас или никогда.

Он бросился вперед, налетел на Памеллу и толкнул ее к стене. Сбить с ног не получилось — с тем же успехом он мог бы двигать гору. Обеими руками Нортон схватился за ружье. Винчестер рывкнул, но Нортон успел отвести ствол в сторону от Теннесси. Кисти едва не вырвало из запястий — он и подумать не мог, что у ружья окажется такая отдача.

Пуля попала в генератор, во все стороны брызнули осколки стекла. С громким шипением на свободу вырвалась струя пара. Теннесси вскрикнула.

Нортон рванул ружье на себя, выкручивая его из рук толстухи. Но та, похоже, и забыла об оружии. Выпустив винчестер, она оттолкнула Нортон, так что тот покатился по земляному полу. Приклад впился под ребра, кисть вывернулась под неестественным углом. Боль отдалась во всей руке — ее точно пронзили раскаленным штырем. Нортон попытался подняться, но с первого раза не получилось.

Памелла подскочила к Сурковому Генератору и заколотила кулаками по бутылкам.

— ЛЮСИ!!!

Прежде Нортон не видел столь глубокого отчаяния. Ему стало жалко несчастную женщину, но куда больше его озадачила Теннесси. Девушка прижалась спиной к стене. Ее трясло, на лице ни кровинки... Даже когда толстуха направила на него ружье, Нортон и вполовину так не испугался. Он на карачках подполз к девушке, волоча за собой винчестер.

— Что случилось?

— Кошка. — Теннесси проглотила ком в горле. — Генератор на обратном ходу... и кошка попала к суркам. Это конец...

— Успокойся! — Нортон взял ее за плечи и слегка потрянул. — Ну что может сделать эта кошка?

Теннесси подняла голову и Нортон невольно отпрянул от дикого взгляда.

— Что?! — выдохнула она. — Она же хищник!

— Кошке не справиться даже с одним сурком. Здесь же семьдесят пять процентов массы Вселенной...

— Вот именно! Ты не понимаешь. Сурки коллективные животные. При малейшей опасности испуг передается всей колонии, и они разбегаются во все стороны. Цепная реакция. Семьдесят пять процентов массы Вселенной разбежится незнамо куда. Искажение гравитации, и точка. Вселенная станет плоской, как блин. Если ее не разорвет на части...

— Люси! — продолжала надрываться Памелла. Она повернулась к Теннесси: — Где она? Верните мне мою кошку!

Девушка и сама с радостью выполнила бы желание толстухи, если бы знала как. Памелла грузно шагнула в их сторону. В глазах смешались мольба и ярость, лицо пылало гневом. Нортон подумал: будь у нее сейчас ружье, она бы выстрелила, не помедлив и секунды. Впрочем, если Теннесси права, смерть от пули сумасшедшей — не самый плохой конец. Всяко лучше, чем быть разорванным на молекулы гравитацией испуганных сурков и растянуться по плоскости Вселенной.

Он приподнялся, заслоняя Теннесси и выставив перед собой ружье. Нервы звенели как перетянутые струны. К счастью для Памеллы, она остановилась. Сурок в руках Теннесси совсем очумел и свистел «Help!» что было мочи. Оставшиеся кошки, не вынеся издевательства над своим утонченным слухом, поспешили убраться из сарая. Бежали, как крысы с тонущего корабля. Вот только от растягивающейся Вселенной никуда не убежать...

— Люси, — проскулила Памелла. — Бедняжка моя. Когда я играла Бетховена, она ложилась у ног и мурлыкала в такт. Где она?

Люси в небе... Нортон нашел в себе силы усмехнуться. Опять «Битлз». Кошке, которая так любила Бетховена и Моцарта, должно быть обидно.

Моцарта?

Нортон посмотрел на сурка. Проклятие! Почему бы и нет? Терять-то нечего, а ждать бессмысленно. Уже сейчас Вселенная растягивается. Быть может, им остались считанные секунды. Теннесси ведь говорила, что сурки свистят в

такт — им только дай мелодию. На кошку это должно подействовать. С ее вкусами она сбежит оттуда сломя голову. Шансов, конечно, один на миллиард, но все-таки есть вероятность, что сработает.

Нортон выхватил из рук девушки верещащего «Битлз» зверька. Сил и слов ответить на изумленный взгляд не хватило. Доковыляв до генератора, он бросил сурка в аквариум, в котором исчезла кошка. Двигатель чавкнул, и зверек пропал. Громко засвистел вырывающийся пар, заглушая звон бьющегося стекла. Один за другим бутылки и аквариумы лопались, рассыпаясь в блеске осколков. Острый кусочек стекла впился в руку. Оставалось только надеяться, что все это следствие выстрела Памеллы, а не растяжения Вселенной.

Нортон схватился за рычаг.

— Как переключить? — крикнул он и, не дожидаясь ответа, дернул рычаг в противоположную сторону.

Громко хрустнув, рычаг сломался и остался в руке. Нортон; растерянно моргая, уставился на бесполезную железяку. Черт бы побрал эти старые «форды» с их трехступенчатой коробкой...

За стенами сарая раздался оглушительный грохот. Нортон невольно обернулся. Из клубов пара и пыли в сарай вкатилась гипсовая жаба и замерла, лежа на боку, с видом изумленным и глупым. Проклятие! За грохотом удара следующей рухнувшей башни он не услышал крика Теннесси. Сердце Кинетического Дома лопалось, и он разваливался. Шалтай-Болтай свалился во сне...

Нортон вцепился в огрызок рычага и навалился всем весом, пытаясь сдвинуть. До крови прикусив губу, он пытался еще и еще... Сзади подскочила Теннесси, но и вместе у них ничего не вышло. Нортон обернулся на Памеллу. Толстуха так и продолжала стоять, тупо качая головой как болванчик. Помощи от нее ждать бессмысленно.

— Ружье! — крикнула Теннесси. — Плечо рычага...

Второй раз повторять не потребовалось. Идиот. Мог бы и сам догадаться. Схватив винчестер, Нортон прижал дуло к остаткам рычага и нажал что было сил. Рычаг с хрустом сдвинулся.

Мотор взвыл, заглушая прочие звуки. И все же краем уха Нортон услышал далекий свист. «Help!»... Музыку сфер. А может, ему только померещилось.

Раздался громкий хлопок, и на травяную подстилку упала пропавшая кошка. Выглядела она ужасно, будто вернулась из ада. Каждая шерстинка стояла дыбом, а глаза вываливались из орбит. Страшно подумать, что ей пришлось пережить. Нортон понял одно: если бы кошка могла хихикать, она бы хихикала.

Аквариум гулко лопнул, и кошка покатилась по полу.

— Люси! — взвизгнула Памелла.

Она бережно подняла обезумевшую кошку и прижала к груди. Та лишь поскуливала. Памелла зашептала что-то ей на ухо и, не оборачиваясь, направилась к выходу.

Генератор сорвался на тонкий визг. Нортон схватил Теннесси за руку.

— Быстрее, — крикнул он. — Пока...

Договаривать не пришлось. Держась за руки, они побежали, у самого выхода налетев на Памеллу. Толстуха явно не ожидала удара со спины — им удалось оттолкнуть ее достаточно далеко.

Как раз вовремя. От взрыва земля под ногами вздрогнула, и в то же мгновение на сарай обрушилась одна из башен, в падении разваливаясь на части. Нортон и Теннесси, не сбавляя хода, бежали прочь от сарая, пока не врезались в живую изгородь.

Развернувшись, Теннесси сползла на землю, прижимаясь спиной к кустам олеандра. Дышала она тяжело и громко. Сердце рвалось из груди — девушка прижала ладонь, словно пытаясь его удержать.

Нортон рухнул рядом, жадно глотая воздух. Легкие пылали, готовые разорваться. Он посмотрел на руку, отрешенно отметив, что та вся в крови от многочисленных порезов. Теперь еще долго придется выковыривать осколки стекла...

Нортон взглянул на девушку. Несмотря на то, что у нее на глазах разрушался ее дом, Теннесси радостно улыбалась.

— Ловко, — сказала она. — Если ты не заметил, ты только что спас мир...

— Бывает, — улыбнулся в ответ Нортон. — Такая штука этот мир. Вселенная тоже как Шалтай-Болтай. И за ней тоже нужно присматривать. Иначе вся королевская конница...

Сотрясая землю, рухнула последняя башня. Круглое фанерное лицо покатилося, точно огромное колесо, подсакивая на ухабах. Теннесси помахала ему на прощание.

— Да, кстати. — Нортон глубоко вдохнул. — Мне показалось, или сегодняшний вечер у тебя не занят?

Карина Шаинян ЖИРАФ В ШАРФЕ

— Я буду Жирафом-в-шарфе.

Ривера не был похож на жирафа в шарфе. Он был похож на тореро — гибкий, резкий и опасный, сумрачно-красивый — уже не мальчишка, еще не мужчина. Он писал злые стихи, полные дымящейся крови и звона стали, — мы тоже писали стихи, кто их не писал, и отчаянно хвастались друг перед другом; но рядом с лезвийными строками Риверы наши слова казались фальшивым мычанием. Он чуть что, лез в драку и однажды на спор вскарабкался из окна на крышу ратуши — все думали, что он убьется, но он не убилися. Он добрался до острого конька и стоял там, бледный, на трясущихся ногах и с кривой ухмылкой смотрел в небо. Он круглый год не вылезал из черной куртки и смотрел на мир исподлобья, хмуро и насмешливо. У него даже не было шарфа. Но кто стал бы спорить с Риверой? Я не стал. И Луис не стал — даже когда Ривера назначил его Свиньей-Копилкой.

Я был — Печальная Лошадь.

А Эме просто была, маленькая Эме с прозрачными серыми глазами, оливковой кожей и высоким птичьим голосом.

Мы — карандашные наброски на желтой бумаге, точные скупые штрихи, незаполненные контуры. Наш мир — такой же набросок. Он стужается вокруг нас, как того требует сюжет; его границы размыты, штрихи там становятся реже, а потом и вовсе сходят на нет, оставляя лишь шершавую бумажную поверхность, белый шум, готовый стать фоном для новой части истории.

Когда Ривера разузнал, что на танцплощадке в парке приезжие молодцы продают грибы из Ибарры, он, конечно, не устоял. Он с таинственным видом зазвал нас с Луисом в гости и, подливая горький кофе с имбирем, долго рассуждал о том, что жизни не хватает объема, нового измерения — уже привычная нам телега. Луис ехидничал. Я зевал, особо не скрываясь. Наконец Ривера остановился, покусал губу и, глядя в сторону, небрежно сказал:

— Я вчера был на танцах...

— Что это ты делал на танцах? — с подозрением перебил Луис, но Ривера лишь раздраженно дернул плечом: не важно, мол, не сейчас. А я промолчал. Накануне вечером я звонил Эме, чтобы пригласить ее куда-нибудь; трубку взяла одна из ее сестренек и, подхихикивая, сказала, что я опоздал — Эме вот только сейчас вышла, а вернется поздно. Так что я не спрашивал. Я просто молча смотрел, как Ривера вытаскивает из кармана газетный сверток.

Он развернул бумагу и показал нам горсть темных перекрученных веревочек. Шляпок почти не было — то ли поотваливались, то ли рассыпались в труху.

— Я все разузнал, их надо заливать кипятком, — сказал Ривера.

Я подцепил одну уцелевшую шляпку ногтем — на нем осталась сухая пыль, пахнувшая прелой листвой.

— Похоже на шапки дохлых эльфов, — сказал я, и Ривера одобрительно заржал.

— И что будет? — спросил Луис, с отвращением глядя на грибы.

— Будет интересно, — пообещал Ривера.

Тогда он все и придумал. Мне легче считать, что в случившемся виноваты грибы из Ибарры. С кем не бывает; просто для одних проходит бесследно, а другим... Просто нам повезло, а Ривере — нет.

— Скучно, — говорил Ривера. — У нас скоро отрастет брюхо — у Луиса уже отросло. Ты впариваешь домохозяйкам механическую дребедень, Эме учит сопляков, что дважды два — четыре, я, — он с отвращением сплюнул, — верчусь в мастерской. Лу и вовсе перебирает бумажки в папашиной конторе... Это жизнь? Что за дурацкий мир... Что за дурацкие люди кругом... Нажраться и поржать. И не думайте, что вы лучше других!

— Да мы не думаем, — улыбнулся я, но Ривера не слышал — как всегда, когда его несло.

— Думаешь, раз каждый вечер торчишь в библиотеке, можешь воображать себя Борхесом? Черт возьми, — Ривера ткнул пальцем в Луиса, — что ты сделал за последнее время?

— Я написал сонет, — важно ответил Луис.

— О-о-о! Сонет! — Ривера иронически зааплодировал, и толстые щеки Луиса покраснели. — Так прочитай нам его!

— Не буду. Это личное, — сказал Луис и покосился на Эме. Она не подняла глаз, и он со вздохом перевел взгляд на Риверу. — К тому же вы все равно его не поймете, — нахально добавил он.

Ривера коротко хохотнул и повернулся ко мне. Я развел руками и скорчил рожу.

— Понятно, — хмуро сказал Ривера. — Думаешь, я не знаю, как ты втирал Эме про башню из слоновой кости? Пошлак...

Это было предательство. Луис побагровел. Я, задышавшись, посмотрел на Эме — но она с непроницаемым лицом глядела в окно: следила за проезжавшей по улице тележкой торговца кукурузой с таким вниманием, будто от него зависела жизнь. Мне захотелось ее ударить. Или заплакать. Или убить Риверу. Вместо этого я сказал:

— Ну и что ты предлагаешь?

— По-моему, ты чушь несешь, — сказала Эме. — Выдумки — это одно. А жизнь — совсем другое. Одно дело — писать истории, совсем другое — их жить. И тем более — жить стихи. Это плохо кончится.

— Где мы были, если бы лучшие из нас не смешивали выдумки с жизнью? — меланхолично заметил Луис.

— Женщина, чего ж ты хочешь, — пожал плечами Ривера.

— Осел, — ответила Эме и ушла. А мы с Луисом остались. Не потому, что нам нравилась затея, или мы что-то особое поняли — просто Ривера был нашим другом. Не знаю, что думал Луис, но, судя по веселой ухмылке и напряженному взгляду, он уже подводил под идеи Риверы философскую базу и вот-вот готов был разразиться очередным псевдоинтеллектуальным манифестом. А я думал, почему бы не поприкалываться за компанию? Игры в поэзию давно мне надоели, я продолжал их лишь для того, чтобы не обижать Риверу... ну и из-за Эме, конечно. А здесь что-то новенькое.

— И как мы это сделаем? — спросил я Риверу.

Вот тогда он и сказал:

— Я буду Жирафом-в-шарфе.

— Комикс! — выкрикивал Ривера, рассказывая по комнате и размахивая руками. — Сериал, где на нить нанизываются маленькие истории...

— А говорил — стихи, — не удержался я.

— Жизнь такая дурацкая, что ничего лучше тупого комикса из нее все равно не слепишь, — немедленноотреагировал Ривера.

— По ходу разберемся, — ответил Луис. — Это будет соответствовать...

— Избавь нас от теорий! — Ривера сложил руки в комической мольбе и снова заходил из угла в угол. — А нить будет такая: мы станем каждый вечер ходить на вокзал к прибытию скорого. — Ривера остановился и победно оглядел нас.

— На фига? — спросил я, не выдержав театральной паузы.

— Чтобы встретить того, кто нас нарисовал, когда он приедет, — сухо пояснил Ривера.

Луис крикнул. Мне идея показалась бредовой, но на всякий случай я сделал вид, что напряженно над ней размышляю.

— И что ты ему скажешь, когда он приедет? — наконец спросил я.

— Я скажу: сделай наш мир выпуклым, — ответил Ривера неожиданно серьезно, и мне стало немного не по себе. — Я скажу: мне тесно, старик!

Я уже тогда должен был понять: Ривера втягивает нас в свою историю, потому что боится. Если безумие сделать явным, оно на какое-то время превращается в игру. Если явное безумие разделяют друзья — игра может даже показаться безобидной... Я должен был понять, но не захотел. Мне хотелось, чтобы всем было весело. Три эксцентричных поэта, забавный ритуал на философской подложке — я почти любовался нами. Но мы играли, а Ривера жил свои стихи задолго до того, как сказал об этом вслух. Вряд ли мы могли помочь ему, Эме; и прости за то, что мы не захотели ему помочь. Да и ты сама не позволила бы нам; ты ведь все понимаешь, Эме, хотя и ненавидишь нас...

* * *

И мы стали ходить встречать вечерний скорый. Мы приходили минут за пять до прибытия и ждали у выкрашенной в ярко-синий цвет ограды, отделяющей перрон от путей там, где останавливался тепловоз: здесь был единственный выход к вокзалу и дальше в город, и все приехавшие пассажиры проходили мимо нас, как на суетливом параде. Ривера требовал, чтобы наши лица были исполнены печальной надежды — и мы старались, хотя меня разбирал смех, а Луис все время порывался разглагольствовать. Только Ривере стараться не приходилось.

Вместе с поездом в грохоте и искрах налетал теплый, почти горячий ветер, и сумерки оживали. Я вдруг начинал замечать то, чего не видел раньше: дрожащий ореол мотыльков у фонаря, травинку, пробившуюся между бетонными плитами перрона, кружевной истлевший лист, прилипший к железной трубе парапета. В эти странные моменты я был счастлив, что могу каждый вечер приходить на вокзал и ждать того, кто все нарисовал и кто рано или поздно обязательно придет. Я почти верил, что мир может стать выпуклым, если мы попросим об этом.

Поезд останавливался, проводники спускали скрипящие лесенки, обтирали поручни черными от дорожной пыли тряпками, и перрон наводняла гортанно гомонящая, остро пахнущая толпа. Я ловил себя на том, что невольно всматриваюсь в лица, будто и правда жду, что вот-вот среди них появится тот, кто все нарисовал, — почему-то я не сомневался, что мы его узнаем. Злясь на себя, я начинал смотреть на Риверу — но смотреть на него в такие моменты было страшно и стыдно, и тогда я переводил взгляд на Луиса. Его круглое лицо слегка заострялось, и он делался похож на ребенка, которому пообещали целую грудку прекрасных, сверкающих красками игрушек — и который не верит в такие обещания. Тогда я переставал смотреть в лица и глядел лишь на свои ботинки, стараясь не думать ни о чем.

Когда поток пассажиров истаявал, Ривера поправлял невидимый шарф и говорил, растягивая слова:

— Наверное, в следующий раз...

И мы шли пить кофе, а потом расходились по домам, с каждым поездом все раньше. Нить тянулась, но никаких историй на нее не нанизывалось, и нам с Луисом было скучно и страшно рядом со все больше мрачнеющим Риверой.

Поток приезжих схлынул, поезд, душераздирающе крикнув и грохоча сцепками, сдвинулся с места и снова остановился, дожидаясь последних пассажиров. Ривера поправил невидимый шарф, но я не стал дожидаться ритуальной фразы.

— Не едет что-то, — сказал я, усмехнувшись. Я вдруг подумал, что если бы ушел прямо сейчас, то мог бы позвонить Эме, и она наверняка оказалась бы дома, раз Ривера здесь. Я тряхнул головой, отгоняя картину смеющегося лица Эме и ее сияющих, влюбленных глаз, глядящих на меня.

— Ну да, — говорил тем временем Ривера. — Все правильно. Это и есть история: мы ждем и ждем, а он все не едет... а мы все приходим на вокзал встречать поезд, а жизнь идет...

— Так вот о чем ты плакал? Тогда, под грибами? — неожиданно понял я.

— Я не плакал, — медленно и жестко ответил Ривера. — Я смеялся.

Луис, засопев, вдруг двинулся к вагону.

— Ты куда? — окликнул я, уже догадываясь.

— Поеду я отсюда... — Луис на мгновение обернулся, посмотрел на меня, на Риверу, криво улыбнулся. — Тесно...

— Ты свихнулся, — холодно сказал Ривера.

— «Неожиданное путешествие — это танец, предложенный Богом», — ответил Луис, наставительно подняв палец, но в его глазах стыла растерянность.

— У тебя хоть деньги есть? — безнадежно спросил я.

Луис порылся в кармане, вытащил горсть смятых банкнот и уставился на них, задрав брови.

— На билет хватит, — наконец сказал он. — На пару дней в городе — тоже. А там, глядишь, работа подвернется...

— Свинья-Копилка, — усмехнулся Ривера.

Луис снова печально улыбнулся в ответ и грузно поднялся на подножку вагона.

* * *

Этим вечером мы долго кружили по городу, молча и бессмысленно, переполненные горечью и злостью друг на друга настолько, что никак не могли разойтись — казалось, что пока мы с Риверой шагаем рядом, эта ядовитая жижа внутри не может расплескаться, но как только мы расстанемся, она прольется и прожжет нас насквозь. В конце концов мы забрели в какие-то трущобы, где пахло помойкой, под ногами блестя тухлые лужи, и огромная желтая луна заливала обшарпанные стены домов. Я даже не знал, что в нашем городе есть такие места; мне хотелось поскорее выбраться отсюда. Но Ривера, похоже, твердо решил, что история должна двигаться дальше, и теперь лишь искал случая, и случай вскоре представился.

В переулке в окружении теней стоял огромный, лоснящийся автомобиль. Ривера расплылся в широкой улыбке.

— Какая тачка! — шепнул он. — Какой антураж! Сразу ясно, что внутри сидит главный злодей, да? И тут наши герои случайно... — Он не договорил, хмурясь и ухмыляясь одновременно. Мы уже почти прошли темный зев переулка, когда Ривера резко свернул и зашагал прямо на машину. Теперь я мог рассмотреть, что вокруг нее стоят три человека. Один, высокий и тощий, тихо говорил, наклонившись к раскрытому окну машины. Еще двое мрачно следили за нами из-под надвинутых на самые глаза шляп, загораживая его спинами, но я успел заметить, как в окно просунулась бледная рука, держащая целую пачку банкнот. Мне захотелось ускорить шаг.

— Не самое подходящее место для добрых католиков, а? — громко сказал Ривера. — Интересно, чем они здесь занимаются? — с деланным любопытством спросил он.

Высокий быстро бросил в машину какую-то сумку; автомобиль, мягко заурчав мотором, сорвался с места и скрылся за углом. Мужчина тщательно затолкал деньги в карман и медленно двинулся на нас.

— А ведь нас сейчас будут бить, — сказал мне Ривера. — А может быть, даже убивать...

Я с ужасом различил в его голосе нотки удовольствия, но тут он изо всех сил дернул меня за рукав, и ступор прошел.

Оскальзываясь на лужах, мы рванули в ближайший переулок, — следом затоптали, но мы были моложе и быстрее. Ривера несясь, как летучая мышь, легко огибая повороты и ориентируясь по только ему известным приметам, и мне оставалось лишь держаться за ним. Через длинную арку мы выскочили на улицу — пустынную по позднему времени, но чистую и почти светлую. Над мостовой нависал горбатый пешеходный мост, построенный скорее для красоты, чем по необходимости. Мы перебежали улицу под ним, пригибаясь и прижимаясь к опорам. Одинокое такси свирепо рывкнуло на нас, но мы уже нырнули за угол и остановились, задыхаясь от бега. Ривера едва не приплясывал — кулаки сжаты, глаза горят. Надо было уводить его скорее, пока нас не нашли, пока он не влез в драку, но мои легкие горели, и я едва мог говорить. А потом Ривера возбужденно толкнул меня локтем в бок и показал на мост.

— Это те самые парни из Ибарры. Похожи на драных котов, а? — радостно прошептал он. — Коты, играющие в орлянку пробками от пивных бутылок... вокруг темнота и помойка, и случайным прохожим не поздоровится...

Силуэты четко выделялись на фоне темно-синего неба. Они и правда были похожи на мультяшных помойных котов, вставших на задние лапы — тощие, угловатые, в шляпах, надвинутых на глаза. Чернильные пятна с резкими, изломанными контурами и отточенными до комичности движениями. Ривера начал выламываться, изображая, как коты крадутся и осматриваются в поисках жертвы. Меня разобрал смех, и я зажал рот ладонью. А потом один из них перегнулся через парапет, приставив руку козырьком и всматриваясь вниз, — я закатился пуще прежнего и вдруг осекся, поняв, что этот нелепый жест полон издевки: нас заметили и теперь играли, тоже играли — вполне возможно, с ледяным ужасом подумал я, в ту же самую игру.

— Бежим, — сдавленно шепнул я Ривере и потянул его за руку, но он оттолкнул меня, выпрямился во весь рост и медленно, почти лениво шагнул навстречу перелезавшей через ограду троице.

Сразу стало тесно. Меня быстро сбили с ног — в отличие от Риверы, я никогда не умел и не любил драться. Я попытал-

ся откатиться в сторону. Увидел в странном ракурсе джинсы Риверы, полосу бордюра, широкие брюки игроков, трещину между булыжниками, чьи-то ботинки, застрявший на сточной решетке смятый картонный стакан и снова ботинки. Я прикрыл голову, успев еще заметить у перекрестка подола цветастых платьев и несколько пар полных ног, обтянутых блестящим в свете вывески подвального кафе нейлоном, в удобных туфлях на низких каблуках. Какие-то кумушки возвращаются из кино, отвлеченно подумал я и заорал от ужасного удара в живот. Рядом страшно зарычал Ривера, ухо резанули женские визги и вопли, и я отключился на мгновение, а когда очнулся, все было кончено. Я лежал, блаженно прижимаясь щекой к прохладному асфальту, и слушал топот убегающих ног: похоже, троица вовсе не хотела иметь дело с полицией.

Наконец я приподнялся и взглянул на Риверу. Он сидел на тротуаре, тяжело дыша и держась за бок; его глаз полностью заплыл, из носа текла сукровица.

— Псих! — сказал я, еле ворочая разбитыми губами.

— В комиксе должны быть злодеи, как же иначе? — пожал плечами Ривера и скривился. — Дурновкусие! Сплошной китч! Что может быть пошлее жирафа в шарфе? Разве что свинья-копилка...

— Не нравится сюжет? — ехидно спросил я.

— Почему же, нравится, — ответил Ривера и сплюнул красным. — Динамично... Но шутки плоские!

— А чего ты хочешь? Это же комикс. Бумага. Ей положено быть плоской. Это ты так захотел...

Ривера бешено взглянул на меня, сунул руки в карманы и почесал вперед, не оглядываясь. Он болезненно горбился и то и дело сплевывал — и я знал, что могу проследить его путь по пятнам крови на мостовой и что путь этот будет недолгим.

— У него сломано три ребра, — ледяным голосом сказала Эме, когда я позвонил ей на следующий день. — Ты что, не мог его остановить?

— Не мог.

— Не звони мне больше, — сказала Эме. — И ему не звони. Хватит.

Я и не стал. Пусть Ривера играет один; хватит, Эме, хватит с меня, думал я; какими бы мы ни были друзьями, сходить

с ума и нарываться на неприятности за компанию — это уже перебор. А Эме... Было бы подло уводить девушку у лучшего друга, правда?

Через несколько месяцев я получил письмо от Луиса. Свинья-Копилка умудрился накопить немало, просиживая штаны в библиотеке: толстяк поступил в университет. Подумать только, наш Луис всерьез изучает литературу! Я пришел в автомастерские и долго бродил среди железного грохота, выискивая Риверу. Когда тот наконец вынырнул из капота блестящего синего седана, столкнувшись со мной нос к носу, мне показалось, что он не сразу меня узнал.

— Вот увидишь, он еще начнет писать сюжеты для комиксов, — равнодушно сказал Ривера, когда я пересказал ему письмо.

— А ты все еще... — Я не знал, как спросить. Играешь ли? Ходишь ли встречать вечерний поезд? Танцуешь ли с Эме? Я осекся под взглядом Риверы. Его руки были перепачканы машинным маслом, и под грязью угадывались ссадины на костяшках. Он дышал пивом и слушал меня с вежливой скукой, переминаясь с ноги на ногу: Ривера явно ждал, когда я уйду. Тогда я впервые подумал, что у меня тоже нашлось бы, о чем поговорить с тем, кто все это нарисовал.

— Я уезжаю, — сказал я.

Ривера кивнул.

— Слушай, у меня сейчас срочная работа, — сказал он, не глядя на меня. — Выпьем вечером?

— Конечно, — сказал я. — Извини, что отвлек.

— Ничего, я рад, что ты зашел. — Ривера хлопнул меня по плечу и отвернулся к машинке. — Я тебе позвоню, — сказал он, зарываясь в промасленные автомобильные потроха.

Конечно, он не позвонил.

Год спустя я решил провести отпуск дома. Признаться, мне было страшновато выходить из вечернего скорого — я боялся увидеть Риверу, стоящего у синей оградки и поправляющего невидимый шарф, и еще больше боялся обнаружить рядом тени Свиньи-Копилки и Печальной Лошади. Страхи не оправдались: если какие-нибудь призраки и ждали поезд, то я

их не заметил. Зато первым, кого я встретил в городе, была Эме: совсем не похожая на привидение, все такая же маленькая и звонкоголосая, она распекала у перекрестка какого-то карапуза лет семи — должно быть, нашкодившего ученика. Я остановился поздороваться, и мальчишка, воспользовавшись тем, что учительница отвлеклась, немедленно удрал. Как-то само собой вышло, что мы тут же засели в ближайшей кофейне, словно не было ни разлуки, ни ее злых слов, ни моих глупостей. Эме подурнела и осунулась; я подумал, что, может быть, она беременна или больна. Я знал, что они с Риверой поженились, но только сейчас задумался над тем, счастлива ли она. Глядя в ее бледное лицо, я вдруг понял, как сильно любил ее — и продолжал любить, когда потерял всякую надежду, — еще отчаяннее и прочнее. Мы болтали о всяких пустяках, старательно обходя все, что могло причинить нам боль, но оживление от встречи проходило, паузы становились все длиннее, и в конце концов Эме совсем умолкла и лишь тихо позвякивала ложечкой, бессмысленно мешая кофе.

— Как поживает Ривера? — наконец принужденно спросил я.

И тут она заплакала. Совсем тихо — просто из глаз вдруг покатались огромные слезы. Я растерялся. Я не понимал, почему она плачет, — если бы с Риверой случилось что-нибудь серьезное, мне бы написали, и, значит, дело было в чем-то, во что нельзя лезть — никому нельзя, а мне — тем более. Хотелось обнять Эме и баюкать, как ребенка, но мне казалось, что она закричит, если я дотронусь до нее. Даже взгляд был бы сейчас слишком грубым. Я сидел, тупо разглядывая стол: едва заметные царапины на белом пластике и сухой трупик раздавленного муравья на самом углу. Она все всхлипывала едва слышно, а я думал, когда же принесут кофе, и что нос у Эме наверняка распух и покраснел, и откуда здесь муравей. Когда я все же решился поднять глаза, оказалось, что она перестала плакать, так же неожиданно и тихо, как и начала — остались только мокрые дорожки на щеках и чуть порозовевшие ноздри. Я протянул платок, но Эме как будто не заметила его.

— Он строит самолет, — сухо сказала она, глядя в сторону.

* * *

Ривера сколотил ангар на окраине пустыря — Эме пожаловалась, что на аренду этой никчемной земли ушла куча денег. Ворота сарая распахивались прямо на взлетную полосу — Ривера прошелся по полю, выкорчевывая кусты, торчащие на пути самолета, да пооткидывал в сторону ржавые, неведь кем и когда брошенные железки. Я вошел внутрь. Здесь было полутемно, пахло стружкой, резиной и машинным маслом; из-под нелепо громоздкого самолета, похожего на скелет, доносились сдавленная ругань и удары металла о металл. Я тихо окликнул Ривера, готовый к тому, что он впадет в ярость, прогонит меня, или — хуже — обольет равнодушным презрением, как чужого праздного зеваку. Но Ривера шумно обрадовался мне — он бросился хлопать меня по плечам, радостно восклицать, удивленно присвистывать, — куча действий, положенных старым приятелям после долгой разлуки и именно поэтому ненужных и фальшивых. Это было неожиданно и слегка пугало. Это был новый Ривера — говорливый, покрасневший, раздавшийся в плечах. Он принялся посвящать меня в какие-то технические детали — я слушал вполуха, глядя на лысые шины от грузовика и пытаюсь найти нужные слова.

Все было готово. Я боялся, что смотреть на запуск сбежится полгорода, однако ошибся. Пустырь, заросший сухими метелками травы, среди которых поблескивали осколки битого стекла, был пуст. Проводить Ривера пришли лишь Эме и два ее кузена, мрачноватых типа, неприятно похожих на торговцев грибами из Ибарры, — они были здесь скорее чтобы присмотреть за сестрой, чем из симпатии к ее мужу. Горячий ветер гонял рваные пластиковые пакеты, они облепляли редкие кусты душистыми разноцветными коконами, и я подумал, что если один из них наматается на винт, самолет, наверное, не сможет взлететь, и все обойдется.

Ривера обнял Эме, пожал руки ее кузенам, отпустил и обернулся ко мне. Он вдруг снова стал прежним — худым, угловатым, с резкими движениями и злым, острым взглядом.

— Так куда ты собрался? — безнадежно спросил я.

— Надрать бездарю бороду, — ответил он, смеясь.

— И что ты ему скажешь? «Мне тесно, старик»?

— Это ты ему скажешь, когда он приедет, — ответил Ривера. — Помнишь, как я лазал на ратушу? — помолчав, спросил он. Я кивнул. — Ну и вот...

Ривера махнул рукой и вскарабкался в кабину, сколоченную из фанеры, и нетерпеливо уставился в поцарапанное ветровое стекло, снятое с древнего автомобиля. Крылья самолета — куски парусины, натянутые на деревянный каркас, — обвисали под собственной тяжестью, и братья Эме с брезгливо-недоуменными физиономиями поддерживали их с краев, чтобы рамы не задевали землю. Взыли винты, и кузены поспешно отскочили в стороны. Самолет медленно сдвинулся с места, чиркнул крыльями по кустам и побежал по пустырю, легко подскакивая на сухих кротовинах. Это дурацкое сооружение из фанеры и парусины не могло, не должно было взлететь, но на всякий случай я скрестил пальцы. Надо будет потом напиться, думал я. Напою Риверу до беспамятства, а на следующий день опять напою — и пусть Эме пилит нас, сколько хочет, потом поймет... Главное, чтобы не взлетел, сказал я себе. Что за чушь, Ривера ничего не понимает в самолетах, угробил кучу денег на глупую выходку, только зря жену напугал. Самолет подпрыгнул в последний раз и резко ушел вверх, а я все думал, что, наверное, нужно было его остановить, что мы смогли бы его остановить и что Эме теперь никогда не будет моей — как если бы она сама сидела в нелепой машине. А потом из-под крыльев повалил дым, самолет нырнул, клюнул верхушки деревьев, изменяя их форму, будто на мгновение превратился в огромный карандаш, задрал нос и вертикально взмыл в небо.

За моей спиной кричала и билась в руках кузенов Эме, а я уходил все дальше от пустыря. Я думал о том, что увидел Ривера: кружевные шары древесных крон, складки холмов, желоба рек, трещины каньонов. Выступы гор и впадины морей, и как земля заворачивается за горизонт и горбится под брюхом самолета, и дальше — башни и слои облаков, и дальше... Я не стал думать о том, что увидел Ривера дальше. Трава запахла креозотом и ржавчиной, и под ботинками захрустел гравий железнодорожной насыпи. Тогда я свернул и, с болезненным вниманием вслушиваясь в оглушительный треск кузнечиков,

зашагал по шпалам к деревьям, за которыми скрывалась станция. Я знал, что опоздал, что все мы опоздали, но должен же был кто-то его встретить?

Поезд уже ушел, но он ждал на перроне, маленький сгорбленный человечек в рыжевatom пальто и длинном сером шарфе, намотанном до самой клочковатой бородки. У его ног притулился потертый чемоданчик, а под мышкой была зажата большая картонная папка.

Он, скорбно задрав брови, смотрел в небо, где таял уходящий вверх дымный след, и мне нечего было сказать ему.

Дмитрий Колодан, Карина Шаинян ЖЕМЧУГ ПО КРОВИ

Мотор «Панчо В.» пыхтел в ночи, светлой от луны и тумана. В густой воде гавани сонно ворочались железные туши танкеров, и по нависшим над катером бортам прыгало фыркающее эхо мотора. Маслянистый отблеск керосиновой лампы, подвешенной на корме, пробежал по влажным бокам кораблей и таял в молочном тьме.

Луч маяка скользнул по палубе, как прожектор по тюремному двору, осветив нечесаную бороду, резкое обветренное лицо, серебряного осьминога на кокарде. Дрогнул боливийский флаг, выхваченный светом. Громко шелкнул тумблер. Помехи ударили шершавой волной, и дядюшка Гаспар невольно пригнулся: в любой момент шум мог обернуться воем патрульного катера. Крупный шимпанзе отскочил от радиолы, гримасничая. Вздох забормотал диктор.

— ...охватившей Сиам, запрещен ввоз...

— Балобо!

— ...мешают работе ветер...

Щелчок — рубка погрузилась в тишину. Гаспар настороженно оглядел ближайший корабль — не привлек ли катер внимания матроса, скусающего на вахте? Танкер казался вымершим, и «Панчо В.» благополучно проскользнул мимо. Балобо забился в угол, испуганно поглядывая на Гаспара, но тот был слишком занят: на выходе из бухты столпились баржи, ожидающие досмотра, и он еле успевал маневрировать между гигантами, выплывающими из тумана.

Наконец «Панчо В.» выбрался в открытое море. Налетела волна, и катер запрыгал по лунной дорожке. Придерживая штурвал, Гаспар достал из нагрудного кармана мятую самокрутку и коробок. Пожевал конец сигареты, чтобы табак не лез в рот, чиркнул спичкой о рукав ветровки и на пару секунд залюбовался пламенем. Хорошая боливийская спичка горит даже под водой — капитан Кусто носил с собой запас на случай, если в батискафе возникнет течь и придется разжечь последнюю трубку.

Сигарета трещала, от сырой бумаги несло типографской краской. Гаспар закашлялся в кулак, содрогаясь всем телом.

Пахнувший водорослями дым окутал долговязую фигуру и развеялся порывом ветра. Дядюшка довольно вздохнул, ехидно покосился на Балобо: шимпанзе тянул из руки хозяина кисет, виновато посмеиваясь. Черные пальцы скрутили бумагу, чиркнула спичка, и Балобо тем же, что и Гаспар, жестом спрятал огонек в ладонь, спасая сигарету от брызг.

Ван Фэнь ждал. Огни на джонке были погашены, к благовониям подмешивался легкий запах навоза. Иногда из-за тонкой переборки доносилось хрюканье, и внутреннее пламя, глодавшее Фэня, разгоралось сильнее. Ван Фэнь раздувал ноздри, губы дергались: в темноте не нужно было следить за лицом. Пальцы перебирали нефритовые четки. Днем корабельный гадалщик обещал денежные неприятности — Ван Фэнь коротко глянул, и бедняга вышел с восковым от ужаса лицом. Другое дело Ван Фэнь отложил бы, но сейчас медлить было нельзя. Нетерпение пожирало его, возможность неудачи обдавала гневным потом. Перевозчик опаздывал. Слепая жадная луна заглядывала сквозь жалюзи. Гладкие камешки щелкали в руке все быстрее.

В каюту постучали. Ван Фэнь выпрямился, тяжелые веки притушили алчный огонь. В дверь просунулся босой матрос с масляными от опия зрачками.

— Господин... гость прибыл.

Ван Фэнь поддернул рукава халата, огладил висячие усы. Зажег фонарь, обтянутый бледной бумагой, и вышел на палубу. «Панчо В.» уже пришвартовался к джонке, и Ван Фэнь почувствовал облегчение.

— Очень рад видеть тебя, — поклонился он. Гаспар кивнул. Рядом темнела обезьянья тень — мерзкое животное, приносящее несчастья, ни на шаг не отходило от хозяина. — Благополучен ли был твой путь?

— Туман, — бросил Гаспар.

Ван Фэнь поднял фонарь, давая сигнал. Джонку залил мягкий свет, засуетились матросы, переговариваясь птичьими голосами. Стукнули сходни, луна качнулась меж прутьями решетки, и на палубу спустилась первая клетка. Балобо сунул палец и тут же отдернул, удивленно вскрикнув. В клетке хрюкнули.

— Свиньи?! У меня что, хлев?!

— Сиамские свинки, — объяснил Ван Фэнь. Вновь накатил нетерпеливый гнев. Краснорукий верзила разглядывал свиней с хмурым любопытством, и Ван Фэнь добавил: — Для ресторана с экзотической кухней. Я бы не стал вас беспокоить, но этот глупейший запрет... — Он развел руками.

На корме «Панчо В.» стало тесно. Решетчатая темнота клеток походила на густые заросли тростника. Точно вокруг озера подле задуманного джунглями храма, где Ван Фэнь искал главное сокровище, — пока недалёковидные повстанцы отступали, нагруженные обломками проклятой статуи, и дряхлый сторож, сваленный ударом приклада, умирал на каменных ступенях. Так же возились свиньи в полосатой лунной тьме, и так же вскипал ледяной ком в груди Ван Фэня, требуя хватать, не упустить — и не торопиться, чтобы не спугнуть священных животных.

Запахтел мотор, труба «Панчо В.» плюнула паром, засветившимся под луной, и Ван Фэнь вцепился в фальшборт. Расстаться с добычей даже на сутки казалось невыносимым. Возможность потери терзала Ван Фэня драконовыми когтями. Воображение услужливо рисовало патруль и громил из санитарного надзора, пускающих свиней под нож. Возможно, не внушить истинную ценность животных было ошибкой... Но что, если перевозчик знает? Ван Фэнь пропустил усы через пальцы, стирая с лица следы яростного ужаса.

— Гадальщика ко мне, — бросил он. Слуга тенью метнулся к каютам.

Под сухой треск стеблей тысячелистника Ван Фэнь смотрел вслед катеру и представлял, что сделает с Гаспаром, если тот попытается предать его. Губы растягивались в змеиной улыбке. Рядом трясся в обморочном страхе гадальщик.

Угловатые очертания джонки растаяли, и взгляд Ван Фэня перестал наконец сверлить спину. Луна зашла, небо сделалось темно-синим. Из невидимой бухты наплывал слоистый туман. С кормы донесся взвизг, и Гаспар поморщился. Работа есть работа: сегодня перевозишь партию краденых венецианских масок, а завтра — галапагосскую черепаху для подпольного зоопарка. Но свиньи — это слишком. Да и никакой ресторан

не станет сейчас покупать контрабандную свинину. Впрочем, дело Гаспара — перевезти свиней. Рябое лицо Ван Фэня выглядело бы слащавым, если б не бешенство в глазах — из-за него вопросов задавать не хотелось.

Балобо прижался лицом к решетке, рассматривая свинок. Они с сопением зарывались в отруби: перед тем как «Панчо В.» отчалил, сиамцы, едва не кланяясь, поставили в клетки по расписанной золотыми драконами плошке, исходящей паром. Только идиот будет так носиться с животными, которых собираются пустить на мясо.

Пробравшись через сонную гавань, «Панчо В.» свернул за брошенный док, отмечающий границу порта, и пошел вдоль обрывистого берега. Здесь неряшливой россыпью построек кончался город. Мелькнул багровый огонь свалки, и берег расступился, открыв узкий пролив — изъеденные скалы смыкались наверху, образуя карстовый грот. «Панчо В.» проскочил линию прибоя и принялся раздвигать носом слой мусора, покрывавшего стоячую воду. Стук мотора рассыпался по сводам пещеры, дробясь и усиливаясь. Гаспар повернул штурвал, и катер нырнул в боковой проход. Известняк остался позади, сменившись кирпичными стенами подземных каналов, и Гаспар задудел в бороду простенькую мелодию. Туннелей и переходов под городом было больше, чем дырок в швейцарском сыре, — в вахтенном журнале дядюшки Гаспара было шесть карт катакомб, взаимоисключающих и в то же время истинных. Найти в этом лабиринте маленький катер было практически невозможно, а туман укрывал «Панчо В.» плотной завесой, надежно пряча от случайного взгляда. Гаспар причалил к узкой бетонной набережной, и Балобо с канатом в руке перепрыгнул на прибитую к стене ржавую лестницу. Вытягивая из кармана кисет, Гаспар прошел на корму.

Маленькие свинки в шоколадной шерсти, усеянной золотистыми пятнышками, были удивительно знакомы, будто Гаспар видел их на старой гравюре. Золотые свиньи Сиамы, вдруг вспомнил он. Свернул сигарету, рассыпая табак и роняя листки папиросной бумаги. Уникальный нюх позволял сиамским свиньям чутко чувствовать металл даже сквозь многометровую толщу земли, а инстинкт побуждал искать золото, как олени ищут соль.

Священные животные, живущие при храмах, тщательно охранялись — мало кому довелось видеть их. Сиамские свиньи затерялись на страницах книг в кожаных переплетах, между жабой с жемчужиной в черепе и бескрылой птицей киви, обросшей шерстью, и казались бредом европейца, истерзанного азиатскими джунглями. И вот удивительных свиней тайно привозят в город...

Гаспар почесал бороду. О сокровищах Вандердайса, зарытых в катакомбах, знали все. Когда осенняя вода размывала русла подземных рек, на берег выносило испанские монеты и обточенные песком обломки украшений, сорванных с жертв пиратов. За триста лет клад успел обрасти невероятными слухами. Лишь дети да наивные чудаки верили, что поиски оказались бесплодными потому, что найти золото суждено именно им. Большинство незадачливых кладоискателей заканчивали дни в глубинах подземных лабиринтов. Но Ван Фэнь при всем своем мистицизме был законченным прагматиком, и раз уж взялся за дело — значит, игра стоила свеч.

Гаспар затянулся едким дымом и заходил по палубе, косясь на ряды клеток.

Утренний свет струился в мохнатую от ржавчины решетку водостока. Отблески косых лучей добирались до «Панчо В.», вспыхивали в надраенной меди болтов и гасли в тумане, упругом и тяжелом, как китовая шкура, — истории о летающих рыбах, обитающих в его зыбкой плоти, куда правдивей, чем думают многие.

Дядюшка Гаспар дремал в кресле-качалке на баке. У ног тихо играла радиолка, настроенная на волну Парижа. Сквозь шипение пробивались звуки аккордеона и грубый голос незнакомой певицы. Гаспар слушал вполуха, отдаваясь полусонным видениям.

Дядюшке Гаспару снился Гонконг. По узким каналам скользили симпаны и джонки — сотни, тысячи глазастых кораблей с рифлеными парусами. С них на Гаспара смотрели непроницаемые физиономии Ван Фэня, и каждый держал в руке толстого карпа. Крупная чешуя переливалась каплями ртути. Гаспар не заметил, как, повинуясь странной логике сна, оказался на борту одной из джонок. Сиамец требовательно

протянул рыбу. Гаспар отпрянул, поняв, что стоит взять дар, и он сам превратится в очередного Ван Фэня.

— Спасибо, спасибо... — пробормотал Гаспар, пятясь вдоль низкого борта и путаясь в каких-то веревках. Ван Фэнь не отставал.

— Мы очень рассчитываем на вас, господин Гаспар, — лопотал сиамец, тыча в лицо карпом. — Вы ведь не подведете нас, правда?

Морщась, Гаспар отодвинулся и перевернулся на другой бок. Сиамец не сдавался и настырно совал карпа прямо в ухо. Защищаясь, Гаспар замахал руками. Рыба в руках Ван Фэня прохрипела по-французски про жесткость воды.

Гаспар открыл глаза. Песня кончилась; двое мужчин обсуждали новое поколение стиральных машин. Перегнувшись через подлокотник, дядюшка принялся вертеть ручку приемника. Пекин разразился пламенной речью. Гаспар нахмурился, пытаясь уловить хоть одно знакомое слово, и щелкнул тумблером, переключаясь на местную волну.

— ...ловам министра национальной безопасности Линчао, ситуация находится под контролем. Напомним — на севере Сиамы правительственные войска блокировали крупную группировку боевиков так называемой Народной Освободительной Армии. Эта группировка несет ответственность за нападение на храмовый комплекс Шан-Лао, в результате которого была уничтожена легендарная статуя Золотого Будды... И опять о Сиаме. Число госпитализированных с диагнозом «лихорадка Уайта» достигло двадцати шести человек; в восьми случаях зафиксирован летальный исход. Эффективного лекарства до сих пор не найдено. По требованию санитарного контроля ввоз продуктов и товаров из Сиамы запрещен. Старший санитарный инспектор Алоиза Буллен сообщила, что ее ведомство делает все возможное, чтобы не допустить проникновения болезни в город. Лихорадка Уайта приводит к критическому изменению состава крови и влияет на функции печени. Переносчиком заболевания предположительно являются домашние животные и птицы. Фактов, подтверждающих, что вирус способен передаваться от человека к человеку, пока не обнаружено, но...

Диктор захлебнулся в белом шуме. Гаспар стукнул кулаком по крышке радиолы, покрутил ручку, но так и не смог

поймать новостную волну. Зато удалось настроиться на Будапешт. Венгры пели хором. Гаспар с полминуты ошарашенно слушал заунывный мотив, затем выругался и выключил приемник.

Тяжелая тишина укрыла «Панчо В.». Гаспар закурил и откинулся на спинку кресла, уставившись в потолок туннеля. Дым вился над головой, вплетаясь в тугие петли подземного тумана. Итак, он все-таки вляпался в историю... На волне истерии по поводу лихорадки от санитаров можно ожидать чего угодно. Дядюшка Гаспар прислушивался, не раздастся ли гул мотора, но безмолвие нарушали лишь плеск воды да фыркание свинок.

— Облава под городом согласовывается, — бубнил чиновник, пряча глаза. — Я прошу прощения, но это трудно, нужно привлекать полицию, а никаких особых причин волноваться нет, все суда проходят дезинфекцию и карантин, гавань патрулируется...

— Я вас уволю, — процедила Алоиза Буллен и широко зашагала по кабинету. Под злостью на нерасторопного помощника плескался страх. Далекая и экзотическая эпидемия поначалу казалась подарком судьбы, поводом привлечь внимание к санитарному надзору, вечно затмеваемому таможней и полицией. Однако после утренних отчетов Алоизе показалось, что карьерными мечтами она выпустила джинна из бутылки. Она представила, что произойдет, если лихорадка Уайта проникнет в город, и в отчаянной ярости рубанула ладонью воздух.

— На рейде всю ночь простояло судно из Сиама, принадлежащее известному контрабандисту, а вы все согласовываете!

— Таможенники ничего подозрительного не...

— Таможенники мышей не ловят! — взорвалась Алоиза и схватила телефонную трубку. — Господина комиссара полиции, — пропела она, отвернувшись.

Четверть часа спустя трое дюжих ветеринаров уже сидели в юркий катер, набитый полицейскими.

Балобо всхрапывал, развалившись на дощатой палубе. Толстые губы вздрагивали, словно во сне шимпанзе пытался что-то сказать. Он был похож на мохнатую морскую звезду.

Дядюшка Гаспар переступил через обезьяну и приник к решетке. Из глубин клетки выплыл пятачок — темное пятно разделило его на половинки, этакий поросячий инь-ян. Хлыстик хвостика замолотил по стенкам. Гаспар поскреб поросенку нос, и крошечные глазки довольно сощурились.

Дядюшка не без уважения смотрел на свинку. Решив, что вкусенького не дожидаться, она обиженно ворчала в дальнем углу клетки. Гаспар открыл дверцу и достал поросенка. Тот оказался увесистым, но вел себя спокойно. Дядюшка аккуратно поставил свинку на палубу. Капельки воды сверкали на шкуре россыпью жемчужин. Свинка принюхивалась, морщила пятачок и близоруко оглядывалась.

— Ищи! — приказал Гаспар. — Давай ищи!

Обманывать Ван Фэня он не собирался — себе дороже: Гаспар слышал про сиамские пытки. Однако проверить способности свинок можно. Вдруг найдется кофейник, потерявший пару лет назад?

Цокая копытцами, свинка направилась к рубке. Балобо сонно заворчал, уставился вслед удаляющемуся поросячьему зад и, прикрыв глаза ладонью, сдавленно застонал.

— Мы ищем клад, — объяснил дядюшка Гаспар. Во взоре обезьяны мелькнула глубокая тоска.

— Может, кофейник найдем ...

Балобо перевернулся на бок с грацией свежевыбитого ковра и захрапел.

Свинка носом подтолкнула дверь рубки и протиснулась внутрь. Раздался металлический грохот, и поросенок вышел, весьма довольный собой.

В пасти что-то блеснуло. Поросенок открыл рот, по палубе широкой дугой покатила монета. Гаспар поднял ее — золотой дублон, липкий от слюны, лег в ладонь приятной тяжестью. Дядюшка подбросил его, поймал и подмигнул льву, скалящемуся на аверсе.

Гаспар прекрасно знал монету: года три назад он нашел ее в одном из туннелей на юго-западе и с тех пор носил на счастье. Стоило догадаться, что свинка принесет ее, а не пропавший кофейник. Монету из сокровищ Вандердайса...

Гаспар почесал свинку за ухом и поспешил посадить обратно в клетку, пока животное не продолжило поиски.

Фальшборт у «Панчо В.» низкий, легко и не заметить. Если поросенок свалится за борт, его судьба решена. Здешние воды кишат крокодилами-альбиносами и гигантскими электрическими угрями — мало ли какая тварь решит полакомиться свежим окороком?

Дядюшка еще раз подкинул монету и облизал пересохшие губы. Проклятье! У него в руках ключ к сокровищам. Почему он должен отдавать его сиамцу? Закрыв глаза, Гаспар увидел кованые сундуки, горы золотых монет и слитков, бриллианты...

Закружилась голова. К горлу подступила желчь, Гаспар закашлялся. Ноги подкашивались; чтобы не упасть, он вцепился в холодный леер. Гаспар затряс головой — ее словно выпотрошили и набили ватой. Золотые горы расплывались в неясное пятно. Кашель резанул легкие, и Гаспар сплюнул мокроту, ощутив на губах терпкий привкус крови.

Когда Ван Фэнь, облаченный в черного шелка халат, спускался с оскверненной джонки, из трюма неся заячий визг гадалщика: он очень огорчил Ван Фэня, сообщив, что удача придет только в следующем году. Сидя в шлюпке, сиамец безразлично сжимал свернутый в трубку бланк, отпечатанный на серой шершавой бумаге. Ван Фэня тошнило. После дезинфекции джонка воняла, как скопище заразных больных — европейцы сгоняли их в госпитали, вместо того чтобы дать достойно умереть в своих постелях. Сиамец вдыхал влажный воздух, отрешенно любясь смягченным пастельной дымкой городом, но отвратительные испарения, казалось, навсегда застряли в легких.

Ван Фэнь не выпускал из рук четки — нефрит сейчас был единственной защитой. Сердце билось с переборами. Ван Фэнь со стыдливым гневом вспоминал, как едва не потерял лицо, поняв, что джонке не позволят причалить еще десять дней — именно это означало лающее слово «карантин», которое так часто произносили чиновники из санитарного надзора. Ван Фэнь трижды перебрал четки, оглаживая каждую бусину и шепча заклинания на счастье.

Шлюпка уткнулась в обросший ракушками пирс. Ван Фэнь прошелся по набережной, рассеянно разглядывая порто-

вые краны, похожие на богомоллов. Расспросил про дорогу у фотографа, скучавшего перед щитом с нарисованным в героической позе пиратом с дырой вместо лица. Преодолев квартал скучных офисных зданий, Ван Фэнь вошел в вестибюль санитарного надзора и глубоко поклонился выпучившему глаза гардеробищику.

Горький дым сигареты немного взбодрил, и дядюшка Гаспар нашел в себе силы сесть на палубу. Неожиданный приступ продолжался почти четверть часа. Гаспар встретился взглядом с блестящими глазками свинки, полными холодного сочувствия. Лихорадка Уайта... Переносчики — домашние животные и птицы... Ввоз товаров из Сиама...

В вирусы дядюшка Гаспар не верил, как не верил в атмосферное давление и радиацию. Он был реалистом и не видел разницы между этими «невидимыми явлениями» и историями о духах и демонах. Люди ленятся думать, вот и верят первому попавшемуся объяснению. Когда Гаспар впервые услышал, что большинство людей считает источником болезней неразличимых глазом букашек, он был неприятно удивлен. Ребенку известно, что простуда — результат реакции между кровью и холодным влажным воздухом, а малярия — отравление комариным ядом. Смысла впутывать в эти простые истины всяческих микробов и вирусов Гаспар не видел. С лихорадкой Уайта дело обстояло так же. Надо только докопаться до настоящей причины.

Среди кухонного мусора и грязных кофейных чашек Гаспар нашел банку из-под маринованных овощей. Пыльное стекло было покрыто подтеками. Из банки дохнуло застоялым запахом пикулей. Гаспар кинул на дно монету, поставил банку на ящик с инструментами и достал нож. Плонул на лезвие, протер его рукавом. Что там говорили? Влияет на состав крови?

Гаспар чиркнул загрубелым пальцем по лезвию. Морщась, выдавил несколько капель крови — она тонкими дорожками перечертила монету и собралась лужицей на чеканной шее неведомого короля. Вздулся крошечный пузырек, лопнул, тут же появился следующий. Кровь быстро распадалась на фракции. Желто-розовая жидкость расплзалась в стороны, остав-

ляя после себя крошечные красные бусинки. Они переливались и блестели.

Гаспар нахмурился. Только жадность и лень могли заставить людей ополчиться на животных. Лихорадка Уайта! Вирусы! Гаспар фыркнул. Простой эксперимент — и сразу ясно, что дело в золоте. Если б Гаспар искал клад — он бы позаботился, чтоб сокровище никому не принесло вреда, а вот Ван Фэнь уже отравил весь Сиам, разграбив старинный храм.

Свинки бросились навстречу Гаспару, радостно повизгивая. Пряча глаза, он открыл ближнюю клетку и ухватил поросенка за щетинистый загривок. Пятна на шоколадной шкурке походили на монеты. Перед глазами качнулся сундук, набитый дублонами. Гаспар отпустил свинку и захлопнул дверцу. Он не садист, чтобы скормливать таких симпатичных животных крокодилам. В голове зашумело. Опасаясь нового приступа, Гаспар доковылял до кресла-качалки, завернулся в одеяло и погрузился в размышления.

Кровь молотом стучала в ушах. Сквозь дрему казалось, что пульсация доносится извне, словно в тумане бьется огромное сердце, запертое в сундуке. Гаспар явственно видел его перламутрово-блестящие очертания. Ровное биение становилось все громче, к нему примешивался металлический скрежет — пульсирующая жемчужина выбивала полосы меди; вот-вот тухлявые стены развалятся, и все вопросы разрешатся сами собой.

Вскрикнул Балобо и затряс хозяина за плечо. Гаспар открыл глаза и, выругавшись, бросился в рубку. К «Панчо В.» быстро приближался стук чужого мотора. Патруль это, или Ван Фэнь торопился забрать свой груз, — проверять Гаспар не собирался. Двигатель фыркнул, включаясь, но тут из тумана вынырнул хищный нос катера, и «Панчо В.» оказался зажат между стеной тоннеля и бортом патруля. Что ж, тем лучше. Протаранить гладкую посудину и скрыться в лабиринте — скорее всего, на него наткнулись случайно. Гаспар вцепился в штурвал.

— Стоять! — заметался под сводами тоннеля усиленный мегафоном голос, и Гаспар инстинктом старого контрабанди-

ста почуял: патруль слишком напуган, чтобы играть в кошки-мышки среди подземелий. Его просто расстреляют, как только «Панчо В.» сдвинется с места. Гаспар выключил мотор и, держа руки на виду, вышел из рубки.

— Проверка в связи с опасностью эпидемии, — обратился один из санитаров к Гаспару, — нам нужно досмотреть судно... — Он осекся, заметив Балобо; вялое, чуть рыбье лицо побледнело. Шимпанзе исподлобья рассматривал полицейских.

— Животное на борту... — протянул санитар. — Документы!

Гаспар кивнул и вошел в рубку. Санитар протиснулся следом и оперся на штурвал, наблюдая, как Гаспар выдвигает пыльный ящик. Полицейские рассыпались по палубе — топот ног, пробиваясь сквозь тяжелые удары крови, казался ватно-глухим. Дядюшка Гаспар рылся в столе, оттягивая время. Бежать? Тогда все пропало — свиньи достанутся санитарному надзору. Гаспар бессмысленно перебирал карты. Пожелтевшая бумага казалась золотистой.

— Да тут целый свинарник! — донесся с кормы радостный голос. Гаспар протянул санитару засаленный паспорт — тот небрежно пролистал его и усмехнулся.

— Это будете показывать в полиции. — Он вернул паспорт Гаспару. — Меня интересуют документы на животных. Нет? Я так и думал.

Он вышел из рубки. Гаспар поплелся следом. Его снова тошнило. При мысли, что свиней конфискуют, в жилах вскипала ярость, побуждая броситься в драку, и оседала, оставляя после себя лишь слабость. Скольких он сможет отправить за борт? Трех? Остальные скрутят его или вовсе убьют.

— Контрабандные свиньи в разгар эпидемии! Перчатки не забудьте — животные наверняка заразы, — повернулся санитар к помощникам.

— Это не контрабанда, — сказал дядюшка Гаспар в спину санитару. Тот резко обернулся.

— Конечно, вы держите их для собственных нужд, — усмехнулся он.

— У вас есть собака? — задушевно спросил дядюшка Гаспар. — Мабель, ух ты моя радость! — Он вытянул губы тру-

бочкой и почесал влажный пятак. Свинка удивленно хрюкнула и попятилась.

— Домашние любимцы? — лицо санитаря перекошил брезгливый страх.

Гаспар молча смотрел, как перетаскивают клетки.

— Обезьяну заберите, — бросил ветеринар полицейским. Балобо ухватился за штанину Гаспара.

— Э! — воскликнул Гаспар, — он-то причем?!

— Бумаги есть? Нет, — ответил ветеринар и кивнул. Двое полицейских несмело двинулись к Балобо. «Ну, ну», — неуверенно забормотал один. Балобо крепко обхватил дядюшку Гаспара за ногу и оскалил зубы. Полицейские переглянулись.

— Посадите обезьяну в клетку, — потребовал санитар.

— Вот еще, — ответил Гаспар, уселся в качалку и закурил. Санитар потянулся к кобуре, и Балобо с визгом бросился за кресло. Дядюшка Гаспар вскочил, на нем повисли, хватая за локти и шею. Он рванулся, раскидывая жарко дышащих в затылок полицейских, и застонал: раздался негромкий хлопок, Балобо осел на палубу. В широкой груди покачивался шприц. Маленькие глазки сделались сонными. Балобо вздохнул и растянулся на досках. Раздался мощный храп.

— Тяжелый, гад, — крикнул полицейский, подхватывая шимпанзе под мышки. Другой, поигрывая наручниками, подтолкнул Гаспара.

Хозяйка кабинета вся состояла из плоскостей и прямых углов — строгая блуза, плотная твидовая юбка, очки в квадратной оправе. Ван Фэнь, давя отвращение, отвесил глубокий поклон.

— Мне посоветовали обратиться к вам, госпожа Буллен...

— Слушаю вас, — устало ответила женщина.

— Двое мудрых всегда договорятся. — Ван Фэнь снова поклонился. — Мое судно задерживают, и это печалит меня больше, чем я могу себе позволить.

Чиновница раздраженно дернула углом рта.

— Карантин, — подсказал Ван Фэнь.

— Ничем не могу помочь, — пожала плечами Алоиза. — Пока существует опасность эпидемии, все суда из Азии должны проходить карантин.

— Может, небольшой подарок развеет ваши сомнения?

Алоиза уставилась на Ван Фэня, приоткрыв рот.

— Вы предлагаете мне взятку?!

— Даже малая часть сокровищ, скрытых под городом, навсегда избавит вас от нужды...

Алоиза моргнула и неуверенно улыбнулась.

— Вы пытаетесь подкупить меня кладом Вандердайса?! Вы сумасшедший. — Она засмеялась было, но осеклась под взглядом Ван Фэня. Сиамец впился в стол, нависая над Алоизой. Он задыхался. Весь гнев готов был излиться на эту некрасивую и наглую женщину, освобожденный ее дерзким смехом.

— Советую подумать над моим предложением, — прошипел Ван Фэнь, наклоняясь к очкастому лицу. Алоиза отпрянула, и в этот момент в кабинет просунулась лысая голова охранника. Ван Фэнь выпрямился и сладко улыбнулся.

— Госпожа Буллен, — заговорил охранник, — в лабораторию только что привезли животных... азиатские свиньи. Вы просили доложить после облавы...

— Я должна идти, — неторопливо, чтобы не выдать испуга, встала Алоиза. Сумасшедший посетитель снова опирался на стол. Рябое лицо походило на кусок несвежего сыра.

— Не переживайте так, — смягчилась Алоиза. — Правила есть правила.

Сиамец судорожно огладил усы и, пошатываясь, побрел к выходу.

Как Гаспар ни доказывал, что десяток свиней — его лучшие друзья и старые домашние любимцы, санитары стояли на своем. В их глазах явно читалось желание отправить Гаспара в полицейский участок, но доказательств контрабанды не было. Осмелев, Гаспар попытался вызволить хотя бы Балобо — но и его вернуть отказались. С сильно полегчавшим после штрафа кошельком Гаспар вывалился из кабинета.

Мысль подкупить сторожа он отбросил — санитарный надзор до одури напуган эпидемией. Гаспар вдруг понял, что все складывается на редкость удачно: проникнуть в виварий через какой-нибудь коллектор вполне реально, а Ван Фэню об этом знать совсем не обязательно. Конфискация — не кража,

сиамцу придется смириться. Дядюшка Гаспар спустился в вестибюль.

Навстречу шел Ван Фэнь. Полы халата развевались, как крылья летучей мыши. Заметив Гаспара, он прикрыл глаза, раздувая ноздри. Гаспар широко улыбнулся.

— Это всего лишь свиньи, мой друг, — развел он руками.

— Я уверен, вы сделали все возможное, чтобы не огорчить меня, — приторным голосом ответил Ван Фэнь. Скрюченные пальцы хватили невидимое горло.

— Ничего не попишешь, — вздохнул Гаспар. — Придется ресторану обойтись без сиамской свинины.

— Я очень надеюсь, что ваша неудача случайна, — проклекотал Ван Фэнь. — Мне грустно думать, что вы пожелади заработать обманом... — Он уставился в глаза Гаспару, подавшись вперед. Губа приподнялась, обнажив желтые зубы.

— Аванс я, конечно, верну, — полез в карман Гаспар. Ван Фэнь зашипел и, оттолкнув Гаспара, зашагал прочь.

— Совсем контрабандисты обнаглели, — проблеял старичок-гардеробщик, — прямо здесь сговариваются! Правильно, госпожа Буллен, вы их к ногтю взяли...

Алоиза смотрела, как безумный сиамец разговаривает с крепким стариком с резким профилем и насмешливыми глазами.

— Контрабандисты? — рассеянно переспросила она.

— Вот этого длинного на облаве поймали, — охотно объяснил гардеробщик. — Если ты честный, зачем в канализации прячешься? Десять свиней, обезьяна, а документов нету. Такие чуму и разносят.

Казалось, сиамец сейчас с воем бросится на собеседника. Алоиза хотела кликнуть охрану, но тут сиамец, взмахнув широким рукавом, метнулся к выходу. Алоиза накинула пальто и вышла следом, подчеркнуто не обращая внимания на контрабандиста, озиравшегося с деловитым любопытством. С наглца станется заново обивать пороги кабинетов и требовать, чтобы ему вернули свиней.

Воздух в лабораторном корпусе резал глаза — запахи реактивов и обреченных животных мешались в тошнотворный коктейль. Ветеринар склонился над препаратами. Лаборантка,

присев на корточки, заглядывала под стол. Услышав шум двери, она вскочила и одернула халат. Глаза у нее были красные.

— Добрый день, — прошептала она.

— Что-то потеряли, Кристина? — спросила Алоиза. Лаборантка кивнула, сглотнув.

— Эти свиньи — азиатские эндемики, — возбужденно встрял ветеринар, оборачиваясь от микроскопа, — посмотрите сами!

Он распахнул дверь в виварий, и в лабораторию ворвалось суматошное хрюканье.

— Что за шум? — подняла бровь Алоиза.

— С тех пор как кровь взяла, никак не успокоятся, — ответила лаборантка. — Может, испугались?

Алоиза прихватила из коробки пару перчаток и, морщась, прошла в виварий. От мокрого бетонного пола тянуло хлоркой. Вдоль прохода извивался резиновый шланг; из наконечника вытекала вялая струйка и исчезала в широкой решетке стока. Синеватый свет ламп заливал ряды пустых вольеров; лишь в одном сидела такса. Она подняла на Алоизу безнадежные глаза, стукнула хвостом и вздохнула.

Клетки со свиньями составили у дальней стены. Животные возбужденно метались, тычась в прутья любопытными носами. Рядом был заперт меланхоличный шимпанзе. Ближайшая свинья, просунув пяточок наружу, изо всех сил тянулась к щели между его вольером и полом. Свинка трясла головой, рыла опилки и вновь пыталась протиснуться сквозь частую решетку.

Под вольером блестело. Алоиза натянула перчатки и сунула руку в щель. В спину влажно засопела свинка. Пальцы обхватили гладкое и холодное, и по ладони прокатилась неожиданная тяжесть. Алоиза одернула руку, зацепившись за выступающий гвоздь. Тонкая резина порвалась, и на пальце проступили капельки крови — под холодным светом они походили на розовый жемчуг, усыпавший найденное кольцо. Алоиза отстраненно подумала, что, возможно, только что заразилась лихорадкой Уайта.

Она повертела украшение. Судя по весу и блеску — белое золото. Изящное плетение, легкая асимметрия — кольцо явно очень дорого. Алоиза вдруг поняла, что всегда мечтала о та-

ком, но позволить себе не могла, несмотря на удачную карьеру. Откуда здесь такая драгоценность? Прямо сокровища Вандердайса какие-то. При мысли о легендарном кладе сладко забурлила кровь, вскипая переливчатыми пузырями, и горячо запульсировал оцарапанный палец. Странно, что животные так бурно реагировали на кольцо... Перед глазами встал безумный сиамец, беседующий в вестибюле с владельцем свиней. Щеки Алоизы пошли красными пятнами, и она приложила к ним тыльные стороны ладоней. Резина перчаток неприятно скользнула по коже, разгоняя фантазии. Сжав кольцо в руке, Алоиза вышла в лабораторию.

— Кристина, вы...

Лаборантка оторвалась от мытья пробирок. Алоиза рассматривала девушку: тощенькая, с бледным испуганным лицом, русые волосы собраны в хвост. Таким не дарят драгоценности. В царапину снова тяжело толкнулась кровь. Кольцо — только начало, маленький знак судьбы, поняла Алоиза и незаметно опустила его в карман.

— Все пробы мы взяли, — заговорил ветеринар, — никаких следов вируса. Надо забить и посмотреть печень...

— Нет!

Ветеринар непонимающе уставился на начальницу. Алоиза сжала в кармане кольцо и выдавила улыбку.

— Вы даже не определили вид, — сухо сказала она. — А если это редкие животные? Обойдитесь анализом крови. Если не найдете вирус... — Алоиза заколебалась. Конфискованных животных положено сдавать на бойню, но она не отдаст этих свиней, пока не убедится, что находка была случайной. — Подержим на карантине и сдадим в зоопарк. Это поднимет репутацию санитарного надзора в глазах города.

Алоиза вышла, вбивая каблуки в пол.

— Что это с ней? — спросил ветеринар Кристину, когда дверь закрылась. Лаборантка дернула плечом.

— Не представляю, что ему скажу, — вздохнула она.

— Ну завела опять шарманку... найдется твое кольцо.

«Панчо В.» встал на якорь у наклонно уходящего вверх стока. Из дыры в стене тянуло хлоркой и нечистотами, но на всякий случай дядюшка Гаспар еще раз сверился с картой.

Посмеиваясь, сгреб в карман монету из клада — все-таки талисман: в таком рисковом деле удача может оказаться важнее обдуманых планов. Подвесил на пояс потайной фонарь и ломик. На секунду скрестив пальцы, протиснулся в коллектор и, дыша ртом, на четвереньках пополз вверх.

Ржавые болты, крепившие решетку стока, поддались легко, и Гаспар, оскальзываясь в грязи, выбрался на пол вивария. Вопль шимпанзе, казалось, должен был перебудить всю охрану. Гаспар сердито цыкнул и чуть приоткрыл задвижку фонаря. Узкий луч выхватил блестящие глазки и радостно оскаленные зубы Балобо. Ломик легко взломал дужку; Гаспар подхватил замок и бесшумно опустил на пол. Балобо прижался к хозяину, бормоча и вскрикивая.

— Сбежим подальше, приятель, — сказал Гаспар, — а со свиньями пусть разбираются санитары.

Балобо одобрительно заворчал и с готовностью нырнул в сток. Дядюшка Гаспар шагнул следом и остановился, позвякивая мелочью в кармане. Среди легких монет и крошек табака брякал неуместный дублон. Гаспар вытащил самокрутку и принялся жевать, жалея, что оставил спички на катере: боялся, что, задумавшись, машинально закурит и выдаст себя табачным дымом. Балобо наполовину высунулся из дыры и нетерпеливо ухнул.

— Погоди-ка, — отмахнулся Гаспар и вновь уставился на клетки. Свинки совали пяточки сквозь решетки, будто просили забрать их с собой. Если оставить их здесь, Ван Фэнь сможет похитить животных так же, как Гаспар похитил Балобо; глупо надеяться на глупость противника. Гаспар поспешно отогнал видение сверкающих сундуков Вандердайса. Достаточно того, что свиньи могут достаться Ван Фэню. Гаспар покачал ломик на ладони и шагнул к ближайшей клетке.

Алоиза жадно пила воду из графина и снова принималась расхаживать по кабинету. Каблуки гулко отзывались в опустевшем здании. Руки покрылись волдырями и чесались — похоже, ударная доза антибиотиков вызвала аллергию. Алоиза уже не сомневалась, что заражена. Желудок скручивали спазмы, к горлу подкатывала горечь. Усталые ноги ныли, но присесть было страшно: казалось, стоит остановиться, и болезнь

захватит окончательно, превращая кровь в сухую россыпь розовых жемчужин.

Алоиза в сотый раз вынула из кармана кольцо. Оно не прошло дальше первой фаланги мизинца — так распухли пальцы. Блеск золота завораживал и придавал силы. Кольцо подмигивало, уговаривая воспользоваться шансом. Но Алоиза не верила в чудеса, и мысль об умеющих искать золото свиньях сводила ее с ума. «Это просто совпадение», — напомнила она себе. Совпадение и разыгравшаяся от жара фантазия.

Алоиза замерла, пораженная ужасной мыслью: что, если сейчас бесшумные сямцы выносят клетки из вивария? Она схватилась за телефон, набрала несколько цифр и бросила трубку. Не стоит беспокоить службу безопасности. Свиньи — не предметы искусства, усиленная охрана вызовет вопросы, пойдут нездоровые слухи, а там недалеко и до паники. Лучше воспользоваться дежурным баркасом и переправить животных в надежное место. Алоиза сможет сделать это сама, лишь бы хватило сил перетащить клетки в машину. Кажется, в виварии есть тележка. А как избавиться от охранника и вахтенных с баркаса, подскажут обстоятельства.

Жар сменился щекочущим ознобом. Судорожно сжимая челюсти, Алоиза достала из сейфа связку ключей и вышла из кабинета.

Ван Фэнь сидел на корточках под окном вивария. Дружное сопение, доносившееся сквозь зарешеченное окно, звучало музыкой. Ван Фэнь прислушивался к ней, со спокойным наслаждением ожидая кульминации. В пение свиней вплетались слабые крики охранника. Краснорожему глупцу повезло: от призрака жертвы, задушенной в свете луны, избавляться долго и мучительно, а у Ван Фэня и так хватало забот. Он обошелся простым заклинанием, насылающим кошмары.

Громко заскрипел металл. Радостно завопила обезьяна и тут же затихла, перейдя на нежное ворчание. Ван Фэнь прижал лицо к пыльному стеклу. В виварии копошились тени, вспыхивал маслянистый луч фонаря. Рядом с долговязой фигурой приплясывал безобразный силуэт обезьяны. Вновь заскрежетало железо, и первая свинка пробкой выскочила из клетки.

Ван Фэнь довольно кивнул. Пусть верзила делает черную работу. Уйти ему не удастся — духи подскажут, где ждать катер. Гадальщик не посмеет ошибиться. Дядюшка Гаспар привезет свиней прямо к борту джонки, и тогда Ван Фэнь побеседует с ним о своих неудачах. Представив Гаспара в трюме, Ван Фэнь с улыбкой причмокнул и неслышно отступил от окна.

Ошалевшие свинки метались по виварию. Кастаньетный цокот копыт безжалостно вспарывал тишину. Гаспар пытался загнать свиней в коллектор, но животные выворачивались из-под ног. Изловчившись, Гаспар схватил поросенка и попытался запихнуть его в сток — тот пронзительно завизжал, брыкаясь. Остальные отступили подальше от страшной дыры.

Дядюшка Гаспар пошарил в кармане. Достал монету и помахал ею перед ближайшей свинкой. Она замерла, шумно принюхиваясь, и несмело шагнула вперед.

— Держи, — шепнул Гаспар, протягивая монету Балобо. Шимпанзе сжал ее двумя пальцами. Вокруг столпились дрожащие от возбуждения свинки. Балобо со вздохом нырнул в сток. Свинки подвинулись ближе, и первый поросенок робко шагнул в скользкий туннель.

Когда Алоиза подъехала к лабораторному корпусу, охранник, прислонившийся к фонарному столбу, даже не поднял головы. Алоиза заковыляла к служебному входу, вытягиваясь на цыпочках. В виварии стоял несусветный шум. Прямо из-под двери доносилось громкое сопение, прерывавшееся дробным цокотом. Нужный ключ все не находился. Собравшись с духом, Алоиза вернулась к фонарю и принялась перебирать связку, косясь на охранника. Ключ от вивария нашелся сразу — огромный, с грубой бородкой. Рука нетерпеливо дернулась, и связка с грохотом упала на асфальт. Охранник по-моржовьи всхрапнул и открыл глаза.

— Забыла важные документы, — сказала Алоиза, поднимая ключи. Колени ходили ходуном. Охранник с ужасом смотрел на начальницу и никак не мог прийти в себя.

— Черти ходят, — попытался оправдаться он, — морды круглые, одеты не по-людски...

— Да вы пьяны, — не удержалась Алоиза.

— Ни капли! — воскликнул охранник. — Черти заколдовали! — Он уронил голову на грудь.

Алоиза отвернулась. Безобразное состояние охранника вернуло самоуверенность. Алоиза, стуча каблуками, подошла к двери. Ключ повернулся в скважине, в нос ударил запах дезинфекции и почему-то — горячего железа. В темноте шла какая-то возня. Алоиза прикрыла дверь и потянулась к выключателю.

Услышав шаги, Гаспар прикрыл заслонку фонаря и метнулся к дыре. Дверь распахнулась, на пороге возник угловатый женский силуэт. Лампы дневного света дрогнули, погасли и вновь загорелись зыбким синюшным светом. Зажмурившись, дядюшка Гаспар отвесил пинок последней свинке — потеряв равновесие, она покатилась по стоку, сшибая товаров и пронзительно вереща. В унисон ей завизжала женщина.

Дядюшка Гаспар с ужасом узнал Алоизу Буллен. От неожиданности он замаялся, не решаясь нырнуть следом за свиньями: мысль, что стальная баба могла узнать его, парализовала. Санитарша неуклюже устремилась к Гаспару. В ее молчании была пугающая целеустремленность.

Перед глазами мелькнули наманикюренные ногти. Гаспар увернулся и схватил женщину за руки. Она яростно вырывалась, на губах вскипали розовые пузыри, лицо походило на дьявольскую маску. Дядюшка Гаспар отшвырнул озверевшую санитаршу и сунулся в сток. Длинные ногти вцепились в икру, Гаспар лягнул; за спиной коротко екнуло, но пальцы не разжались. Гаспар почувствовал, как санитарша протискивается в узкий коллектор. Острый локоть ткнул в ребра, отпихивая Гаспара к скользкой стене. Дядюшка крикнул, рванулся и покатился по грязному полу. За спиной затоптали ботинки охранника, злобно взвизгнула Алоиза. Встав на четвереньки, дядюшка Гаспар бросился догонять свинок.

Алоиза всхлипывала и сжимала кулаки. Одно дело — представлять похитителей, и совсем другое — лично нарваться на бородатого контрабандиста и увидеть хвост последней свиньи, уходящей в катакомбы. Алоиза вцепилась зубами в

запятье, болью развевая марево шока. Из провала донесся звук мотора. Порыв броситься сломя голову в туннель вспыхнул и исчез, мозг снова работал четко и логично. Даже если успеть попасть на катер — что она, слабая женщина, сможет сделать с жилистым моряком? Не слушая лепета оправдывающегося охранника, Алоиза бросилась к машине и, визжа шинами, рванула к служебному причалу.

«Панчо В.» летел сквозь влажную темноту катакомб в глубины подземелий. Впереди на четыре километра — прямой как стрела туннель. Спрятаться негде. Но это дорога к центральному коллектору, а туда выходит столько проходов, что Гаспара уже вовек не сыщут. Только бы «Панчо В.» выдержал.

Погони пока не было видно, но она появится. Как бы Гаспар ни гордился своим кораблем, у санинспекторов техника лучше. Вот если бы за ним гнался Ван Фэнь... Гаспар вздрогнул, представив десятки джонок с красными крестами на парусах и сямцев в белых халатах.

Свинки суетливо бегали по палубе. Одна, покачиваясь, вошла в рубку и потерлась о ногу Гаспара. Скосив взгляд, дядюшка заметил в ее пасти подозрительный желтый отблеск.

— Иди отсюда. — Он легонько пнул свинью. Смотреть, что она принесла, Гаспар не собираясь — себе дороже.

Свинка обиженно взвизгнула. Гаспар покачал головой. Несчастные животные не ведают, что творят. Неспроста их прятали в храме. С человеческой алчностью такие свинки — истинное проклятие, и теперь ответственность за них лежит на плечах Гаспара. Он выпрямился и усмехнулся. Не самая легкая ноша, но он справится.

Несмотря на толстый прорезиненный плащ, Алоизу Буллен трясло. Она стояла на носу баркаса, всматриваясь в туман. Своды туннеля наваливались, не давая вздохнуть. Лодка словно плыла по внутренностям древнего чудища. Казалось, стены пульсируют; меж темных кирпичей чудились багровые дорожки артерий. Подкатила тошнота, и Алоиза закашлялась, закрыв рот ладонью. Взглянув на руку, она увидела капельки крови, круглые, как жемчужные бусинки.

Алоиза крепко сжала в кулаке кольцо. Мягкое тепло золота понемногу расплзлось по телу. Алоиза глубоко вздохнула. А если бы отдала кольцо девочке? Загнулась бы прямо здесь, на палубе? Единственное лекарство от лихорадки Уайта — золото. Алоиза попыталась вспомнить прослушанный четверть века назад курс химии, чтобы объяснить эту связь. Активные анионы? Они создают неблагоприятную для вируса среду, их же чувствуют свинки, когда ищут золото....

Может, Кристина сейчас так же корчится, кашляя кровью? Алоиза с легкостью отбросила эту мысль. Не время для сантиментов. Если упустить свинок, последствия будут ужасны. Когда же она найдет сокровища Вандердайса, с лихорадкой Уайта будет покончено раз и навсегда. Свинки принесли болезнь, и они же приведут к лекарству. Извечный дуализм природы.

Сзади подошел громила-санитар. Рукава белого халата были закатаны по локоть.

— Вы засекли их? — обернулась Алоиза.

— Радар барахлит. Он под землей плохо... Ну из этого туннеля они никуда не денутся. Тут негде сворачивать, скоро догоним.

— У вас есть дети?

Громила проглотил вставший в горле ком.

— Да. Две девочки...

— На случай, если мы их не догоним, хочу напомнить, что лекарства от лихорадки Уайта нет. Вероятность летального исхода — более семидесяти процентов. Мы не просто жулика ловим. Этот человек ради наживы рискует жизнью *ваших* детей. Вам все ясно?

Санитар попятился. Баркас прибавил ходу, неся Алоизу Буллен к ее золоту.

Преследователи появились, когда «Панчо В.» прошел уже две трети пути до спасительного коллектора. Сначала Гаспар услышал ровный гул чужого мотора, а спустя пять минут из тумана появилась и сама лодка. Сирена взревела, как сивуч, мигая синим глазом. Черный, словно ладья Харона, баркас саннадзора походил на акулу: тощий и стреми-

тельный, он всем своим видом вопил, что сбежать от него невозможно.

— На катере — немедленно остановитесь! — Мегафонный голос отдавал металлом и электричеством. — Повторяю: немедленно остановитесь!

Мотор «Панчо В.» застучал победным маршем. Гаспар отхлебнул из бутылки — дрянной ром обжигающей волной скользнул по горлу. Дядюшка спешно затянулся сигаретой и вцепился в штурвал так, что побелели костяшки пальцев. Горючка бегства захлестнула его.

— Вы нарушаете закон! — напомнили с баркаса. — Вы вынуждаете нас...

— Да знаю я, — буркнул Гаспар и включил приемник.

— ...с китайцем братья навек, — захрипела радиола. — Видят китайцы сиянье...

Гаспар раздраженно пнул ящик: хватит с него азиатов. Видят сиянье! Уж он-то знает, что это за сияние и чем оно обернется. Радиола хрюкнула и разразилась героическими переливами аккордеона. Картавый голос затянул песню о ткаче из Лиона. Самое то! Гаспар заломил фуражку и до упора отжал рычаг скорости.

Ван Фэнь нервно расхаживал по палубе джонки. Сырой ветер трепал полы халата; шарик опиума под языком не приносил спокойствия. У мачты на корточках сидел бледный гадальщик. Перед ним на циновке в беспорядке лежали костяшки от маджонга, монеты с отверстиями и нефритовые фигурки божков. Руки гадальщика мельтешили над циновкой, представляя предметы. Остальная команда спряталась в трюме, спасаясь от гнева своего господина.

— Далеко еще? — спросил Ван Фэнь.

Гадальщик сжался, словно от удара.

— Меньше мили, господин, — пискнул он. — Они быстро приближаются...

Он передвинул маленькую жабу. Ван Фэнь рассмотрел сложившийся рисунок и кивнул.

— Откуда?

Гадальщик вздрогнул и жалостливо огляделся. Джонка стояла посреди подземного озера, в которое впадало не мень-

ше дюжины протоков. Откуда появятся трижды проклятые свиньи, он не знал. Духи молчали. Взгляд Ван Фэня впивался в кожу раскаленной иглой.

— Кажется, из того туннеля, — рискнул гадалщик, наугад выбрав самый большой проход.

— Кажется? — процедил Ван Фэнь. В угольных глазах полыхали все огни ада.

— Господин, — залепетал гадалщик. — Духи земли здесь слишком сильны и молчаливы... Духи ветра боятся...

— Откуда? — повторил Ван Фэнь.

Гадалщик закрыл глаза. Если повезет, он успеет прыгнуть в воду. Говорят, здесь водятся рыбы-каннибалы. Все лучше ста сорока сверл Ван Фэня.

— Из этого большого туннеля.

Ван Фэнь слабо улыбнулся.

— Готовьте пушку, — распорядился он. — И мои инструменты... Мне будет с кем поговорить.

На палубу выкатили бронзовую пушку, украшенную драконами и журавлями. Ван Фэнь, не мигая, смотрел в темный провал. Гадалщик подполз ближе к фальшборт.

— Быстрее! — прохрипела Алоиза.

Катер контрабандиста был в десятке метров от баркаса. Алоиза задыхалась. По палубе прохаживались свиньи в цилиндрах, фраках и блестящих ботинках. Они ухмылялись, скаля слюнявые пасти, полные золотых зубов. Алоизе хотелось прыгнуть за борт и побежать прямо по воде. Почему лодка такая медленная?

За спиной санитар выхватил пистолет и дважды выстрелил вслед удирающему катеру.

— Не стрелять! — взвизгнула Алоиза. Санитар испуганно опустил оружие.

— Но, госпожа Буллен... уйдет! Из центрального коллектора...

— Не стрелять... — повторила Алоиза, хватаясь за фальшборт. Мышцы не справились. Алоиза осела на палубу, стукнулась подбородком и не почувствовала удара. — Нельзя... Вы попадете в...

Кольцо выпало из руки и покатилося по палубе. Собрав последние силы, Алоиза поползла к золоту.

* * *

Впереди виднелась арка выхода из туннеля, но Гаспар опасался, что коллектор его уже не спасет. Толку от переходов, если он не успеет спрятаться? Он обернулся, и в этот момент с лодки раздалось два выстрела. Гаспар сжался. На баркасе истерично завизжала женщина: «Не стрелять!» Гаспар облегченно вздохнул. Он еще поборется. Надо задержать баркас... Радиоло пела о бульварах Марселя. Подхватив приемник, Гаспар вышел на корму.

— Немедленно остановитесь! Оказывая сопротивление властям, вы...

Гаспар погладил радиолу и, стиснув зубы, швырнул в преследователей. Баркас дернулся в сторону и чиркнул бортом по кирпичным стенам. Снова завизжала женщина. Баркас подал назад, разворачиваясь. Над головой мелькнула арка.

«Панчо В.» выскочил в озеро и на полной скорости устремился прямо к ажурной громаде джонки. Бумажные фонарики на бортах сияли, как светлячки. Кто-то с диким воплем спрыгнул с джонки и поплыл прочь от корабля, донеслась ругань на сиамском. Гаспар бросился к штурвалу.

Из туннеля выскочил санитарный баркас, и в этот момент на джонке рывкнула пушка. Рядом с баркасом взметнулся столб воды. Лодку швырнуло в сторону и опрокинуло на бок. Покачиваясь, как кит, она продолжала плыть по инерции. На днище вскарабкался санитар, испуганно оглядываясь и явно не понимая, что же произошло.

Катер несся прямо на корабль Ван Фэня. Гаспар навалился на штурвал, но было поздно. Круглый нос «Панчо В.», с треском ломая деревянные рули, погрузился в корму джонки.

От мощного удара джонка содрогнулась. Ван Фэнь схватился за канат, едва устояв на ногах. Развернувшись на откатных тросах, пушка опрокинулась на бок, тяжелый ствол слетел с лафета и покатился по палубе, сшибая бочонки и ящики. Матросы бросились врассыпную, и Ван Фэнь зарычал от ярости

Один из сямцев с факелом отпрыгнул к мачте, споткнулся и упал. Сорвалась горящая пакля, разбрызгивая по сторонам шипящие ошметки. Парус вспыхнул как спичка — языки пламени карабкались вверх, пожирая извивающихся драконов. Кто-то закричал про порох. Ван Фэнь выпрямился. Огонь уже перекинулся на соседний парус. Джонка распускалась дрожащими хризантемами. Цветы осени. Ван Фэнь глубоко вдохнул раскаленный влажный воздух и улыбнулся.

Матросы с криками бегали по палубе, сбрасывая за борт все, что попадется под руку. Тюки и доски покачивались на волнах вперемешку с мусором. С сухим треском обломилась мачта и упала поперек палубы. Лоскутья пылающего паруса хлестнули по воде, и корабль окутали клубы вонючего пара.

Ван Фэнь закрыл глаза и представил лицо Гаспара. Вот острое лезвие скользит над переносицей... Надрез неглубокий, правильный треугольник, чтобы снять кожу...

Кто-то дернул его за халат.

— Господин! — взвизгнул матрос. — Бежать! Надо бежать!

Ужас выгнал из бедняги остатки опиумного дурмана. Ван Фэнь ударил матроса по лицу.

— Пошел прочь!

Матрос упал на колени и, скуля, уполз. Ван Фэнь достал из-за отворота длинный нож и, дернув щекой, зашагал к корме.

Ругаясь во всю глотку, Гаспар рванул рычаг заднего хода. «Панчо В.» натужно пыхтел и ворочался. Под винтами бурлила вода. Дядюшка заклинил штурвал и, схватив багор, бросился на нос корабля.

Выскакивая из рубки, он споткнулся об одну из свинок. Балобо, словно преданная насадка, прижимал к себе животных, но на всех не хватало даже его длинных рук. Свинки терлись пятачками о мохнатую грудь и тихо похрюкивали. Балобо бубнил, поглаживая щетинистые загривки. Что за слова находил шимпанзе, чтобы утешить поросят, Гаспар не представлял, но твердо решил, что, если они выберутся из

передраги, купит обезьяне бутылку лучшего рома и хорошую сигару.

Над джонкой взметнулось пламя. До Гаспара донесся яростный треск огня и дикие крики сиамцев. Дядюшка подскочил к увязшему носу катера. Пробойна в борту джонки была похожа на гротескно распахнутую пасть. Гаспар всем весом навалился на багор. Тонкая доска сиамского корабля с треском обломилась; о фальшборт «Панчо В.» ударился сброшенный сверху ящик и разлетелся на части. По палубе покатались блестящие апельсины. Гаспар подцепил багром следующую доску-зуб, и тут же резкий рывок чуть не отправил его в воду. Дядюшка еле успел отскочить. Багор так и остался торчать в деревянной пасти, словно гигантская зубочистка. «Панчо В.» задним ходом уходил прочь. Дядюшка поспешил в рубку, пока катер на всех парах не врезался в стену коллектора.

На корме джонки возник Ван Фэнь. Гаспар помахал ему рукой. Сиамец не ответил и лишь судорожно сжал в руке нож, но в черных глазах вспыхнуло пламя. Отсветы с горящей джонки, решил Гаспар и крутанул штурвал, разворачивая «Панчо В.» к дальнему туннелю.

— Всего хорошего! — крикнул он.

Не изменившись в лице, Ван Фэнь широко раскинул руки и шагнул за борт.

— Псих, — вздохнул Гаспар.

Полы халата взметнулись. В лицо дядюшке дохнуло влажным жаром. Выпучив глаза, Гаспар смотрел, как Ван Фэнь летит к «Панчо В.». Туфли сиамца коснулись палубы; скользящим, почти неторопливым шагом он приблизился к контрабандисту.

— Жаль, что ты подвел меня, Гаспар! — тихо сказал Ван Фэнь, глядя на дядюшку из-под тяжелых полуопущенных век. — Я так на тебя рассчитывал!

Сильные пальцы сомкнулись на шее дядюшки, и лезвие ножа полыхнуло оранжевым.

Волны сомкнулись над головой Алоизы. Плащ облепил тело, стиснул горло и камнем тащил в бездну; но ледяная вода привела ее в чувство. Духота лихорадки отступила, оставив

лишь страх и неумное желание дышать. Алоиза замолотила руками, стремясь вверх. Чудом ей удалось вынырнуть — ровно на долю секунды, чтобы сделать вдох. Одежда снова потянула ко дну.

Еще вдох. Путаясь в застежках, она стянула плащ. Сбросить резиновые сапоги оказалось легче. Внизу скользнула длинная белая тень крокодила. Алоиза отчетливо разглядела ребристые гребни вдоль спины, широкую плоскую голову... Сапог ударил рептилию по носу. Пасть распахнулась, и огромные конические зубы впились в розовую резину. Меж пластинами белесой шкуры что-то сверкнуло. Желтый блеск мантил, звал за собой, как свет ночника — мотыльков и летучих мышей. Алоиза нырнула следом за чудовищем.

Крокодил медленно погружался в темноту. Алоиза рванулась следом, пальцы заскребли по шершавой коже. Крокодил дернулся. Ломая ногти, Алоиза шарила у него по спине. Легкие разрывались, кровь колоколом стучала в ушах, но опасность казалась пустой и несущественной. Ужас потери держал крепче, чем цемент — незадачливого гангстера.

Теплый кусочек металла скользнул в ладонь. Кольцо... Ее кольцо! Если бы не вода, Алоиза бы рассмеялась. В пару гребков она выплыла на поверхность. От зажатого в кулаке золота по телу расплзлось тепло и уверенность.

Джонка сиамца полыхала, расплескивая рыжие блики. Оглядевшись, Алоиза нашла пузатый кораблик контрабандиста и хихикнула. Алоиза Буллен своего никогда не упускала. Неумело дергая ногами, она поплыла к катеру.

Гаспар задыхался, изо всех сил удерживая руку с ножом, но она неумолимо приближалась к горлу. Несмотря на шуплость, Ван Фэнь оказался чудовищно сильным. Ноги Гаспара подкашивались, перед глазами плыли радужные пятна, сплетаясь с отсветами горящей джонки. Дядюшка попытался пнуть сиамца, но запутался в халате, поскользнулся и упал спиной на штурвал. «Панчо В.» дернулся. Колесо бешено завращалось. Ручка штурвала схватила Гаспара за воротник и грубо вырвала из лап сиамца, швырнув на стену. Гаспар ударился плечом, откатился в сторону, сшибая полку с утварью. В ту же секунду рядом вонзился нож.

Гаспар ударил Ван Фэня в живот, схватил первое, что попало под руку, и бросил в сиамца. Половник выбил стекло; Ван Фэнь замешкался, и Гаспар выскочил из рубки. Ван Фэнь вышел следом.

— Как жаль, что ты огорчил меня, — повторил он, сладко улыбаясь.

— Пошел ты к черту, — огрызнулся дядюшка и бросил в сиамца апельсином. Балобо сжался у стены, свинки визжали. Ван Фэнь поднял лезвие к глазам, его лицо стало почти печальным.

— Мне придется сделать семьдесят восемь надрезов, чтобы кровь...

Что случится с кровью, дядюшка так и не узнал. Страшный крик заставил его обернуться. Через борт на палубу лезло нелепое чудище. Существо выбралось на палубу и распрямилось. Водоросли опутали лицо и волосы, к плечу прилип дражный пакет. Одежда висела грязными лохмотьями.

— Где свиньи? — провыло существо, дико вертя головой.

Ван Фэнь обернулся. По бледному лицу скользнула досада.

— Госпожа Буллен? — ошарашенно спросил Гаспар.

Не обращая на него внимания, женщина шагнула к Балобо и его подопечным, с хохотом протянула руку. На раскрытой ладони лежало золотое кольцо. Балобо вскочил на ноги и дико заверещал. Никогда дядюшка Гаспар не видел шимпанзе в таком гневе. Схватив выкатившуюся из рубки железную кастрюлю, Балобо с размаху швырнул ее в голову Алоизы. Женщина рухнула как подкошенная. Шимпанзе победно ухнул и, скаля клыки, повернулся к Ван Фэню. Сиамец, не сводя глаз с обезьяны, торопливо подул через плечо и попятился к борту.

Огромная белесая туша рванулась из глубины. Мощные челюсти сомкнулись на полах халата. Гаспар дернулся вперед, пытаясь удержать врага. Ван Фэнь замолотил руками, но крокодил уже всей массой рухнул в воду, увлекая за собой чудовищного сиамца. Гаспар, открыв рот, смотрел на расходящиеся круги.

— Ну хоть будильник остался, — только и смог сказать он.

* * *

Гаспар поворошил сырой плавник, шипящий в костре, и приложился к бутылке. «Панчо В.» покачивался у кирпичного берега. Канал заканчивался тупиком, на котором кто-то соорудил железный причал. Дальше начинались неизведанные земли, царства телефонных кабелей, бомбоубежищ и заброшенных веток метро. Выложенные серым камнем арки туннелей обросли водорослями, и где-то за ними ждали своего часа сокровища Вандердайса. Свинки бегали по пирсу, возбужденно повизгивая.

— Искать! — приказал Гаспар. — Сокровища там, искать!

Он махнул рукой. Одна из свинок шагнула вперед, шумно втягивая воздух, и торжествующе взвизгнула. Остальные ответили довольным похрюкиванием. Веселой гурьбой они поспешили к своей цели. Дядюшка помахал им рукой. Балобо всхлипнул.

— Может, еще встретитесь, — утешил его Гаспар. — Ка-таккомбы — штука такая, всегда приходится возвращаться... С этой-то что делать будем?

Он кивнул на лежащую у костра Алоизу. Женщина все еще была без сознания. Гаспар встряхнул бутылку и приложил горлышко к приоткрытому рту. Хороший ром и мамонта поднимет на ноги, а уж плохой и подавно.

Алоиза закашлялась и села, озираясь. Наконец ее взгляд остановился на Гаспаре. Из горла вырвалось бульканье, перешедшее в кашель.

— Выпейте рома, — предложил дядюшка. — Дрянь, конечно, но от простуды самое то...

Алоиза уставилась на него пустыми глазами.

— Где свиньи? — прохрипела она.

Дядюшка пожал плечами.

— Ушли. Я говорю — выпейте рому. Или вот могу предложить сигарку. Вы курите?

— ГДЕ СВИНЬИ?

Гаспар вздохнул.

— Где-то там, — он махнул рукой. — Я же говорю — ушли.

Алоиза, покачиваясь, поднялась на ноги. Не оглядываясь, она побрела за ушедшими свиньями. Дядюшка смотрел вслед, пока ее фигура не растворилась во мраке подземелий.

Где-то с четверть часа он любовался огнем, отхлебывая из бутылки. Балобо сидел напротив и, опустив голову, пыхтел сигаркой. Молчание прервалось тихим перестуком копыт. Первая свинка выступила из туннеля и вопросительно посмотрела на дядюшку Гаспара; за ней в темноте возбужденно толклись остальные. Пятачок вздрогнул, ловя запахи; поросенок радостно всхрюкнул, и свинки выскочили на пирс. Пригнувшись к земле, свинки обошли Гаспара, а затем уверенно затрусили вслед за Алоизой Буллен.

Гаспар усмехнулся и выпустил им вслед колечко дыма.

Карина Шаинян ОТДАЙ МОИХ ТИГРОВ!

На улице Блюхера жили тигры. Они скрывались в лабиринтах сараев и старых двухэтажных домов, от которых пахло прелым деревом и канализацией. Бродили среди сугробов и натеков льда; фонари тускло светились оранжевым, и в их лучах всегда метался снег. Там, на самой короткой и страшной дороге от библиотеки до дома, жили они — и зимними вечерами появлялись из своих убежищ, гибкие и опасные, и перед ними по пустынной улице волнами катился ужас.

Ходить вечером по улице Блюхера категорически запрещалось. Поэтому Катя возвращалась только по ней.

Она шла скользящей походкой; ранец с книжками ненадежно прикрывал спину, в коленях стыла ватная пустота, и часто-часто билось сердце. Если ставить ногу по-особому, снег не заскрипит под валенком, и тигры не услышат. Иногда впереди сквозь пургу мелькала тень, и Катя замирала в обморочном страхе, но порыв ветра утихал, тень превращалась в дворнягу или ворону, и Катя шла дальше, пружиня и стараясь не оставлять следов.

Кабинет Главного Библиотекаря — в дальнем тупике, затерян в шелестящей полутьме, замаскирован изгибами проходов между стеллажами. Катя всегда выходила на него неожиданно, заплутав между полками и лесенками, заблудившись в нагромождениях старой бумаги. Комната всегда была заперта, и замочная скважина под медной ручкой походила на золотистый глаз. Иногда Катя бросала листать книги и подкрадывалась к двери. Из щели над полом лился жаркий свет, пахло сухой травой и кофе. Говорили, Библиотекарь слеп, носит за пазухой кинжал и не боится времени. Говорили, что когда-то в его кабинете безумолчно стрекотала пишущая машинка, но уже много лет там царит тишина. Это было неправдой: порой до Кати доносились голоса, быстрые и горячие речи и обрывки танго; но чаще было слышно, как вздыхает и жалуется на незнакомых языках Библиотекарь. Временами бормотание становилось разборчивее, скрипели половицы под тяжелыми

шагами, и Катя опрометью бросалась туда, где с холодным весельем мигали лампы дневного света, а полки пестрели обложками детских книжек. Она отбирала стопку и робко подходила к столу, уставленному ящичками с карточками абонементов.

— Ты опять взяла «Маугли», — укоризненно улыбалась ей женщина, вечно закутанная в пуховый платок. Катя молча кивала в ответ. Маугли — ее талисман, лучший друг и защитник. С ним не так страшно было идти домой.

Катя совала книжки в ранец, за спиной хлопала тяжелая и толстая, обитая дерматином дверь. С воем набрасывался буран. Катя прикрывала лицо шарфом и ныряла в переулок, ведущий на улицу Блюхера.

Буйствовал снежный январь, катилась по городу эпидемия гриппа, и Катя то пряталась с головой под одеяло, то отбрасывала его, отбиваясь от температурных теней. Приходила мама, приносила стакан воды с лимоном. Подкладывала на батарею новую ватку, пропитанную пихтовым маслом, ставила градусник и грустно качала головой. Ночник отбрасывал теплый свет, медленно шевелились розы, оплетающие шпалеры, на обоях, и стена Катиной комнаты превращалась в фасад двухэтажки на улице Блюхера: штукатурка обвалилась, обнажив деревянную решетку и куски пакли, хлопает под ветром жесть на козырьке подъезда. Квадрат света превращался в окно, и сквозь щель в шторах Катя видела развешанные на светлых обоях детские рисунки: солнце, траву и тигров. Она замирала, и между спиной и ранцем протискивался холод. К окну подбегал смуглый мальчик с тетрадью в руке и прижимал к стеклу первую страницу. «Царь леса», — читала Катя. Мальчик вдруг начинал трясти кулаком, из его глаз катились злые слезы, и окно гасло. Розы превращались в деревья, и только вдалеке светился фонарь. Катя бежала к нему, но тело не слушалось, а потом становилось понятно, что это не фонарь, это огонь костра в ночном лесу... нет, это тигр, похожий на пламя. Он надвигался на Катю, от него несло дымом, силой и почему-то псиной, когти походили на ножи, а в рычании слышался гитарный звон. Лес заливало солнцем, становилось жарко, и тропинка превращалась в улицу. Пахло кровью, пролитой на

горячий асфальт, кофе, потом. Двери сараев распахивались, выворачивая нутро темных кабачков — там пили вино, тянули из серебряных трубочек горький мате и танцевали танго. Черноволосые парни выходили на улицу плечом к плечу, и у каждого за пазухой ждал нож. Здесь не было места ни страху, ни холоду. Катя благосклонно улыбалась и расправляла плечи, обмахиваясь веером. Прекрасная северянка с улицы Серрано, тайная причина многих и многих дуэлей, лучшая танцовщица окраин, она привыкла к блеску злой стали и жару в крови. Подкатывала повозка, запряженная храпящими тонконогими конями, лихие гаучо увозили сеньориту Катерину в пампу, где текли воды рыже-свинцовой реки, и оставляли наедине с солнцем и травой.

Катя стояла на берегу, и к ней сплошным потоком шли тигры. Они сливались в ещё одну реку, черно-рыжую, и были они прекрасны, и шли к ней в объятия, и Катя любила их, а они — ее; тигры падали в реку, и Катя падала в реку, но одно было неизменно: к ней бесконечным потоком шли тигры. Где-то на другом краю света плакал смуглый мальчик, похожий на слепого старика, и просил их вернуться. Но лишь бесформенные уродцы, лишённые страсти и силы, едва стоящие на ногах, похожие на чучела тени с холодной и темной улицы Блюхера оборачивались на его зов, и Катя заливалась счастливым смехом: их ли она боялась потревожить скрипом снега под ногами?

Приходила мама, подбирала презрительно отброшенного «Маугли», осторожно касалась горячего лба, и в уголках ее губ появлялись морщинки. Но постепенно Катя выздоравливала, жар спадал, глуше звучали гитары, и огненные полосы на тигриных шкурах выцветали — царственные звери все больше походили на нелепо огромных и головастых палевых собак. В глубине души Катя чувствовала, что теперь все тигры — лишь внутри нее, и немного стыдилась, что не оставила ни одного для пампы: без них бесконечные травяные просторы казались безжизненными. Над улицей Серрано нависала печаль, и под ее туманным пологом Катю настиг последний кошмар.

Сеньорита Катерина, прогуливаясь с соседскими девушками, встретила слепого старика. В его глазах застыли тысячи

потерянных миров и непридуманных книг, пиджак лоснился на локтях, вытертых о сотни столов и кафедр. «Вот ученый человек, который доживает в бедности, — сказала Катерине одна из подруг, — вся слава досталась другому с тем же именем». Она подала ему монетку, но старик не взял денег. Он обратил невидящие глаза на Катерину.

«Это чужой сон, — сказал он и слепо зашарил руками. — Отдай моих тигров и уходи». — Когтистые пальцы впились в рукав платья. Катя испуганно вскрикнула и бросилась прочь из сна. «Отдай моих тигров!» — кричал вслед слепец, но Катя уже проснулась, чувствуя, как тесно в ее душе громадным полосатым зверям.

— Далеко не убираю, — с улыбкой сказала женщина в пуховом платке, откладывая «Маугли» в сторонку.

— Я больше не буду его брать, — сердито ответила Катя, — надоело. Поищу что-нибудь новое.

Плутать среди сумрачных стеллажей не пришлось — первый же поворот вывел к кабинету Библиотекаря. Из-под двери по-прежнему бил свет, но Кате показалось, что его золото потускнело. Она прислушалась: в комнате стояла мертвая тишина, и было слышно, как бесконечно далеко, за лабиринтом из тысяч полок с книгами, покашливает женщина в платке. Катя почувствовала внимательный и укоризненный взгляд, проникший через толстые резные доски двери, и гордо вскинула голову: сеньорите Катерине не к лицу жаться на пороге. Она толкнула протяжно заскрипевшую створку и вошла, насмешливо кривя губы.

Пахло кожей, пылью и кофе. Солнечный свет пробивался сквозь щели в плотных шторах, ложился широкими полосами на стол черного дерева, заваленного картами, старинными книгами с медными застежками и оборванными на середине строчки рукописями. Библиотекарь неподвижно сидел в тяжелом кресле: морщинистое лицо обращено к стоящим на каминной полке песочным часам, рука сжимает чашку, исходящую густым ароматным паром. Скрежет двери стих, и Кате стало слышно, как шуршит песок, пересыпаясь в нижнюю воронку, — звук сливался с тихим, шелестящим дыханием Библиотекаря.

— Это не твой сон, — сказал наконец он.

Катя молча кивнула. Дрогнули солнечные лучи, и по комнате потек тигр. Литые мышцы перекачивались под блестящей шкурой, и глаза горели вечным пламенем. Тигр покосился на Катю — она снова кивнула, — прислонился огромной лобастой головой к пергаментной щеке Библиотекаря и тихо, нежно заурчал. Упала последняя песчинка в часах, и Катя вышла в холодный лабиринт стеллажей. Постояла, прислушиваясь. За дверью часто и сухо трещало, и Катя не сразу поняла, что это стучат клавиши пишущей машинки.

Тонкая книжица в рыжей, истертой до ворсистости обложке упала с полки и раскрылась посередине. Катя прочитала последнюю строчку. Опасливо оглянувшись, сунула книгу за пазуху. Прокралась в раздевалку, накинула пальто и, не застегиваясь, выскочила из библиотеки.

Бураны наконец закончились, стало морозно и ясно, и маленькая зеленоватая луна в рыжем ореоле была похожа на глаз. По опустевшей улице Блюхера далеко разносился громкий скрип снега под ногами. Катя больше не боялась тигров, и не боялась, что они уйдут навсегда. Ее власть была безграничной.

Дмитрий Колодан, Карина Шаинян ЗАТМЕНИЕ

Июль слоновьей тушей навалился на город, дыша в лицо зноем. На боках переполненных трамваев, завязших у светофора, вскипало солнце. Перекресток взрывался гудками и руганью, металлический скрежет больно отзывался в ушах; над улицей плыл запах горелой резины. Теодор шел прогулочным шагом, и поток прохожих болтал его, как морская зыбь буюк. Лысина побагровела, горячие подтяжки врезались в плечи, раскаленный костюм, казалось, весил целую тонну. От едких капель пота щипало глаза и запотевали очки, но Теодор упрямо продолжал ежедневную прогулку к порту.

У входа в Морской Банк, из которого в одуряющую жару улицы волнами вырывалась прохлада, Теодор прислонился к блестящим перилам и отер лоб. Ожидая, когда дыхание уймется, он рассеянно поглядывал на людей, проходящих в стеклянные двери. Помахал рукой швейцару — тот вежливо поклонился в ответ, но в его кивке Теодору почудилось неодобрение. Без всяких приемов чтения мыслей он знал, о чем думает этот усач в галунах: вот человек, который мог бы сделаться даже помощником директора, если бы постарался, да вот несчастье со сбежавшей невестой подкосило. Ни должности, ни семьи, лишь казенная квартира да сварливая домработница. Швейцары всё знают, с досадой подумал Теодор. Тридцать лет безупречной службы и слабое здоровье — достаточный повод выйти на пенсию. Зачем примешивать Алису? Он потер вспотевшую грудь, прислушиваясь к суматошным ударам сердца, и покосился на швейцара.

Что-то однообразно и беспокойно зудело в ухе — в грохот улицы вплеталось тихое бормотание. Теодор заворочал головой и расплылся в изумленной улыбке. Под каменной стеной банка, у лужицы, натекающей из кондиционера, сидела белая собака в колпаке с обтрепанным помпоном. Теодор не мог взять в толк, как не заметил ее раньше. На собачьей шее болтался замусоленный гофрированный воротник, бок перепачкан мазутом и тиной. Капли конденсата оставили темные

дорожки в густой шерсти, пожелтевшей от пыли. Рядом стояла коробка, оклеенная обрывками афиш.

— Дайте монетку, дайте монетку! — бубнила собака, уставившись в асфальт и мерно раскачиваясь.

Теодор сделал пару шагов в сторону и застыл посреди людского потока, склонив голову и рассматривая собаку с видом знатока. Его тут же сильно толкнули в плечо.

— Извините! — воскликнул Теодор, прижимая пухлую ладонь к груди и пытаясь увернуться от нового столкновения.

— А, ч-черт... Ничего-ничего, — пробормотал прохожий на бегу. Проходя мимо собаки, не глядя швырнул монету. Собака не отреагировала — лишь колыхнулся помпон на колпаке. Теодор поддернул брюки и грузно нагнулся, уперев руки в колени. Он разглядывал пса, пытаясь сообразить: кукла перед ним или настоящее, идеально выдрессированное животное. «Дайте монетку, дайте монетку», — бормотала собака: глаза прикрыты белесыми ресницами, голова качается, как у китайского болванчика. Теодор выпрямился, растирая поясницу, и огляделся в поисках хозяина.

На всей улице нашелся один-единственный человек, спокойно стоящий на месте, — швейцар, ни капли не похожий на владельца циркового пса. Теодор прошелся по тротуару, высматривая афиши, и вернулся ко входу в банк. Стараясь выглядеть празднo, поднялся по широкой лестнице и остановился у дверей.

— Ох, и духота сегодня, — сказал он, — весь взмок. Швейцар солидно кивнул:

— Говорят, это какие-то пятна на Солнце. Затмение скоро, вот и жарит.

— Хотя из кожи выскакивай, — заметил Теодор. — Нам еще хорошо, а как собакам, например?

— А, заинтересовались собачкой? — усмехнулся швейцар. — Давно сидит, гнал — не уходит... Хотел полицию вызвать, да все-таки Божья тварь, пусть себе...

— А хозяин где? — с напускной безразличностью спросил Теодор.

— Не видел. Сама пришла, с коробкой в зубах. Так и торчит здесь — не кормлена, не поена. Таких хозяев в кутузку! — сплюнул швейцар. — Хотя, может, там и сидит, за бродяжничество...

Теодор покачал головой. Он не сомневался, что имеет дело с ловким и скрытным чревоушателем. Представив, как фокусник хихикает в кулак, глядя на суету вокруг собаки, Теодор покраснел и улыбнулся. В душе мешались стыд, восторг и восхитительное чувство причастности — в конце концов, он хотя бы знал принципы, на которых строился трюк.

Изнывая от любопытства, Теодор вернулся к собаке в надежде разобраться, что написано на обрывках афиш на коробке. Осторожно протянул руку.

— Хорошая собачка, хорошая собачка, — приговаривал он. Аккуратно потрепал горячие уши — собака продолжала бубнить, будто не замечала его. Теодор потянулся к коробке. Собака замолкла, черные губы приподнялись, обнажив клыки — чистые и белые, как на рекламе зубной пасты. В зверином горле зарокотало, и Теодор отступил.

В полном расстройстве он вытащил из кармана часы и решительно уставился на циферблат. Бесплодная возня с собакой отняла слишком много времени. В порт уже не успеть: Агата не простит опоздания на обед.

Вентилятор сухо клацал в пыльной духоте гостиной. Пластиковые лопасти потрескались, грязь глубоко въелась в решетку. Теодор поймал себя на том, что считает обороты: шестьдесят, и прошла еще одна минута. В лучах солнца стайки пылинок сплетались в причудливые спирали. Легкий бриз топтался на пороге, как неумелый коммивояжер, не решаясь предложить свой скромный товар — запахи бензина, лета и морской соли. Щелк, щелк...

Теодор с тоской обозревал бледные обои в цветочек. На кипящих жизнью улицах творятся чудеса, а он по-прежнему сидит и ждет, сам не зная чего. Просто трусит, как много лет назад, когда ему не хватило смелости догнать Алису.

Воспоминание отозвалось щемящей болью. За десять лет Теодор так и не смог смириться с потерей. Не помогла даже добросовестная работа в Морском Банке — наивная попытка задавить тоску бумажным однообразием. Аргентина, Австралия, Китай — он убеждал себя, что это лишь слова. Но, читая на бланке «Гонконг», он видел Алису на крошечных, переполненных людьми площадях, бесстрашно входящую в клетку

с хищниками. Лима, Пуэрто-Рико... Нет ничего глупее, чем сбежать с бродячим цирком и стать ассистенткой дрессировщика; но в глубине души Теодор восхищался Алисой. Что осталось ему? Квартира в центре города да индивидуальная пенсия за отличную работу; на мемуары хватит и тетрадного листа. Но, похоже, судьба дала еще один шанс. Теодор ждал его всю жизнь — сделать шаг и, может, он снова встретит Алису?

Теодор ковырялся в овощном супе. Агата, его домработница, всегда готовила одно и то же: суп, овсянка, слабый чай. Теодор уже смотреть не мог на рыхлую цветную капусту и бледные звезды моркови. Он гонял по тарелке разварившуюся луковницу, похожую на дряхлую медузу. По бульону расплзались белесые кружочки остывающего жира.

Перед Теодором, подпертая солонкой, стояла «Всемирная история чудес» Гиббсона и Кара — настольная книга любого иллюзиониста. Теодор раз пять прочел ее от корки до корки, избранные главы мог пересказать дословно, но постоянно возвращался к засаленным страницам.

Книга была раскрыта на главе «Чревовещатели». Египетские жрецы, говорящие камни и статуи, веселый король Эдуард Седьмой и нерадивые придворные — Теодор медленно погружался в историю древнего и невероятного искусства. На арену чревовещание вышло в конце восемнадцатого века, вместе с Чарлзом Эльворти и его знаменитой куклой Мистером Боксом. Животных использовали редко: научить зверей сложной артикуляции почти невозможно. С той собакой работал настоящий профессионал. Теодор не мог придаться: пасть она открывала вовремя, слова явно звучали из собачьей глотки, а то, что не было видно самого чревовещателя, говорило о высочайшем мастерстве. Такие не работают в одиночку — Теодор не сомневался: в город приехал цирк.

Из кухни выплыла Агата с дымящейся тарелкой овсянки.

— Вы ведь знаете, что читать за столом вредно, — на остром лице застыло осуждение.

Теодор попытался ответить, не раскрывая рта, — вдруг у него тоже есть задатки чревовещателя? Способности, может, и были, но отсутствие тренировок сделало свое дело. За хрипами, гудением и кряхтением он и сам не понял, что сказал, смутился и замолчал.

— Простите? — переспросила Агата. Поставила перед Теодором кашу и поморщилась, забирая суп. — Пожалуйста, не надо говорить с набитым ртом, не дай бог, подавитесь.

— Нет-нет, — поспешил успокоить ее Теодор. — Я... это дыхательная гимнастика, знаете, очень полезно для сердца.

Агата покосилась на раскрытую книгу: полполосы занимала фотография знаменитого Элиаса Шангале.

— Когда я была маленькой, ходила на его выступление. Дыхательная гимнастика, ну-ну...

— Давайте я покажу вам фокус? — поспешил сменить тему Теодор. — Это быстро... Я много тренировался, и мне хотелось бы услышать ваше мнение.

Агата вздохнула и с показным смирением присела за стол. Теодор торопливо, пока она не передумала, открыл книгу. Загнутый уголок страницы отмечал номер, над которым он сейчас работал. Теодор проделывал фокус десятки раз и отлично помнил порядок действий, но решил подстраховаться. Как любой артист, он нуждался в зрителе и в тоже время боялся его — боялся, что собьется и опростоволосится. Под суровым взглядом Агаты это было легче легкого.

— Номер называется «Исчезающие предметы». Суть его в том, что предметы... э... исчезают. Для примера возьмем вот эту ложку, — Теодор протянул ее домработнице. — Можете осмотреть и убедиться: это самая обыкновенная ложка, из тех, что вы используете на кухне.

— Знаю, — сказала Агата. — Эту ложку я мою три раза в день уже восемь лет.

— Ну да, — смутился Теодор. — Понимаете, так положено говорить, всегда находятся люди, которые сомневаются. Сейчас эта давно известная вам ложка таинственным образом испарится. Смотрите внимательно...

Теодор сжал ложку двумя пальцами и принялся выводить вокруг нее пассы. Главное — отвлечь зрителя, ослабить внимание. Теодор не сводил глаз с лица женщины, высматривая малейшие признаки рассеянности. Сквозь вежливый интерес явно читалось: «Ну и долго это будет продолжаться?». Ничего, если он собирается достичь успеха, надо уметь работать с любой публикой.

— Ой! Что...

Как только взгляд Агаты метнулся в сторону, Теодор разжал пальцы. Сталь скользнула по ладони. Ложка зацепилась за манжету, на миг замерла и, вместо того чтобы провалиться в рукав, грохнулась в тарелку. Теодор попытался поймать ложку-предательницу и вместо этого с размаху хлопнул по краю тарелки — та подскочила и сорвалась со стола. Овсянка шмякнулась на ковер. Теодор замер с раскрытым ртом, не находя слов от стыда и досады.

— Это все? — уточнила Агата. Дождаться ответа она не стала. — Как я погляжу, исчезла ваша каша. Суп вы не доели... Прикажете снова готовить?

Теодор сглотнул и виновато улыбнулся.

— Простите... Не надо готовить, я не голоден, спасибо. Я сам все уберу, и...

Агата покачала головой. Лицо ее смягчилось.

— Ничего страшного, я сварю кашу еще раз. Пропускать обед нельзя — для вашего желудка это вредно. И, мой вам совет: бросайте вы эти фокусы, всю эту мумбу-юмбу. В вашем возрасте как-то не солидно. Придумайте более спокойное хобби. Вы никогда не думали коллекционировать марки?

Щелк, щелк... Еще одна минута вентиляторного времени. Теодор побарабанил пальцами по столу.

— Знаете, в город приехал цирк, — заговорил он. — Настоящий бродячий цирк-шапито. С тиграми и слонами, цветными шатрами и акробатами...

— Ничего подобного, — Агата мотнула головой, словно пыталась отбросить саму мысль о цирке. — С чего вы взяли? Я читаю все утренние газеты, и разговоры там только о грядущем затмении да о том, как оно повлияет на здоровье. Про слонов ни строчки. Афиш по городу я не видела, а без рекламы они как без рук. Вам надо прекращать утренние прогулки — жара и солнце плохо на вас влияют. Похоже, вы просто перегрелись. Может, вызвать врача?

К счастью для Агаты, тарелка с кашей лежала на полу, иначе бы Теодор не сдержался и запустил ее прямо в тощую физиономию. Как иллюзионист, аристократ арены, он с предубеждением относился к клоунаде, но сейчас можно было пойти на смешение жанров.

— Спасибо, я прекрасно себя чувствую, — сухо ответил он. Агата покачала головой.

— Все-таки вам лучше полежать, прийти в себя. Все проклятое затмение — в газетах так и пишут, что для метеочувствительных людей эти дни опасны. Протуберанцы и солнечный ветер; говорят, там какая-то буря и нужно быть очень осторожным. Я добавлю вам в чай успокоительных капель.

На следующий день Теодор вышел из дома пораньше, сбежав от Агаты сразу после завтрака. Надо было найти цирк хотя бы ради того, чтобы уговорить домработницу: ее заботливость приняла угрожающие размеры. Собаке необязательно сидеть под афишами — место, где их расклеили, могло оказаться неудобным или их сорвали хулиганы, а газеты... Всем известно, как дороги нынче объявления в газетах!

Теодор выкатился из трамвая у Морского Банка и разочарованно вздохнул: собаки не было. Сгорая от нетерпения, он прошелся по улице, снова оглядывая стены и афишные тумбы, вернулся по другой стороне и поднялся ко входу.

— Вчера не дошли до порта? — первым заговорил швейцар.

— Не успел, — ответил Теодор. — А что, собака сегодня не появлялась?

— Какая собака?

Теодор сердито взглянул на швейцара, но усатое лицо выражало искреннее недоумение. Не помнит ни загадочного пса, ни вчерашних эволюций Теодора, за которыми следил с такой насмешкой! Неужели чревовещатель — еще и гипнотизер? Но оба искусства требуют долгих тренировок, вряд ли можно достичь мастерства в обоих разом. Наверное, швейцар вчера перегрелся, да и жуткая пробка действовала на нервы... Куда теперь? В парк?

— А вы бы сходили, прогулялись по набережной, — продолжал швейцар. — В такую погоду морской ветерок — милое дело. Я бы сам с удовольствием...

Теодор уже не слушал его. Как он не догадался! В порту найдется если не цирк, то хотя бы люди, видевшие его прибытие. Не попрощавшись, Теодор бросился к остановке, и вскоре маршрутка везла его в порт.

* * *

По набережной прогуливались люди принаряженно-официального вида, и Теодор вспомнил, что сегодня отмечают юбилей Морского вокзала. Огибая закованных в пиджаки менеджеров, он зашагал вдоль причалов, сосредоточенно оглядывая мощные обводы пассажирских лайнеров.

Один корабль пришвартовался совсем недавно — по трапу спускалась стайка пассажиров. Теодор скользнул по ним взглядом, даже не надеясь, что меж кисей и зонтиков мелькнет лицо Алисы. Она должна вернуться на том корабле, что и сбежала; Теодор ждал, когда на рейде бросит якорь «Великолепный», на котором проклятый Просперо увез все его мечты и надежды. Давным-давно он прочел в газетах, что пароход пропал без вести во время шторма, однако окутанная блестящей дымкой полоска горизонта и бередящие душу гудки были убедительнее газетных строчек.

На краю причала курил пожилой моряк. Его красная физиономия располагала к доверию, и Теодор подвинулся ближе.

— Извините, не могли бы вы сказать... — Моряк вынул изо рта сигарету и выжидающе посмотрел на Теодора. Тот помялся и, собравшись с духом, выпалил: — Вы не знаете, в порт не прибывал цирк?

— Цирк? — задумался моряк. — Нет, не видал. Да вы не там ищите. Вам вон куда надо, — он кивнул туда, где городская набережная упиралась в причалы для грузовых судов и склады.

Но среди барж, ржавых каботажных посудин и остро пахнущих рыбой сейнеров не нашлось ни «Великолепного», ни другого корабля, на котором мог бы прийти цирк. Отчаявшись, Теодор попытался проникнуть в доки, где звенел металл и орали озверевшие от жары механики, но его выгнали, не пожелав и слушать.

Теодор доковылял до набережной и присел на чугунную скамью. Тоскливо взглянул на гавань, куда входила баржа, груженная блестящими цистернами, и хлопнул себя по лбу: можно попытаться найти груз, принадлежащий цирку! На контейнерах наверняка есть маркировка — Теодору отчетливо представилось схематичное изображение слона. Не отдышавшись толком, он заспешил к складам.

Застоявшийся воздух в узких проходах между контейнерами походил на воду в нечищеном аквариуме. Под ногами хлюпали тухлые лужи, покрытые радужной пленкой, грязные обрывки пеньки и шпагата цеплялись за ботинки. Меж пышущих жаром стен стояла вязкая тишина, изредка нарушаемая приглушенным говором порта. Похоже, поиск циркового багажа оказался пустой затеей: Теодор и не думал, что портовые склады так огромны. Он остановился, не представляя, как выбираться из этого лабиринта.

Над головой нависал гигантский дощатый ящик; дерево посерело и обросло понизу зеленоватыми ракушками, но еще пахло опилками. Теодор с удовольствием вдохнул смолистый аромат и услышал тихие, мягкие шаги. Доски показались вдруг совсем тонкими. В ноздри ударил острый звериный запах, и низкий гул отозвался дрожью в диафрагме. Гудение перешло в грохочущий рокот, эхом прокатившийся по лабиринту. Со всех сторон разом донеслось громовое фыркание, и наступила тишина — лишь тонко звенела полоска жести.

Теодор задохнулся. Рядом — клетка с тигром! Он снял очки и приник к узкой щели между досками, но увидел темноту. В досаде Теодор хлопнул ладонью по дереву, и в ответ снова зарокотало — но тихо-тихо, издалека. Теодор опрометью бросился на звук, под ногами зачавкала грязь, заглушая рычание. Он застыл и прислушался.

Снова отчетливый рык — теперь справа. Теодор ринулся в боковой проход и тут же услышал, что рычат уже впереди. Слабый ветерок завонял кошачьей мочой. Издали неслось громохание кранов, крики портовых рабочих, но для Теодора существовал только лабиринт контейнеров, по которому катился, дразня и убегая, тигриный рев. Сердце трепетало в горле. Дневной свет померк и стал синевато-холодным, будто в небе вместо солнца подвесили тусклый прожектор. Потеряв голову, Теодор кидался во все стороны, на секунду уверяясь, что звери совсем близко, но рычание затихало; вдруг вновь появлялся сильный дух зоопарка и развеивался, сменяясь запахом машинного масла или щекочущим ароматом специй. Рычание доносилось все реже и вскоре стало совсем тихим, заглушенное чьими-то криками. Очки запотели, и Теодор ме-

тался вслепую, оскальзываясь и задыхаясь в погоне за призрачным звуком.

Голоса становились все ближе, и Теодор счастливо всхлипнул: между контейнерами сверкнуло яркое и блестящее. Хватая ртом воздух, он вывалился на площадку перед причалами. Ноги не держали. Он прислонился к горячей стенке контейнера. Руки тряслись от нетерпения, пока Теодор протирал очки. Заранее улыбаясь, он водрузил их на нос и не смог удержать разочарованного крика. Среди луж и куч мусора стоял алый лимузин. Теодор знал эту машину: она принадлежала начальнику порта. Из салона в открытое окно вилась струйка сигарного дыма.

Рядом разгружали баржу. Портовый кран полз по ржавым рельсам. На таях раскачивался оранжевый контейнер; он кренился, готовый выскользнуть из толстых цепей. Порывы ветра раскачивали его, как огромный маятник. Снизу смотрели несколько угрюмых грузчиков. Они передавали по кругу сигарету и то и дело начинали кричать, размахивая руками. Теодор сомневался, что крановщик слышит их указания, скорее, грузчики красовались перед начальником порта.

Рельсы заканчивались рядом с лимузином. Вздогнув тоннами железа, кран остановился. Контейнер качнулся, надрывно взвыли блоки, опуская груз. Он с грохотом ударился о крышу такого же железного ящика и на секунду замер. Раздался предупреждающий крик. Контейнер с диким скрипом начал сползать в сторону. Одно из звеньев не выдержало, цепь лопнула. Стальной хлыст звонко ударил по железным бортам: так дрессировщик подстегивает тигра к прыжку. Контейнер сорвался и обрушился на автомобиль.

«Кранты начальнику», — прошептал кто-то в наступившей тишине. Очнувшиеся грузчики бросились к машине, но из-за груды железа появился директор порта. Его щеки побелели, обтянутое потной рубашкой брюхо ходило ходуном, — но он был цел и невредим. Директор слабо улыбался столпившимся вокруг рабочим. По лицу пробежали остатки пережитого страха, глаза походили на кружочки застывшего жира. Они постепенно оттаивали; растерянная улыбка сползла с губ, и в голосе зарокотал начальственный гнев.

Теодор в полуобмороке смотрел на дверцу контейнера: ее украшал затертый рисунок улыбчивого слона, стоящего на

шаре. Крякнули грузчики, сдвигая контейнер с крыши машины, железо застонало и ударилось об асфальт. Стенки не выдержали, и через щели в лопнувшем железе на землю посыпались блестящие пачки чая. Теодор поднял одну. Чай как чай, такой можно купить в любом супермаркете. Теодор подбросил пачку, поймал и тихо рассмеялся.

— Ваш груз? — раздался за спиной суровый голос.

Рядом, уперев руки в бока, стоял начальник порта. Его подбородки тряслись, в глазах сверкали молнии. Не дожидаясь ответа, он продолжал:

— Это грубейшее нарушение техники безопасности! Ваш контейнер не был закреплен надлежащим образом! Вы знаете, сколько стоит эта машина? Я буду требовать возмещения морального и материального ущерба в трехкратном размере.

— Извините, это не мой, — залепетал Теодор. — Я совершенно случайно оказался рядом.

Начальник порта пристально посмотрел на Теодора.

— Случайно? — переспросил он. — Тогда что вы здесь делаете? А, ясно! Шли на юбилей вокзала и решили сократить дорогу через склады? Зря, здесь нечего делать посторонним. — Он отвернулся к искалеченной машине.

— Я не... — начал Теодор и смолк. Почему бы и нет? После бессмысленных блужданий, страхов и поисков официозная скука будет лучшим лекарством. — Да, хотел побыстрее и немного заплутал, — угодливо улыбнулся он.

— Вам надо идти прямо, — буркнул толстяк и покосился на часы. — Церемония начинается через полчаса.

Солнце плясало в стеклянных стенах Морского вокзала. Яркие блики резали глаза, под веками щипало от слез. Сквозь стену открывался вид на главный причал. Мраморная набережная выгибалась широкой дугой, обнимая залив. Вдалеке над зелеными волнами словно парил утес с башенкой маяка. Этот пейзаж, растиражированный на открытках, был визитной карточкой города. Танкеры и сухогрузы никогда не подходили сюда, здесь было место для белоснежных круизных лайнеров. Плавные обводы причудливо преломлялись в стекле, и корабли казались нереальными, будто прибыли прямо из Зазеркалья.

— И что их сюда тянет? — бормотал Теодор, пока протискивался сквозь толпу оживленных клерков. — Прошу прощения... Скучнейшее же мероприятие. Извините... Заранее заготовленные речи по бумажкам. Вы не позволите?

Вокзал украсили воздушными шарами и цветными лентами. Чуть в стороне, на драпированном красной тканью помосте сидел духовой оркестр. Над залом гремел гимн города. Бравурная мелодия взмывала к ажурным перекрытиям и металась в стекле и металле, словно птица в силках.

Начальник порта вышел к микрофону, и толпа взорвалась аплодисментами и одобрительными выкриками. Рыхлое лицо начальника светилось уверенностью и силой; а ведь полчаса назад он чуть не погиб. Он широко улыбался, дожидаясь, пока стихнет шум. Постучал по микрофону, и оркестр замолчал.

— Здравствуйте, дорогие друзья! Мы рады приветствовать вас на торжественном праздновании юбилея Морского вокзала! В этот день десять лет назад впервые открылись двери, не побоюсь этого слова, шедевра архитектурной мысли. И я горжусь тем, что...

Начальник порта говорил вдохновенно, но в какой-то момент Теодор обнаружил, что совершенно не понимает, о чём идет речь. Слова кружились, не давая ухватиться. Уже мерещилось, что он видит их — маленьких разноцветных рыбок, скользящих в густом воздухе. Теодор тряхнул головой, гоня наваждение.

— Нельзя недооценивать тот грандиозный вклад, который внес Морской вокзал в развитие структуры...

Теодор огляделся. Толпа замерла, боясь пропустить хоть слово. Клерки, их жены и дети с обожанием смотрели на толстяка. У некоторых на глазах блестели слезы. Похоже, они даже дышали в такт голосу начальника.

— Но не будем забывать и о тех людях, без которых мы никогда бы не увидели...

Кто-то едко хихикнул. Теодор обернулся на звук, но лица, обращенные к толстяку, были абсолютно серьезны. Смех зазвучал снова — колючий и звонкий, он просыпался на толпу, как горсть ракушечных осколков. Толстяк сбился, проглотив конец фразы, и откашлялся.

— Может, кому-то это и кажется смешным, но этот грандиозный проект...

Теодор вытянул шею, высматривая шутника. На краю помоста с оркестром сидел клоун. На набеленной щеке чернела клякса слезы. Колпак сползал на глаза. Клоун корчился, держась за живот и тыча пальцем в начальника порта. Музыканты его не замечали. Клоун то и дело вцеплялся то в одного, то в другого клерка и шептал ему на ухо. Люди расплывались в улыбках, но спустя мгновение на лица вновь наползала серьезность.

Теодор дернул за рукав соседа.

— Прошу прощения, — спросил он. — Вы тоже видите... В водянистых глазах сверкнуло раздражение.

— Что? — зло спросил клерк, и Теодор отпрянул.

— Нет, извините, я не хотел...

Клерк отвернулся. Теодор взглянул на клоуна. Тому, похоже, наскучили бесплодные попытки расшевелить публику. Он так сокрушался, что Теодору стало искренне жаль его. Заметив взгляд, клоун печально развел руками, и Теодор едва не рассмеялся от нахлынувшего счастья. Он не заметил, как в руках клоуна появились черные мячи — они взмывали над головой, кружились невероятными петлями. Один в воздухе, два, все три... Клоун вскочил на ноги.

— Уважаемая публика! Мы страшно рады, что вы почтили вниманием наше представление! Самый невероятный номер за всю историю цирка! Ему рукоплескали зрители пяти континентов!

Клерки оборачивались, и недоумение сменялось улыбками. В задних рядах рассмеялся ребенок и захлопал в ладоши. Толстяк замолчал и беззвучно шевелил губами, как рыба. Его лицо побавровело. Дрожащей рукой он указал на клоуна:

— Что за фиглярство, черт возьми? Вызовите охрану...

— Почтенная публика, капельку терпения! Сейчас на ваших глазах произойдет чудо! Номер называется «Возмездие»! Оркестр, туш!

Музыканты вскочили, грянули трубы. В воздухе вспыхнуло, запахло жженой серой. Над клоуном закружились яркие огоньки, и три бомбы тускло блеснули вороненой сталью. Короткие фитили брызгали искрами. Клоун перехватил первую

бомбу и швырнул ее в президиум. Вторая и третья полетели следом. Толстяк рефлекторно выставил руки, пытаясь поймать брошенный предмет, и в это мгновение ухнул взрыв.

Горячая волна ударила в Теодора. Его отбросило на какого-то клерка, и они вместе рухнули на пол. Уши заложило; он не слышал новых взрывов — только два оранжевых сполоха мелькнули в клубах едкого дыма. Не понимая, что делает, Теодор рванулся, но на него упали, и по лицу хлестнуло теплым и липким. Теодор истерично забился, пытаясь сбросить навалившееся тело. Ему удалось выбраться, а клерк так и остался лежать. От резкого запаха горелого дерева и мяса к горлу подступила тошнота. Едва сдерживая спазмы, Теодор на карачках пополз вперед.

На полу сидела женщина с окровавленным лицом; у ее ног валялся искореженный микрофон. Кто-то плакал.

— Почтенная публика застыла в восхищении! Но я не слышу аплодисментов! Пролейте же бальзам на сердце артиста...

Клоун раскланивался. К ужасу Теодора, раздались хлопki — один, другой, и зал разразился овациями, заглушившими стоны. Оркестр заиграл марш.

— На этом позвольте попрощаться!

— Держите его, — прохрипел Теодор, но никто не услышал. Клоун смотрел прямо на него.

— Хватайте...

Клоун подмигнул, еще раз поклонился, сорвал с помоста гирлянду воздушных шаров и вприпрыжку направился к выходу. Теодор побежал за ним и врезался во все еще аплодирующих людей. Клоун, казалось, тек сквозь толпу: перед ним расступались, никто не пытался его остановить, Теодора же все толкали и пихали. Клоун задержался лишь на мгновение: перед маленькой девочкой он достал из рукава бумажный цветок, вручил, потрепал ребенка по белокурой головке и вышел на улицу.

— Уйдет ведь! — выдохнул Теодор.

Он оттолкнул вставшего на пути долговязого клерка. За спиной завизжали. Теодор ударил в дверь плечом и выскочил наружу.

Клоун стоял на площади перед вокзалом, словно ждал Теодора. Легкий бриз колыхал воздушные шары. Теодор шагнул к клоуну, сжав кулаки.

— Вы чудовище! Как можно... — Теодор зарычал, не находя слов. Нарисованные брови клоуна взметнулись вверх. Он попятился, всем видом показывая, как испугался.

— Стой! — заорал Теодор.

Клоун хихикнул и, семеня, отступил еще на несколько метров. Порыв ветра дернул шары вверх, и огромные ботинки оторвались от мостовой. Покачиваясь, клоун взмыл над площадью, и Теодор задрал голову, не веря своим глазам. Клоун приставил к носу руку с растопыренными пальцами и показал Теодору язык.

Злость придала сил. Теодор ринулся следом, не обращая внимания на предательские колики в боку. Ветер нес клоуна над центральной улицей. Казалось, шары летят медленно, однако Теодору с трудом удавалось просто не отставать. Но рано или поздно клоуну придется спуститься, и тогда...

Навстречу мчались кареты «скорой помощи» и пожарные машины. Вой сирен, яркие огни мигалок, крики и гудки для Теодора уже не существовали. Он видел только болтающиеся в воздухе красные ботинки и гнусную ухмылку на белом лице. Слеза на щеке! Грубая насмешка над всеми, кто остался лежать в зале, истекая кровью. Надругательство над воспоминаниями об Алисе — ведь она ушла не ради убийц и террористов.

Из-за угла вынырнул трамвай и затормозил, пропуская стаю полицейских машин, черных и поджарых, как пантеры. Клоун завис над выпуклой крышей и неспешно опустил. Выругавшись, Теодор прибавил скорости. Клоун уселся, потурецки сложив ноги, и выжидающе смотрел на Теодора. В глазах застыл вежливый интерес. Взгляд показался Теодору до боли знакомым. Он хорошо помнил это выражение — именно так банковские клерки смотрят на клиентов. Неужели клоун на самом деле — обыкновенный служащий, вымазавший лицо гримом и напяливший костюм? Теодор вдруг понял, что они несколько лет проработали в одном отделе.

Трамвай зазвонил. Теодор рванулся из последних сил и успел схватиться за поручень. Ботинки заскребли по асфальту. Он подтянулся, протиснулся в узкий проход и рухнул животом на горячую резину. Пассажиры выпучили глаза и отступили. Теодор немного прополз вперед, чтобы ноги не торчали

из вагона — наверное, со стороны это выглядело забавно, но ему было не до смеха. Грудь разрывало на части, каждый удар сердца болью отдавался во всем теле — скорей бы уж выпрыгнуло. Как же его звали? Тибальт? Или Гораций?

— Мне нужно на крышу! — прохрипел Теодор, приподнимаясь на руках. — Остановите немедленно трамвай!

Волоча ноги, подошел кондуктор в темно-синей униформе. Его щеки исполосовали дорожки грязного пота.

— Оплатите проезд, — выдавил он.

Теодор оперся о деревянное сиденье и встал на колени. Трамвай дернулся, поворачивая, и Теодор снова упал.

— Вы что, не видите? — запричитала какая-то старушка. — Человеку плохо! Ему нужен свежий воздух. Остановите трамвай!

— Не имеем права, — буркнул кондуктор. — Скоро остановка у парка, там свежий воздух... Оплатите проезд.

Теодор вытащил из кармана горсть мелочи и протянул кондуктору. Тот старательно отсчитал монетки и вернул остаток вместе с шершавым розовым билетиком. Цепляясь за поручень, Теодор поднялся. За окном плыла чугунная ограда, кусты шиповника и барбариса.

— Городской парк! — крикнул кондуктор.

Теодор, пошатываясь, вывалился из трамвая. Клоун сидел на прежнем месте. Увидев Теодора, он соскочил с крыши. Налетевший ветер понес его к воротам в парк. Теодор прыгнул следом и чудом умудрился схватить клоуна за ботинок.

— Попался!

Клоун дернул ногой, освобождаясь от обуви. Теодор остался стоять, сжимая в руках нелепую добычу. Клоун-Гораций перелетел ограду и на мгновение замер. Теодор заковылял к воротам, размахивая ботинком. Клоун захихикал и снова показал язык. Не в силах больше терпеть издевательства, Теодор запустил башмак в белую физиономию. Клоун дернулся, задрыгал ногами и погрозил Теодору пальцем. Новый порыв ветра поднял шары над кронами и понес в глубь парка.

— Гораций! — крикнул Теодор вслед улетающему клоуну.

В ответ тот помахал рукой, и шары исчезли за каштанами. Теодор в сердцах топнул и побрел к ближайшей скамейке.

* * *

Он отдувался и утирал пот, бездумно прислушиваясь к крикам детей. «Теперь моя очередь дрессировщиком!» — доносилось с площадки. Теодор приоткрыл глаза и скривился: яркие ребячьи одежды напоминали воздушные шары. Он надел очки и обмер: по дорожке неторопливо бежала собака в клоунском колпаке. Она взглянула на Теодора и быстро отвернулась. Уголки черных губ оттянулись — будто животное еле сдерживало издевательскую ухмылку. Протрусив мимо, собака приостановилась и оглянулась через плечо. На морде была написана столь явная насмешка, что Теодор вскочил. В глазах собаки мелькнуло одобрение, и она зарысила дальше. Теодор двинулся за ней, даже не думая угнаться, — он еле ковылял на подгибающихся, стертых до волдырей ногах, — но надеясь хотя бы не упустить ее из виду.

На развилках собака садилась, высунув язык и часто дыша, — казалось, она трясется от сдавленного смеха. Все реже встречались коляски, детские крики затихли, приглушенные деревьями, и только изредка навстречу проносился велосипедист или проходил собачник с намотанным на руку поводком. Красноватый гравий сменился асфальтом, а потом покрытие и вовсе исчезло. Теодор шел по тропинке, усыпанной листьями и обломками сухих ветвей. Собака вдруг заторопилась и теперь мелькала далеко впереди, то и дело исчезая за орешником.

Тропинка нырнула в бурно разросшуюся сирень. Теодор протиснулся сквозь кусты и замер в изумлении. На огороженной зеленью поляне стоял шатер — мрачная клякса на цветной бумаге летнего дня. Бурый бархат, еще сохранивший в складках глубокую синеву, был расшит потускневшим золотом. Изнутри доносился надтреснутый голос — бессмысленное жужжание постепенно складывалось в заунывную мелодию со сбивчивым ритмом. Теодор огляделся в поисках звонка или колокольчика, ничего не нашел и громко откашлялся.

— Прошу прощения, — проговорил он, — вы не позволите войти? Мелодия стала отчетливей и оплетала дремотой, на дне которой колыхалось предчувствие кошмара. Собравшись с духом, Теодор отодвинул засаленный полог и на мгновение

ослеп — переход между солнечным светом и полумраком шатра оказался слишком резким. В нос ударил запах кофейной гущи и пудры, Теодор чихнул, и песня оборвалась.

— Кто здесь? — раздался тревожный старческий голос. Теодор шагнул вперед, растопырив руки. Пальцы въехали в мягкое и мохнатое, и он вскрикнул.

— Кто здесь? — снова спросили его.

— Я хотел узнать... — выдавил он, но договорить не успел.

— Ви-ижу... — завyli из глубины шатра. Глаза постепенно привыкали к темноте, из сумрака проступали отдельные предметы. Россыпь лоснящихся подушек на полу. Хлам на почерневшем столике: карточные колоды, перья, чашки тончайшего фарфора, изуродованного черными потеками; камешки, грязные стопки бумаг. В углу на груде древних попон лежала собака. Хозяйку Теодор увидел последней — иссохшая старуха, закутанная в цветные лохмотья, тонула в резном кресле. Прозрачный венчик волос окружал раскрашенное лицо. На запястьях позвякивали медные браслеты. Казалось, старуха сейчас рассыплется зеленоватым прахом.

Наверху что-то качнулось, задев лысину Теодора. Он шарахнулся, пригибаясь, и поднял глаза. С потолка свисали связки замызганных помпонов, какими украшают костюмы клоунов. Они неумовимо напоминали трофеи охотников за головами — особенно страшными казались темные пятна, от которых слились пушистые нити. Теодора передернуло.

— Я ишу... — заговорил он, стараясь, чтобы голос звучал грозно. Старуха вскинула когтистую руку, будто приказывая замолчать. Она всматривалась в мутный стеклянный шар, неподвижная, словно ящерица на горячем камне. Тишина засасывала, как трясина, и в голове зудела диковинная мелодия. Пауза затягивалась; казалось, гадалка заснула. Теодор кашлянул, напоминая о себе, — звук вышел приглушенный, почти робкий.

— Давно мы здесь не были, истосковались вы по нам, — сказала старуха, не поднимая глаз. — Но слышишь? — она ткнула в потолок костлявым пальцем и склонила голову к плечу. Будто принесенные ветром, налетели обрывок бравурного марша и шелест аплодисментов. «Самое грандиозное представление в мире!», — прокричал сорванный голос.

— Господину шпрыхсталмейстеру тяжело, тяжело, — шептала гадалка, — устал, бедный. Но ничего, скоро, скоро уже на покой, смена идет...

Изнывая от смутной тревоги, Теодор на цыпочках шагнул к стене — на ней поблескивала свежей краской афиша. Сверху свисали яркие платки, будто извлеченные из цилиндра фокусника. Теодор прищурился, разбирая строчки:

«...акробаты, жонглеры, клоуны!

Просперо и его дрессированные тигры!

Впервые на арене — Великолепный Теодор и полет на солнце!

Только один сеанс! Все зрители сидят в первом ряду!»

Теодор почувствовал мимолетную зависть к своему тезке, и тут же испуганно застучало сердце.

— Все зрители сидят в первом ряду, — прошептал Теодор. Косясь на старуху, отодвинул платки, чтобы прочесть верхнюю часть афиши, — волоски на запястье встали дыбом, тонкий шелк жадно облепил руку и громко зашуршал. Теодор повернулся к гадалке, инстинктивно прижимаясь спиной к стене. Бархат предательски прогнулся, Теодор взмахнул руками, выдираясь из душных складок, и чуть не рухнул на столик, в последний миг сохранив равновесие. Старуха вышла из транса, сморщенные веки поднялись, и Теодор облился холодным потом: в его лицо уставились мертвенные бельма.

— Вижу, — снова провыла старуха. — Дайте монетку, дайте монетку, — забубнила она. — Всю правду расскажу, всю правду покажу, будущее, прошлое, тайное и скрытое! — она провела ладонью по шару, такому же безжизненному, как ее глаза. Мгла за клубилась, собираясь к центру. Теодор разглядел человека в красном фраке и блестящем цилиндре — тот стоял посреди арены, вскинув руку. Вместо лица циркача дымился клочок тумана.

Предсказательница снова провела по шару. Сквозь мутную пелену проступил девичий силуэт. Очертания ловкой фигуры были томительно знакомы, и Теодор почти уткнулся носом в стекло, боясь и желая поверить сам себе. Девушка, затянутая в белое трико, стояла к нему спиной. Она чуть подалась вперед, будто готовясь сделать сальто. Теодор присмотрелся и еле сдержал подкатившую к горлу тошноту: в каштановых

волосах, скрученных в узел, копошился белесый краб-паук — он все дергал, дергал ломкой ногой, силясь освободиться из шелковой ловушки. Теодор отшатнулся, давя крик брезгливого ужаса, и девушка исчезла, на прощание улыбнувшись через плечо.

— Алиса! — закричал Теодор, хватая шар. Стекло выскользнуло из рук и с тяжелым грохотом покатилося по ковру. Взметнулся багровый рукав, холодные когти предсказательницы впились в руку.

— Дайте монетку, дайте монетку, — снова забормотала она. Не помня себя, Теодор выхватил деньги и швырнул их гадалке. Старуха зашарила по столу и вцепилась в покрытый пятнами листок бумаги — от него несло соленой сыростью. В одном углу еще сохранились виньетки — это была истлевшая цирковая программа.

— Всю правду скажу, никак не обману, — прошелестела гадалка, слепо глядя в расплывшиеся строчки. — О чем мечтаешь, то и сбудется, а выступать тебе в третьем отделении...

— Я вас не понимаю, — Теодор еле шевелил онемевшими губами.

— Господин шпрыхшталмейстер устал. Час близок...

Веки снова поднялись, но теперь вместо белесых бельм на Теодора смотрели пустые провалы глазниц. Из черноты черепа высунулся сердитый рак-отшельник, похожий на пожилого усатого униформиста. Стены шатра покачнулись и приблизились, над бархатом взлетели клубы ядовитого праха, забивая глаза и легкие. Теодор рванулся, запутался в тяжелых складках и закричал. Заложило уши, под веками поплыли огненные кольца. Сквозь них проносились гибкие молнии, оседали где-то в уголках глаз и превращались там в тигров.

Ноги Теодора подогнулись, и он осел на ковер. За спиной, шипя и булькая, захихикала старуха, что-то скользнуло по лодыжке. Теодор замычал от ужаса и пополз, руша на себя груды пыльной ткани. Мимо прокатилась тумба — виден был только торец, блестящий золотистый ободок вокруг черной пустоты. Из нее вынырнула тигриная морда. Сверкнули ослепленные клыки, Теодор вдохнул густой запах сырого мяса и потерял сознание.

* * *

Он очнулся на скамейке. Голова гудела, как после многих часов в душевной конторе. Полумрак шатра казался дурным сном. Чего только не случится из-за жары! Теодор улыбнулся, захваченный утешительной мыслью. Сверху донесся тихий смех. Теодор поднял голову и почувствовал отвратительную слабость в коленях. К океану летели грозди разноцветных шаров, и на фоне побелевшего от жара неба четко виднелись силуэты циркачей.

Добравшись до дома, Теодор несколько минут сидел, бесильно вытянув измученные ноги, и наконец заворочался в кресле, пыхтя и постанывая.

— Агата, будь добра, завари мне чаю! Ответом была непривычная тишина.

— Агата! — снова позвал Теодор, добавив жалобных ноток, и прислушался. Ни звона тарелок, ни запаха супа — мертвое безмолвие царило в квартире.

— Агата! — уже испуганно крикнул Теодор. Заглянул в кухню, обошел комнаты — Агаты не было. Теодор бросился к телефону. Выслушав серию тоскливых гудков в квартире домработницы, собрался с духом и позвонил ее племяннику — развязному молодому человеку, который однажды в случайно подслушанном разговоре назвал Теодора «наш шарик». Племянник ничего не знал; в его голосе сквозило веселое недоумение. Теодор с досадой повесил трубку. Необъяснимо и возмутительно, но Агата исчезла — без предупреждения, без договоренности... Мелькнула мысль, что надо обзвонить больницы, и пропала, задавленная наконец проснувшимся голодом.

До ближайшего кафе всего полквартала, но, представив, каково будет натягивать ботинки на стертые до крови ноги, Теодор застонал. Волдыри и свинцовая усталость — достаточные причины; признаваться в том, что выйти на улицу попросту страшно, Теодор не собирался. Он даже немного радовался, что Агаты нет: необходимость готовить ужин отвлекала от переживаний.

На кухне нашлись свежий хлеб и кусок вареного мяса. Соорудив гигантский бутерброд, Теодор щедро намазал его

горчицей, налил в большую кружку крепчайшего чаю с лимоном и машинально потянулся за «Всемирной историей чудес». Спыхватившись, посмотрел на книгу с мрачным подозрением. Чудес на его долю сегодня выпало более чем достаточно. Но потертый бордовый переплет выглядел так уютно, и золотые буквы на обложке подмигивали так заманчиво, обещая привычное, спокойное удовольствие. «Подобное подобным», — пробормотал Теодор. В пустой квартире голос звучал странно, и он, смутившись, поспешно откусил от бутерброда.

«Всемирная история» сама собой раскрылась на статье об Элиасе Шангале, и Теодор удивленно заметил, что на страницах нет ни пометок, ни жирных пятен от супа, — как будто он, годами перечитывая книгу, избегал этой главы. Пожав плечами, Теодор с головой погрузился в восхитительно обстоятельные попытки Гиббсона и Кара раскрыть секреты гениального чревовещателя. Описания номеров, история карьеры — от ученичества до собственной труппы. Дрессированные животные, создающие полное впечатление говорящих... Аншлаги, гастролы и вершина — личный цирк. Постаревший, но все еще бодрый Элиас берет на себя роль шпехштаймейстера: номера объявляют то слон, то собака. И катастрофический закат — всего пара сухих строчек: «Из-за конфликта с властями был вынужден покинуть город под предлогом мировых гастролой. Спустя год судно, на котором Элиас Шангале и его труппа пересекали Атлантику, попало в шторм. Гениальный чревовещатель пропал без вести». Теодор нахмурился и захлопнул книгу.

Алиса тогда от корки до корки прочитывала газеты — история задела ее за живое. Гигантский шатер, окруженный россыпью подсобных построек, стоял там, где буквально через месяц после закрытия цирка принялись строить Морской вокзал. Земля понадобилась под новое здание, Элиас переезжать отказался. «Как они не понимают, — всплескивала руками Алиса, — он же гений!» Теодор посмеивался над ее горячностью. На цирк обрушились проверки, Шангале обвинили в уклонении от налогов, Морской Банк, напуганный перспективой закрытия цирка, потребовал срочного возврата старого кредита.

Поклонники Элиаса сбились в комитет защиты цирка, и Алиса стала его секретарем. Тогда она и познакомилась с Просперо. Теодор видел его лишь мельком, и дрессировщик

показался ему грубым и самодовольным типом. Его неожиданная дружба с Алисой представлялась Теодору немного странной, но несущественной. Если бы он знал...

Алиса обращалась во все газеты, собирала подписи под петицией мэру. Пыталась подсунуть бумагу Теодору, но он ответил: «Что изменится от одной подписи? Малышка, я вот-вот жду повышения, а шеф и так рвет и мечет от этой возни. Ты же не хочешь мыкаться по съемным квартирам, когда мы поженимся?». А потом Шангале объявил, что цирк уезжает в гастрольное турне по всему миру, и Алиса поднялась на борт «Великолепного» рука об руку с Просперо.

В комнате сгушались сумерки, но Теодор, погруженный в воспоминания, не спешил включать лампу. «Алиса, Алиса», — пробормотал он, но перед мысленным взором появилась не скромная девушка в элегантном платье, а гибкая циркачка в трико.

Теодор дернулся, как ужаленный. Строчки афиши, предсказание гадалки... Зажмурившись, Теодор помотал головой и отхлебнул из остывшей кружки. Мечтал выступить хотя бы на любительском представлении и вдруг получает ангажемент у самого Элиаса Шангале! Это преступники, напомнил он себе. Старуха морочила ему голову, чтобы дать уйти убийцам. Теодор вдруг обнаружил, что стрижет и без того короткие ногти, чтобы сделать руки чувствительнее — прием, вычитанный в главе о Гудини.

Отшвырнув ножницы, он заходил по комнате. Порывшись в шкафу, извлек старый, потрепанный цилиндр в потехах желтка — как-то Теодор попытался повторить знаменитый фокус с сырыми яйцами, а потом засунул шляпу подальше, надеясь, что мерзкие яичные разводы станут не так заметны, когда засохнут. Следом на столе оказался остальной реквизит — мешочек с крючком, чтобы привешивать его под рукав, зеркальца, плотный черный платок...

Теодор сделал круг перед воображаемыми зрителями, показывая, что внутри цилиндра пусто. Взмахнул рукой и принялся вытаскивать целые каскады разноцветных шелковых платков. «Браво!» — крикнул чей-то бас в голове, щекам стало горячо, и Теодор раскланялся, растерянно улыбаясь. Среди его реквизита таких платков никогда не было. С неприятной

тяжестью под ложечкой он затолкал платки обратно и хлопнул шляпой о стол. Перевернул — платки исчезли. Теодор отодвинул цилиндр и застыл, нервно потирая грудь. Потом, усмехнувшись, сходил на кухню и вернулся с ложкой. Встал лицом к невидимой публике и принялся выделывать пассы. Он немного отвлекся, вспоминая порядок действий, и вздрогнул, почувствовав между пальцами холодящую пустоту. Ложка исчезла. На лбу Теодора выступил пот.

Нежный девичий голос пропел: «У него прекрасно получается, правда? Попробуй еще, милый!». По комнате пробежали отсветы цирковых прожекторов. Чувствуя, что сходит с ума, Теодор накрыл цилиндр платком, напустил на себя загадочно-мрачный вид и щелкнул пальцами. Откашлялся — в горле стоял ком.

— А теперь, уважаемая публика... — прокаркал он в пустую комнату, замялся, не зная, что сказать дальше, и просто выкрикнул: — Алле!

Платок упал с цилиндра. Теодор с опаской заглянул внутрь. На дне сидел белый кролик и смотрел на Теодора красными глазами. Он потрогал зверька пальцем — кролик был живой, теплый и пушистый; к круглому задку прилипла веточка кружевных водорослей. Держа цилиндр на вытянутых руках и стараясь не дышать, Теодор подкрался к шкафу, сунул шляпу в самый дальний угол и захлопнул дверь. Со скрежетом повернулся большой медный ключ. Теодор метнулся к выключателю, и комнату залил электрический свет.

На столе грудой лежал хлам, совсем не похожий на цирковой реквизит. Теодор был уверен, что цилиндр, запертый в шкаф, абсолютно пуст, — настолько уверен, что даже не стал проверять. На полу валялась ложка. Теодор представил, как качает головой Агата, и, озабоченно хмурясь, отправился в постель.

Выключать свет он не стал.

Тревога за Агату всю ночь не давала сомкнуть глаз. Вдруг домработница пошла на юбилей Морского вокзала, а теперь лежит в муниципальной больнице и умирает от потери крови? Теодор ворочался, мучаясь от духоты, простыни насквозь пропитались потом.

Солнце едва тронуло крыши розовой акварелью, а Теодор уже вышел из дома. Придется начинать с худшего: списки погибших и пострадавших от взрывов наверняка уже опубликовали. Если же имени домработницы там не будет... Что ж, он проверит все больницы и морги, но найдет ее. Теодор направился в сторону порта.

Часы над входом в банк показывали без четверти семь. В распахнутые двери втекали сонные клерки. Теодор печально улыбнулся, вспомнив, как сам тридцать лет подряд так же спешил занять свое место. Сейчас это показалось смешным и глупым и захотелось крикнуть офисным тениям: давно пора бросить ерунду и заняться чем-нибудь стоящим. Жаль, шляпа осталась дома — вот бы показать им фокус с кроликом! Теодор запнулся: прежде он не замечал за собой таких желаний. Мысль была такой неуместной, будто кто-то шепнул ее на ухо.

Вместо швейцара у дверей банка стоял невысокий толстяк. Монокль в левом глазу поблескивал на солнце, словно передавал зашифрованное послание. Теодор узнал этого человека сразу: старший комиссар службы безопасности Морского Банка, бывший начальник полиции города. Он механически кивал проходящим мимо людям, на губах застыла официальная улыбка. За спиной неподвижно, как манекены, стояли два охранника в темных очках.

«Какая смешная игрушка, — снова услышал Теодор чужие мысли, — будто заводная кукла. Ну разве не смешно?»

Теодор усмехнулся: «А комиссар действительно похож на куклу!» — и потряс головой. До сих пор Теодор с уважением относился к начальнику полиции. Тот навел в городе порядок, полностью избавил от бродяг. А сейчас вышел лично поддержать сотрудников банка, чтобы они чувствовали себя в безопасности. Мельком взглянув на лица клерков, Теодор насторожился: в уголках тонких губ разгорались злые улыбки.

— Хо-хо-хо! — полетело над толпой. — Замечательная публика собралась сегодня! Я так рад всех вас видеть!

Теодор метнулся к лестнице и укрылся за перилами. Серый камень еще хранил прохладу ночи. Теодор прижался к нему щекой и осторожно посмотрел меж балясин. Неужели снова Гораций?

Клерки оглядывались, не понимая, что происходит. Рас-терянность появилась и на лице комиссара.

— Хо-хо-хо! Сейчас мы повеселимся! Вы готовы хохотать до упаду?

Из проулка появился клоун. Толстенький и невысокий, он с лихвой компенсировал свой рост ходулями. В петлице клетчатого пиджака полыхал алый цветок. Крошечный котелок съехал на затылок и чудом не падал.

Комиссар шепнул одному из охранников. Тот кивнул и зашагал к клоуну, на ходу вытаскивая из-за пояса пистолет. Второй загородил начальника широкой спиной и тоже потянулся к оружию.

— Здравствуйте, все здравствуйте! — хохотал клоун. — Чудесно работать перед столь отзывчивой публикой! Вы рады видеть меня?

Ответом ему было смущенное: «Да!». Охранник, грубо расталкивая служащих, пробирався вперед. Клоун наклонился на ходулях, и его лицо оказалось на одном уровне с темными очками.

— Какой серьезный молодой человек! Вы хотите автограф? Как же я могу вам отказать? Хотите, подарю вам цветок?

Охранник ткнул пистолетом в размалеванную физиономию.

— Покиньте территорию.

— Какой образованный юноша! — изумился клоун. — Ваша матушка наверняка гордится тем, что ее сыночек знает такие умные слова! Ой! А что это у вас?

В дуле пистолета с громким хлопком появился бумажный цветок.

— Ух ты! — обрадовался клоун. — И как он здесь очутился?

На лице громилы застыла счастливая улыбка. Он взмахнул пистолетом-цветком, и клерки вокруг одобрительно зашумели.

— Вы тоже хотите цветы? — спросил клоун.

— Да! — на этот раз в хоре не было ни капли нерешительности. Второй охранник подпрыгивал от нетерпения, размахивая оружием.

— Будет, будет! — заверил их клоун. — А теперь нечто совершенно иное!

В руках у него появился пистолет — огромный, ярко-желтый, с дулом-раструбом.

— Сейчас прямо на ваших глазах я попаду в самую сложную цель этого города! Лучшие стрелки пытались поразить эту мишень, но до сих пор это никому не удавалось! Поговаривают, что она заговорена от пуль... Но ведь мы не боимся рискнуть! Как вы думаете, попадем?

— ДА!!!

— Бегите! — заорал Теодор, вскочив. Комиссар дернулся, обернулся на крик, но было поздно.

— Пиф-паф!

Выстрел прозвучал, как хлопок петарды. Клоуна окутало облако дыма, закружилось конфетти. Публика зааплодировала.

Комиссар лежал лицом вниз. Сколько покушений он пережил? Наверное, не один десяток. И все нелепо оборвалось ранним утром выстрелом сумасшедшего клоуна. Комиссар приподнялся на руках и пополз, цепляясь ногтями за скользкий мрамор. Перевернулся на спину. По белоснежной рубашке размазалось багровое пятно. Вытянув руку, комиссар указал на кривляющегося клоуна.

— Он убил меня, — хихикнул он. — Вы только посмотрите, он убил меня!

Комиссар сбился на кашель и, харкая кровью, откинулся назад. Тело изогнулось, ноги дрожали, но он продолжал выдавливать смех вперемешку с мокротой и кровью.

— Я нечаянно! — плаксиво крикнул клоун. — Ой! Ой! Ой! Какое горе!

Из глаз струями хлынули слезы. Дружно расхохотались клерки. Клоун раскланивался, раздавая бумажные цветы. Теодор перелез через перила и подбежал к комиссару. Оба охранника веселились вместе с остальными служащими, и никому не было дела до умирающего у них на глазах человека.

Теодор рухнул на колени перед комиссаром. Лицо полицейского стало бледнее зимней луны, пухлые щеки обвисли, как лопнувший воздушный шарик. Рот был вымазан кровью и выглядел страшной пародией на улыбку клоуна.

— Все будет хорошо, — сказал Теодор, кладя руку на плечо комиссара. Тот едва повернул голову. — Скоро приедет врач, и все будет хорошо. Потерпите немного...

— Какой смешной, правда? — комиссар вцепился в рукав Теодора.

— Вам нельзя говорить, — сказал Теодор. — «Скорая» уже едет. Не двигайтесь.

— Я тоже хочу цветок! Почему мне не дают? — голос переполняла детская обида. Комиссар снова закашлялся и обмяк.

Теодор зажмурился. Руки заскользили в воздухе, выписывая сложные пасы. Пальцы задели жесткую проволочку, торчащую из рукава. Не думая, Теодор резко потянул ее вверх. Тонкая бумага зашуршала, и в руке распустилась белая лилия.

— Вот...

Комиссар пустыми глазами смотрел на бесполезный цветок. Теодор положил лилию ему на грудь. Бумажные лепестки медленно краснели, впитывая кровь.

— Браво!

Теодор поднял голову. Клоун смотрел прямо на него и аплодировал.

— Господин шпрыхсталмейстер будет в восхищении!

— За что? — спросил Теодор, поднимаясь.

— Не догадался? — ухмыльнулся клоун.

— Закон о бродяжничестве?

— За все приходится платить, а в море было холодно, — клоун отсалютовал ему пистолетом. — До скорой встречи, фокусник.

Теодор молча смотрел, как он пробирается сквозь толпу «белых воротничков», похожий на нелепую длинноногую птицу. Клоун нырнул в проулок, и оттуда донесся пронзительный смех.

Держась за перила, Теодор спустился. Его мутило. Вокруг пересказывали друг другу шутки клоуна, надрываясь от хохота. Кто-то попытался изобразить умирающего комиссара, — это вызвало такой взрыв смеха, что Теодор не выдержал. Грубо оттолкнув вставшего на пути клерка, он побежал вниз по улице.

Через два квартала Теодор остановился. Прижавшись спиной к стене, он озибался, готовый к тому, что из-за угла в

любой момент появятся акробаты или жонглеры, карлики или силачи, а может, и сам таинственный шпрыхшталмейстер Элиас Шангале. Значит, «Великолепный» все-таки не утонул? Наверное, шторм выбросил корабль на пустынное побережье где-нибудь в Африке или Южной Америке. Сколько лет циркачи прожили там, выступая перед мартышками и попугаями?

Мимо, громяхая тележкой с горячей едой, проковылял торговец-китаец в широкой тростниковой шляпе. Из распахнутых лючков валил густой пар, и до Теодора долетел резкий запах жареной рыбы и специй. Голод до боли сжал живот. Теодор поспешил за торговцем и догнал его у поворота в узкий проулок. Купил два сэндвича с тунцом и стаканчик растворимого кофе и набросился на еду с таким наслаждением, словно голодал месяц.

— Не хотите сахарной ваты? — предложил китаец.

— Простите? — удивился Теодор.

— Сахарная вата, — повторил торговец. — Помните? Выходишь из шатра на солнце и чувствуешь аромат...

— Из какого шатра? — Теодор попятился. Китаец мечтательно закатил глаза.

— Нет, вы не можете отказаться! — он достал из тележки розовое облако на палочке. — Держите!

Китаец вложил вату в руку Теодора и, улыбаясь чему-то своему, поковылял дальше. Теодор с раскрытым ртом смотрел вслед. Цирк пропитывал город — даже уличные торговцы начали сходить с ума. Может, и Агата решила податься в гимнастки? Образ домработницы в блестящем трико, раскачивающейся на трапедии под куполом цирка, подействовал как холодный душ. Теодор чуть не забыл, ради чего вышел из дома!

В утренней газете не нашлось ни строчки об убийстве начальника порта, не говоря уж о списках погибших и пострадавших. Первую полосу занимала статья о слоне в городском парке. Автор совсем не удивлялся появлению животного, зато вздохнул рассказывал, сколько радости слон принес детворе. Теодор швырнул в газету в урну и направился к Морскому вокзалу.

На площади акробаты строили живую пирамиду. Вокруг стояли служащие порта и грузчики со складов. Теодор подошел к стеклянным дверям, но они оказались закрыты. Внутри

виднелись раскуроченные остатки президиума, по полу катались цветные шары, но тел не было. Теодор повернулся к одному из «белых воротничков».

— Где я могу найти списки?

— Списки? — переспросил служащий. — Какие списки?

— Погибших и пострадавших от взрывов.

— Каких взрывов? — удивился клерк. — Надо же, как ловко! Bravo! Бис!

На вершине пирамиды, опираясь на голову усатого крепыша, на одной руке стояла девушка-акробатка. Рыжие волосы развевались на ветру, словно знамя. Понуро опустив голову, Теодор пошел прочь.

До позднего вечера он метался между больницами и клиниками, но не нашел ни следа своей домработницы. Дважды заходил к ее племяннику: в первый раз тот сказал, что понятия не имеет, где Агата; во второй — вышел в клоунском колпаке и захохотал. Теодор убежал.

Солнце спряталось за крышами. Теодор сидел за столиком уличного кафе и изо всех сил старался не смотреть на выступление карликов-мимов. В кафе было почти пусто, лишь за дальним столиком высокая блондинка потягивала текилу. На красивом лице нелепо торчал фиолетовый нос на резинке.

Теодор спрятался за газетой; ему удалось найти выпуск двухдневной давности, где не было ни строчки о цирке. Он читал сухие банковские сводки, постановления, отчеты о проделанной работе — скука цифр и эвфемизмов казалась единственной защитой от безумия мира. Карлики и не думали уходить. Теодор дочитал газету до конца; остался только список прибывших в порт кораблей. Раньше он никогда не читал этот раздел, но сейчас? Теодор впился в газету.

Первым номером значился «Великолепный». Теодор моргнул, еще раз перечитал короткую строчку. Побарабанил пальцами по столу, нервно улыбаясь. Вскочил и направился к порту.

Карлики, перешептываясь, смотрели ему в спину.

Ночь пахла ржавчиной и нефтью. Над портом катилась луна, похожая на огромный желтый глаз. Он хищно выглядел из-за клочковатых облаков, высматривая жертву. Хотелось

бегом броситься домой, забиться под одеяло и не высовывать носа, пока не рассветет.

Маслянистый свет едва проникал в проходы между контейнерами, и Теодор шел практически на ощупь. Под ногами чавкало. Стены железного лабиринта наваливались, сжимали невидимыми тисками. Теодору казалось, что он топчется на месте, а вокруг все движется и меняется, словно в центре огромной китайской головоломки, которую как раз начали собирать. Прямо сейчас кто-то огромный и страшный переставляет контейнеры, будто игрушечные кубики, выстраивает их рядами, подчиняясь сложным правилам неведомой игры. Теодор боялся обернуться и увидеть за спиной сплошную железную стену.

Он шел, ориентируясь на бормотание океана. Лабиринт искажал звуки — берег казался то ближе, то дальше, и определить истинное расстояние было невозможно. Теодор даже не был уверен, что выбрал правильное направление, но убеждал себя, что если пойдет, не сворачивая, рано или поздно выберется к пирсам. Все должно кончиться там, где началось — где он Алису потерял, там и найдет.

Расчет оказался верен. Теодор не заметил, как вышел на причал. Океан встретил порывом ветра и горстью соленых капель в лицо, приводя в чувство. Луна плясала на мелких волнах; от воды поднимался едва заметный пар. Узкий луч маяка пробежал по облакам, расплылся в тумане и погас.

Стоящие на рейде корабли походили на призраков. Ни на одном не горел свет. Теодор пошел вдоль причалов, всматриваясь в изломанные ночью силуэты. Из-под ног метнулось светлое пятно и скрылось, пахнув псиной. Невдалеке мелькнул огонек. Теодор прижал очки к переносице, пытаясь разглядеть, что скрывается за густой темнотой. Снова вспышка — холодный флуоресцентный отблеск. По позвоночнику скользнули мурашки, но Теодор все же шагнул на свет, как рыбка на огонек удильщика.

Корабль стоял у развалившегося причала, у которого, наверное, лет двадцать не швартовалось ни одно судно. Это был «Великолепный». За годы он ничуть не изменился — пузатый пароходик с низкой осадкой и трубой, похожей на бочонок. Выходить на таком в открытый океан было чистым самоубийством.

Трап оказался спущен. Теодор заколебался — вдруг стоит ступить на борт, и корабль погрузится в пучину вод? Может, он и вернулся для того, чтобы забрать его с собой? Теодор потрогал ногой гнилые доски. Сырое дерево отозвалось всхлипом — того и гляди, развалится на части. С фальшборта свисала плеть бурых водорослей. От парохода тянуло сыростью и гниением.

Собрав все мужество, Теодор шагнул на трап. Доски угрожающе стонали, но вскоре он, опираясь на ржавый леер, выбрался на палубу и нерешительно огляделся. Корабль был пуст, лишь в лужице под ногами копошилась пучеглазая каракатица. Дряблое тельце вспыхнуло голубым и тут же погасло. Всего лишь светящийся глубоководный моллюск.

Хотя... Теодор невольно отпрянул. Как каракатица попала на борт? Ведь они живут в океанических впадинах, в царстве вечного холода и мрака. Теодору стало жутко — из каких глубин вернулся «Великолепный», раз привез такого пассажира? И какие чудища скрываются в темных трюмах?

Луна выползла из-за облаков, заливая «Великолепный» серым светом. Теодор быстрым шагом направился к корме. Прошел мимо покосившейся рубки, в которой за задраенными иллюминаторами плескалась вода и шевелились тени. На стене висел разбухший от влаги спасательный круг, обросший гроздьями морских уточек.

Теодор вскарабкался по маленькой лесенке и вышел на бак. Посреди широкой площадки птичьей лапой торчали остатки пляжного зонта, под которыми стоял шезлонг. Сидящая в нем сгорбленная фигура в высоком цилиндре не шевелилась, и Теодор решил, что незнакомец спит.

— Прощу прощения, — окликнул Теодор. Набежавшая волна качнула корабль. Голова человека дернулась, и на Теодора уставились пустые глазницы. Вечная улыбка скелета сверкнула в лунном свете. От неожиданности Теодор взвизгнул.

Человек в кресле был мертв, и мертв давно. Плоть истлела, кости покрывала зеленоватая плесень, и они слабо светились. В руке скелет держал бокал с темной жидкостью.

— Доброй ночи, господин фокусник! — скелет приветственно взмахнул бокалом. — Пришли обсудить гонорар за зав-

трашнее представление? Смею заверить: вы останетесь довольны. В моем цирке все по высшему разряду.

Теодор попятился, задыхаясь от ужаса. Спустя мгновение он неся прочь с проклятого корабля. Он не оборачивался, но был уверен, что слышит за спиной пощелкивание костей, мерное и сухое, как щелчки вентилятора.

Теодор промчался по пирсу и устремился в спасительную темноту лабиринта контейнеров. Оставалось пробежать совсем чуть-чуть, когда он споткнулся о железную балку, замахал руками и упал в лужу. В ноздри ударил запах гнилой воды и мазута.

— Свет!

Фонарь на маяке вспыхнул с невероятной силой. Луч прожектора осветил Теодора, барахтающегося на земле, как упавший на спинку жук. Он поднялся, шурясь от яркого света. Казалось, из темноты на него глядят сотни жаждущих глаз. Несмотря на дрожь в коленях, Теодор невольно поклонился. Он ждал, что сейчас к нему выйдет скелет, но секунды тянулись, а никто не появлялся. Теодор попятился к контейнерам. Луч прожектора пополз следом. Не выдержав, Теодор рванулся и едва успел остановиться, увидев, что ждет его впереди.

В узком проходе возвышалась тумба, и с нее скалил клыки белый тигр. Утробный рык громовым раскатом заметался в железных стенах. Тигр потянулся, выгнув спину, и шагнул к Теодору.

— Рад снова встретиться! — раздалось над головой.

На крыше контейнера стоял Просперо. Лицо дрессировщика тонуло в полумраке, мускулистые руки масляно блестели. Он поигрывал длинным хлыстом.

— Здравствуйте, — прохрипел Теодор.

Тигр обошел его по кругу. Теодор чуть не вывихнул шею, стараясь не упустить животное из вида. У тигра были синие глаза.

— Зигфрид! — Просперо шелкнул кнутом, и зверь, глухо ворча, отступил. — Не бойтесь, он совершенно ручной и своих не трогает. Ведь вы с нами, господин фокусник?

— Простите? — обмяк Теодор.

— Мы слышаны о вашем невероятном номере. Правда, Зигфрид?

Тигр зарычал, соглашаясь.

— Конечно, я с вами! — заискивающе улыбнулся Теодор хищнику.

— Вам будет нужна ассистентка. Могу предложить свою бывшую. Вы знакомы и прекрасно работаетесь. Себе я нашел новую. Госпожа Агата!

Из темноты выступила еще одна фигура. Вечно недовольное лицо Агаты сейчас лучилось таинственностью. Красный костюм сверкал блестками. В руках она держала обруч. Домработница кокетливо улыбнулась Теодору.

— Госпожа Агата, покажите господину фокуснику, чему вы научились.

— С превеликим удовольствием! — томно произнесла Агата.

Она подняла над головой обруч, и на ободке заплясали оранжевые язычки пламени. В центре огненного кольца желтым бельмом висела луна. Агата улыбалась.

— Алле-оп!

Удар хлыста. Зигфрид прыгнул, устремившись к луне, как к мишени. Белая молния прочертила небо. Тигр взмахнул лапой, ударил по светилу, и — Теодор был готов поклясться — на луне появились четыре темные полосы. В ту же секунду Зигфрид приземлился по ту сторону обруча.

— Завтра мы собираемся повторить этот трюк на новом уровне, — Просперо хохотнул. — Но он ни в какое сравнение не идет с вашим номером! А теперь позвольте раскланяться, нас ждут репетиции. Желаем удачи!

Свет погас.

Когда глаза вновь привыкли к темноте, рядом никого не было. Теодор побрел по причалу. Возвращаться домой не хотелось. Что его там ждет? Шляпы, полные кроликов, да порхающие по квартире голуби? Вскоре он нашел вытасенную на берег рыбацкую лодку и забрался под брезент. Лежа на жестких мотках сетей, Теодор думал о завтрашнем затмении.

Его разбудило солнце — время шло к полудню; отвесные лучи проникли под брезент и затанцевали на веках. Теодор потянулся и дернулся, ощутив вместо мягкой постели жесткие

борта. Затекавшее тело ныло, в спину врезалось что-то угловатое, и голова казалась тяжелой, словно пушечное ядро. Он сел, и вчерашний день навалился на него вместе с отсыревшим за ночь брезентом. Теодор испуганно посмотрел на солнце — оно ровно сияло в прозрачном небе. Как Теодор ни старался, он не мог разглядеть признаков затмения. Мелькнула надежда, что все обойдется, и тут же исчезла: порыв ветра принес с набережной карнавалы гул. Город по-прежнему сходил с ума. Теодор выдернул из-под себя что-то жесткое и жалобно вздохнул: в руке оказался старый цилиндр, и не нужно было искать потек желтка, чтобы узнать его. Теодор оглядел себя и обомлел: вместо привычного коричневого костюма на нем оказался невообразимый фрак — алая ткань металлически блестела, пуская веселые зайчики.

Захрустела галька под ногами идущего вдоль берега клоуна. Фигура и походка показались Теодору знакомыми.

— Гораций! — крикнул он.

Клоун оглянулся и расплылся в радостной улыбке. Остановился, поджидая Теодора.

— Гораций... ты... зачем?! — только и смог пропыхтеть тот.

— Ай-ай, — ответил клоун, и жирно намалеванные брови взлетели вверх. — Какая жалость! Вы меня с кем-то спутали, молодой человек.

— Тебе не поможет грим, Гораций, — сердито ответил Теодор. — Перестань валять дурака.

— Грим? Не понимаю, о чем вы, — хихикнул клоун.

Рассвирепев, Теодор схватил его за грудки. Тело Горация неожиданно подалось, как тряпичная кукла. Бессвязно вскрикивая, Теодор подтащил его к воде. Повалил на гальку, сунул лицом в мелкие волны и принялся оттирать краску. Клоун хихикал и подергивался, слабо дрыгая ногами.

— Ай-я-яй, какой сердитый юноша, — пробулькала он.

Теодор оттолкнул его и уселся на землю, обхватив голову руками. Клоун так и остался лежать — он вывернул шею, обратив лицо к Теодору, и посмеивался. Половина рта и один глаз скрывались под водой, щеки по-прежнему покрывали белила, и весело кривился огромный рот — море не смыло грим. Теодор взглянул на промокший рукав — ткань испачкалась краской. Забыв о клоуне, он поднялся и побрел к набережной.

* * *

Цирковая толпа несла Теодора в центр города. Под ногами шуршало — асфальт почти скрылся под слоем растоптанных бумажных цветов и опилок. Пахло карамелью и потом, ванилью и порохом. Машины исчезли с улиц, и все шли, как заблагорассудится, не шарахаясь от ревущего и гудящего железа. На перекрестке жонглировали гантелями силачи в полосатых трико. В небо взлетали гроздья разноцветных воздушных шаров. Люди стекались отовсюду, и было невозможно разобрать, где зрители, а где артисты — каждый готов был выкинуть коленце. Теодор затерялся среди этой оравы. Ради маскировки он иногда взмахивал цилиндром — из него то бил цветочный фонтан, то, потешно подсакивая, выбегал кролик. Теодора хлопали по плечу. Из-под ног вывернулась маленькая девочка и писклявым голосом попросила автограф — Теодор, улыбаясь, извлек из воздуха полосатую ручку, открытку со слоном на шаре и вывел размашистую подпись. Шевельнулась робкая гордость — Элиас не зря пригласил, публика узнает.

Озабоченный униформист с охапкой булав в руках пребольно ткнул Теодора в бок, и он очнулся. Единственный нормальный человек в этом безумии, он должен сохранить здравый смысл. Пожилой матрос с медным кольцом в ухе вдруг подпрыгнул и повис на трапедии вниз головой. Теодор посмотрел вверх и обмер: на солнце быстро напознала тень. Затмение началось.

По толпе прокатился восторженный гул. Люди доставали припасенные заранее закопченные стекла и тут же отбрасывали, смотрели на солнце незащищенными глазами, даже не щурясь. Серебристый серпик мигнул и погас, проглоченный тенью. На город опустились призрачные сумерки; с моря налетел порыв холодного ветра, и пахло гнилыми водорослями. По небу покатилося колесо солнечной короны. Тяжко толкнулось сердце, будто придавленное огромной ногой, и сквозь гомон толпы и визгливый смех клоунов Теодор расслышал глухие удары, словно швыряли на асфальт мешки с опилками. Задребезжали окна. От мягкой и тяжелой поступи заложило уши, и из сумрачного переулка выдвинулся слон.

Крутой лоб, прикрытый мишурой и бархатом, плыл вровень с третьими этажами. На спине покачивался красно-зеленый паланкин. Шторы отдернулись, и на макушку слона выпрыгнул Элиас Шангале. Долговязая фигура ни капли не походила на скелет, лишь в движениях шпрыхсталмейстера проскальзывала угловатая разболтанность. Слон пронзительно затрубил, и улицу захлестнули аплодисменты. Элиас вскинул руки.

— Вот и мы, уважаемая публика, вот и мы! — в руках Элиаса не было мегафона, но его звучный голос легко заглушил шум. — Наш цирк вернулся, чтобы дать самое грандиозное представление в мире — для вас, дорогие зрители!

Ему ответили вопли восторга и свист. Теодор вдруг понял, что кричит и хлопает вместе со всеми, орет во все горло, размахивая шляпой. Он испуганно замолчал. Цирк вцепился в него, как гигантский спрут: Теодор отсекал щупальца наваждения, но взамен появлялись новые, затягивая во всеобщее безумие. А может, не надо сопротивляться? За что он держится? За пустую квартиру, мерзкую овсянку да остывший суп? А здесь его все любят, здесь кипит настоящая жизнь, полная чудес и волшебства...

Теодор встретился взглядом с шпрыхсталмейстером. Элиас улыбался — широко и чуть снисходительно. Он поклонился Теодору и обвел рукой веселящуюся толпу, приглашая присоединиться. Вспыхнула римская свеча. Лицо Элиаса исчезло за веером цветных искр, но в последний момент Теодор успел увидеть оскаленную ухмылку скелета.

Неслышно подошел Просперо, поигрывая хлыстом. За его спиной стояла Агата с обручами.

— Вот она, наша цель! — дрессировщик вскинул хлыст, указывая на солнце. — Мои тигры будут первыми, кто прыгнет сквозь этот обруч!

Теодор посмотрел на пылающее в небе огненное кольцо. Просперо выбрал лучшую мишень; это действительно величайшее представление в мире. Безумие прервется лишь с первыми лучами — но солнце не спешило выходить из тени, и Теодор с ужасом понял: затмение будет длиться столько, сколько нужно для шоу.

Сверху грянул хриплый рев. Над входом в Морской Банк сидел белый тигр. Просперо щелкнул бичом, снова прокатил-

ся рык — еще два хищника сжались в пружины на козырьке подъезда в доме напротив. В воздухе вспыхнули огненные круги, тигры прыгнули навстречу друг другу, и над толпой поплыл запах паленой шерсти. Громадные звери метались над улицей в диком танце; Агата швыряла все новые и новые обручи, пока тигры и огонь не слились в единое целое.

Новый шелчок бича — обручи рухнули на асфальт и погасли. В небе остался лишь серебристый солнечный ободок. Пробежали лучи прожекторов, в охватившей улицу тишине раздалась барабанная дробь — и прервалась выкриком Просперо. Три тигра молниями взмыли в небо. Теодор явственно, словно в замедленной киносъемке, увидел, как тигриные морды впиваются в лунную тень. Дрогнули ставшие отчетливыми протуберанцы, по толпе пронесся протяжный вздох, и тигры пронзили солнечную корону насквозь.

— А теперь наш главный номер! — разнесся над улицей голос Элиаса. Теодор вдруг понял, что должно произойти дальше. Сердце ушло в пятки; он пригнулся и, пихаясь локтями, начал пробиваться сквозь толпу в подворотню.

— Позвольте, — бормотал он, — извините... я страшно спешу.

Хлопнула петарда, и взмокшее лицо облепили кружочки конфетти. Перед глазами заплясала раскрашенная физиономия клоуна и с хохотом провалилась в темноту. Теодор лез вперед, не обращая внимания на оттоптанные ноги. Спасительный проулок был совсем близко, но толпа отхлынула, и Теодор оказался в центре пустого, ярко освещенного круга. Толстый слой опилок пружинил под ногами, и от этого тоскливо тянуло в коленях. Теодор понял, что стоит на арене — одинокий и беспомощный под взглядами нетерпеливой публики. А ведь он так толком и не репетировал, да еще и растерял в давке весь реквизит. От ужаса засосало под ложечкой — перед мысленным взором встало укоризненное лицо Элиаса, слезы Алисы... Он, Великолепный Теодор, не может провалиться! Лучшие иллюзионисты мира обходились без всяких инструментов, чем он хуже? Горячая щекотка куража овладела Теодором.

Он взмахнул цилиндром, и из раструба вырвался шлейф ярких бабочек. Они закружились над головой; Теодор шелк-

нул пальцами, и бабочки осыпались облачком конфетти. Толпа взревела от восторга. Теодор поклонился. Между пальцев вспыхивали крошечные искорки, словно его окутало мощнейшее электрическое поле. Теодор достал изо рта яйцо, показал его зрителям и раздавил в кулаке. Когда он разжал ладонь, на палец прыгнула желтая канарейка.

— А сейчас номер, которого мы все так ждем! Великолепный Теодор и полет на Солнце! — загремел шпрыхштальмейстер.

В центре манежа возникла пузатая пушка, сверкающая медью. Короткий ствол целился в застывший обруч солнца. Из дула торчал плотно обмотанный корабельным канатом толстяк в колпаке с помпоном — виднелись только голова и плечи. Багровая лысина потно блестела. Толстяк замычал, и на Теодора повеяло бумажной пылью — будто он вновь оказался в офисе, погребенный под квитанциями и счетами. Он рефлекторно сорвал с головы цилиндр и поклонился.

— Извините, господин директор, — прошептал он, — что вы здесь делаете?

Банкир снова застонал. Его рот был заткнут жонглерским мячиком. Теодор бочком подскочил к пушке, торопясь вытащить кляп, и остановился, счастливо улыбаясь: на арену гимнастическим шагом вылетела Алиса. В ее руке шипел и трещал огромный бенгальский огонь. Алиса изящно раскланялась и протянула его Теодору. Тот недоуменно принял свечу. Присмотрелся к пушке — из нее торчал бикфордов шнур. Банкир закричал сквозь кляп; щеки стали сизыми от напряжения, глаза безумно ворочались. В глазах Алисы мелькнуло нетерпение.

— Ты же всегда мечтал это сделать, — шепнула она.

— Я... — замялся Теодор. Разве этого он хотел?

— Чего ты ждешь? Твои мечты перед тобой — протяни руку и возьми. В моем цирке все по высшему разряду!

— Но это же живой человек!

— Такая маленькая цена! Посмотри на эту жирную рожу — кто он такой? Мешок, набитый деньгами. Пустышка. Тень.

Алиса обняла Теодора за шею.

— Теперь все будет хорошо! — зашептала она ему на ухо. — Навсегда! Целый мир лежит перед нами...

Из толпы вышла белая собака в гофрированном воротнике.

— Дайте монетку, монетку для глаз! Алиса подтолкнула Теодора к пушке.

— Твой ход! Сделай же это! Ради меня...

Теодор шагнул вперед. Рука застыла над фитилем. Бенгальский огонь разгорелся ярче, колючие искры щипали кожу. Теодор взглянул на дрожащее лицо банкира. По щекам толстяка катились слезы. Он умоляюще затряс головой.

— Монетку для глаз...

Нет, не тень, не пустышка?

Теодор повернулся к публике. Копперфилд как-то заставил исчезнуть товарный поезд — а кто такой Копперфилд по сравнению с ним?

— Номер называется «Исчезающие предметы», — голос не дрожал. — Сейчас на ваших глазах исчезнет...

Он выдержал драматическую паузу.

— Мешок с деньгами! — ухнула толпа.

— Цирк!

Слон угрожающе затрубил. Элиас вскочил на ноги. От элегантного шпрыхшталмейстера не осталось и следа — на спине слона дергался скелет.

— Не смей! — завизжала Алиса.

— Дайте монетку...

Теодор печально улыбнулся и взмахнул плащом. Мир исчез за всплеском красной ткани. Теодор поднял цилиндр, накрыл его полой, и стало тихо. Ни криков, ни аплодисментов, ни рева животных... Слыша лишь глухие удары собственного сердца, Теодор сдернул с цилиндра покрывало плаща. Шляпа была пуста.

Теодор огляделся. Не осталось ни чудовищного шпрыхшталмейстера, ни Просперо с его тиграми, ни говорящей собаки, ни Алисы. Вокруг стояли растерянные люди. Обычные клерки, зачем-то вырядившиеся в карнавальные костюмы.

Луна дернулась, и небо перечертил тонкий серп солнца.

— Смотрите, затмение! — крикнул кто-то, и ему ответили возгласы удивления.

Теодор повертел в руках цилиндр, грустно усмехнулся и надел на голову. Повернулся к хлюпающему носом директо-

ру банка, присел на корточки и принялся снимать тугие веревки.

— Господин Теодор! — раздалось за спиной. — Господин Теодор!

Он обернулся. К нему, шатаясь, шла Агата — красное трико болталось нелепыми складками. Теодор освободил руки банкира, поднялся и шагнул навстречу. Агата остановилась и неодобрительно оглядела Теодора с ног до головы.

— Вам не кажется, что красный фрак — это немного эксцентрично? — спросила она и разрыдалась. Теодор обнял ее за острые плечи.

— Пойдемте домой, Агата, — устало сказал он. — Пойдемте домой. Вам надо выпить успокоительных капель.

Он взял ее под руку и поправил цилиндр.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Владимир Березин
ГАРМОНИЯ

Гамулин пил второй день — вдумчиво и с расстановкой. В местном баре обнаружился неплохой выбор травяных настоек, и Гамулин, не повторяясь, изучал их по очереди. Он ненавидел пиво и вино, любой напиток малой крепости был для него стыдным — а тут наступило раздолье. Тминная настойка, настойка черешневая и липовая, а также водка укропная и водка, настоящая на белом хрене, перемещались из-за спины бармена на стойку.

Стаканы были разноцветны: зелёный — в тон укропной, красный — для черешневой, желтоватый — для тминной... Остальные он не помнил.

Съёмочная группа выбирала натуру — уже неделю они колесили по Центральной Европе, готовясь к съёмкам фильма о Великом Композиторе. Здесь, в городе, где родился Композитор, их и застали дожди. В небе распахнулись шлюзы, и вода ровным потоком полилась на землю.

Машина буксовала в местной грязи, похожей на родной чернозём, съёмочный фургон сломался по дороге, а шофёр пропал в недрах местного автосервиса. В довершение ко всему вся киноплёнка оказалось испорчена — из бобин потекла мутная пластиковая жижа, будто туда залили кислоты.

Теперь Гамулин второй день ждал режиссера в гостинице.

Композитор строго смотрел на него со стены, держа в руках волынку. Или не волынку — что это был за инструмент, Гамулин никак не мог понять. Могло показаться, что на картине не знаменитый Композитор, а продавец музыкального магазина — за его спиной висели скрипки, стояло странное сооружение, похожее на гигантский клавесин, и горели organ-ные трубы.

У Гамулина тоже горели трубы — медленным алхимическим огнём. Он давно приметил мутную бутылку с высокомолекулярным (слово напоминало тест на трезвость) соединени-

ем и упросил хозяйку откупорить. Виноградная водка огненным ручьём сбежала по горлу.

Гамулин мог достать всё — однажды, на съёмках в Монголии, он нашёл подбитый семьдесят лет назад советский танк и, починив, пригнал на съёмочную площадку. В сухом воздухе пустыни танк сохранился так хорошо, что многие считали, что он просто сделан реквизиторами по старым чертежам.

Посреди города Парижа, на Монмартре, он достал живого козла для съёмок фильма «Пастушка и семь гномов». Для сериала «Красная шапочка и дальнобойщики» он выписал из австралийского цирка волка, понимающего человеческую речь. Друзья по его просьбе печатали паспорта и удостоверения, которые были лучше настоящих.

Сейчас Гамулину велели договориться о натурной съёмке в Музыкальном музее. И он не сделал за два дня того, что делал раньше за час.

Он был похож на печального землемера из странного романа, который всё никак не мог подняться в замок и застрял в деревенской харчевне. Музей и вправду был похож на замок, что был страшен с виду и сам напоминал декорацию. Это здание, плод фантазии самого стареющего Композитора, свело исполнительного архитектора в могилу. Теперь Гамулин глядел в окно, на то, как четыре высокие башни кололи низкие тучи, а между ними плясали сумасшедшие гномы — кто с лопатой, а кто с кайлом. Но нет, конечно, это были не гномы — вместо горгулий по стенам торчали музыканты со своими лютями, дудками и шарманками.

В полдень они оставались недвижны, а в полночь начинали приплясывать, приводимые в действие старинным часовым механизмом.

Гамулин звонил в музей, стучал в железные ворота древней колотушкой, но всё было без толку. Местные жители смотрели на него, как на чумного, уверяя, что музей не работает со времён падения Варшавского договора.

Хозяйка гостиницы, персонаж вполне итальянского извода — толстая, пучеглазая (кто-то сказал, что это душа её рвётся наружу), — раздражала Гамулина. То, что всегда служило ему бесплатным источником всех местных тайн и подробно-

стей, оказалось досадной помехой. Хозяйка была русской — вот в чём было дело. Она вышла замуж за иностранного студента, превратив его из супруга в средство передвижения, и встала за эту стойку лет пятнадцать назад. Муж умер (скоротечный рак, страховка, детей не было), и вот провинциальная барышня, ставшая на чужбине почти шароподобной, крутила ручки пивных кранов.

Такие люди бывают двух сортов — они либо радуются земляку, либо хотят ему доказать, что их выбор тогда, много лет назад, был верен. Хозяйка была из вторых, и Гамулину приходилось заказывать чуть больше, чтобы она не лезла со своими разговорами.

Композитора он, кстати, тоже возненавидел — вместе с будущим фильмом. Старый музыкант много шалил в юности, потом стал злым гением короля и даже, по слухам, отравил своего лучшего друга.

В знак протеста его музыка не исполнялась нигде — существовал молчаливый (в буквальном смысле) заговор музыкантов. Но в новом кинематографическом шедевре Композитор должен был воскреснуть спустя двести лет, переродиться и в новой жизни, колеся по Европе, спасать евреев от нацистов — никуда не деться, таково было условие продюсеров.

Но замок был закрыт, плёнка оказалась бракованной, и съёмки откладывались.

Теперь Гамулин напоминал себе советского разведчика, что, напившись, будет петь протяжные песни у камина — он даже забрал из реквизита гармонь и решил перенести её к себе в комнату.

Надо было взять инструмент и уходить. День стремительно растворялся в дожде, но вдруг к Гамулину пристал местный сумасшедший цыган Комодан. Комодан говорил на всех языках мира, причём одновременно. Вчера от него удалось избавиться, вложив немного денег в его грязную ладонь, но сейчас этот фокус не прошёл.

Как и все сумасшедшие, этот шептал о спасении мира. Мир клекотал в гортани цыгана, как поток в водосточной трубе.

Но Гамулин был не лыком шит — чужая речь удивительно хорошо фильтровалась тминной настойкой, настойкой черешневой и липовой, а также водкой укропной и водкой, настоянной на белом хрене.

Одно только заставило Гамулина вздрогнуть: цыган вдруг потребовал ехать в замок — прямо сейчас.

При этом Комодан крутил на пальце огромный ключ — и Гамулин сообразил, что это шанс. Подустав, сумасшедший пьяница бормотал уже невнятно, и Гамулин брезгливо снял его руку со своего плеча:

— Ша, тишина на площадке! Поедем сейчас.

Чтобы не возвращаться в свой номер, он понёс футляр с гармонью на плече.

Они вышли на улицу — дождь не прекратился, а завис в воздухе. Цыган бежал впереди, раздвигая плечом водяную пыль, а Гамулин шёл за ним как матрос, враскачку — медленно, но верно.

Ключ вошёл в железную дверь замка легко и беззвучно, и она отворилась так же неожиданно тихо. Гамулин, впрочем, решил про себя, что лязг и скрежет сделает звуковик. «Снимать, конечно, нужно только в замке. Лучше, конечно, в подвалах», — подумал он.

Он мог бы сам снимать фильмы, да только это ему было незначем. Гармонии в этом не было. Гармония была у него за плечом, в большом коробе.

Коридор был гулок и пуст — они шли мимо портретов великих музыкантов прошлого. Из них Гамулин узнал только пухлощёкого немца в белом парике.

Кто-то запищал под полом, а может, в полости стен.

— Крысы? — спросил Гамулин.

— Здесь нет крыс, — ответил цыган неожиданно сурово. — Здесь никогда не было крыс, но всегда было много разных зверей. В подвале держали пардуса, а говорят, композитор перед смертью купил крокодила. Но теперь — другое. В таких домах всегда живут хомяки или сурки — это обязательно.

— Почему сурки? — спросил Гамулин, но ответа не получил.

Звуки приближались.

— Мы почти пришли, господин, — сказал цыган, и Гамулин поразился этой перемене. Комодан зачем-то засунул себе в нос две бумажные упаковки сахара, украденные из бара, и стал похож на безумного персонажа чёрной комедии. Походка его тоже изменилась, и цыган приплясывал, как человек, который никак не может добежать до туалета.

Комодан отворил дверь в залу и пропустил Гамулина вперёд. Гамулин перекинул ремень короба через плечо и шагнул через высокий порог.

Вдруг резкий удар обрушился на его голову, и всё померкло.

Он обнаружил себя висющим, как космонавт, — в крутящемся колесе. Он привязан в неудобной позе к ободам странной стальной карусели, стоящей вертикально посреди огромного зала.

Ноги и руки его торчали из зажимов на ободке. Вокруг в проволочных лабораторных клетках сидели несколько зверьков и тарашили на него глаза-бусинки.

— Чё за херня? — спросил он угрюмо в пустоту перед собой. Из-за его спины вышел незнакомый человек, можно сказать, коротышка. Повернувшись куда-то в сторону, коротышка спросил:

— А он точно музыкант?

— Да, господин Монстрикоз. Он даже пришёл с инструментом... — прозвучал голос цыгана, — инструмент в чехле.

Гамулин не стал вступать в разговор и разочаровывать карлика. Он справедливо рассудил, что от этого может быть только хуже.

— А это что? — спросил Гамулин недоумённо, мотнув головой. Указать рукой вокруг было невозможно. Хотя он не обращался ни к кому конкретно, ответил карлик:

— Это — идеальный инструмент. Иначе говоря, генератор переменной частоты. — Карлик вместе с цыганом прилаживал какие-то провода к машине и, не прерывая этого занятия, продолжил: — Мне, как злодею, позволительно поболтать перед началом Великого Делания. Именно Делания — впрочем, такая мелочь, как превращение ртути в золото и обратно,

меня не интересует. Вчера я разложил вино на простые составляющие, упростил несколько изображений, и ещё кое-что по мелочи. Почему-то обратные гармонии лучше всего действует на фотоплёнку... Но тогда у Инструмента ещё не было центральной части, а теперь Комодан нашёл тебя, и я доведу его до совершенства.

Настойка тминная заспорила внутри Гамулина с водкой укропной, и он подумал, не заснуть ли ему, — это был хороший способ решения подобных проблем. При пробуждении, впрочем, появлялись другие проблемы, не менее серьёзные, и ужасно болела голова, но дурацкие карлики всегда исчезали. И гномы — тоже.

Заснуть, однако, не выходило, хотя голова уже валилась на грудь, а карлик всё говорил и говорил:

— Вы знаете, любезный иностранец, отчего не исполняется музыка Композитора? Многие дураки до сих пор считают, что это месье поклонников его знаменитого друга. Глупость! Чепуха! Друг, конечно, был талантлив, но глуп, а музыка его — слащава. Наш же герой, строитель этих стен, знаток гармоний и властелин звуков, был настоящий гений! Он был гениальнее этого изнеженного выскочки в сто, в тысячу раз! И он дошёл до тех высот, какие тому и не снились, — и вот, на краю мироздания он создал Великую Гармонику.

— Чё? — тминная и укропная уступили место черешневой и липовой, и Гамулин резко выдохнул.

— Я же говорю, это особый музыкальный инструмент, в котором сочетаются звуки всех инструментов мира.

— Мира... — как эхо отозвался Гамулин.

— По внутренним его колёсам бегут десять хомяков, восемь кошек сидят в специальных камерах и мяукают в такт ударам стальных игл, шесть соловьёв поют в клетках, а в центре этого находятся органые трубы, синхронизирующие звук. И вам повезло, мой незнакомый друг, — вы станете главной частью механизма.

— Это поэтому я похож на цыпленка табака? — злобно сказал Гамулин.

— Почему цыплёнок? Вы что, не видели знаменитого чертежа Леонардо? В процессе музицирования вы будете олицетворять гармонию человека.

Гамулин как-то понимал под гармонией совсем не то, никакого знаменитого чертежа никакого Леонардо в глаза не видел, но в его положении выбирать собеседников не приходилось.

— И что? Спляшем, Пегги, спляшем? Ну, сыграем, а дальше-то что?

— Дальше — ничего. Потому что наш инструмент, Великая Гармоника, обладает особым свойством: если играть на нём музыку, что сочинил отравленный юнец, в мире нарастает сложность. Если же, наоборот... Наш мёртвый хозяин, музыкальный чародей, открыл закон движения гармонии — от звуков этого инструмента мельчайшие частицы вещества могут вибрировать и образовывать новые гармонические связи. Но если инструмент переключить на обратный ход, то он заиграет не музыку глупого юнца, а сочинения нашего гения. Всё гениальное просто — это одна и та же музыка. Только проигранная задом наперёд. Хотя кто знает, где тут перёд, а где — зад. Мы с вами будем свидетелями, как все цепочки связей и излишне сложные соединения начнут распадаться. Мир станет прост и чётко.

Сначала процесс пойдёт медленно, но потом распространится — мир покатится по этой дороге, стремительно набирая обороты.

— Вот радость-то, — мрачно отметил Гамулин. — И спирт тоже?

— Что — спирт?

— Спирт тоже должен распасться?

— Дурак! При чём тут спирт... Хотя да, и спирт. Но тебе остаётся радоваться — ты увидишь великий праздник упрощения мира, понимая, в отличие от профанов, что происходит...

— Мы на «ты» перешли, что ли? На брудершафт не пили.

— Дурак! Дурак! Не об этом! Мир изменится — он станет строг и прям, в нём не останется места сложности. Чёрное всегда будет чёрным, а белое — белым. Гармония будет нулевой, то есть — полной, и цветущая сложность сменится вечной простотой.

— И что?

— И всё.

Гамулин вздохнул. Он понял не много, но то, что он понял, описывалось коротким русским словом. И этот конец был близок.

— Ну, дай сыграть-то перед смертью? — попросил Гамулин. — Недолго уж.

Директор музея несколько успокоился и вежливой горошиной «вы» снова вкатилось в его речь.

— Умирать, положим, вы будете очень долго. Или жить — мы все будем жить довольно долго, наблюдая приход Великой Простоты. А развязать я вас не могу.

— Да не развязывай. Мне одной руки хватит. Дай только гармонь мою.

— А это что? Что? Что? — закричал карлик.

— Гармонь. Русскому человеку без гармонии никак нельзя. Вон в коробе у стола стоит.

— А, аккордеон? — Карлик нагнулся.

Гамулин опять не стал его поправлять и принял гармонь освобождённой от ремennого зажима рукой. Он расправил меха, и первый звук гармонии заставил вздрогнуть карлика. Задрожал и музыкальный Пластификатор.

Что-то шло не по плану.

Гамулин повис на ремнях, как висели на своих костылях инвалиды в электричках. Чёрта с два он мог забыть этих инвалидов, что пели «Московских окон негасимый свет», а когда в вагоне публика была попроще, то «Я был батальонный разведчик, а он писаришка штабной». Теперь было понятно, почему они держали гармонь именно так и отчего становились в грязном проходе между скамьями гармоничнее любой статуи у Дома культуры в Салтыковке. Он прикрыл глаза и завёл:

— Раскинулось море широко-о-о...

Ухнуло что-то в органных трубах, а хомяки встали на задние лапы.

— И волны бушуют вдали-и-и... — продолжил Гамулин.

Завыли кошки — тонко и жалобно. Органные трубы издали печальный канализационный звук и вдруг с треском покосились.

Гамулин обращался к безвестному товарищу, с которым был в странствии, с которым вдали от дома, посреди чужой земли и воды делил краюху хлеба.

Он выдыхал то, что было раньше настойкой тминной, настойкой черешневой и липовой, а также водкой укропной и водкой, настоянной на белом хрене. Голова прояснялась, и боль в затылке прошла.

А Гамулин играл и играл — корчился перед ним карлик, дрожал музыкальный Пластификатор, и лилась песня.

Он вел её дальше — и уж хватался кочегар за сердце, подгибались его ноги и прижималась чумакая щека к доскам палубы.

Ослепительный свет озарял кочегара, нестерпимый свет возник и в зале — это лопнула какая-то колба внутри зловещего инструмента и вольтова дуга на секунду сделала всё неразличимым.

Но Гамулин не видел этого — он давно закрыл глаза, и песня вела его за собой. Угрюмые морские братья, осторожно ступая, поднимались из машинного отделения с последним подарком — ржавым тяжёлым железом в руках. Корабельный священник жался к переборке... Жизнь кончалась — она была сложна и трудна, но кончалась просто. Всё соединялось — жар печи, плеск волн и негасимый свет.

Наконец Гамулин завершил песню — устало, будто зодчий, завершивший строительство своего собора.

В комнате давно было тихо. Хомяки и коты разбежались, чирикала птица под высоким сводчатым потолком. Потрескивало что-то в разрушенном агрегате. Ремни ослабли, и Гамулин легко выпутался из них — никого вокруг не было.

Там, где лежал карлик, осталась неаппетитная лужа, как после старого пьяницы. Цыгана и след простыл.

Гамулин брёл по пыльным комнатам, волоча за собой гармонь как автомат — будто советский солдат по подвалам рейхсканцелярии.

Группа приехала на следующий день, и начались съёмки. Товарищи Гамулина привезли новую плёнку и голоногих актрис. Но и новый запас часто шёл в брак: сыпалась основа, превращаясь в пыль и труху. Это происходило постоянно — явно кто-то нагрел на контракте руки. Тогда звали Гамулина с его гармонью. Странное дело — несколько дней подряд после

того, как он рвал душу протяжными песнями, неполадок с камерами и плёнкой не было.

Но и тогда съёмки всё равно не шли — все, начиная с режиссёра и заканчивая последним осветителем, пили черешневую и вишнёвую вкупе с укропной и тминной прямо на съёмочной площадке. Актёры пили и плакали; размазывая слёзы по гриму. Как было не пить, когда напрасно старушка ждёт сына домой и пропадает где-то вдали след от корабельных винтов.

СОДЕРЖАНИЕ

РАСТЕНИЯ

Зеленый палец	6
Зуб за зуб	19
Кукуруза, пережаренная с мясом	27

БЕСПОЗВОНОЧНЫЕ

Тяжесть рыб	32
Отрицательные крабы	42
Скрепки	78

РЫБЫ

Карпы в мутной воде	124
Покупатель камней	138
Рыба-говорец	159
Над бездной вод	164
Минтай	187
Круги на воде	201

РЕПТИЛИИ И АМФИБИИ

Последняя песня Земли	224
Настоящий космический цирк-шапито	241

ПТИЦЫ

Корм для пеликанов	252
Смеющийся	262
Локатор	270

ЗВЕРИ

Вся королевская конница	280
Жираф в шарфе	309
Жемчуг по крови	323
Отдай моих тигров!	355
Затмение	360

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Гармония	401
----------------	-----

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

В Москве:

- м. «ВДНХ», г. Мытищи, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL-2», т. (495) 641-22-89
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (499) 267-72-15
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Маяковская», ул. 1-ая Тверская-Ямская, д. 8, т. (495) 251-97-16
- м. «Менделеевская», ул. Новослободская, д. 26, т. (495) 251-02-96
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, стр. 1, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, т. (495) 306-18-97
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, к. 1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15/1, т. (495) 977-74-44
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Шаришное», ул. Луганская, д. 7, к. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шукинская», ТРК «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, т. (495) 229-97-40
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская площадь, д. 1

В регионах:

- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Екатеринбург, ТРК «Парк Хаус», ул. Сулимова, д. 50, т. (343) 216-55-02
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 71-85-64
- г. Краснодар, ТЦ «Красная площадь», ул. Дзержинского, д. 100, т. (861) 210-41-60
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- г. Новосибирск, ТЦ «Мега», ул. Ватутина, д. 107, т. (383) 230-12-91
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ТЦ «7 пятниц», ул. Революции, д. 60/1, т. (342) 233-40-49
- г. Ростов-на-Дону, ТЦ «Мега», Новочеркаское ш., д. 33, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, корп. 1, ТЦ «Виктория Плаза», т. (4912) 95-72-11
- г. Санкт-Петербург, Лиговский пр-т, д. 185, т. (812) 766-22-88
- г. Самара, ТЦ «Космопорт», ул. Дыбенко, д. 30, т. 8(908) 374-19-60
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Уфа, пр. Октября, д. 26-40, ТРЦ «Семья», т. (3472) 293-62-88
- г. Чебоксары, ТЦ «Мега Молл», ул. Калинина, д. 105а, т. (8352) 28-12-59
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88а, т. (8202) 53-61-22

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой» или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

ЧИТАТЕЛИ – ПИСАТЕЛЯМ

Издательство АСТ и писатели российского ПЕН-центра открывают благотворительную Программу помощи писателям, находящимся в тяжелом, а подчас и бедственном положении.

Среди них авторы известных стихов, пьес, прозы – писатели – участники Великой Отечественной войны, люди, выжившие в лагерях уничтожения, нуждающиеся в лечении.

ИМ ОЧЕНЬ НУЖНА ВАША ПОМОЩЬ!

**Вы можете помочь нуждающимся писателям,
перечислив свой взнос на счет программы:**

Благотворительный фонд «Тепло сердец»

ИНН 7701359136 КПП 770101001

Р/с: 40703810000000001562

Банк получателя: ОАО «ТрансКредитБанк»

БИК: 044525562

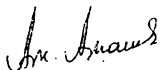
К/с: 30101810600000000562

Назначение платежа: Целевое пожертвование на благотворительную программу
«Помощь писателям»

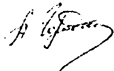
Более подробную информацию о Программе, а также полную информацию о поступивших и использованных средствах вы можете узнать на сайте
<http://www.teploserdec.ru>

Члены Исполкома российского ПЕН-центра:

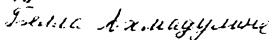
Аркадий Арканов

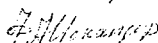
Александр Городницкий

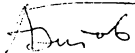
Белла Ахмадулина

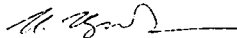
Фазиль Искандер

Андрей Битов

Игорь Иртеньев

Зоя Богуславская

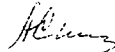
Юнна Мориц

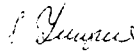
Андрей Вознесенский

Алексей Симонов

Людмила Улицкая

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, т. (495) 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-45-86
- м. «Алтуфьево», Дмитровское ш., д. 163 А, ТРЦ «РИО»
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0, т. (495) 406-92-65
- м. «ВДНХ», г. Мытиши, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «ХЛ - 2», т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, корп. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, корп. 1, т. (495) 413-24-34, доб. 31
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская»/«Таганская», Бол. Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Маяковская», ул. 1-ая Тверская-Ямская, д. 8, т. (495) 251-97-16
- м. «Менделеевская»/«Новослободская», ул. Новослободская, д. 26, т. (495) 251-02-96
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, стр. 1, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, т. (495) 306-18-97
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «ХЛ», Дмитровское ш., д. 89, т. (495) 783-97-08
- м. «Пражская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пražский Пассаж», т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Бол. Черкизовская, д. 2, корп. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, корп. 1, 3-й этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый стан», Новоясеневский пр-т., вл. 1, ТРЦ «Принц Плаза»
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15, корп. 1, т. (495) 977-74-44
- м. «Тульская», ул. Большая Тульская, д. 13, ТЦ «Ереван Плаза», т. (495) 542-55-38
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Шелковская», ул. Уральская, д. 2
- м. «Шукинская», ул. Шукинская, вл. 42, ТРК «Шука», т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солцевский пр-т., д. 21, ТЦ «Столица», т. (495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, ТЦ «Эдельвейс»
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская площадь, д. 1
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», т. (496)(24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская площадь, д. 3, Дом Торговли, т. (496)(61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32А, ТЦ «Счастливая семья»
- М.О., г. Электросталь, ул. Ленина, д. 010, ТЦ «Эльград»

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 65-00-95
- Белгород, Народный б-р, д. 82, т. (4722) 32-53-26
- Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Сулимова, д. 50, ТРК «Парк Хаус», т. (343) 216-55-02
- Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», т. (3412) 90-38-31
- Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 71-85-64
- Краснодар, ул. Дзержинского, д. 100, ТЦ «Красная площадь», т. (861) 210-41-60
- Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- Курган, ул. Гоголя, д. 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Радищева, д. 86, т. (4712) 56-70-74
- Курск, ул. Ленина, д. 11, т. (4712) 70-18-42
- Липецк, пл. Коммунальная, д. 3, т. (4742) 22-27-16
- Мурманск, пр-т Ленина, д. 53, т. (8152) 47-20-43
- Новосибирск, ул. Ватутина, д. 107, ТЦ «Мега», т. (383) 230-12-91
- Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», т. (8412) 20-80-35
- Пермь, ул. Революции, д. 60/1, ТЦ «7 пятниц», т. (342) 233-40-49
- Ростов-на-Дону, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», т. (863) 265-83-34
- Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, корп. 1, ТЦ «Виктория Плаза», т. (4912) 95-72-11
- Самара, ул. Дыбенко, д. 30, ТЦ «Космопорт», т. 8-908-374-19-60
- Санкт-Петербург, Гражданский пр-т, д. 41, ТЦ «Академический», т. (812) 380-17-84
- Санкт-Петербург, ул. Чернышевская, д. 11/57, т. (812) 273-44-13
- Санкт-Петербург, Лиговский пр-т, д. 185, т. (812) 766-22-88
- Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-53-11
- Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- Тюмень, ул. М. Горького, д. 44, стр. 4, ТРЦ «Гудвин», т. (3452) 79-05-13
- Уфа, пр. Октября, д. 26-40, ТРЦ «Семья», т. (3472) 293-62-88
- Чебоксары, ТЦ «Мега Молл», ул. Калинина, д. 105а, т. (8352) 28-12-59
- Череповец, Советский пр-т, д. 88а, т. (8202) 53-61-22
- Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Колодан Дмитрий, Шаинян Карина

Жизнь чудовищ

Фантастические рассказы

Редактор Н.М. Снницына

Художественный редактор О.Н. Адашкина

Компьютерная верстка: В.Е. Кудымов

Технический редактор О.В. Панкрашина

Младший редактор Н.В. Дмитриева

Общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение

№ 77.99.60.953.Д.009937.09.08 от 15.09.08 г.

ООО «Издательство АСТ»

141100, Россия, Московская обл., г. Шелково, ул. Заречная, д. 96

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг

ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»

129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

Издано при участии ООО «Харвест». ЛИ № 02330/0150205 от 30.04.2004.

Республика Беларусь, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

E-mail редакции: harvest@anitex.by

Республиканское унитарное предприятие

«Издательство «Белорусский Дом печати».

ЛП № 02330/0131528 от 30.04.2004.

Пр. Независимости, 79, 220013, Минск.

3П Жизнь чудовищ
Колодан Дмитрий
Цена(руб) 90.00
2 031050 500026

Эта книга — опасное и увлекательное путешествие в невероятный мир, населенный гигантскими кальмарами и чудовищными рыбами, птицами-призраками и растениями-людоедами, зловещими крабами и фантастическими рептилиями. Это — реальная жизнь чудовищ. Сборник удивительных историй от самых интересных авторов новой волны российской фантастики.

Л А Б И Р И Н Т
З В Е З Д Н Ы Й